СОЧИНЕНИЯ

И. А. КРЫЛОВА

38.20.9.25

Внимание!
стр 147-192
вклеены дважды.

И. А. Крыловъ.

Рисунокъ П. Оленина (1824).

(Фототипія съ гравюры.)

Сочиненія

И. А. Крылова.

Томъ второй.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Л30 Б-1/12-2

Л30 Б-1/12-2

Полное собраніе сочиненій

И. А. Крылова.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ второй.

Драматическія сочиненія. „Почта духовъ“ (ч. I и II).

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“.
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

18 96
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

Предисловіе.

Во второй томъ нашего изданія вошли піесы, которыхъ нельзя было (по типографскимъ условіямъ) помѣстить въ первый томъ, и I и II ч. „Почты духовъ“.

На основаніи соображеній, указанныхъ въ особой вступительной замѣткѣ, мы сочли нужнымъ перепечатать весь этотъ журналъ. Текстъ второго изданія, положенный нами въ основу, почти ничѣмъ, кромѣ предисловія, слегка передѣланнаго, не отличается отъ перваго. Отступленія маловажны и почти всегда являются результатомъ опечатокъ.

Какъ и въ первомъ томѣ, нами сохранены всѣ тѣ особенности правописанія Крылова, за которыми чувствуются особенности произношенія или словообразованія (характеръ, аглинскій и пр.). Мы вообще противъ полной нивелляціи правописанія писателя примѣнительно къ современному правописанію, такъ какъ она стираетъ печать эпохи и личности, разрушаетъ для глаза, а то и для слуха, созвучія, имѣвшіяся въ виду писателемъ, и проч. Это, конечно, не значитъ сохранять описки, ошибки, случайныя колебанія и противорѣчія орѳографіи, которыя въ послѣднее время тщательно воспроизводились нѣкоторыми редакторами сочиненій нашихъ классиковъ.

Москва.

Вл. Каллашъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе V

Драматическія сочиненія Крылова.

IX. Модная лавка.
Вступительная замѣтка 3
Текстъ 10

X. Илья Богатырь.
Вступительная замѣтка 95
Текстъ 99

XI. Урокъ дочкамъ.
Вступительная замѣтка 177
Текстъ 180

XII. Американцы.
Вступительная замѣтка 231
Текстъ 235

Прозаическія сочиненія Крылова.

Отдѣлъ I.

Вступительная статья. Журнальная дѣятельность и сатирическія статьи Крылова 297
Вступительная замѣтка 305

„Почта духовъ".

Часть первая.

Предувѣдомленіе 321
Вступленіе 323

Стр

Письмо 1[1]. Отъ гнома Зора о перемѣнѣ, происшедшей въ адѣ 334

Письмо 2. Отъ Сильфа Дальновида о краткости жизни человѣческой, о ненасытномъ ихъ желаніи 338

Письмо 3. Отъ гнома Буристона о болѣзни адскихъ судей и о перемѣнахъ Плутонова двора . . . 346

Письмо 4. Отъ Сильфа Дальновида о свойствахъ мизантроповъ 351

Письмо 5. Отъ Астарота о участи бѣднаго стихотворца 359

Письмо 6. Отъ гнома Зора о вступленіи его въ свѣтъ и въ большой городъ. Замѣчанія о судьяхъ, игрокахъ и о свойствахъ щеголихи . 364

Письмо 7. Отъ Сильфа Дальновида о разговорѣ молодой золотошвейки съ торговкою модныхъ уборовъ 370

Письмо 8. Отъ Сильфа Свѣтовида о свойствахъ, отличающихъ человѣка отъ прочихъ твореній. Сужденіе о наукѣ дворянина, живущаго въ деревнѣ, и поверженнаго въ роскошь и нѣгу богача 377

Письмо 9. Отъ гнома Зора о успѣхѣ покупокъ модныхъ нарядовъ, о знакомствѣ его съ г. Припрыжкинымъ и о участи ученыхъ 382

Письмо 10. Отъ Сильфа Свѣтовида о удивительномъ сходствѣ чувствъ, склонностей и поступокъ петиметра и обезьяны 395

Письмо 11. Отъ гнома Зора о именинномъ столѣ у купца Плуторѣза. Предложенія о вступленіи въ службу сыну Плуторѣзову. Мнѣніе придворнаго о блескѣ, достоинствахъ и о службѣ придворныхъ 398

[1] Дальше — подлинныя заглавія второго изданія „Почты духовъ".

Стр.

Письмо 12. Отъ гнома Буристона о вступленіи его въ судилище островскихъ жителей для избранія судей 410

Часть вторая.

Письмо 13. Отъ Сильфа Свѣтовида о бытіи его въ собраніи молодыхъ госпожъ и петиметровъ; какіе тамъ происходили разговоры насчетъ одной графини, которой въ глаза всѣ льстили . . . 419

Письмо 14. Отъ гнома Зора о приходѣ его невидимкою въ лавку къ француженкѣ, торгующей модными уборами 426

Письмо 15. Отъ Сильфа Свѣтовида о собравшейся толпѣ народа у дома г. Людомора, тамошняго аптекаря, который засталъ свою жену въ любовномъ обхожденіи съ своимъ сидѣльцемъ; разсужденіе о невѣрности женъ и мужей . . 437

Письмо 16. Отъ гнома Буристона о входѣ его въ оперной домъ. Разговоръ съ актеромъ, который приглашалъ его вступить въ ихъ шайку . 443

Письмо 17. Отъ гнома Зора о женитьбѣ г. Припрыжкина. Разговоръ о его невѣстѣ 450

Письмо 18. Отъ Астарота о разговорѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, желающимъ вступить въ должность секретаря 461

Письмо 19. Отъ Сильфа Свѣтовида. Знакомство его съ однимъ петиметромъ, который непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ одѣтъ былъ по его вкусу . 466

Письмо 20. Отъ Сильфа Дальновида. Разсужденіе о нѣкоторыхъ государяхъ и министрахъ, кои поступками своими причиняли великій вредъ людямъ 476

Письмо 21. Отъ гнома Вѣстодава о новыхъ перемѣнахъ въ адѣ 481

Письмо 22. Отъ Сильфа Дальновида о томъ, что гораздо бы лучше для людей, когда бы они непрестанно спали и видѣли хорошія сновидѣнія 492

Стр.

Письмо 23. Отъ гнома Зора о окончаніи свадьбы Припрыжкина; разговоръ Неотказы съ своею пріятельницею Безстыдою о выгодахъ имѣть глупого мужа, котораго можно всегда обманывать 497

Письмо 24. Отъ Сильфа Дальновида о томъ, что въ гражданскомъ обществѣ часто называютъ честнымъ человѣкомъ того, который нимало сего названія не заслуживаетъ, и какія нужно имѣть достоинства, чтобъ пріобрѣсти названіе истинно честнаго человѣка 510

Списокъ иллюстрацій.

Крыловъ. Рисунокъ П. Оленина (1824) . . . 1
(Фототипія съ гравюры.)

Крыловъ на новосельѣ у книгопродавца Смирдина (1833). Рис. Брюллова 92
(Фототипія съ гравюры, изъ книги „Новоселье", Спб., 1834.)

Мыза Олениныхъ Пріютино. Акварель Ив. Иванова 1825 г. (На крыльцѣ — Крыловъ.) 174
(Изъ собранія А. К. Пожарскаго).

Крыловъ въ гостиной Олениныхъ. Акварель кн. Г. Г. Гагарина. (Крыловъ стоитъ справа.) . . . 228
(Изъ собранія А. К. Пожарскаго).

Бюстъ Крылова (работы Рамазанова) 294
(Изъ собранія К. Т. Солдатенкова.)

IX.

Модная лавка.

1806.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Еще въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Крыловъ не разъ нападалъ на „чужебѣсіе“ русскаго общества, на охватившую его „жалкую тошноту по сторонѣ чужой“. „Модныя лавки„ и увлеченіе ими онъ осмѣивалъ, напр., въ „Почтѣ духовъ“.

Высокій подъемъ патріотическихъ чувствъ въ эпоху „тильзитскаго позора“ подхватилъ и его, отразился какъ на комедіяхъ этого періода, такъ, позднѣе, и на басняхъ. „Модная лавка“ была написана въ 1806 г. Эту тему когда то уже разсматривалъ журналъ, въ которомъ Крыловъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, если не однимъ изъ издателей „Утренніе часы“ (1788, IV, 37—48). Теперь онъ вернулся къ ней съ особенною силою — можетъ быть, подъ вліяніемъ своихъ наблюденій надъ уродливостями провинціальной галломаніи и вслѣдствіе своего глубокаго убѣжденія въ развращающемъ вліяніи французскихъ лавокъ и французскаго воспитанія [1]).

Бытовую сторону „Модной лавки“ подчеркнулъ еще „Сынъ Отечества“ 1817 г. (ч. 39, стр. 92): „Зажиточные украинцы [2]) пріѣзжаютъ на зимнее время въ Москву, проживать свои доходы, изъ числа коихъ иные, съ состояніемъ даже самымъ ограниченнымъ, тягались за роскошною знатью. Г. Крыловъ счастливо воспользовался отчасти симъ обильнымъ рудникомъ въ Модной своей лавкѣ“.

Въ лицѣ Сумбурова (получившаго такую неподходящую фамилію — кстати излюбленную Крыловымъ — по женѣ, вѣрнѣе — по ея характеру) Крыловъ создалъ положительный идеалъ, который онъ хотѣлъ противопоставить общему мотовству и чужебѣсію.

---

[1]) По словамъ Греча („Сѣв. Пчела“, 1857, № 147) „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“ написаны Крыловымъ по внушенію А. Н. Оленина.

[2]) Конечно, жители окраинъ, отдаленныхъ областей.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ отзывовъ о „Модной Лавкѣ“ былъ данъ „Лицеемъ“ (1806, III, стр. 100—103). Изложивъ содержаніе пьесы, анонимный рецензентъ прибавляетъ въ концѣ: „Изъ одного содержанія можно уже видѣть нѣсколько, какъ должна быть смѣшна сія комедія. Но авторъ употребилъ машины такія комическія, что почти впродолженіе всей пьесы смѣешься. Лестовъ у него сошелъ съ ума отъ любви; Сумбуровъ отъ всего русскаго, зато ненавидитъ все французское — стараго покрою мужъ. Сумбурова — злая, скупая, но любящая моды деревенская помѣщица; Маша — плутовка, каковой должно быть дѣвушкѣ въ модной лавкѣ; французъ Тришe — мошенникъ нарядной (sic!), сдѣлавшійся богатымъ купцомъ плутовскими своими оборотами; Антропъ — преглупой рогозѣй. Словомъ, характеры прекрасные, и притомъ пьеса написана чистымъ русскимъ языкомъ и весьма правоучительна. Модница наказывается; мошенникъ, пріѣхавшій изъ-за моря, также; жаль только, что г-жа Каре, торгующая запрещенными товарами, не наказана; жаль, что сводница Маша за выхлопотанное ею свиданіе Лизы съ Лестовымъ осталась также не наказанною. Но что въ томъ? Комедія на театрѣ сколько ни учи, въ свѣтѣ всегда своя будетъ комедія.

Актеры отмѣнно хорошо играютъ эту піесу. Я разумѣю гг. Рыкалова, Пономарева, Каратыгина, Жибелева и г-жу актрису Белье“.

По свидѣтельству Арапова (Лѣтопись русскаго театра, стр. 174—175), „Модная лавка“ была поставлена въ Петербургѣ въ 1806 г.[1]).

„Большой успѣхъ имѣла Модная лавка, оригинальная комедія И. А. Крылова, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, гдѣ, между прочимъ, при обыскѣ контрабанды, находятъ помѣщицу Сумбурову въ шкафу, куда она скрылась отъ боязни быть настигнутою мужемъ въ модной лавкѣ. Рыкаловъ былъ превосходенъ въ роли Сумбурова, которую впослѣдствіи игралъ прекрасно же актеръ Бобровъ; Рахманова была неподражаема въ роли Сумбуровой. Замѣчательны были Жебелевъ — французомъ Тришѐ и Пономаревъ, игравшій

[1]) Въ Москвѣ ее собирались ставить въ мартѣ 1807. См. „Записки Жихарева“, М., 1891, стр. 348: „вскорѣ по открытіи спектаклей дадутъ въ первый разъ „Модную лавку“ Крылова, которую публика желаетъ видѣть такъ нетерпѣливо, что заранѣе теперь хлопочетъ о мѣстахъ“.

деревенскаго слугу Антропку. Это былъ отличный комикъ. Модная лавка была дана въ первый разъ 27 іюля и повторялась часто. Ее давали и во дворцѣ, на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны" (напр. 20 янв. 1807 г. — (см. „Рус. Стар." 1880, X, 262).

Араповъ нисколько не преувеличилъ успѣхъ этой комедіи: его очень сильно подчеркнула и печать въ своихъ отзывахъ [1].

Напечатана была „Модная лавка" въ 1807 г. (2-ое изданіе, положенное въ основу нашего текста, вышло въ свѣтъ въ 1816 г.).

Съ репертуара она не сходила до 40-ыхъ годовъ. У А. А. Бахрушина сохранились афишки этой піесы: 20 января 1817 (театръ на Знаменкѣ) и 6 мая 1822 (театръ на Моховой).

Все это — показатели крупнаго успѣха.

Современники оставили рядъ восторженныхъ отзывовъ объ этой піесѣ.

По словамъ Булгарина [2], патріотическія комедіи Крылова „были долгое время любимыми на русской сценѣ, которая тогда обращала на себя вниманіе всей знати и всего высшаго общества".

Жихаревъ [3] занесъ въ свой дневникъ такой любопытный разговоръ объ этой піесѣ:

„Собесѣдники дѣлали Крылову (по поводу прочитанной басни) множество комплиментовъ и, между прочимъ, чрезвычайно хвалили комедію его „Урокъ Дочкамъ". Лабзинъ замѣтилъ, что, кромѣ нравственной цѣли, которую Крыловъ умѣлъ развить съ такимъ искусствомъ въ своей комедіи, въ ней, какъ въ пьесахъ Мольера, есть величайшее достоинство совершеннаго отсутствія самого автора, и что онъ умѣлъ избѣжать этого нестерпимаго притязанія нашихъ комиковъ на острословіе, которымъ они желаютъ выказываться сами, тогда какъ надобно выказывать характеры своихъ персонажей. „Жаль одного", сказалъ онъ, что комедія, „Урокъ дочкамъ", не написана стихами; тогда была бы она еще совершеннѣе".

---

[1] „Лицей", 1806, III, 100–103; „Драматическій Вѣстникъ", 1808, I. 9 15. Соч. С. Т. Аксакова, М., 1896, IV, 390–391 (изъ „Моск. Вѣст." 1828.)

[2] „Сѣв. Пчела", 1847, 8.

[3] „Записки", М., 1891, стр. 409–410 (подъ 3 мая 1807 г.).

„А почему жъ бы она была совершенѣе?“ возразилъ прозаикъ П. С. Захаровъ: „ничего не бывало: эта комедія, хотя она и въ одномъ дѣйствіи, имѣетъ всѣ достоинства de pièces de caractère и легко обойдется безъ стиховъ, которыми нужно только скрашивать les pièces de circonstance, по ничтожности ихъ содержанія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ“.

„А потому,“ подхватилъ Карабановъ, „что острое слово въ стихахъ скорѣе врѣзывается въ память, и поступки людей разительнѣе представляются въ стихахъ, нежели въ прозѣ“. „Избави насъ Богъ“, сказалъ Шишковъ, „отъ острословія въ комедіяхъ, которое годится только для эпиграммъ. Надобно, чтобы комедія возбуждала смѣхъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не остротами. Возьмемъ въ примѣръ хоть бы сцену изъ „Модной Лавки“ Ивана Андренча, когда провинціалъ-мужъ находитъ въ лакану моднаго магазина, вмѣсто предполагаемой въ немъ контрабанды, старуху, жену свою: въ этой сценѣ нѣтъ ни одной остроты, а она заставляетъ хохотать отъ всей души. Но вотъ другой примѣръ. Въ первой сценѣ комедіи Павла Ивановича Сумарокова „Деревенскій въ столицѣ“, которую онъ читалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, слуга, на замѣчаніе помѣщика, что Петербургъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ они его не видѣли, отвѣчаетъ: „И сколько желтыхъ домовъ, не пересчитаешь!“ Вотъ, пожалуй, и острота, а смѣха не производитъ“.

Подъ 26 мая Жихаревъ описываетъ (стр. 442 - 443) одно изъ позднѣйшихъ представленій комедіи.

„Наконецъ, видѣлъ Модную Лавку и насмѣялся до-сыта. Какъ эта комедія ни хороша въ чтеніи, но она еще лучше на сценѣ, потому что разыгрывается отлично. Рыкаловъ и Рахманова въ роляхъ Сумбурова и Сумбуровой превосходны. Мало того, что они смѣшатъ, но вмѣстѣ заставляютъ удивляться вѣрности, съ какою представляютъ своихъ персонажей. Это настоящіе провинціалы, но провинціалы совершенно русскіе, и кто живетъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, тому, навѣрно, удавалось не разъ встрѣчать подобные оригиналы. Прочія роли выполнены были также прекрасно. Жебелевъ очень удачно сыгралъ роль француза Тришѐ, плута и аферіста, для котораго всѣ средства хороши, чтобъ сколотить деньгу; Ежова была препо-

рядочною мадамъ Карѐ, модною торговкою, которая въ женщинахъ точно то же, что Тришѐ въ мущинахъ; въ Бельэ видѣли мы типъ магазинной дѣвушки, хорошенькой, ловкой и плутоватой, а о Пономаревѣ, игравшемъ деревенскаго слугу Сумбуровыхъ, Антропку — нечего и говорить: это одинъ изъ прежнихъ знаменитостей русской сцены.

Непостижимо, какъ мастерски отдѣлалъ онъ эту почти ничтожную роль Антропки.

Что за физіономія, какая фигура, какія ухватки, какая походка и какой разговоръ! Какъ уморительно снимаетъ онъ съ барыни салопъ и носитъ его на рукѣ! Съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ разсматриваетъ вещи, на показъ выставленныя въ лавкѣ: шляпки, чепчики и пр. и пр. — ну, право, этотъ Пономаревъ въ своемъ родѣ Превиль! [1] Дайте роль Антропки другому актеру — она выйдетъ безцвѣтна и незамѣтна".

Изъ этого видно, насколько успѣхомъ своихъ піесъ Крыловъ былъ, между прочимъ, обязанъ удачному составу труппы тогдашнихъ императорскихъ театровъ.

По словамъ Вигеля (Записки III—V, М. 1892, 125), Крыловъ „думалъ, что приспѣло къ тому время, когда, въ надменности нашей, при Александрѣ, забыли мы даже сердиться на нѣмцевъ и, казалось, въ непримиримой враждѣ съ революціей и Бонапарте. Онъ жестоко ошибся. Что могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе его двухъ комедій, Урока дочкамъ и Модной лавки, игранныхъ въ 1805 и 1806 годахъ? [2] Можно ли было колче, какъ въ нихъ, осмѣять нашу столичную и провинціальную галиматью? Во время частыхъ представленій партеръ былъ всегда полонъ и и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ. Только этотъ разъ въ жизни попытался сей разсѣянный, повидимому, ко всему равнодушный, но глубокомысленный писатель сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охладило его къ сценѣ".

Въ своемъ некрологѣ Крылова Плаксинъ [3] говоритъ: „Болѣе всѣхъ комедій Крылова обращала и доселѣ обращаетъ на себя вниманіе зрителей „Модная лавка", которую и те-

[1] Знаменитый комическій актеръ.

[2] Ошибка: 1806 и 1807.

[3] Отд. отпискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1845, стр. 38—39.

перь, послѣ сорока лѣтъ, играютъ съ большимъ успѣхомъ. Эта комедія проявляетъ въ сочинителѣ уже не юношу, увлекающагося блестками случайныхъ впечатлѣній, а мужа зрѣлаго, который хорошо понималъ требованія комедіи, глубоко обдумалъ общую мысль и то дѣйствіе, которое должно развивать ее — придумалъ завязку и препятствія, создалъ частные характеры; противопоставилъ ихъ взаимно одинъ другому, далъ имъ забавно комическія положенія, привычки, слабости и причуды, взятыя не съ частныхъ лицъ, а съ общества. Вотъ почему комедія — „Модная лавка“ и доселѣ удержала свои достоинства, сохранила всю свѣжесть и занимательность; она принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя долго не старѣются“.

По мнѣнію Лобанова (i. c., 32), „Модная лавка“ есть истинно оригинальная комедія безъ всякой примѣси подражанія. Она доказываетъ великій комическій талантъ Крылова и занимаетъ мѣсто между первѣйшими театральными произведеніями нашей словесности“.

Нарушить этотъ согласный хоръ похвалъ изъ разныхъ литературныхъ лагерей, указать нѣкоторые недостатки піесы рѣшился первый Плетневъ [1].

„Обѣ комедіи: Модная лавка и Урокъ дочкамъ выражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ и ихъ языку. Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ выказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружились сатирою противъ этого общественнаго недуга. Но пользы оказалось мало, даже нисколько. Подъ защитою господствующей моды, никто не чувствуетъ боли, какую, повидимому, должны бы произвести острыя стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спасающее пороки общества. Сатирики изображаютъ его въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не придетъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается, какъ въ баснѣ Крылова же Зеркало и Обезьяна. Хотя новыя комедіи

[1] Соч. и переписка, II, 67—68.

его несравненно выше прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго — и отъ того цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ, въ Модной Лавкѣ Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ Урокѣ дочкамъ всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Фекла и Лукерья съ Велькаровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ. Между тѣмъ здѣсь есть явленія, исполненныя высокого комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI, XV и XVI [1]. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти — и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той же слабости".

Послѣдующая критика пошла дальше Плетнева, даже слишкомъ далеко въ отрицаніи художественныхъ достоинствъ комедій Крылова. Оцѣнка Плетнева, конечно, ближе къ правдѣ и является необходимымъ коррективомъ къ безотчетному восторгу его старшихъ современниковъ.

[1] „Урока дочкамъ".

Дѣйствующія лица.

Сумбуровъ.

Сумбурова, жена его.

Лиза, дочь его отъ первой жены

Лестовъ, любовникъ ея.

Маша.

Аннушка.

Мадамъ Каре, Француженка, хозяйка лавки.

Мосье Трише.

Андрей, слуга Лестова.

Антропка, слуга Сумбуровыхъ.

Полицейскій офицеръ со служителями.

Дѣйствіе въ модной лавкѣ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ внутренность модной лавки, наполненной богатыми уборами и товарами послѣдняго вкуса.

Явленіе первое.

Лестовъ и Маша, которая сидитъ, занимаясь работою.

Лестовъ.

Ну, скажи жъ, Машенька, разжилась ли, разбогатѣла ль ты безъ меня и скоро ли откроешь свою модную лавочку? Такой пригоженькой и проворной дѣвушкѣ давно бы ужъ пора изъ ученицъ самой въ мастерицы!

Маша.

О, сударь, я не довольно знатнаго происхожденія...

Лестовъ.

Какъ, чтобъ содержать модную лавку?

Маша.

А вы этимъ шутите? И тутъ такъ же на породу смотрятъ; и если не называешься или мадамъ ла Брошъ, или мадамъ Бошаръ . . .

Лестовъ.

Бѣдненькая! неужели тебѣ не на что купить мужа-француза?

Маша.

Ну столько то бы я смогла, да сестрица ваша согласится ли дать мнѣ отпускную?

Лестовъ.

Тьфу пропасть! я вѣчно забываюсь и думаю, что ты вольная. Для чего, Маша, ты мнѣ на удѣлъ не досталась? Сестра совсѣмъ не смыслитъ, какое у ней сокровище. У меня бы былъ тебѣ одинъ только приказъ: мной повелѣвать, душа моя ...

Маша.

Охъ, сударь, да отвяжитесь! Вы все портите, что я ни зачинаю. Знаете ли, что вы оскорбляете мою честность?

Лестовъ.

Ага! Развѣ между вашихъ товаровъ и это иногда навертывается?

Маша.

Вы, какъ я вижу, все тотъ же повѣса, каковы были и до походу.

Лестовъ.

О, нѣтъ, нѣтъ! Ты не повѣришь, какъ меня въ одинъ годъ перевернуло: я сталъ совсѣмъ иной человѣкъ.

Маша.

Ужъ будто и не мотаете?

Лестовъ

Ни малехонько.

Маша.

Давно ли?

Лестовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ничего не донарюсь въ карманахъ.

Маша.

А страстишка къ игрѣ?

Лестовъ.

Фи!

Маша.

Въ самомъ дѣлѣ не играете?

Лестовъ.

Ни во что, кромѣ картъ, да въ билліярдъ, между дѣлья.

Маша.

Будетъ путь! — А сердечныя то обстоятельства волокитства ваши, небось, все идутъ по-прежнему?

Лестовъ.

Ахъ, Маша, что ты мнѣ напомнила!

Маша.

Ба! это что значитъ? Какой же протяжный вздохъ! какой томный и печальный взглядъ! Ужъ не урокъ ли вы передо мною вздумали протвердить?

Лестовъ.

Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ влюбленъ, и влюбленъ страстно, отчаянно!

Маша.

Вы влюблены, страстно, отчаянно? А во многихъ ли, смѣю спросить?

Лестовъ

Вѣтреница! Годъ тому назадъ, идучи походомъ, остановились мы въ одномъ богатомъ селеніи, что было за Курскомъ; помѣщикъ пригласилъ меня обѣдать ...

Маша.

Ахъ, сударь, вы не повѣрите, какой мнѣ праздникъ, коли сюда кто-нибудь завернетъ изъ такой дали, а особливо щеголекъ или щеголиха: я ужь въ эту недѣлю слона смотрѣть не хожу

Лестовъ

Жаль же, что ты не видала моихъ хозяевъ. Господинъ Сумбуровъ старикъ, правда, добрый, но вспыльчивый и горячо привязанный къ дѣдовскимъ русскимъ обычаямъ; тотъ день только и счастливъ, когда удастся ему побранить или моды, или иностранцевъ; и такой чудакъ, что даже маленькое дурачество, сдѣланное въ его родинѣ, мучитъ его, какъ уголовное преступленіе, наносящее стыдъ всему роду. Ну, а на его глазахъ около двадцати женщинъ самой близкой родни, такъ сочти, сколько ему спокойныхъ минутъ остается? Госпожа Сумбурова, вторая его жена ...

Маша.

Какъ, тамъ на двухъ женятся?

Лестовъ.

Какой вздоръ! Онъ, какъ порядочный человѣкъ, напередъ овдовѣлъ.

Маша.

А, а! — Ну, жена его? ...

Лестовъ.

Степная щеголиха, которая лѣтъ 15 сидитъ на 30 году; въ добавокъ, своенравная, злая, скупая, коварная, бѣшеная; зато Лиза, дочь г-на Сумбурова отъ первой жены ..

Маша.

Голосъ вашъ стихъ, лицо сдѣлалось вдругъ такъ

умильно . . . Ахъ, сударь, эта Лиза, эта чародѣйка . . . она то знать. васъ околдовала!

Лестовъ.

Прекрасна, какъ ангелъ, мила, умна, — всѣ достоинства, всѣ совершенства . . .

Маша.

Ну ужъ, разумѣется, что все это природа обобрала у всѣхъ женщинъ и пожаловала ей одной!

Лестовъ.

Я влюбился, открылся ей въ томъ и узналъ изъ ея глазъ мое счастіе. Еслибы зависѣло только отъ воли Лизы, то бы уже давно . . .

Маша.

Тсъ, постойте, сударь!

Лестовъ.

Что такое?

Маша

Постойте, постойте, переведите немножко духъ и начните въ порядкѣ вторый томъ вашего романа: гоненіе, разлука, тысячу препятствъ: пожалуйте, ничего не позабудьте, у меня подъ вашу сказочку работа пойдетъ скорѣе.

Лестовъ.

Какая жъ ты верченая, Маша! — Ну, слушай же: я позабылъ тебѣ сказать, съ первыхъ словъ моихъ съ г. Сумбуровымъ нашлось, что онъ и покойный мой старикъ водили хлѣбъ-соль; въ глуши на это памятливы, и потому то я былъ очень имъ обласканъ. Старикъ даже примѣтилъ нашу взаимную склонность съ Лизой, не морщась; я съ нимъ объяснился, и онъ вполовину былъ уже согласенъ; но жена его, проча

падчерицу за своего родственника, который обѣщалъ ей за то добрую поживку, испортила все дѣло и, подъ видомъ, что я не довольно богатъ, мнѣ отказано. Въ отчаяніи оставилъ я съ Лизою мой покой, мое счастіе, — и вотъ уже годъ, какъ, не имѣя о ней никакого извѣстія, потерялъ всю надежду, а страсть моя только что умножается!

Маша.

Цѣлый годъ! это ужъ, подлинно, изъ шутки вонъ. Да какое жъ ваше намѣреніе?

Лестовъ.

Любить и ...

Маша.

И воздыхать, и терзаться! ... какая жалость! Въ такихъ лѣтахъ, съ такими хорошими качествами, лучшее свое время проплакать! Однакожъ, сударь, если ужъ это необходимо, такъ пріѣзжайте тосковать въ нашу лавку: такой молодый и чувствительный человѣкъ здѣсь въ рѣдкость, въ диковинку.

Явленіе второе. [1]

Маша, Лестовъ, г-жа Сумбурова и Антропъ.

Г-жа **Сумбурова**

(входя, отдаетъ салопъ Антропу, который завѣшивается на лавку и не принимаетъ его).

Ротозѣй, распусти бѣльмы то!

Лестовъ (особо).

Сумбурова!

[1] По указанію г. Перетца (Крыловъ, какъ драматургъ, Спб. 1895, 35) эта сцена напоминаетъ одну изъ сценъ „С.-Петербургскаго Гостинаго двора“ Матинскаго (1779).

Антропъ.

Виноватъ, боярыня, глаза разбѣжались!

Маша (въ полголоса).

Ага! это гости, вѣрно, изъ степныхъ пожаловали.

Лестовъ (въ полголоса).

Какое счастіе! такъ, я не ошибаюсь ...

Г-жа Сумбурова.

Матушка мадамъ, покажи-тко, что у васъ есть хорошенькаго?

Маша.

У насъ ничего нѣтъ худого, сударыня! (Особо.) Ты, моя голубушка, поплатишься намъ съ поклонами за все, что мы на тебя ни нацѣпляемъ. (Громко.) Что вамъ угодно?

Г-жа Сумбурова.

Ахъ, Боже мой! что это значитъ? Антропка, мошенникъ, поди сюда!

Антропъ.

Барыня, чепцовъ то, чепцовъ то здѣсь! у нашей городничихи столько нѣтъ!

Г-жа Сумбурова.

Онъ свое несетъ! Не приказывала ли я тебѣ, мерзавцу, везти меня во французскую лавку? Куда это вы меня завезли, скверные уроды?

Маша.

Онъ правъ, сударыня: это въ городѣ первая французская лавка; спросите, у кого изволите про нашу хозяйку, мадамъ Каре! Лучшія и знатнѣйшія щеголихи имѣютъ честь у насъ проматываться.

Г-жа Сумбурова.

Право, такъ? Виновата, душа моя! Услыша, что

ты говоришь по-русски, я ужъ было испужалась. Мои скоты вѣдь ничего не смыслятъ: они въ самомъ дѣлѣ готовы завести въ русскую лавку, а мнѣ надобны лучшіе товары: я сряжаю приданое падчерицѣ!

Лестовъ (про себя).

Приданое? Какая ужасная вѣсть! Вѣрно, выдаютъ Лизу! Надобно все узнать и, во что бы то ни стало, разбить эту свадьбу. (Къ г-жѣ Сумбуровой.) Позвольте, сударыня, изъявить вамъ мою радость ...

Г-жа Сумбурова.

Я, батюшка, радуюсь вашей радости, хотя и не вѣдаю, что бъ это была за радость. (Про себя.) Такъ, это Лестовъ.

Лестовъ (про себя).

Пріемъ не горячъ. (Громко.) Прошедшаго года въ короткое время бытности моей съ полкомъ въ вашей деревнѣ ...

Г-жа Сумбурова.

А! виновата, мой батюшка, я было васъ и не узнала! Да и не диковинка: черезъ наше село почти вся армія проходила, такъ гдѣ всѣхъ упомнить! (Машѣ.) Покажи-тко мнѣ, душа моя, самыхъ лучшихъ лино-петинетовъ[1] и кружевъ.

Лестовъ.

Позвольте, сударыня, чтобъ я пріѣхалъ къ вамъ съ моимъ почтеніемъ.

Г-жа Сумбурова.

Напрасной трудъ, мой батюшка: мы скоро отсель уѣдемъ. (Къ Машѣ.) Правда ли, душа моя, будто здѣсь стали сарафаны носить?

---

[1] Батистъ.

Маша.

Здѣсь, сударыня, совершенная свобода, и одѣвается всякой, какъ ему угодно.

Лестовъ.

Вы, конечно, не одинѣ изволили пріѣхать?

Г-жа Сумбурова (про себя).

Не отстанетъ! (Лестову.) Съ мужемъ, мой батюшка, съ мужемъ! Я безъ Артамона Никифорыча не люблю вдаль пускаться: не знаешь, долго ли пробудешь.

Антропъ.

И вѣдомо, барыня: ѣдешь на день, а хлѣба запасай на недѣлю.

Г-жа Сумбурова.

Тебя кто проситъ ротъ разѣвать, — скотина, молчи!

Антропъ.

Эка бѣда, и такъ ужъ отъ молчанья то на запяткахъ въ цѣлый день изъ силъ выбьешься, инда къ утру кости всѣ разломитъ!

Лестовъ.

Прелестная падчерица ваша, конечно, съ вами?

Маша (про себя).

Бѣдняжка, никакъ тропинки не отыщетъ!

Г-жа Сумбурова.

Съ нами, сударь! (Машѣ.) Кружева совсѣмъ мнѣ не нравятся. Покажи-тко мнѣ тули[1] и пелинеты.

[1] Тюль.

Лестовъ.

Позвольте, сударыня, спросить, чье счастіе хотите вы устроить, — чью свадьбу сряжаете?

Г-жа Сумбурова.

Это, батюшка, дѣла семейныя! вамъ ихъ долго и скучно будетъ слушать. (Про себя) Онъ выживетъ меня! (Маш.) Мнѣ ничто не нравится; да, кажется, у васъ нѣтъ ничего хорошаго, голубушка: поѣхать въ другую лавку.

Маша (особо).

Голубушка! ахъ, она стенная! Молчи же, не выѣзжать тебѣ отсель. (Громко.) Посмотрите, сударыня, эти накладочки: мы ихъ съ послѣдними кораблями прямо изъ Парижа получили.

Г-жа Сумбурова.

Изъ Парижа?

Лестовъ.

Маша, ради Бога вымани ее отсель, не могу ли я черезъ слугу ...

Маша.

Постойте, постойте! Вы увидите, какъ она сбавитъ спеси. Аннушка! Аннушка!

— —

Явленіе третье.

Г-жа Сумбурова, Лестовъ, Маша, Аннушка и Антропъ.

Аннушка.

Что угодно?

Маша.

А готово ль платье для графини Тимовой; ты

знаешь, вѣдь ей надобно его къ балу, который скоро будетъ при дворѣ.

Аннушка.

Оно поспѣетъ сегодни же вмѣстѣ съ платьемъ фрейлины Розиной.

Г-жа Сумбурова.

Такъ вы и на фрейлинъ шьете? Нельзя ли, душа моя, мнѣ посмотрѣть . . .

Маша (Аннушкѣ).

Тамъ, на окнѣ, картонъ съ петинетовыми воалями; отошли его къ баронессѣ Филинбахъ: она очень кланялась.

Г-жа Сумбурова (про себя).

Кланялась! баронесса! (Машѣ.) Послушай, жизнь моя . . . (Про себя.) Что ты будешь дѣлать! никакъ я ей досадила: она уже и не смотритъ на меня.

Маша (Аннушкѣ).

Да не забудь сказать мадамъ Каре, что генеральша Тушинская послѣзавтра представляетъ дочерей своихъ ко двору, и три раза заѣзжала сюда упрашивать, чтобы мы согласились одѣть ихъ изъ своей лавки.

Г-жа Сумбурова (про себя).

Экой грѣхъ! экой грѣхъ! (Машѣ). Жизнь моя! ангелъ мой! я надѣюсь, что вы не откажете сдѣлать мнѣ крайнее одолженіе и одѣть меня на тотъ же манеръ, какъ вашихъ графинь, княгинь и фрейлинъ; я ужь объ деньгахъ ни слова!

Маша.

А мы объ нарядахъ ни слова. У насъ въ лавкѣ обычай такой: госпожи просятъ, что имъ угодно, а мы съ нихъ беремъ, что намъ угодно.

Г-жа Сумбурова.

Ангелъ мой! хоть покажите мнѣ пока ихъ уборы; я попрошу, можетъ быть, надѣлать мнѣ такихъ же. Да гдѣ жъ ваша мадамъ? нельзя ли мнѣ съ ней ...

Маша.

Никакъ, сударыня: она кушаетъ чай, и я не смѣю доложить ...

Г-жа Сумбурова.

Ужь и доложить, жизнь моя? вѣдь это только у знатныхъ!

Маша.

И, сударыня, тотъ ужъ знатенъ, до кого многимъ нужда!

Г-жа Сумбурова.

Позволь же, красавица, мнѣ уборовъ то, уборовъ то посмотрѣть!

Маша.

Аннушка, покажи госпожѣ, что тамъ есть побогатѣе; я тотчасъ за вами буду.

Явленіе четвертое.

Маша, Лестовъ и Антропъ.

Лестовъ.

Милая Маша, это самая та ...

Маша.

Ужь вы думаете, что во мнѣ никакой смѣтливости нѣтъ! Я все прочла, какъ будто въ книгѣ.

Лестовъ.

Слушай, примись прилежно помогать моей любви.

Ты знаешь, какъ сестра дружна со мною; если ты мнѣ доставишь способъ получить Лизу — отпускная, — 3,000 рублей на приданое! Ну, соблазняетъ ли это тебя?

Маша.

О, сударь, соблазняетъ! Надобно только, чтобъ мадамъ Каре вошла въ нашъ заговоръ, вѣдь вы у ней въ большой милости и входъ имѣете безъ докладу, — забѣгите жъ къ ней. Вы знаете, какъ легко ея сердце разжалобить любовными вздохами: она, вѣрно, позволитъ, чтобъ я вамъ покровительствовала, — и тогда вся наша лавка ... Вѣдь я увѣрена, что намѣренія ваши честны ...

Лестовъ.

Можешь ли ты сомнѣваться?

Маша.

А барышня васъ любитъ, — ну такъ я почти ручаюсь за успѣхъ!

Лестовъ.

Какъ, ты надѣешься?

Маша.

О! это не первая дѣвушка поѣхала изъ нашей лавки къ вѣнцу.

Лестовъ.

Поди же туда, я ужь примусь за него. Только, Маша, онъ что то такимъ оборотнемъ смотритъ.

Маша.

Ничего, ничего; пошарьте хорошенько въ карманахъ: деньгами и не такихъ слугъ закупаютъ.

Явленіе пятое.

Лестовъ и Антропъ.

Лестовъ (особо).

Надобно лучше притвориться равнодушнымъ, чтобъ онъ не догадался. Какъ это для меня важно! и подъ видомъ обыкновеннаго знакомства ... да, да, точно!

Антропъ.

Ну ужъ, парень, въ царскихъ палатахъ, чай, не краше! На что ни погляди, диковинка диковинки лучше.

Лестовъ.

Скажи, мой другъ, своей барышнѣ, что Лестовъ ей кланяется и очень желаетъ ... Другъ мой, я тебѣ говорю!

Антропъ.

Мнѣ, боярину? Не погнѣвайтесь, ваша рѣчь впереди. Вѣдь это, я чаю, товары то заморскіе?

Лестовъ (про себя).

Вотъ очень нужно знать! (Къ нему) Да, заморскіе! Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты поклонился отъ Лестова ...

Антропъ.

Такъ сюда то наши бояра изъ такой дали деньги возятъ!

Лестовъ (про себя).

Да онъ ... (Къ нему.) Скажи, ради Бога, барышнѣ своей ...

Антропъ.

Не погнѣвайтесь, боринъ, перебью я вашу рѣчь:

неужели эти наряды въ будни носятъ, что ихъ надѣлано такъ много?

Лестовъ (про себя).

Вотъ новая пытка! (Къ нему) Да выслушай, ради Самого Бога, мнѣ крайняя нужда, чтобъ ты сказалъ ...

Антропъ.

Ну, нечего! Я тѣ скажу, у насъ и по большимъ праздникамъ эдакъ не наряжаются!

Лестовъ.

О, мучитель! Согласишься ли ты мнѣ сдѣлать большую милость, и только два слова ...

Антропъ.

Не прогнѣвайтесь, баринъ, ваша рѣчь впереди. Какіе жъ праздничные то наряды?

Лестовъ (про себя).

Нечего дѣлать, пришло пускаться въ пріятельской разговоръ, авось скорѣй отстанетъ. (Къ нему) Здѣсь, мой другъ, этого различія не знаютъ, не такъ, какъ у васъ, въ глуши; здѣсь одѣваются, пьютъ, ѣдятъ и живутъ въ будни такъ же точно, какъ въ праздникъ; однимъ словомъ, здѣсь городъ такой, что и въ будни праздникъ. Ну вотъ, я тебѣ все разсказалъ. Выслушай же и ты меня: мнѣ очень хочется, чтобъ ваша барышня узнала ...

Антропъ.

Экой обычай! экой обычай! Ну да коли, баринъ, здѣсь на страстной масляницу справляютъ, такъ не приходится ли иногда сочельникъ то о Святой?

Лестовъ (про себя).

Чтобъ тебя чортъ взялъ съ твоими примѣчаніями!

(Громко) Я бы хотѣлъ, чтобъ ты сказалъ своей барышнѣ отъ Лестова, что онъ ...

Антропъ.

Не погнѣвайтесь, баринъ, ваша рѣчь впереди ...

Лестовъ (про себя).

О варваръ! я думаю, въ немъ, на досаду мнѣ, самъ сатана поселился!

Явленіе шестое.

Маша, Лестовъ и Антропъ.

Антропъ (увидя Машу).

Такъ, не дадутъ рта разинуть, благо, было, добрый баринъ сыскался; вотъ и стой тамъ опять, какъ вкопанный. Ужъ куда, я чай, весело жить, кому говорить то не мѣшаютъ!

Маша.

Ну, сударь, сладили ли вы?

Лестовъ.

Я? Ты видишь, съ меня потъ льетъ градомъ; этотъ злодѣй душу изъ меня вытянулъ, и я ничего не могъ...

Маша.

Оставьте его; я проворнѣе васъ. Теперь уйдите и пріѣзжайте часа черезъ два, – ваша милая будетъ здѣсь.

Лестовъ.

Какъ! неужели? Ахъ, какъ ты любезна, Маша! надобно, чтобъ я тебя расцѣловалъ...

Маша.

Тише, сударь, тише, оставьте что-нибудь вашей любезной. Посмотримъ еще, каковъ то вашъ вкусъ. Уйдите жъ, уйдите, чтобы не подать подозрѣнія.

Лестовъ.

Машенька, я обѣщаю тебѣ...

Маша.

Охъ! не обѣщайте, сударь! Я слышала отъ дѣловыхъ людей, что это очень дурная примѣта для тѣхъ, кому обѣщаютъ.

Лестовъ.

Прощай же. Въ госпожѣ не посчастливилось, въ слугѣ не удалось, — пойду и подошлю лазутчика къ кучеру.

Явленіе седьмое.

Сумбурова, Маша и Антропъ.

Г-жа Сумбурова.

Все прекрасно, моя милая!

Антропъ.

А! барыня! ну вотъ тебѣ разъ!

Г-жа Сумбурова (Антропу).

Что тамъ еще?

Антропъ.

Да вить это баринъ то тотъ, что, помните, прошлаго года ... а намъ было сказали, что онъ убитъ. и бѣдная барышня такъ плакала. То-то я гляжу ... стало, онъ живъ!

Г-жа Сумбурова.

Перестань врать и поди лучше къ каретѣ. Ты что ротъ разинешь, то соврешь.

Антропъ.

Ну, да ужъ я точно догадался, что его не убили.

Явленіе восьмое.

Г-жа Сумбурова и Маша.

Г-жа Сумбурова.

Скажи жъ, моя голубушка, своей мадамѣ, что мнѣ много, очень много надобно будетъ самыхъ модныхъ уборовъ и матерій въ кускахъ. Я падчерицу хочу нарядить, какъ куколку; она у насъ первая невѣста по всему уѣзду, да и выдаю же ее за своего родственника, такъ чтобъ, знаешь, не ударить лицомъ въ грязь.

Маша.

Извольте уже съ ней пріѣхать; мы возьмемъ мѣрку, и я смѣю увѣрить, что вы будете довольны нашимъ искусствомъ.

Г-жа Сумбурова.

Да, да, душа моя, мы таки сами сюда пріѣдемъ; я бы и на домъ за вами прислала, да у меня муженекъ такой брюзгливый и упрямый, что съ нимъ не сладишь. Ну, что съ нимъ дѣлать! Ни французскихъ лавокъ, ни французскихъ товаровъ, да не здѣсь будь сказано, и французовъ то терпѣть не можетъ; ему вотъ все дай русское; а что у насъ хорошаго то сдѣлать умѣютъ? — Кабы не ваши мадамы, такъ, прости Господи, хоть совсѣмъ безъ платья ходи!

Маша.

Съ вашимъ тонкимъ вкусомъ вамъ бы быть знатною барынею!

Г-жа Сумбурова.

Я таки, душа моя, по всей нашей округѣ первая помѣщица.

Маша.

Не надобно ли чего будетъ вамъ и для вашего зятя? Въ нашей лавкѣ для мужчинъ есть прекрасные товары, а вы вѣдь выбрали, вѣрно, зятя съ такимъ же хорошимъ вкусомъ, какъ и у васъ.

Г-жа Сумбурова.

Какъ же, моя милая! Ужъ чего то я за него отъ муженька не вытерпѣла, однако поставила таки на своемъ. Зятюшка то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье; онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нечего сказать, ученый человѣкъ, да экономъ какой! И теперь, для экономіи, остался въ деревнѣ; знаешь, все на иностранный манеръ, и сѣетъ и жнетъ все по нѣмецкому календарю; да, нелно, земля то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣта, тутъ то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень, — разореніе да и все тутъ![1] Ну такъ я пріѣду, ангелъ мой. Мнѣ еще будетъ до тебя кровная нужда!

Маша.

Что такое, сударыня?

Г-жа Сумбурова.

Не можешь ли ты меня къ отъѣзду ссудить выкроечками? У меня бы все дома свои дѣвки перешили, и я бы въ уѣздѣ то всегда одѣвалась по послѣдней модѣ.

[1] Срв. басню „Огородникъ и философъ“

Маша.

Образчикъ моды везти за полторы тысячи верстъ! и, сударыня!

Г-жа Сумбурова.

Экая бѣда! По крайней мѣрѣ, ужъ вы поторопитесь насъ обшить. Ну, право, боюсь, чтобъ муженекъ не узналъ: оборони Богъ грѣха, это выдетъ такая кутерьма, что и святыхъ вонъ понеси!

Явленіе девятое.

Г-жа Сумбурова, Сумбуровъ и Маша.

Г-нъ Сумбуровъ.

Такъ, сударыня-женушка, прекрасно! Стало, всѣ мои слова на вѣтеръ. У меня сердце слышало, что ты не удержишься отъ дурачествъ. Къ чему изволила сюда пожаловать?

Г-жа Сумбурова.

Постыдись, батька мой, хоть при людяхъ то!

Г. Сумбуровъ.

При людяхъ? здѣсь люди? нѣтъ, это піявицы, которыя сосутъ нашу кровь, обманываютъ насъ, разоряютъ, и послѣ, уѣхавши съ нашими деньгами, намъ же смѣются!

Маша.

Судя по обращенію, муженекъ вашъ, кажется, человѣкъ не придворный.

Г-жа Сумбурова.

И такъ, мой батюшка, ты вѣдь только русскимъ и бредишь. Я, право, совѣтовала съ людьми, которые не менѣе твоего толкъ знаютъ. Племянница моя Несчетова...

Г. Сумбуровъ.

Почти уже всѣ свои и мужнины деревеньки по такимъ магазинамъ размытарила.

Г-жа Сумбурова.

Невѣстушка моя Хопрова...

Г. Сумбуровъ.

Имъ же полъ имѣніемъ челомъ стукнула.

Г-жа Сумбурова.

Мой братецъ, человѣкъ умный...

Г. Сумбуровъ.

На умнаго человѣка столько векселей и счетовъ поступило изъ этихъ лавокъ, что умному человѣку придетъ скоро жить однимъ умомъ.

Г-жа Сумбурова.

И, батюшка, да полно за своихъ русскихъ! Ну, ты вѣдь знаешь, что Судьбинъ и Тагаевъ, свояки твои, люди знающіе и степенные, а они говорятъ...

Г. Сумбуровъ.

Охъ, они ужъ мнѣ уши наколотили своимъ враньемъ; только тѣмъ и хвалятся, что у нихъ все нерусское, все выписанное изъ Франціи, да изъ Англіи. Я думаю, они скоро будутъ къ намъ пузыри съ англинскимъ воздухомъ выписывать, а ты затѣваешь, чтобы и мы пошли по ихъ слѣдамъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ; и я даю честное слово, что ни одна французская душа моей копейки въ глаза не увидитъ!

Г-жа Сумбурова.

Ну, да если ихъ вкусъ...

Г. Сумбуровъ.

О! въ нихъ его очень много къ нашимъ деньгамъ. Да что ты думаешь, безъ нихъ бы мы нагими ходили?

Г-жа Сумбурова.

И, грѣховодникъ! да что жъ тебѣ хочется, чтобъ мы одѣвались, какъ наши бабушки, пужать народъ?

Г. Сумбуровъ.

Полно врать, жена! Еслибъ наши бабушки только что пужали народъ, такъ нынѣшняго бы народу и на свѣтѣ не было. Хорошая женщина безъ помощи французскихъ торговокъ хороша, — на что жъ онѣ ей?

Маша.

На то, сударь, чтобъ не быть смѣшной!

Г. Сумбуровъ.

Смѣшною? у кого? у вертопраховъ и вѣтреницъ? — вотъ великой грѣхъ!

Маша.

Не грѣхъ, сударь, а въ большомъ городѣ хуже всякаго грѣха.

Г-жа Сумбурова.

И вѣдомо, мой батюшка! во грѣхахъ то мы передъ Богомъ въ отвѣтѣ; а ужъ какъ смѣшонъ человѣкъ, такъ въ люди нельзя показаться.

Г. Сумбуровъ.

Пустое ты мелешь, свѣтъ мой! Посмотри, какъ я изъ русскихъ лавокъ снаряжу мою Лизаньку... Тьфу пропасть, я и позабылъ, что она дожидается въ каретѣ!

Маша.

Ахъ, еслибъ Лестовъ увидѣлъ!

Сумбурова.

Какъ, въ каретѣ?

Сумбуровъ.

Да, здѣсь, у крыльца. Я, ѣдучи съ нею мимо, увидѣлъ Антропку и пошелъ только самъ вытащить тебя изъ этой западни. Ну, пойдемъ же.

Сумбурова.

Да позволь хоть что-нибудь...

Сумбуровъ.

Ни одной ленточки, ни одной булавочки; да не совѣтую и впредь по такимъ мѣстамъ таскаться, если не хочешь... Ты понимаешь меня? Я вѣдь за модой не гонюсь и мужъ стариннаго русскаго разбора, такъ хочу, чтобъ жена меня слушалась! Антропка, салопъ барынѣ!

Явленіе десятое.

Тѣ же и Антропка (пьяный).

Антропъ подаетъ салопъ. Сумбурова надѣваетъ его и завязываетъ очень медленно.

Сумбуровъ.

Ну, жаль разстаться! не поворотишь. Ступай, сударыня, ступай! (Антропу.) Ты, ротозѣй, что стоишь? Иди, отвори двери!

Антропъ.

Которыя прикажете, сударь?

Сумбуровъ.

Эге, да ты ужъ натянулся!

Сумбурова.

Когда успѣлъ?

Антропъ.

Виноватъ, сударь, давишній пріятель изволилъ пожаловать намъ съ Сенькой на водку, да указалъ кабакъ, такъ знаешь, какъ будто совѣстно было не выпить.

Сумбуровъ.

У васъ вездѣ друзья да пріятели; а Сенька гдѣ?

Антропъ.

Скоро кончитъ, сударь!

Маша (особо).

Это нашъ молодецъ спроворилъ!

Сумбурова.

Экіе пьяницы! на минуту нельзя изъ глазъ выпустить! Ужъ не Лестовъ ли это негодный?

Сумбуровъ.

Ступай, сударыня, ступай! Да какъ же въ двухъ каретахъ съ однимъ лакеемъ? .. Добро, бездѣльники!

Антропъ.

Ничего, сударь баринъ, я одинъ за обѣими каретами стану; Сенька и пѣшкомъ дорогу найдетъ.

Явленіе одиннадцатое.

Маша и Сумбуровъ.

Маша.

Впредь прошу жаловать. (Про себя.) Ну, плохо же Лестову: этотъ проклятый камчадалъ всѣ наши замыслы разстроитъ.

Сумбуровъ.

Э! постой-ка, душенька, ты, мнѣ кажется, русская?

Маша.

Ахъ, сударь, по несчастію!

Сумбуровъ.

По несчастію! Ну, а какъ это по несчастію?

Маша.

Какъ?

Сумбуровъ.

Да, мнѣ пришло въ голову... Ну, да теперь некогда, время еще не уйдетъ; надобно это обдумать. Прощай.

Маша.

Чего онъ хочетъ? что говоритъ, прошу понять! Къ этимъ дикарямъ, какъ будто къ татарамъ, не скоро примѣнишься. Пойти, сладить это дѣльцо съ мадамъ Каре!

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Маша и Андрей.

Маша (читаетъ письмо).

„Я былъ у Сумбуровыхъ.“ Проворенъ!— „Ста-„рикъ было мнѣ обрадовался и просилъ меня, какъ „сына своего добраго пріятеля, ѣздить къ нему „чаще“.— Счастливо!... „но негодная жена его все „испортила и высказала на меня, что я давеча от-„правилъ слугъ пить и говорилъ съ Лизою.“ — А! а, дружокъ, попался! — „Сумбуровъ взбѣсился, от-„нялъ у меня всю надежду получить Лизу и вы-„курилъ меня вонъ своими нравоученіями. Я въ „отчаяніи...“ (Андрею.) А гдѣ твой баринъ?

Андрей.

Пріѣхалъ домой и съ горя легъ спать.

Маша.

Стало, бѣда не смертельна!— Ба! еще не все. — „Хочу ѣхать драться съ соперникомъ!“ — Прекрасно! — „потомъ пріѣду драться съ Сумбуровымъ.“ — Еще лучше! — „потомъ самъ застрѣлюсь“. — Вотъ затѣйливо! — „Не придумала ль ты чего умнѣе? пріѣзжай посовѣтовать“. — Это ужъ всего благо-разумнѣе!

Андрей.

Баринъ приказалъ просить объ отвѣтѣ!

Маша.

Скажи ему поучтивѣе: вы, дескать, сударь, съ ума сошли. Прощай!

Явленіе второе.

Маша (одна).

Хорошъ, добръ, а все-таки шутитъ, какъ баринъ!

Явленіе третье.

Маша и Трише.

Трише.

Eh! bon jour, ma chere Машенька! Сторовли, мой ангелъ?

Маша.

Ба, мосье Трише! что за счастливый день! всѣ старыя знакомства мои отыскиваются; давеча одинъ изъ походу явился, а вы, мосье Трише, вѣдь, вѣрно, не за славою гонялись, что мы съ полгода васъ не видали?

Трише.

О, нѣтъ, нѣтъ! я любитъ што потяжель - солидна, проста — деньга.

Маша.

Вольно не носить къ намъ помады; за нами, кажется, деньги не стояли; за что прогнѣвался, Богъ знаетъ!

Трише.

О! мой помадъ больнь не дѣлай, ma chere enfant.

мой ужъ боли не расношикъ — мой шесна и багада купесъ!

Маша.

Поздравляю, мусье Трише, поздравляю! Да кладъ, что ли, ты нашелъ?

Трише.

Глятъ? — не понимай, что эта знаши, мой нашоль кароши каспадинъ, малада seigneur шадна на деньга! мой училъ ему коммерсъ et конесь на шотъ, малада шелвѣкъ, шиста, совсѣмъ шиста — et monsieur Трише на верку пошоль.

Маша.

Я думаю, мусье Трише, за такое прекрасное ремесло вамъ бы ужъ не худо и остаться наверху!

Трише.

О! мой надѣйсь, надѣйсь. — Мадамъ Каре на свой комнатъ?

Маша.

Дома. На что тебѣ ее?

Трише.

Превашна affaire мой знайтъ на вѣрна шелвѣкъ, што вашъ волушилъ товаръ, на ктуръ забуль та можна пешатка налаши; панимайшъ, што мой гаваритъ?

Маша.

Какъ же? ты городишь ахинею!

Трише.

Што, што? акиніей?

Маша.

То есть вздоръ.

Трише.

Ага, разумѣй! нѣтъ вздоръ! Я вѣрно знайтъ, когда пришоль, е гдѣ палажиль товаръ. — Eh bien, я имѣй на сто тысьящь вексель отъ мосье Недошьетовъ, богата Курска боярь — е какъ менѣ нужна деньга ou bien товаръ, — мой конетъ сдѣлалъ proposition мадамъ Каре на маленька уступка отъ вексель, я надѣйсь, што мадамъ, старая моя пріятельниса, еше на франсуски земля, сдѣлайтъ пудитъ тлѣ менѣ такой отолженъ...

Маша (про себя).

Недосчетовъ? Недосчетовъ! ... Ахъ, да это женихъ Лизы! Прекрасно! какъ бы на этотъ вексель уткнуть Сумбуровыхъ; можетъ быть, это бы немножко поразстроило ихъ желаніе выдать Лизу за ... (Къ Трише.) Мосье Трише, я вамъ хочу дать добрый совѣтъ.

Трише.

Завьетъ, мой красависъ?

Маша.

У меня есть на примѣтѣ ... (про себя.) Ба! да это ... такъ точно Сумбуровъ — и прямо сюда. Очень, очень кстати. (Громко.) Останьтесь здѣсь, мосье Трише, вы спасибо мнѣ скажете.

Трише.

Карошъ, мой тушенькъ!

Явленіе четвертое.

Маша, Трише и Сумбуровъ.

Маша (тихо про Сумбурова).

Ужъ не околдованъ ли онъ? и бормочетъ про себя!

Сумбуровъ (про себя).

Да, еслибъ эта дѣвушка согласилась пойти въ горничныя къ женѣ или дочери... Пусть ихъ одѣваетъ хоть на китайскій манеръ, да деньги мои будутъ въ рукахъ христіанскихъ.

Маша (къ Трише).

Этотъ господинъ изъ Курска, онъ богатъ и охотно купитъ ваши векселя.

Трише.

Прекрасна! — (Къ Сумбурову.) Monsieur...

Сумбуровъ.

Слуга вашъ! (Машѣ.) Я, другъ мой, хотѣлъ бы съ тобой словца два перемолвить...

Маша (про себя).

Со мной? Не понимаю!

Сумбуровъ (про себя).

Только нѣтъ, она одѣта и смотритъ барыней, — мнѣ ужъ совѣстно и говорить ей...

Трише (Сумбурову).

Каспадинъ, гаварыи на французски?

Сумбуровъ.

Я, мусье? Когда я соберусь ѣхать во Францію жить, то, вѣрно, напередъ выучусь по-французски; а кто сюда на житье ѣдетъ, тому бы не худо умѣть съ нами говорить по-нашему; впрочемъ, я не готовился для такого дорогого гостя грубіяна!

Трише (Машѣ).

Ma chere Машенька, кашись, мосье маленька шоска?

Сумбуровъ (Машѣ).

Мнѣ бы хотѣлось уговорить тебя, душа моя... (Про себя.) Ну, право, она не согласится!

Маша (про себя).

Уговорить? неужель? .. да нѣтъ, нельзя статься!

Трише.

Я осмѣльесь на васъ адна тѣлъ, ваше сіятельствъ!...

Сумбуровъ (Трише).

Я совсѣмъ не сіяю! (Про себя.) Чортъ бы придавилъ этого француза! (Къ Машѣ.) Какъ бы мнѣ, красавица моя, съ тобой съ глазу на глазъ перемолвить: есть такое дѣльцо...

Маша (про себя).

Съ глазу на глазъ? Да нѣтъ, нѣтъ, онъ не такъ смотритъ.

Трише (Сумбурову).

Мой бы шелалъ, каспадинъ мой...

Сумбуровъ (бросаясь къ нему).

Ну, да сказывай, чего ты отъ меня хочешь?

Трише.

Ай! ай! mon cher monsieur, для шево такъ горяшъ? я шашево не бросилъ, я толька катель показайтъ, не укодна ль купилъ вексель на молода seigneur ваша провинсъ, мосье Недопету.

Маша (про себя).

Ну, камень брошенъ, ловко ли то стукнетъ?

Сумбуровъ.

Что, что? на Недосчетовѣ? Такъ и онъ былъ у нихъ въ передѣлѣ! — Охъ, жена! отвела ты меня отъ Лестова; не ошибиться бы намъ! — (Къ Трише.) Да что это за векселя?

Трише.

Oh, monsieur! мой знаетъ политесъ и не кошитъ васъ мѣшантъ

Сумбуровъ.

Мусье французъ, я вижу, что ты ни молчать, ни говорить въ пору не мастеръ. — Да покажи мнѣ ихъ ... (Про себя.) Векселя у этихъ живодеровъ; а про Лестова я ничего худого не слыхалъ. (Къ Трише.) Ну что жъ за векселя?

Трише.

Безлѣлисъ, совершенной бездѣлисъ для богата каспадинъ, какъ мосье Недошету...

Сумбуровъ.

Правда, и я думалъ, что неважное что-нибудь: онъ, кажется, у насъ большій экономъ.

Трише.

О, эта деньга пошла на добра тѣлъ! (Подаетъ векселя.)

Сумбуровъ.

Какъ, въ двадцать! въ тридцать! въ пятьдесятъ тысячъ! — хорошъ экономъ! Ну, да когда это онъ у васъ намоталъ?

Трише.

О, pardonnez moi, мосье не матантъ; мосье многа разъ купилъ: галанска бишка е коровка, англинска парашка, е шпанска овешка на завотъ.

Сумбуровъ.

Тутъ есть плутни; я у него ничего этого не видалъ.

Трише.

Жутна нѣтъ? тьяжель климатъ! е куда сматрень, болвинъ пропалъ, е болвинъ сконшался, однако мой вѣрно знантъ, што мосье Недошету шкурка исправно полушалъ.

Сумбуровъ.

Шкурки? на племя! (Про себя.) Хороша экономія!

Какъ подумаю, такъ и жаль Лестова, и отецъ его былъ мнѣ хорошій пріятель! Полно, и Лестовъ повѣса: вздумай спонть слугъ, чтобъ говорить съ Лизою. Гадко! скверно! однако все лучше, нежели надавать векселей на сто тысячъ, и кому же?...

Трише.

Укодна, мосье?

Сумбуровъ.

Спроси у лакея объ нашей квартирѣ, да побывай черезъ полчаса ко мнѣ. (Особо.) Развѣдать бы о томъ попристальнѣе.

Трише.

Слуга вашъ! я толкъ на одинъ минутъ къ мадамъ Каре ...

Маша.

Зачѣмъ же еще?

Трише.

О моій красависъ! на больша кородъ не одна мосье Недошету, я имѣитъ много другой вексель.

Явленіе пятое.

Сумбуровъ и Маша.

Маша (про себя).

Старикъ задумался; не подуетъ ли вѣтеръ на нашу сторону?

Сумбуровъ.

Да! Надобно еще посовѣтовать съ женою, не губить бы мнѣ дочери. Эти господа ссудчики очень чисто обираютъ нашихъ молодцевъ и, кажется, въ Недосчетова далеко когти запустили!

Маша.

Вы никакъ о векселяхъ изволите думать?

Сумбуровъ.

То-то: человѣкъ то мнѣ близкой! Ну да полно, это еще не уголовная бѣда, и поправить будетъ можно! Сшалилъ, — впередъ наука! Кто бабѣ не внукъ? Дѣло то зашло далеко; ну да это въ сторону. — (Къ Машѣ.) Послушай-ко, ты, мнѣ кажется, дѣвушка добрая и мнѣ очень понравилась ...

Маша (про себя).

Ого! старый беззаконникъ! такъ вотъ и развязка! (Къ Сумбурову.) Я, сударь, очень счастлива ...

Сумбуровъ.

Скажи жъ, душа моя, что бъ ты, этакъ, взяла въ годъ жалованья?

Маша (про себя).

Жалованья? да онъ дѣло то ведетъ чинъ чиномъ. (Ему.) Неужели вы думаете? ...

Сумбуровъ (про себя).

Зналъ, что не согласится! (Къ ней.) Выслушай, моя красавица: чѣмъ тебѣ здѣсь на цѣлый городъ работать, вѣдь ты согласишься, что у меня въ домѣ работы тебѣ будетъ меньше; я, право, тебя не изнурю ... Да что ты такъ на меня чудно смотришь? Неужели тебѣ это обидно?

Маша (про себя).

Коли онъ съ ума не сошелъ ...

Сумбуровъ.

Подумай-ко хорошенько, дѣвушка; ты такая умненькая, такая миленькая и такая хорошенькая, что, нечего, я бъ не совѣтовалъ тебѣ на такомъ юру оставаться, гдѣ всякой повѣса ...

Маша (ему).

Какъ, сударь, имѣя жену и дочь? ...

Сумбуровъ.

Ну да, для нихъ то ты мнѣ и нужна. Что жъ дѣлать съ ними, когда онѣ съ ума сошли на модахъ?

Маша (про себя).

А! такъ вотъ что! Бѣдный старикъ! поклепала было я его совсѣмъ безвинно!

(Входитъ Сумбурова.)

Сумбуровъ.

Ну такъ то. моя голубушка, размысли-ко хорошенько; я, право, тебѣ дамъ жалованье и содержаніе хорошее, и ты у меня будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься!

Явленіе шестое.

Сумбуровъ, Сумбурова и Маша.

Сумбурова (особо).

Прекрасно, любезный муженекъ! Я теперь догадываюсь, зачѣмъ онъ меня изъ французскихъ лавокъ гоняетъ!

Маша (про себя).

Нѣтъ, не откажу, чтобъ какъ-нибудь ихъ привадить. (Къ нему.) Мнѣ, сударь, надобно подумать! ...

Сумбуровъ.

Подумай, подумай! Ужъ я награжу тебя не хуже твоей мадамы, и замужъ выдамъ. Ага! гутъ и ушки зарумянились! (Беретъ ее за руку.) Подумаемъ о добромъ приданомъ.

Сумбурова (становясь между ихъ).

О добромъ приданомъ? надобно подумать! Ахъ ты старая мартышка! да что ты это затѣялъ, въ своемъ ли ты умѣ?

Сумбуровъ.

Остойся! остойся! (Про себя.) Да отколь ее нелегкое принесло?

Сумбурова.

Какъ, распутная твоя душа, ты отъ живой жены, — грѣховодникъ! а я чтобъ стала терпѣть! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу кричать, пускай всѣ добрые люди соберутся и видятъ ...

Сумбуровъ (про себя).

Страмъ съ ней, да и все тутъ! (Къ ней.) Полуумная, да выслушай!

Сумбурова.

Я ужъ выслушала! При мнѣ изволилъ притворяться, что не терпитъ французскихъ лавокъ, ругать ихъ, а безъ меня такъ, видно, дѣла идутъ совсѣмъ другой статьей!

Маша (про себя).

Надобно это повернуть въ нашу пользу! (Сумбуровой.) Вотъ, сударыня, какъ иногда терпитъ напраслину самая невинность! Ну, а какъ еще, вмѣсто ссоры, какъ есть за что поблагодарить барина? ...

Сумбуровъ

Ужъ, конечно, есть за что!

Сумбурова (Машѣ).

Можетъ быть; только не мнѣ, а тебѣ, голубушка! Не слыхала развѣ я, какъ онъ говорилъ о приданомъ?

Маша.

Ну, да, о приданомъ, сударыня, - для своей дочери!

Сумбуровъ.

Что?

Сумбурова.

Для Лизаньки?

Маша.

Да. Онъ было вздумалъ обрадовать васъ нечаянно, и отобралъ уже множество прекрасныхъ товаровъ, а особливо для васъ.

Сумбурова.

Ужъ и для меня! ...

Сумбуровъ (Машѣ).

Что? что ты говоришь?

Маша (тихо Сумбурову).

Говорите, пожалуй, другое, если не боитесь страму и ссоры.

Сумбуровъ (про себя.)

Страму? — Она права: это лучшій способъ отъ него избѣжать.

Сумбурова (Машѣ).

Неужели? да нѣтъ, я не могу повѣрить!

Маша.

А вотъ вы тотчасъ повѣрите. Дѣвушки! подите кто-нибудь сюда, возьмите эти два куска шитой кисеи и отдайте ихъ человѣку.

Сумбуровъ (Машѣ).

Я, помнится мнѣ, только одинъ ...

Маша (Сумбурову).

Вотъ прекрасно! вы забыли ... (Дѣвушкѣ.) Возьмите жъ эти кружева и двѣ коробки цвѣтовъ, и уставьте ихъ тамъ хорошенько!

Сумбурова.

Сокровище ты мое! ну я бы вѣкъ не подумала ...

Сумбуровъ (про себя).

И я, право, такъ же мало думалъ. (Машѣ.) Головы что ли ты моей ищешь, проклятая?

Маша (къ г-жѣ Сумбуровой).

Ну ужъ, видно, васъ баринъ страстно любитъ, сударыня! (Дѣвушкѣ.) Возьми, прикажи какъ можно осторожнѣе уставить этотъ фарфоровый дежене[1]. Посмотрите, сударыня, какая живопись! какой вкусъ! это для васъ.

Сумбурова (Сумбурову).

Безцѣнный мой! Да что жъ ты не веселъ? Не правда ли, что въ русскихъ рядахъ такихъ товаровъ не отыщешь?

Маша.

Ужъ, конечно, сударыня! Чему въ нихъ быть доброму? ничего не найдете!

Сумбуровъ (Машѣ).

Негодная! я бы хотѣлъ въ нихъ купить добрую веревку, чтобы ею тебя удавить.

Сумбурова.

Что, что онъ говоритъ?

Маша (Сумбурову).

О, виновата, сударь! (Къ Сумбуровой.) Изволитъ

1 Сервизъ, приборъ для завтрака.

говорить, чтобы снять съ васъ и съ падчерицы вашей мѣрку, да пошить платья побогатѣе.

Сумбуровъ.

Какъ? какъ? будто я это сказалъ? ты не вслушалась. Поди-тко сюда, послушай, голубушка, ты, наконецъ, выведешь меня изъ терпѣнія ...

Маша.

Угрозы! О! это примѣта безсильныхъ. Да кто вамъ мѣшаетъ говорить свое? Отвѣдайте со мною разбиться въ словахъ.

Сумбурова.

Да что? что вы тамъ? Вѣрно, еще что-нибудь затѣваетъ.

Маша.

Ужъ какой нетерпѣливый! Извольте жаловаться, что нѣтъ здѣсь барышни, вашей падчерицы: ну вотъ захотѣлось, чтобъ теперь же снять мѣрки.

Сумбуровъ (къ Сумбуровой).

Ну что жъ, моя жизнь, мы лучше въ другое время съ Лизанькой вмѣстѣ пріѣдемъ. (Про себя) Лишь бы мнѣ ее выманить. (Маше) Что, плутовка, попалась ты сама на свою уду?

Сумбурова (Сумбурову).

Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, Лизанька тотчасъ будетъ! Я, увидя твоего лакея у крыльца, хотѣла только узнать, что ты здѣсь дѣлаешь: вить мнѣ и въ голову не входили твои проказы! а Лизаньку оставила съ теткой: онѣ хотѣли только одинъ конецъ по гулянью пройти и въ одну минуту будутъ сюда; у меня какъ сердце слышало, что ты въ разумъ войдешь.

Маша.

Ахъ, такъ это очень кстати! Я въ сію минуту

доложу о васъ мадамъ Каре. (Про себя.) Сказать ей, что она здѣсь, и отыскать Лестова! (Къ Сумбуровой.) Она сама постарается вамъ угодить. (Сумбурову.) Ну, сударь, кто же изъ насъ на свою уду попался?

Сумбуровъ (про себя).

Какое мученіе! надобно ужъ дождаться, а то хуже будетъ. (Машѣ.) Добро ты, негодяйка! Я думаю, меня самъ лукавой сюда занесъ!

(Маша уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Сумбуровъ, Сумбурова, Каре и Трише.

Каре.

Non, non monsieur!

Трише.

Я не каваритъ на французски, я шелатъ, што monsieur et madame слышалъ будитъ, какъ вашъ неблагодарна!

Сумбурова (Каре).

Я, матушка мадамъ ...

Каре.

Et vous osez ...

Трише.

Не кошетъ мой французски! Извольте послушать, каспадинъ: мадамъ знай мене польна близка; мнѣ нушна деньга бездѣлисъ, я имѣйтъ вексель на закладъ, е мадамъ такой невьежъ, такой грубъ, не кошетъ мнѣ вѣриль!

Каре.

Eh bien: не кошетъ! Мой нѣтъ деньга на всякой бродягъ!

Трише.

Бродягъ? — Самъ твой бродягъ, никодня женшинъ! Твой забуль, какъ на Паришъ безъ башмакъ пѣгалъ на улисъ, е нинше спесивъ, какъ знатна баринъ!

Каре.

Et ваша, мосье, помнитъ, карошъ Паришъ?

Трише.

Allons, soyez discrette!

Каре.

Ah! теперь мой не кошетъ на франсуски. — Вашъ мосье забулъ, какъ на Паришъ на тшюжа карманъ деньги ловилъ, et monsieur давно былъ мотать на воздухъ, mais monsieur браворна, monsieur ушла отъ Паришъ — le scelerat!

Сумбурова.

Я, жизнь моя ...

Трише.

Мадамъ помнишь, какъ отъ мой recomendation взіатъ ушительнисъ въ русска богата фамиль, ушить малада дѣвушка на корошъ повіедень, et мадамъ за свой карошъ повіедень сколько разъ въ Паришъ гулялъ на Салпетрина заводъ [1].

Каре.

Негодна шелвѣкъ! Мой буль невинна et имѣлъ сильна непріятель!

Трише.

Да! да! вашъ невинность буль на вѣшна соръ съ Паришска полисъ.

[1] Была въ тюрьмѣ (сначала селитряный заводъ, потомъ — исправительное заведеніе).

Каре.

Et monsieur помнитъ, какъ послѣ мой далъ ему мѣста учитель на богата домъ, et вашъ такой невьежъ et такой мерзка, что не дворенска дѣтки, доброй собакъ учитъ! негодна!

Трише.

Кадка креатурь[1], богади немношко, мой знай тобра манеръ; сдѣлай тебѣ такой ниша е продятъ, какъ былъ и до русска семля.

Каре.

Comment?

Трише.

Ни слова на французски; мой кошетъ, што мосье слишалъ, какъ вашъ некодна et мерска шеншинъ, какъ вашъ обманшикъ, et какъ вашъ таргавалъ на контрбандъ. — Его? што, вашъ отъ эта смирна сталъ, мой навѣрно это знаетъ! — (Къ Сумбурову.) Monsieur! мой отсель пополь на вашъ квартеръ, дожидайся; я имѣй великъ дѣлъ на васъ доложилъ.

Сумбуровъ (Трише).

Ступай, ступай! (Жене.) Пойдемъ, жена, мнѣ, право, есть еще дѣло тебѣ сказать!

Сумбурова.

Да дождемся же Лизаньки!

Сумбуровъ.

Что ты съ ней будешь дѣлать?

Трише.

Adieu! вашъ отъ мене услышитъ, скоро услышитъ, бездѣльникъ!

Каре.

Traître[2]!

---

[1] Созданіе.

[2] Предатель, негодяй.

Явленіе восьмое.

Сумбуровъ, Сумбурова и Каре.

Сумбуровъ.

Поѣдемъ-ко, поѣдемъ, сударыня! Мнѣ съ тобой есть важное дѣло переговорить!

Сумбурова.

Постой же, батюшка, вотъ идетъ Лизанька, дай снять мѣрки!

Сумбуровъ.

Ужъ надо дотерпѣть! — Только, ради Бога, поскорѣй кончите. О негодная! если-бы я могъ ...

Явленіе девятое.

Тѣ же и Лиза.

Лиза.

Батюшка, вы еще здѣсь? Я ужъ боялась опоздать, да тетушка такъ устала, что мы на-силу дотащились, и она, проводя меня сюда, поѣхала ...

Каре.

Вашъ не кавари на французски?

Сумбурова.

Виновата, жизнь моя, не умѣю! — Вотъ, батюшка, какъ я у твоей то роденьки была воспитана, что стыдно въ порядочные люди глаза показать, а ты и дочку то свою такъ воспиталъ!

Сумбуровъ.

Я воспиталъ ее быть доброю женою, доброю хозяйкою и доброю матерью, а не по-сорочью щекотать. Успѣлъ я здѣсь увидѣть много твоихъ прія-

тельницъ, — хороши! стыдно не учиться музыкѣ, стыдно не умѣть танцовать, стыдно очень не лепетать по-французски; а не стыдно, сударыня ... сорвалось было у меня съ языка, да полно, я скроменъ.

Каре.

Вашъ, конешно, изъ дальна провинсъ?

Сумбуровъ.

А что? развѣ здѣсь эдакъ и думать въ диковинку?

Сумбурова.

Матушка мадамъ, мнѣ и падчерицѣ надобно нашить платья.

Сумбуровъ.

Жена, опомнись, надо честь знать, сшей имъ по платью, да и полно; лавку что ли ты всю поднять хочешь?

Каре.

Пожалуй сюда, сударинь, я будетъ для васъ вибирай сама карошъ матерія et ваша только тенга плати.

Сумбурова.

Хорошо, ангелъ мой! — Слышишь ли ты, жизнь моя? она сама хочетъ выбирать; ужъ какая добрая! Побудь здѣсь, Лизанька!

Каре.

Машенька, Машенька!

Явленіе десятое.

Тѣ же и Маша.

Каре.

Извольте останесъ съ mademoiselle: — я пошолъ выбирать товаръ для мадамъ.

Сумбуровъ.

Если за ней не пойти, такъ она всю лавку скупитъ. Пойдемъ, другъ мой, Лиза, туда, что тебѣ здѣсь оставаться?

Маша.

Вотъ бѣда! Пойдемте, пойдемте, сударыня, тамъ то самые лучшіе и дорогіе товары вы увидите, и я вамъ обѣимъ помогу выбрать ихъ столько ...

Сумбуровъ.

Нѣтъ, нѣтъ! останьтесь лучше здѣсь; я ужъ одинъ пойду. — Эта бездѣльница рада разорить меня!

(Уходитъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Лиза, Маша и Каре.

Каре.

Ma chere enfant, вы пудитъ здѣсь видитъ одна малада каспадинъ, когора васъ ошень лубитъ.

Лиза.

Сердце во мнѣ такъ сильно бьется ...

Каре.

Не бойсь, mademoiselle, мадамъ Каре свой тѣлъ снаитъ карашо и будитъ вашъ старику держалъ на задня комнатъ. Машенька, ваншъ не позабуль сказать мосье Лесту, что мой лавка рискуй свои reputation для ему rendez-vous съ пригожа мамзель et што она должна платить мене добра монетъ!

Маша.

Подите, подите, ужъ ничего не забуду!

Явленіе двѣнадцатое.

Лиза, Лестовъ и Маша.

Лестовъ.

Лиза, другъ мой! повтори мнѣ еще, что ты меня любишь!

Лиза.

Могь ли ты въ этомъ сумнѣваться? я воспитана въ деревнѣ, вдали отъ большихъ городовъ ..

Маша.

Полно-те, полно-те, оставьте ваши нѣжности къ вѣшу, вамъ будетъ для нихъ довольно досугу, лишь бы не пропала охота, рѣшитесь лучше, какъ помочь горю!

Лиза.

Ну чтожъ я должна дѣлать? довольно ли тебѣ моего слова: не быть ни за кѣмъ, кромѣ тебя, или умереть въ дѣвкахъ!

Маша.

Нѣтъ, нѣтъ, мы совсѣмъ не того хотимъ: намъ надобно все или ничего — не правда ли, сударь?

Лестовъ.

Такъ, конечно; безъ тебя я не могу быть счастливъ, жизнь моя будетъ мнѣ въ тягость; или ты должна быть моею, или ...

Маша.

Или онъ поживетъ, поживетъ, да и умретъ; сжальтесь, сударыня ...

Лестовъ.

Согласись уѣхать со мною къ сестрѣ моей. У ней село отсель въ трехъ верстахъ; тамъ мы обвѣнчаемся - - и тогда уже никто насъ не разлучитъ.

Лиза.

Боже мой, что ты мнѣ предлагаешь!

Маша.

Куда какая бѣда, сударыня! любовное похищеніе: сколько комедій, сколько романовъ этимъ кончаются; да и въ самомъ дѣлѣ, сколько дѣвушекъ увозится, что не скоро перечтешь; а сколько еще такихъ, которыя бы ради, чтобъ ихъ увезли, да никто не увозитъ!

Лиза.

Чего ты требуешь отъ меня?

Лестовъ.

Это мнѣ нужно, чтобъ оживить хотя немного мои надежды.

Лиза.

Жестокая мачиха, ты будешь причиною ...

Лестовъ.

Я только одного слова отъ тебя требую ... Ты молчишь? Прости жъ навѣкъ ...

Лиза.

Постой! (Бросается въ кресла.) Лестовъ, какъ я несчастлива!

Лестовъ.

Маша, она лишается чувствъ!

Маша.

Ну да вить вы видите, что дѣло идетъ своимъ порядкомъ. (Сумбуровъ показывается.)

Лестовъ (бросаясь на колѣни).

Лиза, любезная Лиза! Что дѣлать?... Маша!... Лиза!...

Маша.

Я брошусь за спиртомъ, — и у васъ ужъ голова завертѣлась? Да неужели, сударь, сроду для васъ это первый обморокъ?

Явленіе тринадцатое.

Сумбуровъ, Маша, Лиза, Лестовъ и потомъ Г-жа Сумбурова.

Сумбуровъ.

Какъ! какъ! что это значитъ? Передъ дочерью моею на колѣняхъ!... въ лавкѣ! середи цѣлаго города! середи бѣлаго дня!... О срамъ, о стыдъ!... Беззаконники!

Лиза.

Батюшка!

Лестовъ.

Новое несчастіе!

Сумбуровъ.

Безстыдная дочь! ты стоишь, чтобъ я тебя удавилъ на этомъ же мѣстѣ.

Сумбурова.

Какой шумъ! какой крикъ! Что такое здѣсь дѣлается?

Сумбуровъ.

Поди, сударыня, посмотри, полюбуйся; всѣмъ этимъ я тебѣ обязанъ! Еслибъ не твоя дьявольская охота таскаться по этимъ проклятымъ лавкамъ ...

Сумбурова.

Да что такое?

Сумбуровъ.

А то, что я засталъ его милость на колѣняхъ передъ дочерью. Понимаешь ли ты, глупая голова, какой это стыдъ всему нашему роду — на колѣняхъ въ публичномъ мѣстѣ ...

Сумбурова.

Ну вотъ, батюшка, ты вѣдь первый всегда былъ за него заступникъ: по-дѣломъ тебѣ! А вы, сударь, какъ осмѣлились?

Сумбуровъ (передразнивая).

А вы, сударь, какъ осмѣлились? Почему и не осмѣлиться, коли дура попалась. Ѣзди только почаще сюда, такъ, наконецъ, кто-нибудь осмѣлится и съ тобою то же сдѣлать.

Лестовъ.

Простите, сударь, моей страсти ...

Сумбуровъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь, этого страму никогда вамъ не прощу! Какъ!... ты могъ!... А я! я ужъ было передумывалъ въ твою пользу. Первый твой гостинецъ, что ты услалъ слугъ пить и остался говорить съ дочерью, не щадя моего имени, не размысля, что скажутъ прохожіе, видя дѣвушку въ каретѣ одну, не видя при ней никого, кромѣ молодого повѣсы,— что подумаютъ о ней и о тѣхъ, чья она дочь? Ну да я было и это простилъ, отнесъ это на счетъ молодости, на счетъ неразсудливости; намѣревался было, помня дружбу отца твоего ... а ты, ты подкупилъ здѣсь этихъ плутовъ помогать тебѣ ...

Маша.

И, сударь ...

Сумбуровъ.

Молчи, молчи, голубушка, я не такъ простъ и слѣпъ! Ты подкупилъ, говорю я, этихъ плутовъ обмануть насъ и доставить тебѣ свиданіе; ты не пожалѣлъ чести и добраго имени друга отца твоего, и передъ этой вѣтреницею, на поношеніе мнѣ и чтобъ видѣлъ малый и большій, конный и пѣшій!... Нѣтъ, нѣтъ, мы болѣе не знакомы!

Лестовъ.

Я умоляю васъ ...

Сумбуровъ.

Я не хочу слушать ничего!

Лестовъ.

Я клянусь вамъ ...

Сумбуровъ.

Двора моего не знайте; да забудьте, коли можете, и то, что я былъ другъ вашему отцу, а то вамъ совѣсть не дастъ покою послѣ вашего поступка. Поѣдемъ, сударыня!

Лестовъ.

Итакъ, ни мои просьбы, ни мои обѣщанія поправить ...

Сумбуровъ.

Я мало объ этомъ забочусь ...

Лестовъ.

Прощайте же, сударь, и ждите всего отъ моего отчаянія!

Сумбуровъ.

Безстыдникъ! Вотъ тебѣ, сударыня, французскія лавки! вотъ тебѣ французскія мастерицы! — смастерили было онѣ добрую игрушку. О стыдъ! о поношеніе, какого съ начала свѣта въ родѣ Сумбуровыхъ не бывало! Вонъ отсель, вонъ изъ этого дьявольскаго гнѣзда! (Сумбурова уходитъ.)

Маша.

Да наша ли вина?...

Сумбуровъ.

А ты, моя голубушка, ты поди къ своей мадамѣ да скажи ей, что она негодница, и ты съ ней вмѣстѣ;

что она плутовка, и ты съ ней вмѣстѣ; что она за свои добрые промыслы заслуживаетъ сидѣть въ рабочемъ домѣ, и ты съ ней вмѣстѣ; и что я бы желалъ, чтобъ она, проклятая, и съ лавкою своею сквозь землю провалилась, и ты съ ней вмѣстѣ!

(Выталкиваетъ Машу и уходитъ.)

Дѣйствіе третье.

Явленіе первое.

Лестовъ, Маша и Аннушка.

Лестовъ.

Прекрасная мысль, Андрей! — Да выслушай, Маша!

Маша.

Проклятый французъ! Все ли оттоль выбрано, что нужно, Аннушка?

Аннушка.

На-чисто, и остались такія вещи, что полиція можетъ только полюбоваться, а придраться будетъ не къ чему.

Лестовъ.

Да что тамъ у васъ сдѣлалось? Плюнь на все, Маша, и похвали лучше мою выдумку. — Андрей!

Маша.

Да постойте на-часъ, напередъ посовѣтуемся; вить вы видите, что мнѣ не до васъ!- -Ну бронзы?

Аннушка.

На чердакѣ.

Лестовъ.

Да что за дьявольщина! у васъ всѣхъ мѣдныхъ боговъ и богинь туда потаскали.

Маша.

Ничего, сударь, ничего, на нихъ пришла маленькая бѣда, они отъ полиціи сбѣжали на чердакъ.

Лестовъ.

Да развѣ что-нибудь дошло до вашихъ ушей? Вздоръ, Маша, съ сильными друзьями бояться нечего; послушай-ко лучше ...

Маша.

Охъ, въ одну минуту ... а кружева?

Аннушка.

О! я ихъ запрятала въ такое мѣсто, которое только мнѣ извѣстно, и куда ужъ, конечно, дороги полицейскому я не покажу.

Маша.

Ну подите жъ пока, да осмотритесь еще хорошенько.

Явленіе второе.

Маша, Лестовъ, потомъ Андрей.

Лестовъ.

Да что эта суматоха значитъ?

Маша.

Гоненіе на нашу невинность. Есть нѣкто негодный французъ Тришe, который грозилъ донести, будто у насъ есть контробанда.

Лестовъ.

И въ самомъ дѣлѣ есть?

Маша.

Ну нѣтъ; хоть мы и правы, однако жъ осторожность въ такихъ случаяхъ не порокъ.

Лестовъ.

Трише! Трише! да что это за Трише?

Маша.

Года за два онъ былъ то разнощикомъ, то нанимался въ камердинеры и назывался Дюпре, а теперь разбогатѣлъ и пожаловалъ себя въ мусье Трише.

Лестовъ.

Дюпре, ахъ! да этотъ бездѣльникъ былъ у меня камердинеромъ, обокралъ меня кругомъ и бѣжалъ.

Маша.

Онъ то, проклятый, грозится на нашу лавку.

Лестовъ.

Вздоръ! я его усмирю, когда хочу. Посмотри напередъ, что я вздумалъ ... Андрей! ... никакъ его чортъ унесъ!

Андрей.

Чего изволите, сударь?

Лестовъ.

Бѣги, и какъ можно скорѣй, отыщи Сумбурову и, тихонько, чтобъ никто не зналъ, скажи ей ... (Шепчетъ). Да лети жъ стрѣлой.

Андрей.

Лечу, сударь!

Лестовъ.

Андрей!

Андрей.

Чего изволите?

Лестовъ.

Ты вѣдь догадался, что моимъ лакеемъ называться не долженъ, а будто отсель, изъ лавки.

Андрей.

Какъ же, сударь!

Лестовъ.

Ступай же. — Андрей!

Андрей.

Я, сударь!

Лестовъ.

Да чтобъ старикъ, пуще всего, тебя не видалъ никакъ.

Андрей.

Знаю, сударь!

Лестовъ.

Андрей!

Андрей.

Еще, сударь!

Лестовъ.

Проворство и осторожность!

Андрей.

Слышу, сударь!

Лестовъ.

Андрей!

Андрей.

Еще!

Лестовъ.

Смотри жъ, или синенькую въ руки и позволеніе двое сутокъ пить безъ просыпу, или добрый солдатскій пріемъ, — понимаешь? Прощай!

Явленіе третье.

Маша и Лестовъ.

Лестовъ.

Ну, Маша, послъ въ дорогѣ, теперь подумаемъ.

Маша.

За дѣломъ ли онъ посланъ? Не правда ли?

Лестовъ.

Вотъ вѣдь какая самолюбивая! Ужъ коли не ты вздумала, такъ и дурно.

Маша.

Вотъ вѣдь какіе самолюбивые! Ужъ коли вы вздумали, такъ и хорошо. Посмотримъ же этого хорошаго!

Лестовъ.

Да, конечно, не худого. Слушай же обѣими ушами и удивляйся моей замысловатости. Я послалъ Андрея къ Сумбуровой сказать, отъ имени мадамъ Каре, будто у васъ есть запрещенные товары для нарядовъ, что она можетъ купить ихъ за безцѣнокъ, и чтобъ нынѣшней же вечеръ, попозже, сюда пріѣхала. Какъ ты думаешь, соблазнитъ это ее?

Маша.

Легко станется, что пріѣдетъ. Ну, а тамъ что жъ?

Лестовъ.

Она пріѣдетъ съ Лизой отъ старика тайкомъ; ты уведешь ее въ другую комнату: Лиза знаетъ, что намъ уже не осталось другой надежды, послѣ давишней разлуки, какъ уѣхать, — она на это согласится.

Маша.

А если Сумбурова пріѣдетъ безъ падчерицы?

Лестовъ.

Безъ падчерицы!... это мнѣ въ голову не пришло. Ну, такъ что жъ, я употребляю всѣ силы, чтобъ Сумбурову склонить на свою сторону: просьбы, слезы ...

Маша.

А какъ она не согласится, — и увозить будетъ некого!

Лестовъ.

Некого! я ее увезу.

Маша.

Ха, ха, ха! прекрасная мысль! Развѣ вы новую кунсткамеру заводите?

Лестовъ.

Нѣтъ, право, не шутя, увезу за городъ, въ село, къ сестрѣ, а потомъ ужъ пущусь съ Сумбуровымъ въ мирные переговоры; и если дѣло пойдетъ на ладъ, такъ выдамъ ее при размѣнѣ плѣнныхъ, а себѣ возьму прелестную Лизу.

Маша.

Прелестно! Теперь послушайте меня. Мачиха не пріѣдетъ, или пріѣдетъ, да безъ падчерицы. Склонить ее невѣроятно; увезти старуху черезъ весь городъ — это хорошо въ романахъ, а не на-яву. Теперь, какъ вы думаете: не лучше ль бы было посовѣтовать прежде, нежели отправлять Андрея?

Лестовъ.

Ты меня какъ разбудила, негодная, и совсѣмъ не кстати! Но по крайней мѣрѣ я воображеніемъ былъ счастливъ. Для чего жъ ты мнѣ не хотѣла отвѣчать, когда я тебя звалъ на совѣтъ?

Маша.

Всякому, сударь, своя голова дорога. Вотъ какъ

я себя обезпечила, такъ могу и за васъ подумать. Только какъ ни раздумываю, а все выходитъ, что ваше посольство ни къ стати, ни къ мѣсту.

Лестовъ.

Едва ли ты не права, Маша! Однако жъ Андрей ужъ далеко. Какъ бы придумать, чтобъ это посольство не пропало?

Маша.

Изъ него развѣ та польза можетъ выйти, что я могу вкрасться въ довѣренность Сумбуровой, и тамъ современемъ ...

Лестовъ.

Современемъ! съ ума ты сошла.

Маша.

А вамъ бы, сударь, хотѣлось романъ свой на первой страницѣ кончить, — какая нетерпѣливость! Правда, у меня есть одна мысль ... да, да, пусть только пріѣзжаетъ Сумбурова ... прекрасно! надобно сказать правду: у насъ, женщинъ, въ ребенкѣ болѣе хитрости, нежели въ самомъ остромъ мущинѣ.

Явленіе четвертое.

Лестовъ, Маша и Аннушка.

Аннушка.

Мадамъ Каре прислала сказать, что точно скоро будетъ сюда Трише съ полицейскими. Все ли чисто?

Маша.

Кажется, мы готовы принять дорогихъ гостей. Ахъ Боже мой! я совсѣмъ забыла про этотъ шкафъ. Ради Бога, помогите мнѣ поскорѣй выбрать ...

Аннушка.

Идутъ!

Маша.

Сумбуровъ! Уйдите, уйдите. Ахъ, какое несчастіе! Самъ дьяволъ принесъ его на эту пору.

Явленіе пятое.

Маша и Сумбуровъ.

Маша.

Ба, сударь, это вы! — Совсѣмъ нечаянный гость!

Сумбуровъ.

Да, моя душа; надѣюсь однако жъ, что это въ послѣдній разъ. — Я пріѣхалъ разсчесться съ вами за всѣ драгоцѣнности, которыя ты давича, по милости своей, мнѣ на шею навязала.

Маша.

Боже мой! а счетъ еще не сдѣланъ, и мадамъ Каре нѣтъ дома. Помилуйте, сударь, развѣ мы васъ торопили?

Сумбуровъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я хочу неотмѣнно съ вами какъ можно скорѣй развязаться, до тѣхъ поръ душа моя не будетъ на мѣстѣ. Разочтусь, а тамъ останется ужъ только одна забота, чтобъ, если можно, и въ улицу вашу не заглядывать.

Маша.

Да развѣ не уснѣете завтра?

Сумбуровъ.

Какъ, завтра! Опять сюда? сохрани Богъ!

Маша.

Теперь, сударь, право, не до того; да мы пришлемъ къ вамъ со счетомъ.

Сумбуровъ.

Тьфу пропасть! да слышишь ли ты, что я ни лавки вашей, ни изъ лавки вашей видѣть никого не хочу. Да мнѣ кажется, у васъ здѣсь что то сматошно!

Маша.

Я вамъ, сударь, должна признаться, что счетъ вашимъ покупкамъ не сдѣлать мадамою; а она уѣхала со двора, такъ вамъ будетъ долго . . .

Сумбуровъ.

Я здѣсь готовъ ночевать, лишь только бы развязаться съ вами. Да что ты, голубушка, такъ оторопѣла? никакъ я вамъ мѣшаю?

Маша.

Въ чемъ, сударь?

Сумбуровъ.

О, почему мнѣ знать, вѣдь у васъ много промысловъ; и если французъ Трише говорилъ мнѣ правду...

Маша.

Онъ бездѣльникъ! О, негодный Трише!

Сумбуровъ.

А! а! ну, такъ я буду радъ; пусть васъ добрымъ порядкомъ проучатъ; а то ваши лавки ужъ не путемъ скоро богатѣютъ. Молчите, молчите! Трише готовитъ вамъ добрый гостинецъ.

Маша.

Мы его не боимся.

Сумбуровъ.

Это ваше дѣло. Мнѣ счетъ мой! счетъ я спрашиваю!

Маша.

Позвольте, не найду ль я его тамъ? О, негодный старикъ! (Особо.) Еслибъ его отсель выжить!

Явленіе шестое.

Сумбуровъ (одинъ).

Да, она что то въ большомъ угарѣ. Видно, французъ говорилъ правду, что онѣ промышляютъ запрещенными товарами. Хотя бы, поймавши на этомъ, вымстили имъ всѣ пакости, которыя онѣ здѣсь дѣлаютъ! Неосторожныя матушки, возя дочерей по такимъ благодатнымъ мѣстамъ, я, чай, не одинъ разъ плакали отъ этихъ лавокъ; а бѣдные мужья... о! видно, что они еще худо знаютъ, что здѣсь покупается и продается!

Явленіе седьмое.

Сумбуровъ и Маша.

Маша.

Какое несчастіе! она еще не пріѣхала!

Сумбуровъ.

Ну, что жъ, мой счетъ? иль въ самомъ дѣлѣ мнѣ за нимъ здѣсъ ночевать? Я не думаю, чтобъ вы ради были такому гостю, а особливо теперь.

Маша.

Мнѣ очень жаль, что вы можете долго прождать; безъ мадамы счету сдѣлать нельзя. Неужли вы намѣрены?...

Сумбуровъ.

Намѣренъ дожидаться до завтра. Вотъ видишь ли ты эту книжку, — она мнѣ теперь тяжеле пудовой гири, только для того, что въ ней есть ваши деньги. (Бросаетъ книжку на столъ.)

Маша.

Я божусь вамъ, что мы теперь очень заняты.

Сумбуровъ.

Что, видно, давишнія угрозы француза не на вѣтеръ? Скажи ты правду: есть товаришки, которые мимо таможни прокрадываются?

Маша.

Нѣтъ, сударь, мы торгуемъ честно!

Сумбуровъ.

И прилежно. Вѣдь, посмотри, теперь ужъ всѣ русскія лавки заперты, а у васъ такъ и ночи даромъ не пропадаютъ: а, сверхъ того, таки есть и товары поприбыльнѣе другихъ. Тришке мнѣ все разсказалъ!

Маша.

Тришке? Онъ, сударь, у насъ никогда повѣреннымъ не былъ.

Сумбуровъ.

Ну, а какъ онъ знаетъ, и отъ вѣрныхъ людей, куда пришли и куда положены товары? если онъ слышалъ отъ тѣхъ, которые ихъ переносили и укладывали ... Напримѣръ: въ этой самой комнатѣ нѣтъ ли, полно, шкафца, въ которомъ бы были запрятаны ... ну, что жъ ты вдругъ примирѣла? ...

Маша.

Мнѣ, право, больно за свою хозяйку ... Ваше подозрѣніе ... Въ этой комнатѣ такіе же товары, какъ и въ другихъ!

Сумбуровъ.

Ну нѣтъ, они поприбыльнѣе. Вѣдь товаръ товару не указываетъ. Ха! ха! ха! радъ бы, радъ бы я былъ, какъ бы при мнѣ незваные то гости къ вамъ пожаловали!

Явленіе восьмое.

Маша, Сумбуровъ и Антропъ.

Антропъ.

Баринъ, сударь, плохо!

Сумбуровъ.

Ну что тамъ сдѣлалось? карету что ль вы изломали?

Антропъ.

Куды, сударь, совсѣмъ не то! больно плохо!

Сумбуровъ.

Тьфу къ чорту! да что же такое? кучера что ли лошади понесли?

Антропъ.

Нѣтъ, сударь, и то нѣтъ, а крѣпко плохо ... наша барышня ...

Сумбуровъ.

Дочь моя? что съ ней сдѣлалось?

Антропъ.

Да плохо, баринъ, ужъ и я смекнулъ, что очень плохо.

Сумбуровъ.

Бездѣльникъ! да скажешь ли ты! или я ...

Антропъ.

Тотчасъ, сударь, тотчасъ. Вѣдь вотъ какъ заторопите, такъ пуще замѣшаюсь. Послушайте же. Сижу я здѣсь, у крыльца; вотъ подъѣхала карета и оттоль такъ тоненько спрашиваетъ меня: „Антропъ! Антропъ! ты это?“ Я, знашь, и догадался, что кто-нибудь въ каретѣ есть. Что молъ надо? — „Развѣ батюшка въ лавкѣ? съ нимъ что ли ты?“

Сумбуровъ.

Дочь моя!

Антропъ.

Догадался и я, баринъ, что это, вѣрно, барышня.

Сумбуровъ.

Ну, да жена съ ней была?

Антропъ.

То-то и плохо, баринъ, что нѣтъ. А давишній то офицеръ, что у насъ въ деревнѣ съ полкомъ былъ, онъ высунулся ко мнѣ по поясъ, и я очень узналъ его къ фонарю: „Поклонись де", сказалъ онъ, „своему барину, и скажи, что онъ меня довелъ до этого". Ужъ Богъ знаетъ, до чего, бояринъ, а тамъ барышнѣ то говоритъ: „Ужъ теперь, душенька, заѣдемъ мы въ другое мѣсто нанять для тебя горничную" — да и по лошадямъ. — Ну, вотъ, я и смекнулъ, бояринъ, что плохо... стало, барышня то съ нимъ уѣхала.

Сумбуровъ.

О, страмъ! о, поношеніе! — Бездѣльникъ! да для чего ты не закричалъ въ ту минуту?

Антропъ.

Власть ваша, сударь, да кто же намъ запретитъ? Пойдемъ на улицу, да закричимъ караулъ: вдвоемъ то мы еще сильнѣе кричать станемъ!

Сумбуровъ.

Карета моя тутъ?... О, негодная дочь!

Антропъ.

Какъ же, сударь, я уже догадался, что вы здѣсь не останетесь, и кучеру велѣлъ на козлы сѣсть.

Сумбуровъ.

Брошусь домой, не успѣю ли отыскать ихъ слѣ-

довъ и узнать, куда за ними ѣхать. Ступай на квартеру и вели скакать во весь опоръ.

Антропъ.

Ну, какъ же, сударь, я ужъ смекнулъ, что теперь шагомъ не ѣзда!

Явленіе девятое.

Маша, Лестовъ и потомъ Аннушка.

Лестовъ.

Маша! Маша! одна ты тутъ?

Маша.

Одна. — Старикъ щегольски попался и уѣхалъ домой отыскивать вашихъ слѣдовъ! — Ба! да онъ, въ хлопотахъ, забылъ шляпу, трость и книжку! Да какая же полненькая! видно, что въ степныхъ деревняхъ откормлена. — Аннушка, выберите все изъ этого шкафа.

Лестовъ.

Ха, ха, ха! я прекрасно сыгралъ эту роль; а Аннушка, какъ ангелъ! Какій робкой, какій тихонькій голосокъ! — Бѣдняжка Антропъ, услыша, что она его называетъ по имени и спрашиваетъ про батюшку, не задумался принять ее за барышню. Мы съ нимъ распрощался чинъ чиномъ, ударили по лошадямъ, да съ другой улицы въ ворота, — и сюда вошли заднимъ крыльцомъ. Ну! довольна ли ты, сударыня, моимъ рапортомъ?

Маша.

Нельзя быть довольнѣе! — Еслибы вы знали, что теперь у меня въ головѣ! Скажите, воротился ли Андрей?

Лестовъ.

Давно. Сумбурова хотѣла пріѣхать тотчасъ. Да

что намъ въ этой старой колдуньѣ, я и, вѣдомо, давича вздоръ затѣялъ!

Маша.

О еслибъ вы знали, какъ этотъ вздоръ можетъ для васъ счастливо кончиться.

Лестовъ.

Какъ?

Маша.

Тотчасъ, тотчасъ, дайте обдумать. (Аннушкѣ.) Эти картоны приберите въ свой сундукъ. (Особо.) Точно! (Аннушкѣ.) Платья можете оставить тутъ въ комнатѣ... постойте, постойте ... (Особо.) Старикъ таковъ, какъ намъ надобно. (Аннушкѣ.) Эти вещи отнесите къ мадамъ и велите подалѣе припрятать; мы хоть и невинны, однако чѣмъ далѣе отъ прицѣпокъ, тѣмъ душа спокойнѣе. (Особо.) Ничего нѣтъ вѣроятнѣе, еслибы только намъ ее залучить!

Лестовъ.

Я думаю, ты помѣшалась, Маша, и несешь горячку! ...

Маша.

Да, да! Только эта горячка прибыльна мнѣ, а не лѣкарямъ. Теперь подите сюда и не входите до тѣхъ поръ, пока не придетъ сюда мадамъ Каре; тогда обѣгайте кругомъ и войдите сюда съ улицы.

Лестовъ.

Если я что-нибудь понимаю ...

Маша.

Подите, подите отсель ... чу, идутъ! Смотрите жъ, чуръ, держаться слова, если достанемъ невѣсту!

Лестовъ.

Коли не вѣришь, вотъ тебѣ поцѣлуй задатку.

Маша.

Тьфу, какой бѣшеный! Съ нимъ будь осторожна, какъ журавль, и тутъ тебя подстережетъ!

Явленіе десятое.

Маша (одна).

Ну, Маша, отпускная и 3000 рублей въ приданое, — это прекрасно! Трудись, мой другъ. Недостаетъ только бездѣлицы: мужа! Ба, и подлинно бездѣлица: не такой нынѣ вѣкъ, чтобъ съ приданымъ жениха не сыскать!

Явленіе одиннадцатое.

Маша и Сумбурова, потомъ Сумбуровъ.

Сумбурова.

Ну, моя голубушка, опять я помирилась съ вами. Признаться, давичняя исторія ...

Маша.

Повѣрьте, сударыня, что я совсѣмъ въ ней невиновата. Вы знаете, сколько у насъ хлопотъ: то разверни, другое положи; мнѣ и въ голову не пришло посмотрѣть за этимъ повѣсою. Полно, мы ему начисто сказали, чтобъ онъ въ лавку къ намъ болѣе жаловать не изволилъ. И подлинно, Богъ знаетъ, что про насъ подумаютъ; а у насъ, право, сударыня, настоящее монастырское благочиніе.

Сумбурова.

Однако, душа моя, поговоримъ о дѣлѣ. Запри-ка теперь лавку, чтобъ кто изъ знакомыхъ меня не увидѣлъ, и до мужа бы не дошло.

Маша.

Я заперла дверь; не бойтесь ничего.

Сумбурова.

Ничего, я уже и карету съ человѣкомъ сажень за двадцать отсель оставила: хоть правда, что на дворѣ темно, да все-таки, оборони Богъ, грѣха, мой то старикъ узнаетъ, — такъ съ нимъ и не раздѣлаешься. Ну, что жъ, душа моя, вы присылали, что у васъ есть такіе товарцы . . .

Маша.

Прекрасные, сударыня, и вы можете получить ихъ за безцѣнокъ. Мы боимся, чтобъ ихъ здѣсь въ городѣ не подмѣтили. Такъ какъ вы ѣздите вдаль, то тамъ на здоровье износите. Вотъ не угодно ли для вашей падчерицы?

Сумбурова.

Нѣтъ, нѣтъ, моя милая! и подлинно, вить моего старика не во всемъ сердить надобно; мы и тамъ ей уборовъ нашьемъ. Выбери-тко ты мнѣ побольше да получше. Ужъ то-то наши щеголихи, глядя на меня, будутъ бѣситься отъ зависти, а я то передъ нами и на балахъ, и на гуляньяхъ пава-павой, — пусть ихъ терзаются. (Стучатъ.) Кто то стучитъ! Посмотри, жизнь моя, да, коли можно, не пускай.

Маша (подходя къ двери).

Боже мой, это вашъ мужъ!

Сумбурова.

Мой мужъ? Ахъ, пропала я! Что мнѣ дѣлать?

Маша.

Что за шумъ, что за стукъ! Они, кажется, хотятъ двери выломить!

Сумбурова.

Жизнь моя! ангелъ мой! нѣтъ ли куда спрятаться? Ради Бога, пока онъ будетъ здѣсь, я войду въ эту комнату.

Маша.

Ахъ, какое несчастіе! Дверь захлопнута оттоль, а тутъ никого нѣтъ; надобно будетъ за ключемъ бѣжать.

Голосъ.

Отоприте! отоприте!

Сумбурова.

Какъ, кругомъ! сюда? сохрани Боже! Сокровище мое! пропала я, если ты не сжалишься; это будетъ такой страмъ . . . самъ лукавый меня сюда занесъ!

Маша (отпирая шкафъ).

Ахъ, вотъ есть способъ: спрячьтесь пока тутъ; я ключъ положу въ карманъ, — и вы можете переждать эту грозу.

Сумбурова.

Хорошо, хорошо, моя милая; только выпроводь поскорѣе его отсель. Экой грѣхъ! экой грѣхъ!

(Садится въ шкафъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Маша, Сумбуровъ и Лиза.

Сумбуровъ.

Какая глупая исторія! Книжка моя?

Маша.

Вотъ, она, сударь, въ совершенной цѣлости.

Сумбуровъ.

Это хорошо, похвально! Полно, за вами столь-

ко проказъ, что про васъ можно не грѣша сказать пословицу, что дегтю, дегтю ...

Маша.

Вы хотите сказать, что бочка меду, да ложка дегтю?

Сумбуровъ.

Нѣтъ, нѣтъ, бочка дегтю, да ложка меду! вотъ это можно о васъ и о вашихъ лавкахъ сказать. Однакожъ я давича совсѣмъ растерялся ... вотъ и шляпа, и трость моя. Преглупая выдумка! еще и теперь опомниться не могу. Въ каретѣ къ самому крыльцу подъѣзжаешь ты съ Лестовымъ; онъ приказываетъ Антропкѣ ... что за чертовщина! да это, видно, остатокъ хмелю.

Лиза.

Неужели вы могли подумать, батюшка?

Сумбуровъ.

Я ничего не думаю. Да вѣдь, впрочемъ, большого худа нѣтъ, что я тебя теперь дома одну не оставилъ. Да куда взмыла жена? Ну, да, добро, мы только разочтемся, да и домой. Я неотмѣнно хочу нынѣ кончить свой счетъ.

Явленіе тринадцатое.

Сумбуровъ, Лиза, Маша, Трише и Квартальный со служителями.

Трише.

А, monsieur! мой радъ, што нашоль васъ здѣсь: вашъ изволитъ самъ глядитъ, ежели мой не лгалъ. Каспадинъ офисеръ, пожалуй за меня на та комнатъ нашать большой дѣлъ.

Маша (особо).

Да, да, подите — исспустя лѣто, да въ лѣсъ по малину!

Сумбуровъ.

Ужь не обманулся ли ты, мусье? Они что то здѣсь очень спокойно все встрѣчаютъ.

Тришe.

О нѣтъ, нѣтъ! — вотъ эта шкафъ, извольте видѣть, каналiя, тутъ добра товаръ лежитъ! Мнѣ сказать, кто его налажи. Подождите, подождите, вы тотчасъ увидѣть, если мой правъ.

Явленіе четырнадцатое.

Сумбуровъ, Маша и Лиза.

Сумбуровъ.

Что, моя красавица, теперь ты вѣришь, что не напрасно говорилъ о французѣ; да и онъ, собака, время не потерялъ! Посмотримъ, какъ то вы отдѣлаетесь! Ага! госпожи плутовки, конецъ вашимъ проказамъ! Не будете вы больше разорять и обманывать нашихъ простячковъ; не будете торговаться запрещенными товарами; не будете въ своей дьявольской лавкѣ давать свиданій, — по дѣломъ вамъ!

Маша.

О, сударь, вы видите, какъ я спокойна; право, намъ это посѣщеніе не страшно. Да что вы такъ вскинулись на нашу лавку? Вѣдь здѣсь сотня другихъ, въ которыхъ точно такіе жъ товары, какъ и у насъ!

Сумбуровъ.

Нѣтъ, мой свѣтъ! Ну, полно скромничать! Такихъ барышныхъ товаровъ, какъ въ этомъ шкафу, не скоро найдешь!

Маша.

Да что жъ тутъ за товаръ?

Сумбуровъ.

Все знаю, моя красавица! Скажи-тка на ушко, есть ли, полно, на немъ таможенная печать? — Мы посмотримъ.

Маша.

Вотъ еще, сударь, посмотрите! Да какое право вы имѣете?

Сумбуровъ.

Не торопись, душа моя, я, пожалуй, пальцемъ не дотронусь; только тутъ найдутся люди въ мундирахъ, должностные, которые тихонько да скромненько пошарятъ да посмотрятъ!

Маша.

Нечего смотрѣть!

Сумбуровъ.

Нечего смотрѣть? дерзкая! Такъ я не выѣду отсель, пока своими глазами не увижу, какъ вы изъ этого вывернетесь. Жаль только, что жены нѣтъ; ей бы ее привезъ полюбоваться на своихъ пріятельницъ: пусть бы видѣла, каковы онѣ честны!

Явленіе пятнадцатое.

Маша, Сумбуровъ, Трише, Лиза, Квартальный офицеръ съ полицейскими и мадамъ Каре.

Трише.

Ваше высокоблагородь, изьольте дѣлъ вашъ продолжанть: это еще не конесъ; я навѣрно знанть ...

Каре.

Это шутна, очень шутна, какъ можно сумнѣвайсь на такой шесна персонъ, какъ мадамъ Каре!

Маша.

Вы насъ обижаете.

Офицеръ.

Не безпокойся, душа моя: если мы ничего не сыщемъ, такъ и опасаться вамъ нечего.

Каре.

Ah, Боже мой! Боже мой! што за гатка исторія, — c'est vous ...

Маша.

Не бойтесь.

Трише.

Мой не знаитъ по французска — извольте, мадамъ говоря по русска; мой кошетъ, штобъ всека могъ разумѣлъ, какъ вашъ плутъ. Кападинъ офисіе, извольте только продолжать вашъ perquisition.

Офицеръ.

Не безпокойся, я свое дѣло знаю! (Осматриваетъ.)

Сумбуровъ.

Шкафа то не позабудьте.

Офицеръ.

Здѣсь я ничего не нахожу подозрительнаго!

Сумбуровъ.

О, будетъ, будетъ еще, погодите только!

Явленіе шестнадцатое.

Сумбуровъ, Лиза, Трише, Каре, Маша, Полицейскіе и Лестовъ.

Лестовъ.

Ба! какая богатая бесѣда! Слуга вашъ! Что за собраніе?

Сумбуровъ.

Ничего, сударь, пріятельское посѣщеніе отъ по-

лиціи вашимъ знакомымъ. Порадуйтесь: у нихъ нашли контрабанду; не даромъ вить скоро богатѣютъ!

Лестовъ.

Какъ, нашли?

Сумбуровъ.

Ну не нашли, такъ найдутъ тотчасъ, вотъ тутъ, близехонько; посмотрите-ка, посмотрите, что выдетъ!

Лестовъ.

Что это, Маша?

Маша (шепчетъ ему).

Ну, каково!

Лестовъ.

Я думаю, тебя самъ чортъ надоумилъ.

Офицеръ.

Я нигдѣ не нашелъ ничего.

Трише.

Monsieur, пожалуйте на эта шкапъ, — ah! Лесту! ништево — ништево, allons tricher de l'audace.

Сумбуровъ.

Да, да, тутъ хранится безцѣнное то сокровище. Эхъ, жаль, что жены нѣтъ! Дорого бы я далъ, чтобъ она здѣсь была: она вѣчная ихъ заступница, пусть бы ее показнилась, на нихъ глядя.

Офицеръ.

Пожалуйте, прикажите отпереть этотъ шкафъ.

Каре.

Машенька, каво клюши отъ эта шкапа?

Маша.

Вотъ онъ; только я увѣряю васъ ...

Сумбуровъ (вырывая ключъ).

Подай-ка, подай, голубушка, дорогой свой ключикъ! — Такъ, совѣсть ваша чиста, и за этимъ ключомъ мы не найдемъ ничего непозволеннаго? Прекрасно! Только кажется, будто вы не совѣмъ рады, что выпустили ключикъ изъ рукъ! Мадамъ, душа моя! ты мнѣ сегодня сослужила добрую службу, и ты бы стоила, чтобъ я подлинно своими руками за нее отмстилъ. Да полно, я и отплачу ее своими руками: самъ отопру драгоцѣнный шкапикъ. Да, да, посмотримъ вашихъ рѣдкихъ товаровъ! ... Ха! ха! ха! что то на нихъ за узоры? Куда жаль, коли печати не найдемъ! (Идетъ къ шкафу.)

Маша (останавливая его).

Постойте, сударь!

Сумбуровъ.

Пустое, чего стоять! Полюбуемся, что тутъ за диковинки ... изъ-за какихъ то морей пришлыли? ха ха! ха!

Маша.

Постойте, я вамъ сказываю ... знаете ли, что вы хотите дѣлать? ...

Сумбуровъ.

Ну! ...

Маша.

Вы себя острамите.

Сумбуровъ.

Какъ, какъ? съ ума ты сошла, дерзкая!

Маша.

Тутъ сидитъ ...

Сумбуровъ.

Тутъ лежитъ ...

Маша.

Я вамъ говорю, что тутъ сидитъ ...

Сумбуровъ.

Я тебѣ говорю, что тутъ лежитъ запрещенный товаръ.

Маша.

Такъ я вамъ сказываю, что тутъ сидитъ — ваша жена.

Сумбуровъ.

Что, что ты говоришь? ... Какъ? ...

Маша.

Ваша жена, говорю я вамъ: посмотрите сверху въ стекло, коли мнѣ не вѣрите.

Сумбуровъ.

Уфъ! не брежу ли я? — нѣтъ, точно она ... О преступница! о злодѣйка! Ну, хоронъ товаръ! вотъ тебѣ контрабанда!

Маша.

Ну что жъ вы не отпираете, сударь?

Сумбуровъ.

Какое бѣшенство! о негодная!

Офицеръ.

Государь мой, я не могу долго ждать:

Сумбуровъ.

Ради Бога погодите, я голову потерялъ! экой стыдъ! экой страмъ! государь мой, нельзя ли до завтра?

Трише.

На што на завтра, mais que diable, ваша такъ конфузна; пожалій мой клюши, мой самъ отперитъ.

Сумбуровъ.

Ключъ! чтобъ тебѣ околѣть, бусурману, прежде нежели ты до него дотронешься! О богоотступница!

Офицеръ.

Да пожалуйте ключъ!

Сумбуровъ.

Ключъ! какой ключъ? что вамъ надо! у меня никакого ключа нѣтъ!

Маша.

И, сударь, опомнитесь, вы въ рукахъ его держите.

Сумбуровъ.

Ахъ! это правда, я бы хотѣлъ проглотить его и имъ подавиться, чтобъ избѣжать этого страму. О негодная жена! Я думаю, что тебя самъ сатана, на стыдъ мнѣ, усадилъ въ этотъ проклятой шкафъ.

Лестовъ.

Государь мой, я знаю вашу бѣду!

Сумбуровъ.

Тсъ! ради Бога молчите. Такъ вы знаете? а еще кто знаетъ? Ахъ! вѣрно ужъ цѣлому городу извѣстенъ мой стыдъ, мое поношеніе! Лестовъ, другъ мой! помоги мнѣ, спаси меня отъ этой гнусной исторіи.

Лестовъ.

Вы чувствуете, какой стыдъ, что вашу жену вынутъ изъ шкапа?

Сумбуровъ.

Тсъ! ради Бога тише! с ты пребезаконная!

Лестовъ.

И объ этомъ отнесуся формально правительству ...

Сумбуровъ.

И напечатаютъ въ газетахъ ... Пропала моя голова!

Лестовъ.

Отъ всего этого могу я васъ спасти. Но прошу васъ, вспомните дружбу вашу съ моимъ отцомъ, вспомните, что я никакихъ причинъ вамъ не подалъ гнать меня; что ваша дочь раздѣляетъ любовь мою со мною ...

Сумбуровъ.

Понимаю, понимаю. Такъ ты спасешь меня? Добро, безстыдница! Это будетъ первое твое наказаніе! Ты не хотѣла Лестова, я радъ, что принужденъ отбоярить твоего мота Недосчетова. Дочь, поди сюда, дай руку, — вотъ тебѣ женихъ!

Лиза.

Какое счастіе! Батюшка, кому я обязана такою перемѣною?

Сумбуровъ.

Моей негодной женѣ.

Лиза.

Ахъ! я готова кинуться къ ногамъ ея. Гдѣ матушка?

Сумбуровъ.

Тише, тише, что тебѣ до этого, гдѣ она? не твое дѣло!

Трише.

Eh bien, каспадинъ мой, ваше не хотѣ дать клошь, но мой никакъ не уступитъ.

Лестовъ.

Дюпре, узнаешь ли ты меня?

Трише.

Каспадинъ, конешна, ошибайсь; мой не имѣть шесть вашъ знай; мой нѣтъ Дюпре, мой называйсь мосье Трише.

Лестовъ.

Прекрасно! только не позабудь, Дюпре, — или мосье Трише, — что я могу наказать тебя за шалости, которыя ты, три года тому назадъ, надѣлалъ у меня, бывши моимъ камердинеромъ — Явошную о твоемъ побѣгѣ еще и теперь можно отыскать въ полиціи!

Трише.

А! каспадинъ, ради Богъ не покушпть меня и мой репютасіонъ! Уже три котъ, какъ я шесна шелвѣкъ и теперь покага купесъ; я сдѣлаю вамъ все, што укодна ...

Лестовъ.

Ну такъ сей же часъ ... (Шепчетъ.)

Трише.

Шаль! опень шаль, но дле мене воль ваш свять!

(Идетъ и шепчетъ офицеру).

Офицеръ.

Какъ? вы точно отступаетесь отъ своего доносу и признаете свою ошибку и невинность мадамъ Каре?

Трише.

Правда, каспадинъ мой, и опень виноватъ: мадамъ Каре самой невинность; минѣ мой невѣрна сказать.

Каре.

О, я кошетъ показать свой иносансъ е наказать некодна Трише!

Лестовъ.

Оставьте это; вы не будете раскаяваться.

Каре.

Eh bien, некодна шельвѣкъ; я васъ прошай.

Офицеръ.

Сгало, минѣ и дѣлать нечего. Совѣтую впередь быть осторожнѣе въ своихъ доносахъ! Слуга вашъ!

(Уходитъ.)

Лестовъ.

Стунай и ты вонъ, Трише! Я все забылъ, прощай, будь спокоенъ!

Трише.

Бокъ меня убей, коли мой што маленька понимаешь. Serviteur, какая непасья! карона пожывка изъ рукъ ушолъ! (Уходитъ.)

Лестовъ (Мадамѣ).

Подите и вы въ свою комнату; я съ вами послѣ сочтуся.

Каре.

Я увѣренъ, што мосье кавалеръ шесна. Топръ ношь!

Явленіе послѣднее.

Маша, Лиза, Сумбуровъ, Сумбурова и Лестовъ.

Маша.

Ну, сударь, теперь отоприте благополучно шкафъ; да ради Бога не горячитесь: бѣдная барыня потерпѣла и такъ довольно отъ страха.

Сумбуровъ (отпирая шкафъ).

Безстыдница! безбожница! губительница ты моя! какая дьявольская сила тебя тутъ угнѣздила?

Маша.

Ободритесь, сударыня; дѣло все счастливо кончилось.

Сумбуровъ (выталкивая ее).

Да вылѣзешь ли ты, негодная! жить, что ль тебѣ тутъ полюбилось?

Сумбурова.

Батюшка, Артамонъ Никифорычъ, согрѣшила я, окаянная!

Сумбуровъ.

Какъ, какъ, бездѣльница?

Сумбурова.

Бѣсъ меня попуталъ, что тайкомъ отъ тебя ...

Сумбуровъ.

Что еще такое?

Сумбурова.

Кинулась на дешевые товары; не успѣла и пересмотрѣть, какъ ты изволилъ пріѣхать.

Сумбуровъ.

Уфъ, отъ сердца отлегло! Я ужъ думалъ, что она и чортъ знаетъ что напроказила. Безстыдная! безсовѣстная! Я, по милости твоей, былъ на краю пропасти. Ну, голубушка моя, за то вотъ тебѣ зять; любъ ли, не любъ ли, береги его да жалуй; а родственнику своему, могу, ищи другой невѣсты!

Сумбурова.

Какъ! Боже мой! о я несчастная! можно ли это, батюшка мой?

Сумбуровъ.

А вотъ какъ можно. Лиза, поцѣлуй своего жениха! Теперь вы видите, что мое намѣреніе чистосердечно: кромѣ жениха, никому не позволилъ бы я цѣловать дочь свою!

Лиза.

Батюшка, вы мнѣ возвращаете жизнь!

Лестовъ.

Чѣмъ могу изъявить вамъ свою благодарность? Лиза, любезная Лиза! какое счатіе! (Тихо Машѣ.) Маша! тебѣ я одолженъ многимъ; но я надѣюсь наградить тебя достаточно: сестра меня любитъ и послушаетъ. Черезъ два дни явись ко мнѣ за отпускною и за тремя тысячами, которыя я тебѣ обѣщалъ!

Маша.

Какое счастіе! Еще бы свадьбы двѣ, три, такъ и Маша пошла вы въ люди.

Сумбурова.

Я не знаю, гдѣ я! У меня голова кружится.

Сумбуровъ.

На-силу ты это примѣтила, негодная! Но добро, Богъ тебя проситъ. Я хочу, чтобъ межъ нами былъ всеобщій миръ; только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ впередъ на версту не подъѣзжать къ французскимъ лавкамъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Крыловъ на новосельѣ у книгопродавца Смирдина (1833).

Рис. Брюллова.

Опера „Илья Богатырь" была поставлена въ Петербургѣ 31 декабря 1806 года и издана въ слѣдующемъ году, безъ имени автора.

По словамъ Аранова (стр. 175—176), „31 декабря 1806 года была играна въ первый разъ Илья Богатырь, волшебно-комическая опера въ 4 дѣйств., соч. Крылова, съ хорами, балетами и сраженіями, муз. соч. Кавоса [1]. Въ ней занимали главныя роли: Ильи — Яковлевъ (впослѣдствіи игралъ эту роль Бобровъ), Владиміла — Самойловъ, Всемилу — дѣв. Колина, Тарона — Воробьевъ, Сѣдыря — Пономаревъ (оба оригинально были хороши въ своихъ роляхъ), Зломѣки — Каратыгина, Руслы — Самойлова и Соловья-Разбойника — Чудинъ ... Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ ошибается, говоря, что роль Ильи Яковлевъ передалъ Глухареву: со второго представленія, 15 января 1807 г., игралъ Илью Бобровъ, а потомъ уже Глухаревъ и Чудинъ ... Илья Богатырь очень понравился и долго приносилъ значительные сборы дирекціи. Всѣ подобныя народныя зрѣлища обставлялись роскошно. Въ Ильѣ Богатырѣ много комическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумныхъ

[1] О музыкѣ Кавоса, см. „Рус. Старина", 1895, апр., 104; Марковъ, Истор. очеркъ русской оперы, 58. О постановкѣ на сценѣ (1806, XII, 31). См. Сильво, Опытъ алфавитнаго указателя балетовъ, пантомимъ, дивертисментовъ. Спб., 1900, 34. О представленіи 30 окт. 1810 г. см. Срезневскій, Замѣтки Востокова о его жизни, Спб., 1902, 34; О представленіи 13 апрѣля 1808 г., — Араповъ, 185. О балетѣ „Илья Муромецъ" см. Селивановъ, Преданія и воспоминанія, Спб., 1881, 246—247. Какъ бы въ противорѣчіе Аранову, Жихаревъ, въ маѣ 1807 г., пишетъ (стр. 418): „говорятъ, что декораціи, костюмы и люстры, приготовляемыя теперь для оперы Крылова „Илья Богатырь", несравненно великолѣпнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя удивляютъ насъ въ „Русалкѣ" и „Князѣ-Невидимкѣ". Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду возобновленіе оперы. Сочувственную рецензію помѣстилъ уже „Лицей" 1806 г. (IV, 133—135). О Таронѣ упоминаетъ самъ Жихаревъ (стр. 231) подъ 8 январемъ 1807 г.

сцену; завистливые критики расточали разныя насмѣшки насчетъ новой оперы, сравнивая ее съ Русалкою. Директоръ Нарышкинъ сказалъ:

„Сравненья критиковъ двухъ оперъ очень жалки:
Илья сто разъ умнѣй Русалки!“

Директоръ театра Нарышкинъ и нѣкоторые единомышленные ему драматурги, движимые патріотическими побужденіями, хотѣли поднять интересъ къ національному театру и отучить публику отъ иностранныхъ представленій. Публика подхватывала со сцены патріотическіе намеки и съ бѣшенымъ восторгомъ встрѣчала тирады о борьбѣ, побѣдѣ, превосходствѣ русскихъ, о славянскихъ доблестяхъ. Самъ Крыловъ не безъ ироніи (Жихаревъ, 138) объяснялъ успѣхъ „Пожарскаго“ Крюковскаго только тѣмъ, что „пьеса кстати“. Рѣчи Ильи и Владислава въ его операхъ тоже пришлись „кстати“, служили отвѣтомъ на взрывъ патріотическаго чувства. Положимъ, народности въ нихъ было мало, не больше чѣмъ у богатырей Державина [1], и меньше, чѣмъ въ богатырскихъ сказкахъ Чулкова; положимъ, въ нихъ гораздо больше общихъ мѣстъ тогдашнихъ волшебно-комическихъ оперъ (вродѣ „Дидыровской Русалки“) и рыцарской романтики — но у тогдашней публики были особыя понятія о народности, и она часто довольствовалась суррогатами ...

Оптимистамъ хотѣлось вѣрить, что, благодаря подобнымъ представленіямъ, „люди большого свѣта, пріученные иностраннымъ воспитаніемъ смотрѣть съ нѣкоторымъ равнодушіемъ на отечественныя театральныя произведенія и русскихъ актеровъ, вдругъ стали предпочитать русскій театръ иностранному и охотнѣе посѣщать его, чѣмъ французскій“, что Эдипъ, Дмитрій Донской, Модная Лавка и нѣсколько другихъ піесъ „перемѣнили направленіе вкуса публики высшаго круга“ [2].

О сознательномъ противопоставленіи иностраннымъ операмъ русской говоритъ и Вигель [3].

„Операми заимствовались мы у всѣхъ, у французовъ, у нѣмцевъ, а когда стали побогаче голосами, то и у италь-

[1] Напр., акад. изд., I, X, IX, 232 и пр. Имена „Добрада“, „Владисиль“, „Всемила“ и пр. обычныя въ псевдо-народныхъ и псевдо-историческихъ произведеніяхъ XVIII в.

[2] Жихаревъ, 383.

[3] „Записки“, III—V, 130.

яницевъ. Началось съ безконечной Donauweibchen; ея веселыя, легкія, пріятныя вѣнскія мелодіи нетрудно было перенять нашимъ плохимъ тогда пѣвцамъ, нетрудно было ими плѣнить и нашихъ слушателей. Все это, вмѣстѣ съ богатыми декораціями, безпрестанными превращеніями и уморительнымъ шутовствомъ Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дирекціи. Ее переименовали Русалкой и сцену перевели на Днѣпръ, что также не мало полюбилось брадатымъ зрителямъ. Когда замѣтили, что она имъ приглядѣлась, и посѣщенія становятся рѣже, то, чтобы возбудить къ ней погасающую въ нихъ страсть, создали ей наслѣдницу, вторую часть, или Днѣпровскую Русалку. Слѣдуя все той же методѣ прельщеній, черезъ нѣкоторое время сочинили и третью часть, уже Лесту, Днѣпровскую Русалку. Сильная къ нимъ любовь совсѣмъ истощилась, когда показалась четвертая часть, подъ именемъ просто опять Русалки, безъ всякаго прибавленія; успѣхъ ея былъ довольно плохой. Между Русалками возсталъ Илья Богатырь, волшебная опера, которую написать упросили Крылова. Онъ сдѣлалъ это небрежно, шутя, но такъ умно, такъ удачно, что герой его неумышленно убилъ волшебницу-нѣмку, для соблазна русскихъ обратившуюся въ ихъ соотечественницу".

По словамъ Лобанова (стр. 37), „оперы, особливо волшебныя, не подвержены строгимъ правиламъ: довольно, если онѣ занимаютъ зрителя и доставляютъ ему удовольствіе. Въ Ильѣ Богатырѣ щедрою рукою разсыпано все нужное для достиженія этой цѣли. Игривое воображеніе автора, волшебства, превращенія, остроты, шутки, куплеты и живость разговоровъ дѣлаютъ эту піесу весьма пріятною, и хотя она написана не по собственному выбору автора, а по просьбѣ А. Л. Нарышкина, бывшаго тогда директоромъ театровъ, однако жъ служитъ новымъ доказательствомъ разнообразнаго и гибкаго таланта И. А. Крылова".

Опера эта давалась еще очень долго. О представленіи ея въ 1829 г. „Сѣверная Пчела" (№ 78) дала, между прочимъ, такой любопытный отзывъ: „геній баснописца нашего И. А. Крылова виденъ въ волшебной операѣ Илья Богатырь. Нравственно-сатирическія мысли, выраженныя придворнымъ шутомъ Тарпомъ и придворнымъ умникомъ Сѣдыремъ навлекали смѣхъ и рукоплесканія зрителей. Эта

пьеса въ блестящую эпоху нашего театра восхищала публику великолѣпіемъ декорацій и костюмовъ. Теперь и то, и другое скудно и ветхо, и сцена нашего Малаго театра слишкомъ мала для Ильи Богатыря".

Гнѣвъ, созданный патріотическими увлеченіями, литературною славою Крылова и блестящею постановкою піесы, не могъ долго продолжаться. Не могли не броситься въ глаза — крайняя искусственность построенія, грубоватая шаржировка характеровъ, слишкомъ увѣсистыя шутки, фальшь народныхъ чертъ, промахи версификаціи и языка. „Илья Богатырь" началъ забываться, сходить со сцены. Раздались, робкіе сначала, голоса противъ него. Однимъ изъ первыхъ заговорилъ Плетневъ, — какъ всегда, сдержанно и вѣско [1].

„Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей Илья Богатырь... Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала Русалка, Краснопольскимъ переведенная съ нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья Богатырь, Соловей Разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста, что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь, что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаютъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріаловъ. Итакъ, неудивительно, что Сѣдырь, Тарошъ, Зломѣка [2] и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ".

Піеса скоро забылась сама собой.

---

[1] Соч. и переп., II, 68.

[2] Плетневъ ошибся: Зломѣка — не комическій типъ, а злодѣйка піесы.

Дѣйствующія лица.

Илья Богатырь.

Владисилъ, Князь Черниговскій.

Всемила, Княжна Болгарская.

Таропъ, шутъ Владисила.

Сѣдырь, боярин Черниговской.

Зломѣка, волшебница.

Добрада, волшебница.

Лена, дочь Добрады.

Русида, невѣста Тарона.

Пламидъ, наперсникъ Зломѣкинъ.

Соловей-Разбойникъ.

Асмодей.

Вѣстникъ.

Придворные Зломѣки.

Посолъ отъ Печенѣговъ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ дворъ Черниговскаго Князя Владисила, окруженный теремами и переходами; какъ по переходамъ, такъ въ окнахъ, а равно и на площади видно множество народа разнаго званія; съ лѣвой стороны выходитъ часть дворца съ богатымъ крыльцомъ, устланнымъ коврами; на немъ приготовлено мѣсто подъ великолѣпнымъ балдахиномъ.

Явленіе первое.

Хоръ народа, Русида и Таропъ.

Хоръ.

Ощущай, Черниговъ, радость,
Къ торжеству себя готовь:
Силу, красоту и младость
Сочетаетъ здѣсь любовь!
Владисила и Всемилу
Небо въ счастьи сохрани,
Прочь гони ты грусть унылу
И златые дай имъ дни.

Русида.

Проведи жъ меня, другъ милой,
И мѣстечко мнѣ пристрой.

Таропъ.

Радъ тебѣ служить всей силой;
Ты уже вотъ тутъ постой.

Русида.

Да увижу ль?....

Таропъ.

Все увидишь.

Русида.

Да услышу ль?

Таропъ.

Все услышишь ...

Русида.

Здѣсь пойдетъ Княжна дворомъ,
То-то будетъ шумъ и громъ!

Таропъ.

Здѣсь навстрѣчу Князь нашъ выйдетъ:
Тутъ Русидушка увидитъ,
Какъ невѣсту встрѣтитъ онъ.
Пѣсни, музыка и пляски,
Прибаутки и присказки
Грянутъ вдругъ со всѣхъ сторонъ.

Русида.

То-то славно! какъ я рада!

Таропъ.

Что же мнѣ за трудъ награда?

Русида.

Мой поклонъ.

Таропъ.

А тамъ?

Русида.

А тамъ —
Я еще поклонъ отдамъ.

Таропъ.

Только?

Русида.

Только!

Таропъ.

О плутовка!
Будто ужъ и[1]) не поймешъ?

Русида.

Нѣтъ, мнѣ въ голову неидетъ:
Я вѣдь, право, не колдовка.

Таропъ.

Поцѣлуемъ награди!

Русида.

Вмѣстѣ.
Тише, тише, погоди,
Тише, это награжденье
Къ свадьбѣ я хочу сберечь.

Таропъ.

Вмѣстѣ.
Я за это награжденье
Радъ себѣ дать руку сжечь.

Русида.

Да разскажи мнѣ, Таропушка, потолковитѣе объ этой свадьбѣ. У насъ было зачали ужъ говорить, что Князь нашъ, Владиславъ, женится на дочери Печенѣжскаго Кагана, Зломѣкѣ, которая здѣсь въ плѣну, — анъ вдругъ идетъ сюда Княжна Болгарская, Всемила.

Таропъ.

А вотъ видишь ли, Русидушка, какъ это сдѣлалось. Вѣдь ты знаешь, что Князь долженъ жениться на Всемилѣ по завѣщанію покойнаго своего отца, и этому бы ужъ давно быть, да проклятая Зломѣка

[1]) Въ текстѣ это *и*, нужное для размѣра, пропущено.

его до этова не допускала. Подозрѣваютъ, что она нарочно попалась къ нему въ плѣнъ, чтобъ самой имъ завладѣть. Да и чуть ли не такъ! Отъ чего жъ отецъ Зломѣкинъ, Узбекъ, до сихъ поръ не требуетъ ея назадъ? — а вотъ ужъ годъ, какъ онъ проигралъ сраженіе, на которомъ ее захватили.

Русида.

Правда ли, что она колдунья и ѣздитъ по воздуху на помелѣ?

Таропъ.

Неужто? Ты видѣла?

Русида.

Ну нѣтъ, я этого не видала, и тѣ, которые мнѣ сказывали, сами также не видали; да только ужъ они отъ вѣрныхъ людей слышали.

Таропъ.

Пусть ее колдуетъ, а Князь на ней не женится! По приглашенію его, черезъ пословъ, княжна Всемила отправилась сюда и вотъ уже подходитъ къ городу. Для нея то все это торжество приготовлено; всѣ рады; одна Зломѣка пальцы грызетъ; да полно, ея никто не любитъ, и тужить о ней некому. Ну, Русидушка, послѣ княжой свадьбы не худо бы и намъ съ тобой веселымъ пиркомъ ...

Русида.

То я бы не прочь, Тарапушка: ты добраго нраву и мнѣ по мысли; да мнѣ и родня, и подруги смѣются, говорятъ: не стыдно ли де тебѣ идти за Таропку-шута?

Таропъ.

Плюнь на нихъ, Русидушка: они не смыслятъ, что болтаютъ. Мое ремесло самое прочное, для того что языка ни вывихнуть, ни выломить нельзя.

Русида.

Да не стыдно ли тебѣ, бывши умнымъ малымъ, лѣзть охотою въ дураки?

Таропъ.

Такъ, какъ многимъ не стыдно, бывши дураками, лѣзть въ умные. Но, кажется, я тамъ вижу боярина Сѣдыря. (Входитъ дѣвочка, подаетъ Русидѣ письмо и, сдѣлавъ пальцемъ знакъ молчанія, убѣгаетъ.)

Русида (читая).

„Ты погибнешь, если заставишь подозрѣвать важность сего письма.“ Боже мой! какія несчастія угрожаютъ Князю Владиславу, Всемилѣ и всѣмъ намъ?

Таропъ.

Да что это за письмо?

Русида.

Тотчасъ: „Иди въ сію минуту къ городскимъ воротамъ, тамъ я тебя ожидаю; но храни тайну, или вы всѣ погибли“ ...

Таропъ.

Тьфу пропасть! да что за письмо?

Русида.

Прости, Таропъ, мнѣ есть важное дѣло; мы еще увидимся, прости! Боги, спасите насъ отъ угрожающихъ бѣдствій! Прости, мой другъ!

Таропъ.

Да постой! Экая сумасшедшая, таки убѣжала! Хорошо, что я не ревнивъ, а то это письмо ... такъ лобъ и чешется! Ну да она, вѣрно, назадъ будетъ, и я все узнаю. Вонъ и бояринъ Сѣдырь катитъ!

Явленіе второе.

Таропъ и Сѣдырь.

Сѣдырь.

Молчать! стойте смирно! Уфъ, потъ градомъ прошибъ! Здорово, Таропушка!

Таропъ.

Захлопотался, боярищъ!

Сѣдырь.

Ну вотъ безъ души сталъ! и теперь ломаю, ломаю голову, а одново не придумаю.

Таропъ.

Отвѣдай-ко не думать, боярищъ, авось лучше пойдетъ. Да что такое?

Сѣдырь.

Ну, всѣхъ разставилъ и все придумалъ, какъ уже быть ходу; не знаю только, гдѣ поставить Пустягу; вѣдь онъ живетъ на княжой конюшнѣ, а дѣла за нимъ никакого нѣтъ; въ обѣдъ всегда онъ на кухнѣ, а къ вечеру на погребу, — такъ не придумаю: съ поварами ли его, или съ винными ключниками пустить, — такая пропасть, въ умъ не лѣзетъ, гдѣ бы его поставить!

Таропъ.

Думай-ко лучше, гдѣ бы его положить: онъ еще съ зари пьянъ на-повалъ.

Сѣдырь.

Ой ли? ну слава Богу, тѣмъ лучше, лишь бы, знаешь, безъ дѣла въ глазахъ не вертѣлся. Таропушка, да твое то мѣсто гдѣ?

Таропъ.

Тамъ, гдѣ весело; а севодни рядомъ съ тобою.

Сѣдырь.

Какъ, какъ?

Таропъ.

Для твоего же добра: когда мы пойдемъ рядомъ, и Князь Владиславъ станетъ на меня смѣяться, то подумаютъ, что онъ съ тобою забавляется, и что ты у него въ большой милости; а меня сочтутъ въ народѣ за важную особу, видя, какъ я иду съ тобой плечо съ плечомъ.

Сѣдырь.

Да не слыхать ли, близко ли Княжна?

Одинъ изъ народа.

Говорятъ, съ городскихъ башенъ видно, какъ они изъ лѣсу выбираются.

Сѣдырь.

Смотрите жъ: какъ скоро Князь выйдетъ, то вы, ребята, запойте, а когда вступитъ Княжна на широкой дворъ, то — кто во что горазд, и въ чашки, и въ ложки; а ты, Таропушка, погѣшь жениха съ невѣстой — пошути имъ, да поумнѣе.

Таропъ.

Поумнѣе? Мнѣ ужъ и такъ часто достается за то, что я не дуракъ.

1-й придворный.

Князь выходитъ.

Сѣдырь.

Зачинай!

Явленіе третье.

Князь Владисилъ, за нимъ вельможи и жены ихъ, Таропъ, Сѣдырь, а потомъ Зломѣка.

Хоръ народа.

Веселись, Князь Владисилъ:
День желанный наступилъ.
Все здѣсь радость оживила,
Къ намъ прекрасная Всемила
Тьмы утѣхъ съ собой несетъ.
Въ ней тебѣ супругу нѣжну,
Намъ заступницу надежну
Милосердый рокъ даетъ.

Владисилъ.

Друзья и дѣти мнѣ любезны,
Нѣтъ счастья равнаго съ моимъ,
Когда вамъ дни мои полезны,
И если вами я любимъ.

(Зломѣка выходитъ изъ комнаты противу того мѣста, откуда вышелъ Владисилъ.)

Владисилъ.

Прекрасная Зломѣка, ты, конечно, пришла принять участіе въ общей нашей радости?

Зломѣка.

Итакъ, мое несчастіе неизбѣжно, и любовь моя презрѣна!

Владисилъ.

Тебѣ извѣстно завѣщаніе родителя моего: я долженъ жениться на Всемилѣ. Но ты, прекрасная Зломѣка, не останешься при дворѣ моемъ плѣнницею: я отпущу тебя съ дарами, и ты будешь первымъ орудіемъ мира между мною и родителемъ твоимъ, Каганомъ Узбекомъ.

Зломѣка (особо.)

Злодѣй, ты не долго будешь веселиться такою мыслію и скоро узнаешь власть мою!

Сѣдырь.

Таропушка, теперь я скажу ему поздравительное слово. (Выступая важно передъ Владисила.) По великому случаю великаго пынѣшняго дня, позволь, великій государь и великій князь, изо всей радости, которой ни высота морская, ни глубина небесная вмѣстить неудобна, — ибо прекрасная княжна Болгарская, невѣста твоя, Всемила, какъ солнце ясное, или какъ мѣсяцъ полной . . . (У него спадаютъ волосы и вырастаютъ ослиныя уши.)

Таропъ.

Боярынь Сѣдырь, оправь уши!

Владисилъ.

Что это значитъ, Сѣдырь, куда вдругъ дѣлись твои волосы?

Сѣдырь.

Не о власахъ рѣчь, государь!

Таропъ.

Это правда, Князь, на волосахъ то онъ проигралъ, да зато ужъ на ушахъ выигралъ, — то-то почетныя уши!

Сѣдырь (ощупывая голову).

Уфъ! что со мною сдѣлалось?

Зломѣка.

Ты, конечно, награжденъ за похвалу твою княжнѣ Всемилѣ.

Таропъ.

По-дѣломъ тебѣ, боярынь, ну, что за рѣчь ты сплелъ, вить смыслу не было!

Сѣдырь.

Охъ, Таропушка, другъ мой, былъ смыслъ, да я его выпустилъ, чтобъ сказать покороче!

Явленіе четвертое.

Прежніе, Вѣстникъ, а потомъ послы печенѣжскіе.

Вѣстникъ.

Государь, послы печенѣжскіе, - прикажешь ли впустить?

Владисилъ.

Совсѣмъ неожиданно! Пусть войдутъ.

Зломѣка (особо).

Я торжествую!

Посолъ.

Князь Владисилъ, великій Каганъ мой, Узбекъ, приказываетъ тебѣ ...

Владисилъ (хватаясь за мечъ).

Приказываетъ мнѣ? Князю Черниговскому? дерзновенный! ... но продолжай, званіе твое тебя спасаетъ.

Посолъ.

Узбекъ приказываетъ тебѣ, чтобъ ты возвратилъ изъ плѣну дочь его, Зломѣку, и платилъ бы ему дань; если жъ воспротивишься, то знай, что онъ съ войсками подъ городомъ и готовъ пролить на тебя мщеніе.

Владисилъ.

Съ мечомъ и въ полѣ рапомъ я дамъ ему отвѣтъ.

Сѣдырь.

Бусурманъ! скажи своему князишкѣ ...

Посолъ.

Князь, если ты хочешь говорить о важныхъ дѣлахъ, то прикажи прибрать къ сторонѣ ослиныя уши.

Сѣдырь.

Ослиныя уши! Да смѣлъ ли бы ты, когда я нахожусь при княжескомъ лицѣ ... Таропъ, каково тебѣ это кажется?

Таропъ.

Плюнь на него, бояринъ; что онъ врегъ! здѣсь всѣ видятъ, что ослиныя уши цѣлымъ вершкомъ твоихъ короче.

Посолъ.

Онъ предлагаетъ тебѣ слѣдующее условіе: у тебя въ кладовой есть старая чаша, изъ которой пивали богатыри; если въ Черниговѣ кто-нибудь можетъ ее поднять и выпить однимъ духомъ, то Узбекъ отступаетъ отъ города и требуетъ только возвратить ему дочь его и прислать чашу.

Владисилъ.

Внесите чашу, вѣрные моя бояра и дѣти богатырскія, Никита Добрыничъ, молодые Бославичи и знаменитые Еруслановичи – кто изъ васъ?

Богатыри.

Я, я, Государь — мы всѣ готовы!

Таропъ.

Голубчики богатырчики, вѣдь чаша то въ 15 ведеръ.

Зломѣка.

Любезной Владисилъ, если никто не подниметъ чаши, то неужели не согласишься ты соединиться со мною и въ родителѣ моемъ пріобрѣсти сильнаго и вѣрнаго союзника?

Владисилъ.

Хотя я еще и не видалъ Княжны Всемилы, а только слышалъ о красотѣ ея и достоинствахъ, но могу ль нарушить слово? (Вносятъ чашу нѣсколько человѣкъ и ставятъ противъ княжева мѣста; на одной сторонѣ театра Князь садится на свое мѣсто.) Налита ли чаша?

Сѣдырь.

Полна, государь, какъ твой княжеской дворъ. Ну, господа богатыри, кому угодно, милости просимъ выкушать.

Хоръ народа.

Въ сей знаменитый день и часъ
Зоветъ, герои, слава васъ:
Свою вы силу окажите
И Князя и народъ спасите.

(Продолженіе сего хора богатыри дружинами идутъ мимо Князя и приготовляются къ подвигу).

Хоръ.

Ну, дружнѣй, господа,
До кого череда?

Таропъ.

Этотъ плохъ.

Сѣдырь.

Этотъ хилъ.

Оба.

Этотъ вовсе безъ силъ.

Хоръ.

Ну дружнѣй, господа,
До кого череда?

Сѣдырь.

Этотъ слабъ.

Таропъ.

Этотъ малъ.

Вмѣстѣ.

Этотъ оченно вялъ.

(Въ это время богатыри составляютъ маленькой балетъ и примѣриваются поодиночкѣ поднять чашу, но никто не можетъ).

Хоръ богатырей.

Государь, не въ-мочь,
Не подъ-силу это нашу;
Прикажи взять прочь,
Прикажи принять ты чашу.
Не вино въ ней пить,
Лучше въ ней варить
На артель въ походѣ кашу.

Таропъ и Сѣдырь

(отходящимъ богатырямъ).

Что, братъ, чаша скользка,
Что, свѣтъ, чаша вѣска.
Богатырчикъ, душа,
Пей-ко ты изъ ковша!

Зломѣка.

Смотри жъ, сколь союзъ съ нами для тебя надеженъ, я одною рукою ... (Подходитъ къ чашѣ, изъ нея показывается дымъ и пламя.)

Владисилъ.

Какое новое чудо!

Зломѣка.

О! Я мало страшусь такихъ явленій. (Хочетъ приняться за чашу: изъ нея поднимается Лена, дочь Добрады.)

Явленіе пятое.

Лена и прежніе.

Лена.

Стой, дерзкая, и не смѣй до сей роковой чаши прикасаться: въ ней привязано спасеніе Чернигова.

А ты, Князь Владисилъ, знай, что коварная Зломѣка умышленно отдалась тебѣ въ плѣнъ, чтобы завлечь тебя въ свои оковы; она очаровала богатырей твоихъ и призвала отца своего, Узбека, напасть на Черниговъ нечаянно съ огнемъ и мечомъ. Но знай, что судьба и мать моя, Добрада, тебѣ покровительствуютъ, — ужъ шествуетъ сильный богатырь, Илья Муромецъ, къ спасенію вашему; но ты, князь, долженъ достать для него мечь-кладенецъ: имъ погубитъ онъ враговъ твоихъ. Мужайся и одолѣвай! (Улетаетъ.)

Хоръ народа.

Какое чудное видѣнье!
Спаси отъ бѣдъ насъ, Провидѣнье!

Зломѣка.

Ненавистная Добрада, ты мнѣ вездѣ мѣшаешь; но я предупрежду тебя. Адъ, услышь мое заклинаніе! — Очарованный мечь-кладенецъ Князь Владисилъ не можетъ достать безъ помощи трусливѣйшаго человѣка при дворѣ его!

Таропъ.

Ахъ, не до меня ли дѣло доходитъ?

Зломѣка.

Такъ, я знаю, что ты меня ненавидишь, — знай же, что пріобрѣтеніе меча сопряжено съ большими ужасами и опасностями, въ которыхъ ты можешь погибнуть, если попустишься на нихъ. — Владисилъ, знай, что невѣста твоя, Всемила, теперь въ плѣну у отца моего.

Владисилъ.

Воины, держите ее!

Зломѣка.

Слабый смертный, что можешь ты противу моей власти, которой самый адъ трепещетъ?

Арія.

Прости, о Князь коварный,
Прости, неблагодарный,
И знай, что злость моя
Преслѣдуетъ тебя.
Тебя я обожала,
Тобой жила, дышала,
И средь враждебныхъ стѣнъ
Мнѣ сладокъ былъ мой плѣнъ.
Обманутая лестью,
Теперь, пылая местью,
Весь адъ я возмущу,
Отмщу тебѣ, отмщу!

Дѣлаетъ знакъ жезломъ: появляется огненная рѣка и на ней плавающее чудовище. Зломѣка садится на него и уплываетъ подъ землю; слѣдомъ за нею возстаетъ дымъ и ударъ грома слышенъ. Всѣ, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, разбѣгаются.)

— —

Явленіе шестое.

Князь Владисилъ, Таропъ, Сѣдырь, Посолъ Печенѣжскій **и потомъ** Лена.

Владисилъ (Послу).

Иди и скажи Усбеку, что оружіе рѣшитъ нашъ жребій. (Послы уходятъ.) Ты, любезный братъ, прими безъ меня правленіе княжества; а ты, мой другъ, Таропъ, такъ какъ участь твоя сопряжена съ моею, ступай за мною — слава тебя ожидаетъ!

Таропъ.

Государь, не можно ль упросить Зломѣку, чтобъ меня избавить отъ славы: я чувствую, что она совсѣмъ не по моему желудку.

Лена (вбѣгая).

Не теряйте время и ступайте сію минуту въ садъ, найдете вы лодку, она помчитъ васъ, куда надобно. Таропъ, знай, что невѣста твоя, Русида, у

меня, и ты не получишь ея до тѣхъ поръ, пока не поможешь Владиславу достать мечъ-кладенецъ. — Владиславъ, твое и княжества твоего спасеніе отъ сего зависитъ!

Владиславъ.

Шлемъ и копье — я готовъ.

Таропъ.

Бѣдная Русидушка, не такъ то было я думалъ нынѣшній день кончить!

Лена.

Но что я вижу? Князь Владиславъ, на головѣ твоей не достаетъ пряди волосъ!

Владиславъ.

Зломѣка испросила у меня ихъ, въ знакъ дружбы, и сама отрѣзала.

Лена.

Несчастный, что ты сдѣлалъ! въ нихъ находится роковой твой волосъ; сожгши его, она погубитъ тебя можетъ. Не надо терять времени, ступайте, куда я вамъ сказала; а я побѣгу и, если успѣю, спасу васъ.

Владиславъ.

Пойдемъ!

Таропъ.

Чтобъ чортъ взялъ эти волшебные походы! хоть бы дали въ дорогу пироговъ напечь.

Сѣдырь.

Великій Князь! поелику Таропкѣ предлежатъ великія дѣла, то кого прикажете въ дураки на его мѣсто?

Владиславъ.

А! до того ли мнѣ теперь! Прощайте.

Таропъ.

Боярин Сѣдунь, выбери только того, кто тебѣ покажется поумнѣе: ужь, вѣрно, попадешь на отличнаго дурака!

Явленіе седьмое.

Театръ представляетъ садъ. Начинаетъ смеркаться, и потомъ, впрозолженіе хоровъ, дѣлается ночь. Внутри театра, въ серединѣ, видѣнъ кустъ, а за нимъ протекающая черезъ садъ рѣка. ХОРЪ дѣвицъ невидимыхъ, размѣщенныхъ какъ по воздуху, такъ и въ саду въ разныхъ мѣстахъ.

Княжна Всемила, Князь Владислъ, Таропъ и Русида.

Хоръ.

Тише, рѣзвы ручейки,
Вѣйте, вѣтерки, въ полсилы;
Тише на древахъ листки,
Не будите здѣсь Всемилы.

Владислъ.

Какая прелестная гармонія!

Таропъ.

Ахъ, государь, чтобъ намъ объ эту гармонію лба не раскроить!

Владислъ.

Ничего стало не слышно. Пойдемъ же, здѣсь должна быть лодка, о которой намъ Лена, дочь Добрады сказала. Тсъ! ... опять зачинаютъ.

Два голоса.

Спи, прелестная княжна,
Съ нами здѣсь ты безопасна.

Два голоса.

Посмотрите, какъ нѣжна,
Какъ мила она, прекрасна!

Таропъ.

Ахъ! эти голоса на воздухѣ, — уберемся!

Владисилъ.

Постой, не отходи!

Хоръ.

Все въ ней прелесть, все отрада,
Все къ утѣхамъ въ ней зоветъ;
Не пятнадцати ли лѣтъ
Это спитъ богиня Лада?

Владисилъ.

Кто эта красавица и какимъ случаемъ въ моихъ садахъ? Я хотѣлъ бы ее видѣть. (Въ волшебномъ кустѣ показывается, на кровати, княжна Всемила, спящая; въ ногахъ ея сидитъ Русида, а около множество дѣвушекъ, составляющихъ группы, изъ которыхъ многія зачинаютъ балетъ въ то время, какъ хоръ повторяется):

Тише, тише, ручейки *и прочее.*

Владисилъ.

Всемила! ... Ахъ, какъ она прелестна! Всемила! Она не слышитъ меня!

Таропъ.

Русида! точно она! Русидушка, да промолви хотя словечко; поди сюда. Уфъ! ужъ не оборотни ли это?

Русида (выходя).

Такъ, князь, это Всемила! Добрада могуществомъ своимъ усыпила на нѣсколько времени волшебныхъ ея стражей и перенесла сюда сонную, чтобъ ты видѣлъ, достойна ли она любви твоей и великихъ дѣлъ, къ которымъ ты назначенъ. Лена, дочь Добрады, взяла меня подъ свое покровительство, и давича, какъ я разсталась съ тобою, Таропъ, то была перенесена къ Всемилѣ, которая уже, по предсказанію

волшебницы, меня ожидала. Тысячу разъ, князь, разспрашивала она меня о тебѣ, и я увидѣла въ глазахъ ея огонь начинающейся любви.

Владисилъ.

Боги! ужели я столько счастливъ? — Прекрасная Всемила! (Идетъ къ сонной княжнѣ и становится передъ нею на колѣни.)

Русида.

Сколько словъ пропадетъ даромъ, — она теперь въ очарованномъ снѣ!

Таропъ.

Да ты по крайней мѣрѣ здѣсь останешься?

Русида.

Я послѣдую за княжной и буду находиться въ повелѣніяхъ Лены; а за тебя выйду не прежде, поколь ты не поможешь Владисилу достать мечъ-кладенецъ.

Таропъ.

Ну такъ и быть! — Да что жъ я долженъ для этого сдѣлать?

Русида.

Будь трезвъ.

Таропъ.

Жизнь моя! я бы для тебя все перенесъ, кромѣ этого!

Русида.

Будь храбръ.

Таропъ.

Сокровище мое! я бы для тебя на все пустился, лишь не на это!

Русида.

И не будь падокъ до красавицъ.

Таропъ.

Божество мое! я бы для тебя отъ всего отказался, только не отъ этого!

Владисилъ.

Ахъ, Русида, она меня не слышитъ!

Русида.

Прощайте, намъ время разстаться!

Владисилъ.

Заклинаю тебя всѣмъ, если можешь, то дай мнѣ услышать голосъ Всемилы и изъ прекрасныхъ устъ ея узнать мой приговоръ!

Русида.

Скоренько его любовное пламя обхватило! Правда, мнѣ бы не должно было, но надобно имѣть каменное сердце, чтобъ противиться просьбамъ влюбленнаго. Поди жъ, князь, и сними розанъ, приколотый на груди ея; но спрячься на часъ, чтобъ она не вдругъ увидѣла тебя — и не испугалась. (Владисилъ исполняетъ слова Русиды и отходитъ. Всемила просыпается и выходитъ изъ куста.)

Всемила.

Русида, ахъ какое очаровательное сновидѣніе! Мнѣ представился князь Владисилъ молодъ, прекрасенъ и любезенъ; казалось мнѣ, что онъ клянется въ любви своей, и сердце мое воспылало взаимною нѣжностію.

Речитативъ.

Ахъ, если Владисилъ таковъ, —
Что можетъ быть моихъ пріятнѣе оковъ?
Почто ты, сонъ, исчезъ любезной!
Нѣтъ, нѣтъ, я прежде не жила;
О сонъ, пріятный сонъ, прелестной,
Въ тебѣ лишь жить я начала!

Всѣ Владисиломъ чувствы тлѣютъ.
Какъ страстенъ былъ, какъ милъ былъ онъ!
Трепещетъ грудь, уста нѣмѣютъ,
Лишь вспомню я свой сладкій сонъ!

Хоръ.

Возможно ль болѣ быть любезной?
Природа, давъ ей видъ прелестной,
Пріятства всѣ въ ней собрала.

Владисилъ (бросаясь къ ней).

Всемила! ...

Всемила.

Боги! это Владисилъ!

Владисилъ.

О ты, чей взоръ меня плѣнилъ! ...

Всемила.

Вмѣстѣ.

Пылаетъ грудь и сердце бьется.
Ахъ, вѣрить ли глазамъ моимъ?

Владисилъ.

Такъ, такъ, у ногъ твоихъ клянется
Быть Владисилъ на вѣкъ твоимъ!

Русида.

Время вамъ отсель въ походъ;
Васъ давно ужъ лодка ждетъ.

Владисилъ.

Нѣтъ мнѣ силъ съ тобой разстаться.

Всемила.

Князь, прости, будь вѣренъ мнѣ.

Таропъ.

Ахъ нельзя ль намъ здѣсь остаться?

Русида.

Вспомни насъ ты хоть во снѣ.

Владисилъ.

Я любить тебя клянуся . . .

Всемила и Русида.

Я клянуся быть твоей.

Владисилъ.

Вмѣстѣ. Съ адомъ за тебя сражуся.

Таропъ.

Быть ужъ такъ — на все пущуся.

Всемила и Русида.

Возвратись ко мнѣ скорѣй.

Всѣ.

О любовь! придай намъ силы,
Оживи ты нашу грудь.

Дни тобою намъ лишь милы,
Божествомъ ты нашимъ будь.

Всемила.

Но меня сонъ сильной клонитъ,
Свѣтъ изъ глазъ моихъ онъ гонитъ.
Князь возлюбленный, прости!

(Всемила садится на деревянную скамью близъ куста, въ которомъ была ея кровать.)

Русида.

Время намъ отсель пуститься.

Владисилъ.

Ахъ, позволь еще проститься!

Таропъ.

Нечего, пришло садиться,
Зачинай-ко, князь, грести.

Всѣ.

Рокъ! окончи наши муки,
Сократи часы разлуки.

Владисилъ.

Вмѣстѣ.

Милая княжна, прости!

Всемила.

Князь возлюбленный, прости!

Русида.

Милый мой Таропъ, прости!

Таропъ.

Ахъ, Русидушка, прости!

(Княжну два Генія уносятъ на воздухъ сонную. Русида садится на лебедя и уплываетъ, а Владисилъ и Таропъ въ лодкѣ уплываютъ въ другую сторону. Нимфы и Геніи расходятся.)

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Театръ представляетъ развалины, заросшія дичью; видны остатки древнихъ гробницъ.

Зломѣка

(входя съ мрачнымъ видомъ, имѣя пламенникъ въ рукахъ).

Въ сей дикой тишинѣ
Волнуется мое лишь сердце страстно,
Свершить ли мщеніе ужасно?
Свершимъ ... Любовь! ахъ, ты не то внушаешь мнѣ ...
О верхъ мученій безконечныхъ! ...
Любовь къ невѣрному ... нѣтъ, нѣтъ,
Хотя мнѣ то слезъ будетъ стоить вѣчныхъ,
Но Владиславъ умретъ.

Арія.

Изъ челюстей ада
Сбирайтеся, духи,
Чудовищъ здѣсь разныхъ
Примите вы видъ.
Наполнитесь злобой,
Призраки, обманы,
Съ собою несите —
Зломѣка велитъ.

(Духи въ это время являются и составляютъ балетъ, а когда Зломѣка кончитъ, то они вкругъ ея группируются въ разныхъ положеніяхъ.)

Хоръ духозъ.

Служить тебѣ готовы
И на злодѣйства новы
Не пощадимъ всѣхъ силъ, —
Погибни, Владисилъ!

Зломѣка.

Мщеніе, друзья мои, мщеніе! Нечестивой Владисилъ свергнулъ мои оковы. Добрада торжествуетъ, но не совсѣмъ: здѣсь, въ рукахъ моихъ, роковой Владисиловъ волосъ, — я знаю, что мнѣ дѣлать. Отправьтесь всякій къ своей должности и устрашайте, какъ можно болѣе, Владисила и его спутника, а если можно, то и вредите имъ.

Хоръ.

Не пощадимъ всѣхъ силъ —
Погибни, Владисилъ!

(Духи разбѣгаются.)

Явленіе второе.

Зломѣка и Пламидъ.

Пламидъ.

Премудрая Зломѣка, я пришелъ къ тебѣ съ дурною вѣстью.

Зломѣка.

Что такое? Неужели, имѣя, хотя неравносильный мнѣ, даръ волшебства, не могъ ты отвратить?

Пламидъ.

Ты знаешь, сколько мы стараемся вредить князю Черниговскому: извнѣ возмущаемъ мы на него сосѣдей, внутри дороги усѣяны разбойниками, которыхъ мы покровительствуемъ, и вотъ уже 30 лѣтъ, какъ прямая дорога отъ Мурома къ Чернигову не-

проходима, — а залегъ ее Соловей-Разбойникъ, любимой твой удалецъ; но нынѣ Илья Муромецъ, который 30 лѣтъ былъ сидиемъ, вдругъ всталъ и почувствовалъ силу великую, а что всего хуже, то главная его цѣль – намъ противиться и помогать правымъ. Уже многія шайки разбойниковъ имъ истреблены, и онъ пробирается въ Черниговъ по прямой дорогѣ. Ты видишь, какая настоитъ опасность ...

Зломѣка.

Подучи собраться на него бо̀льшему числу.

Пламидъ.

Я это испыталъ; но наши храбрѣйшіе удальцы разсыпаются отъ него, какъ робкіе голуби отъ ястреба.

Зломѣка.

Употреби соблазны: вино, вкусныя яствы, прекрасныхъ женъ ...

Пламидъ.

Ахъ, онъ столько же мужественъ, сколько воздержепъ и трезвъ!

Зломѣка.

Такъ умножь привидѣнія и страхи; окружи его всѣми ужасами ада ...

Пламидъ.

Онъ смѣется этому, какъ дѣтскимъ забавамъ.

Зломѣка.

Неужели приближается конецъ нашему царству? Но не опасайся, любезной Пламидъ; Илья безъ меча-кладенца намъ не страшенъ! Хотя Владисилъ и отправился его доставать, но я заклинаніями своими успѣла сдѣлать его зависимымъ отъ Таропа, который много надѣлаетъ ему загрудиенія своею

робостію и малодушіемъ, а между тѣмъ мечъ хранится у Соловья, который одинмъ своимъ свистомъ сильнѣйшихъ убиваетъ. Иди, но умножь козни и осторожности; а я исполню здѣсь мщеніе надъ Владиміромъ! (Махая жезломъ.) Чашу съ ядовитыми зельями! (Изъ-подъ камня выползаетъ змѣй и представляетъ ей чашу. **Пламидъ уходитъ**).

Явленіе третье.

Зломѣка и Лена, одѣтая деревенскою дѣвушкою, входитъ съ корзинкой и поетъ, приплясывая.

Лена.

Я, младенька, весела, весела;
А была бы веселѣй, веселѣй,
Кабы мнѣ, младой, подрость поскорѣй —
И дружка бы я себѣ нажила!

Зломѣка.

Какая смѣлость! Чего ты здѣсь ищешь, дѣвочка?

Лена.

Я брала малину и забѣжала было сюда отдохнуть.

Зломѣка.

Развѣ ты не боишься?

Лена.

А чего? — медвѣдя? — я бѣгаю прытче заѣца. Волка? я отъ него, какъ бѣлка, вмигъ на дерево. Правда, матушка твердитъ мнѣ часто, чтобъ я боялась лихихъ людей; да у насъ въ околодкѣ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Ахъ, какая у тебя прекрасная палочка! подари мнѣ, я тебя за это малиной поподчую!

Зломѣка.

Нѣтъ, мнѣ она самой очень нужна!

Лена.

Да ты отколь, и что здѣсь дѣлаешь?

Зломѣка.

Я хочу сжечь эти волосы.

Лена.

Ахъ, какая ты рѣзвая! Намъ и маленькимъ за такія шалости уши дерутъ. Да что жъ это за волосы?

Зломѣка.

Презабавной ребенокъ! Это волосы Черниговскаго князя Владисила.

Лена (прыгая).

Ахъ, княжескіе волосы! княжескіе волосы! Я сроду князей не видывала; покажи, пожалуйста, такіе ли у нихъ волосы, какъ у простыхъ людей? дай мнѣ на нихъ полюбоваться!

Зломѣка.

Какъ она мила! Вотъ, посмотри ихъ; а я между тѣмъ приготовлю, что нужно. (Лаская ее.) Только ты, миленькая, не пугайся того, что увидишь.

Лена.

Ужъ какая ты добрая!

Зломѣка (взявши пламенникъ).

Адское пламя! обыми эти угольи ... Что это значитъ? (Когда она пламенникомъ касается до зелій, положенныхъ въ чашѣ, то пламенникъ погасаетъ, и чаша наполняется верхомъ снѣгу; это все исполняется по знакамъ волшебнымъ, сдѣланнымъ Леною, которая въ сіе время, оставя видъ крестьянской дѣвушки, принимаетъ свой собственный.)

Лена.

Зломѣка, никакъ въ аду зима, что пріятели твои подчуютъ тебя снѣгомъ?

Зломѣка.

Кто ты, дерзкая? отдай въ сію минуту волосы, или ты погибла! (Бросается къ ней.) Какая невидимая сила меня удерживаетъ?

Дуэтъ.

Зломѣка.

Трепещи моей ты власти:
Я могу подвигнуть адъ;
Тьмы чудовищъ налетятъ,
Разорвутъ тебя на части!

Лена.

Не боюся я, нѣтъ, нѣтъ,
Не боюсь тебя, мой свѣтъ!

Зломѣка.

Ты, вѣдь, знаешь, я Зломѣка!

Лена.

Какъ же, знаю, дочь Усбека,
Внучка Кары и Терека,
Правнучка Теримерека;
Только мнѣ ты не страшна!

Зломѣка.

Знай же, дерзкая болтунья ...

Лена.

Знаю я, что ты колдунья,
Колотовка и шалунья,
Надъ водою ты воркунья —
А мнѣ все-таки смѣшна!

Зломѣка.

Нѣтъ терпѣнья, я бѣшуся.
Ахъ, должна ль я то сносить?

Лена.

Не боюся, не страшуся;
Мило мнѣ тебя бѣсить.

Зломѣка.

Явитесь, чудовища, въ ужасныхъ видахъ! ... Посмотримъ, такъ ли ты безстрашна! (Чудовища являются.) Растерзайте ее! (Чудовища бросаются на Лену и, по знаку, сдѣланному ею, останавливаются.)

Лена.

Видишь ли, Зломѣка, что твои черти добрѣе тебя. Знай же, что я Лена, дочь Добрады, очень довольна, что выманила у тебя роковой волосъ Владисила. Прощайте!

Зломѣка.

Какое непостижимое мученіе! Но мы еще увидимъ, кто изъ насъ восторжествуетъ. Пойдемъ, друзья, и соединимъ наши силы на погубленіе Ильи, князя Владисила и ненавистнаго Чернигова.

Хоръ.

Не пощадимъ всѣхъ силъ —
Погибни, Владисилъ!

(Зломѣка уходитъ; духи расходятся и разлетаются.)

— —

Явленіе четвертое

Театръ представляетъ утесы и воды, съ нихъ свергающіяся, которыя, наконецъ, выходя изъ пещеры, составляютъ рѣку; у подошвы горъ, на другой сторонѣ театра, видна низкая пещера, заросшая дичью; передъ нею небольшое каменное возвышеніе.

Таропъ и Владисилъ являются наверху; послѣдній находится въ волшебномъ снѣ.

Таропъ.

Государь, погибаемъ ... аїй, аїй! Князь Владисилъ ... Владисилъ! (Лодку уноситъ.)

Хоръ духовъ.

Будь жертвой, нашъ злодѣй,
Здѣсь тысячи смертей.

(Лодка показывается ниже; Таропъ хватается за сучокъ дерева, выросшаго изъ утеса.)

Таропъ.

Тонемъ! ... утонули! ... Владисилъ! нѣтъ, спитъ, какъ околдованной ... Пришелъ послѣдній часъ, нѣтъ спасенія! Отколь просить помощи? - одни черти насъ слышатъ, и тѣ противу насъ. (Лодка вновь отрывается.) Ай! ай! погибаемъ!

Хоръ.

Будь жертвой *и проч.*

(Владисила и Таропа выносить изъ пещеры на лодкѣ, которая останавливается у берега.)

Таропъ.

Уфъ! живы ли мы? мои ли это рученьки, ноженьки и буйная головушка?

Владисилъ (просыпаясь).

Таропъ, конечно, мы пріѣхали! — Какое тихое плаваніе! Я никогда такъ сладко не спалъ, и пріятныя сновидѣнія ...

Таропъ.

Хорошо тебѣ было, князь, во снѣ; спроси-тко, каково мнѣ на яву!

Владисилъ.

О, ты старой трусъ! можно ли спокойнѣе нашего ...

Таропъ.

Такъ то спокойно, что я чуть чертямъ душу не отдалъ.

Владисилъ

Да что жъ тебѣ показалось такое?

Таропъ.

А вотъ, послушай!

Арія.

Сперва такъ было славно,
Суденышко шло плавно,
И воды тихи были, —
Какъ лебеди, мы плыли.
Но лишь только ты заснулъ
И пустилъ изъ рукъ весло,
Вѣтеръ чортомъ вдругъ дохнулъ,
Тутъ челнокъ нашъ понесло
Черезъ горы и стремнины,
На каменья и пучины
И, въ добавокъ, сто чертей
Намъ сулили сто смертей,
И огнемъ на насъ зіяли
И горами въ насъ кидали.
Нѣтъ, какъ хочешь будь жестокъ,
Замори меня въ острогѣ, —
А по эдакой дорогѣ
Я впередъ ужъ не ѣздокъ!

Владисилъ

А я такъ крѣпко спалъ, что ничего не слыхалъ; конечно, этотъ благодѣтельной сонъ насланъ былъ на меня Добрадою.

Таропъ.

Чтобы ей и мнѣ подрадѣть пріемецъ хоть дремоты. — Да куда это насъ занесло? я думаю, мы въ одинъ часъ полсвѣта объѣхали!

Явленіе пятое.

Князь Владисилъ, Таропъ, Илья, а за нимъ множество разбойниковъ.

Илья.

Сюда, бездѣльники! здѣсь на чистомъ мѣстѣ мы перевѣдаемся.

Одинъ изъ разбойниковъ.

Братцы, за мной! смѣлѣй: онъ одинъ!

Владисилъ (обнажая мечъ).

Какъ, онъ одинъ, а ихъ множество. — Таропъ, летимъ къ нему на помощь!

Таропъ.

Нѣтъ нѣтъ, Князь, позвольте мнѣ здѣсь остаться у больныхъ и раненыхъ. (Владисилъ нѣсколькихъ прогоняетъ. Таропъ прячется за дерево остальные сражаются съ Ильей, который вынимаетъ изъ-за пояса веревку, одинъ конецъ ея петлею накидываетъ на пенекъ; въ это время всѣ вдругъ нападаютъ на него и тѣснятся около, а онъ, охватя всѣхъ веревкою, связываетъ въ вязанку. Владисилъ возвращается.)

Илья.

Попались вы, плуты!

Таропъ.

По-дѣломъ вамъ! — Пожалуй-ка, я подержу конецъ веревки; не отходи только, а то ужъ, небось, изъ рукъ не выпущу.

Владисилъ.

Какая неслыханная сила!

Таропъ

(потряхивая концъ веревки).

Знай нашихъ!

Илья.

Что вы за люди?

Одинъ изъ разбойниковъ.

Ахъ, мы честные разбойники, изъ шайки славнаго Соловья, который залегъ эту дорогу ровно 30 лѣтъ.

Илья

(выпуская одного изъ вязанки).

Поди, скажи своему атаману, чтобъ онъ меня ждалъ. Я Илья Муромецъ, русской богатырь, и скоро приду унять его. (Разбойникъ убѣгаетъ.)

Одинъ изъ разбойниковъ.

Храбрый богатырь, пусти насъ живыхъ!

Илья.

Щадить злодѣевъ значитъ участвовать въ ихъ преступленіяхъ! (Заключаетъ ихъ въ пещеру и обрываетъ надъ ними камень, который ихъ запалниваетъ.) Вотъ конецъ, достойный васъ и всѣхъ, которые на васъ похожи!

Владисилъ.

Храбрый и сильный богатырь!

Илья.

Государь, ты, конечно, князь Владисилъ, предсказанный мнѣ; ты, которому буду я обязанъ мечомъ-кладенцомъ. Да и кто другой, съ обыкновенною силою, осмѣлился бы защищать одного противу многихъ, какъ ты теперь то сдѣлалъ? Я готовъ посвятить тебѣ мои услуги, и съ тѣмъ нарочно шелъ къ твоему Чернигову.

Владисилъ.

Но что долженъ я начать дѣлать для пріобрѣтенія сего меча?

Явленіе шестое.

Илья, Владиславъ, Тарапъ и Русида.

Русида.

Я прислана къ вамъ отъ Добрады. Вотъ что должны вы сдѣлать: ты, храбрый Илья, отправившись по этой дорогѣ, ведущей къ гнѣзду Соловья-Разбойника, которое гнѣздо расположено на 12 дубахъ. Отважься съ нимъ сразиться; и если тебѣ удастся его побѣдить, то у него найдешь ты желѣзной сундукъ, въ которомъ хранится мечъ-кладенецъ.

Тарапъ.

Ай, Русидушка! а я, право, было трухнулъ и думалъ, что намъ этой работы въ десять лѣтъ не отправить; анъ, стало, дѣло то почти съ концомъ!

Русида.

Не совсѣмъ. Топни ногою по этому камню.

Тарапъ.

Только то? Такъ смотри жъ, хоть я не богатырь, а ногою топну не хуже всякаго другого (Топаетъ — камень отдвигается, дѣлается пропасть, изъ которой по временамъ показывается пламя и дымъ). Ай! ай!

Русида.

На днѣ сей пропасти хранится ключъ отъ сундука. Князь, окажи теперь всю свою неустрашимость! Тебѣ, для спасенія Чернигова и княжны Всемилы, надобно броситься въ эту пропасть, а за тобою Тарапу: тамъ достанете вы ключъ.

Тарапъ.

Съ ума ты сошла, Русидушка! вѣдь я тебѣ еще не мужъ, что ты такъ со мною поступаешь!

Русида.

Не опасайтесь ничего: Небо сохранитъ васъ. — А ты, Таропъ, берегись пуще всего искушеній, которыя тебя ожидаютъ; не прельщайся ничѣмъ, не слушай ничего и проси только ключа. Я не могу тебѣ яснѣе сказать, но знай, что погибель твоя неизбѣжна, если ты дашь прельстить или уговорить себя.

Таропъ.

Итакъ, чтобъ далѣ быть отъ соблазну, я не брошусь.

Русида.

Иначе не получите вы ключа, безъ него не будете владѣть мечомъ; а безъ меча кладенца никогда не будете вы въ силахъ противиться Зломѣкѣ!

Трio.

Владисилъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не устрашуся.
Для славы и любви на все рѣшуся,
На смерть я самую лечу!

Русида.

Ступай за нимъ ты въ слѣдъ, мой другъ сердечной,
И славы жди себѣ въ награду вѣчной!

Таропъ.

Нѣтъ, жариться я не хочу!

Владисилъ.

Ахъ! въ тебѣ я былъ увѣренъ!

Таропъ.

Государь, тебѣ я вѣренъ!

Русида.

Иль не любишь ты меня?

Тарапъ.

Ахъ, да я боюсь огня!

Владисилъ и Русида.

Согласись и успокойся,
Никакой бѣды не бойся!

Тарапъ.

Нѣтъ, покорной вашъ слуга,
Губа у меня не дура,
Да на мнѣ одна вить шкура —
И она мнѣ дорога!

Всѣ.

О Зломѣка чародѣйка;
Ты всему виной, злодѣйка;
Но помогутъ боги намъ,
И придетъ конецъ бѣдамъ!

Владисилъ.

По крайней мѣрѣ я исполню свой долгъ, и если нужно, то, для спасенія отечества, одинъ погибну. Всемила, подкрѣпи меня! (Идетъ и бросается въ пропасть.)

Русида.

И тебѣ это не стыдно? этотъ примѣръ надъ тобой не дѣйствуетъ, — а я такъ тебя любила!

Тарапъ.

Русидушка, душа моя, неужли тамъ князя то одного на жаркое мало?

Илья (съ гнѣвомъ).

Тарапъ, я все смотрѣлъ и долго терпѣлъ, не говоря ни слова ...

Тарапъ (на колѣняхъ).

Сильный Илья, пощади меня! Я бы, пожалуй, кинулся, да у меня ноги болятъ, не могу встащиться на камень.

Илья.

О! намъ только нужно было твое согласіе. (Схватываетъ его одною рукою и взноситъ на камень.)

Тарпъ.

Помилуй! Русидушка!

Русида.

Берегись соблазновъ, — прости! (Илья бросаетъ Тарпа въ пропасть.) А ты, храброй, ступай по сей дорогѣ къ жилищу Соловья: у него получишь ты желѣзной сундукъ съ мечомъ-кладенцомъ; а если Князь и Тарпъ благополучно перенесутъ испытаніе, то и ключъ достанемъ, — и тогда уже наша побѣда! (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Илья и Зломѣка, одѣтая Гречанкой

Зломѣка.

О храбрый богатырь, постой,
Мой выслушай совѣтъ нелестной
И въ путь сей дальной, безызвѣстной,
Нейди для славы ты пустой!
На что труды нести суровы?
Жизнь наша столько коротка, —
Носи любви одной оковы,
Ея неволя такъ сладка!
На то ль ты молодъ и прекрасенъ,
Чтобы ты только былъ ужасенъ?
Не трать и время ты и силъ,
Престань быть страшенъ, будь лишь милъ!

Илья.

Кто ты такова, прекрасная незнакомка, подающая мнѣ столь добрые совѣты?

Зломѣка.

Я дочь греческаго вельможи Пиритоя. Изгнанной изъ двора, когда еще я была младенцемъ, онъ поселился здѣсь и научился презирать пустыя прелести честолюбія и славы; въ сихъ правилахъ воспиталъ и меня. Я нынѣ, увидя здѣсь тебя, воспылала неизвѣстнымъ мнѣ пламенемъ и, пріученная не скрывать чувствъ своихъ, пришла сказать тебѣ, что ты мнѣ очень понравился.

Илья.

Чистосердечная красавица, я не имѣю времени думать о любви. Прости!

Зломѣка.

Ахъ, если тебѣ сердце ничего не говоритъ въ мою пользу, то пожалѣй хотя себя! Знай, что горы сіи усѣяны тѣлами убитыхъ здѣсь странниковъ. Слышишь ли ты тамъ воющіе вѣтры? они часто отрываютъ огромные каменья и убиваютъ прохожихъ.

Илья.

Небо не попуститъ погибнуть сей рукѣ, которая поднята на погубленіе злодѣевъ.

Зломѣка.

Его неустрашимость заставляетъ меня трепетать! Но попытаемъ еще одинъ способъ оставить его. (Дѣлаетъ знакъ, — воды прорываютъ дорогу, по которой идетъ Илья, и подъ ногами его дѣлается ужасной водопадъ.) А! теперь онъ не пойдетъ далѣе. Поспѣшимъ во внутренность пропасти одолѣть искушеніями спутника Владиславова.

Илья (на краю стремнины).

Уже ли я долженъ возвратиться? Стремленіе водъ разорвало путь мой, бездна ужасна, — но тщетно ли дана мнѣ знать воля боговъ, и остановлюсь ли

я малодушно въ началѣ моего подвига? Нѣтъ, нѣтъ. На добрыя и славныя дѣла готовъ я полетѣть сквозь тысячи смертей! (Хватаясь за дубъ, стоящій на краю стремнины.) Испытаемъ всю крѣпость силъ моихъ. (Раскачиваетъ дубъ.) А! посмотримъ теперь, сильна ли эта кипящая пучина удержать меня? (Роняетъ дубъ.) Побѣда! побѣда! страхъ врагамъ правости! (Переходитъ по дубу на другую сторону водопада.)

Дѣйствіе третье.

Театръ представляетъ пещеру во внутренности земли.

Явленіе первое.

Пламидъ и множество духовъ.

Пламидъ.

Итакъ, приказанія повелительницы нашей, Зломѣки, исполняются, и вы готовы принять на себя предписанные виды и званія для принятія Таропа. Но подождемъ, поколь она не объявитъ волю свою громовымъ ударомъ. Бурей, иди и скажи духамъ, чтобъ они мѣшали имъ въ темнотѣ по воздуху. Ты, Астаротъ, возьми сонмъ духовъ, превратитесь въ драконовъ, гигантовъ и разныхъ чудовищъ, чтобъ уже не допустить Владисила приближиться къ Тарону и напомнить ему его долгъ. Старайтесь изнурить силы его, чтобы Таронъ успѣлъ подписать отказъ свой отъ ключа, которымъ запертъ мечъ-кладенецъ. Ступайте! Ты, Асмодей, скажи, скоро ли перенесется сюда изъ Чернигова боярынъ Сѣдырь, по повелѣнію Зломѣки?

Асмодей.

Онъ уже долженъ быть близко!

Пламидъ.

Этимъ еще сильнѣе для Тарона будетъ искушеніе. Малодушному всегда пріятно видѣть у ногъ

своихъ того, передъ кѣмъ онъ прежде ползалъ. А, сверхъ того, Сѣдырь своимъ потаканьемъ ускоритъ его погибель и всѣхъ тѣхъ, которые привязаны къ его участи. Но, я вижу, его вносятъ.

Явленіе второе.

Пламидъ, Сѣдырь, котораго вносятъ духи, и Асмодей.

Сѣдырь.

Ахъ! что со мною будетъ?

Пламидъ.

Не бойся ничего, другъ мой Сѣдырь!

Сѣдырь.

Милостивой государь, смѣю ли я бояться въ такой почтенной компаніи!

Асмодей.

Но ты дрожишь! Или товарищи мои тебѣ кажутся безобразны?

Сѣдырь.

Ахъ, нѣтъ! Клянусь моею честью, что я сроду чертей прекраснѣе не видывалъ!

Пламидъ.

Знай, что ты намъ нуженъ! Тебѣ уже сказано, что ты назначенъ быть при дворѣ Кутанминарскаго хана; намъ нужно имѣть человѣка, который бы отвлекъ его отъ важныхъ и славныхъ предпріятій и возбудилъ бы въ немъ желаніе къ роскоши и нѣгѣ, — на то выбрали мы тебя.

Сѣдырь.

Много чести, милостивые государи!

Пламидъ.

Вотъ Асмодей, который внушитъ тебѣ тамъ, гдѣ ослабѣетъ твое искусство. Этотъ духъ съ успѣхомъ образовалъ хитрѣйшихъ льстецовъ и потакальщиковъ при многихъ азіатскихъ дворахъ, начиная съ двора Сарданапалова, — слушайся его. А ты, Асмодей, не оставь новаго ученика своего и между тѣмъ задай ему нѣсколько вопросовъ, чтобы имѣть познаніе, далекъ ли онъ въ своихъ понятіяхъ.

Асмодей.

Какъ ты говоришь?

Сѣдырь.

Съ тѣмъ, кому до меня нужда, басомъ, а съ тѣмъ, до кого мнѣ нужда, дискантомъ, милостивый государь!

Пламидъ.

Кажется, онъ подаетъ изрядную надежду! Продолжай.

Асмодей.

Какъ ты кланяешься?

Сѣдырь.

Какъ кланяюсь? а кому, государь? Ибо нужно вамъ доложить, что прадѣдушка мой оставилъ дѣдушкѣ 15 манеровъ кланяться; дѣдушка оставилъ послѣ себя 42 манера, а батюшка мой, родитель, передалъ мнѣ 134 манера, которыми я имѣю честь съ успѣхомъ пользоваться.

Асмодей.

Богатое наслѣдство! Пламидъ, я думаю, онъ годится мнѣ въ подмастерьи!

Пламидъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не ошибись! Мнѣ сказали, что онъ

очень простъ: ужъ, вѣрно, надобно его подучить немного!

Асмодей.

Ну, любезной товарищъ, скажи жъ мнѣ, какое кушанье ты болѣе всего любишь?

Сѣдырь.

Я всегда болѣе всего люблю то кушанье, которое мой князь жаловать изволитъ.

Асмодей.

Довольно, довольно, Пламидъ! Я отъ него отступаюсь: онъ болѣе моего знаетъ!

Пламидъ.

Знаешь ли, Сѣдырь, что мы взялись было тебя учить, а выходитъ на повѣрку, что и у насъ нѣтъ такихъ искусниковъ, какъ ты!

Сѣдырь.

Милостивый государь, если вамъ не противно, такъ пожалуйте мнѣ чертенка два, три на выучку: я вамъ ихъ въ годы поставлю. (Слышенъ ударъ грома.) Ахъ!

Асмодей.

Не бойся, мой другъ: ты здѣсь точно между пріятелей.

Пламидъ.

Зломѣка подаетъ первой знакъ. Асмодей, уведи его и скажи ему его должность; а вы будьте всѣ готовы. (Асмодей уводитъ Сѣдыря.)

Явленіе третье. [1]

Слышенъ другой ударъ грома; **Таропъ** упадаетъ сверху; въ то самое время театръ перемѣняется и представляетъ великолѣпнѣйшую и освѣщенную паникадилами галлерею въ восточномъ вкусѣ. **Таропъ**, въ безпамятствѣ, на пребогатой софѣ. Духи принимаютъ видъ вельможъ и придворныхъ; а Пламидъ преобращается въ верховнаго визиря.

Хоръ.

Тише, тише, не тревожьте
Вы царя пріятной сонъ,
И когда проснется онъ,
Для него забавы множьте.
О давно желанный часъ —
Ханомъ здѣсь Таропъ у насъ!

Таропъ (приходя въ память).

Ахъ, неужели я еще живъ остался?

Хоръ.

О давно *и проч.*

Таропъ.

Ахъ! гдѣ я? Всѣ кости во мнѣ какъ въ мѣшкѣ!

Хоръ.

О давно *и проч.*

Таропъ.

Что? какъ? ась? Вотъ еще новость: какое богатство! какая пышность! Куда это я провалился?

Пламидъ.

Великій обладатель Кутаминара, ты видишь здѣсь рабовъ твоихъ. Мы недавно лишились хана, и Небо повелѣло, чтобъ, кто сверху упадетъ, тотъ былъ бы ханомъ нашимъ. Ты удостоилъ къ намъ провалиться, позволь представить тебѣ ханскія украшенія.

---

1 Ханство Таропа представляетъ своеобразную переработку очень распространеннаго сюжета, не разъ разрабатывавшагося и на сценѣ, — „Калифъ на часъ".

Таропъ.

Ну, право, это все похоже на сонъ; онъ хорошъ, да каково то проснуться будетъ!

Хоръ.

О давно желанный часъ *и проч.*

(Во время сего хора представляютъ ему ханскія украшенія, и послѣдній идетъ Сѣдырь, съ богатымъ серебрянымъ блюдомъ).

Таропъ.

Ба, ба, ба! это што? Бояринъ Сѣдырь! ха, ха, ха! ты какъ сюда попался и что такое несешь на огромномъ своемъ блюдѣ, чего я совсѣмъ не вижу?

Сѣдырь.

Великій обладатель Кутанминара, я удостоенъ нести твою ханскую зубочистку!

Таропъ.

Ну, да у тебя всегда нешуточныя дѣла на рукахъ; только, право, это сонъ! я не могу повѣрить. Эй! отойдите всѣ и стойте тамъ, пока я васъ не позову: мнѣ важныя дѣла есть говорить съ Сѣдыремъ. (Всѣ удаляются на конецъ театра.) Бояринъ Сѣдырь, ущипни-ко меня покрѣпче!

Сѣдырь.

Слушаю, государь! (Щиплетъ.)

Таропъ.

Ой, ой, чтобъ тебя чортъ взялъ! Однако, я точно не сплю! Да ты какъ здѣсь очутился?

Сѣдырь.

Не знаю, государь! Я дома прилегъ на лежанку и вдругъ въ лѣвомъ ухѣ слышу глась, что я долженъ быть при дворѣ величайшаго обладателя Кутанминара, а въ правомъ ухѣ былъ мнѣ другой глась, чтобъ я напомнилъ тебѣ о какомъ то ключѣ отъ меча-кладенца.

Тарапъ.

Ага! теперь я догадываюсь. Да узнаешь ли ты меня, Сѣдырь?

Сѣдырь.

Не смѣю узнать, ваше величество!

Тарапъ.

Да помнишь ли, что я былъ за шесть часовъ?

Сѣдырь.

И помнить не смѣю, ваше величество!

Тарапъ.

А Князя Владисила нѣтъ; онъ, видно, не такъ счастливо нырнулъ, какъ я. Ну, что жъ у васъ въ Черниговѣ дѣлается?

Сѣдырь.

Большая тревога! Усбекъ, отецъ Зломѣкинъ, грозится сжечь городъ, а Всемилу, Княжну Болгарскую, невѣсту Князя нашего, держитъ въ жестокомъ плѣну.

Тарапъ.

Что жъ говорятъ про Князя Владисила?

Сѣдырь.

Говорятъ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.

Тарапъ.

Ну, а про Тарапа что говорятъ?

Сѣдырь.

Говорятъ, что и онъ пропасть изволилъ.

Тарапъ.

Пропалъ было, да видишь, отыскался съ барышомъ. Сѣдырь, да слѣпъ што ли ты? вить я Тарапъ то.

Сѣдырь (кланяясь).

Слушаю, государь!

Таропъ.

Такъ слушай же обѣими ушами: здѣсь меня хотятъ испытать; и если я не устою противъ искушенія, то отказать мнѣ въ ключѣ отъ меча-кладенца, за которымъ меня Илья Муромецъ сюда сбросилъ. Теперь я очень помню слова любезной Русидушки моей. Ну, да полно, не дуракъ же я имъ достался! А ты, боярин Сѣдырь, напомни мнѣ!

Сѣдырь.

Всякой разъ, государь, когда изволишь приказать!

Таропъ.

Ба, это что еще?

Явленіе четвертое.

Таропъ, Сѣдырь и Зломѣка. Передъ нею идетъ великолѣпная свита женщинъ.

Зломѣка.

Благодарю васъ, небеса,
Я счастлива съ сего часа.
Герой, ты будь моимъ супругомъ,
Царемъ, любовникомъ и другомъ!

Таропъ.

Какое личико и станъ
И величавая осанка!
Да полно, это все приманка!
Нѣтъ, нѣтъ, не дамся я въ обманъ!

Зломѣка.

Согласенъ ли ты здѣсь остаться
И въ негѣ и въ довольствѣ жить?

Таропъ.

Я Князю моему стараться
Здѣсь долженъ службу сослужить.

Зломѣка.

Иль тщетно таетъ сердце страстно?

Таропъ.

Мой свѣтъ, трудишься ты напрасно,
Не соблазнишь меня никакъ:
Я вамъ достался не дуракъ.
(особо.)
А, право, дѣвочка смазлива,
И жаль разстаться даромъ съ ней!

Зломѣка.

Ужели такъ я несчастлива,
И онъ избѣгнетъ отъ сѣтей?
Мой милой другъ!

Таропъ.

Держися ...

Зломѣка.

Мой свѣтъ!

Таропъ.

Таропъ, крѣпися!

Зломѣка.

Напрасно ль таю я?

Таропъ.

Напрасно, жизнь моя!

Зломѣка.

Ахъ, сколько ты безбоженъ!
Во мнѣ ты сердце рвешь!

Таропъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я остороженъ,
Меня не проведешь!

Зломѣка.

Жестокой, такъ ты не тронутъ нѣжностью моею?

Таропъ (особо).

Да, кабы эта нѣжность была безъ дьявольщины! Но нѣтъ, нѣтъ, я требую ключа отъ меча-кладенца!

Зломѣка.

Я должна тебѣ его отдать; но знай, что въ ту самую минуту перенесенъ ты будешь ко двору Князя Владисила. Малодушной, что ты тамъ значишь? а здѣсь ты самъ будешь обладатель.

Таропъ.

Таропушка, держись! — Ключа я спрашиваю!

Зломѣка.

Ты его получишь; но взгляни на эти сокровища — они будутъ твои.

Таропъ.

Мои! Ахъ, еслибъ тутъ не было дьявольщины!

Зломѣка.

Всѣ вельможи, какъ ты здѣсь видишь, и милліоны подданныхъ готовы исполнять волю твою.

Таропъ.

Есть надъ кѣмъ поломаться! Хорошо бы подолѣе пожить ханомъ, да кабы тутъ не было дьявольщины! Нѣтъ, я прошу ключъ, — пожалуйста, не задерживай меня!

Зломѣка.

Я уже сказала, что отдамъ ключъ. Но взгляни на этихъ прекрасныхъ дѣвицъ — каждая изъ нихъ почтетъ счастьемъ тебѣ понравиться.

Таропъ.

Хороши, куда хороши! Ахъ, еслибъ тутъ не было дьявольщины!

Одинъ придворной

(подходя въ Зломѣкѣ).

Владиславъ преодолѣваетъ все препятство; онъ уже пробился сквозь большой рядъ комнатъ, и ему остается только трое дверей, чтобъ сюда пробраться.

Зломѣка.

Употребите всѣ ваши силы!

2-й придворной.

Въ сію минуту прилетѣлъ духъ и сказываетъ, что Илья Муромецъ подходитъ къ жилищу Соловья и повергаетъ все, что только ему противится.

Зломѣка.

Лети и вели употребить всѣ ужасы!

Таропъ.

Отдай мнѣ ключъ, я ни на что не согласаюсь. Ахъ! я бы врядъ устоялъ противъ такихъ прелестей и приманокъ, еслибъ не боялся дьявольщины!

Зломѣка.

Неумолимой герой, я должна тебѣ повиноваться, — внесите ключъ, но укрѣпи хотя силы свои пищею и виномъ, а потомъ уже я тебѣ вручу сей пагубной ключъ, который меня съ тобой разлучаетъ.

Таропъ.

Сѣдырь, пообѣдать вить грѣха нѣтъ?

Сѣдырь.

Величайшіе герои обѣдывали, государь!

(Приносятъ столъ и вины. Зломѣка и Таропъ садятся; прочіе становятся кругомъ стола).

Хоръ.

Веселись, нашъ ханъ забавный,
О Таропъ премудрый, славный!

(Въ это время Зломѣка подноситъ Таропу рюмку вина, а онъ вскакиваетъ изъ-за стола и кричитъ, перерывая хоръ): Стой! Сѣдырь, Сѣдырь!

Сѣдырь.

Что повелишь, государь?

Таропъ.

Сѣдырь, у меня что то сердце бьется: боюсь я пить вино, а оно, кажется, очень хорошо!

Сѣдырь.

Дурного вина я и самъ боюсь, государь, а хорошаго вина чего бояться: что тутъ за бѣда?

Таропъ.

А вотъ что, глупая голова: чортъ хотѣлъ меня соблазнить богатствомъ, — я устоялъ, другой чортъ величіемъ, — я устоялъ, третій чортъ женщинами, — я все-таки устоялъ; а въ рюмкѣ то, я думаю, сидитъ самой хитрой чортъ, и мнѣ врядъ противъ него устоять будетъ!

Сѣдырь.

Такъ не пей, государь!

Зломѣка (тихо Сѣдырю).

Что ты сказалъ, несчастный, трепещи!

Сѣдырь.

Ахъ, ахъ! государь! государь! изволь кушать на здоровье!

Зломѣка.

Не откажи мнѣ въ этомъ маломъ снисхожденіи, — это укрѣпитъ твои силы.

Таропъ.

Сѣдырь, какъ ты думаешь, хорошее вино?

Сѣдырь.

Очень хорошо, государь!

Таропъ.

Хорошо, глупая голова, да въ немъ то настоящая дьяволыцина; однако жъ, дай ключъ, то я соглашусь, можетъ быть!

Зломѣка.

Съ этимъ условіемъ я даю тебѣ его, — вотъ онъ; но отсель не выходи, не узнавъ нашихъ веселій; можетъ быть тебѣ самому полюбится съ нами остаться.

Таропъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я только пообѣдаю и тотчасъ домой. Теперь бояться нечего, ключъ въ моихъ рукахъ!

Зломѣка

(дѣлаетъ знакъ, многія женщины приносятъ на подносахъ разныя вины).

Выбери, которыя тебѣ по вкусу! Этотъ ключъ будетъ твоимъ!

Таропъ.

Чего? Боюсь, чтобъ не напиться пьянымъ и не испортить бы всего дѣла.

Зломѣка.

Приличенъ ли герою этотъ страхъ? Одна рюмка не сдѣлаетъ тебя пьянымъ. Уже ли ты такъ малодушенъ, что не надѣешься на свою воздержность, которой ныиѣ показалъ столь славные опыты!

Таропъ.

А что, и въ подлинну, я вѣдь не ребенокъ! Сѣдырь, какъ ты думаешь? А вино глядитъ очень умильно!

Сѣдырь.

Въ доброй часъ, государъ!

Одинъ изъ придворныхъ (Зломѣкѣ).

Владиславъ все опровергаетъ; осталось ему двое дверей.

Зломѣка.

Удвойте стражу; я начинаю здѣсь надѣяться.

Одинъ изъ придворныхъ.

Худыя вѣсти: Илья опрокинулъ послѣднюю стражу — и Соловей въ опасности.

Зломѣка.

Идите, я надѣюсь здѣсь кончить счастливо, — и тогда всѣ труды ихъ напрасны.

Таропъ

(который между тѣмъ выбираетъ и отвѣдываетъ вины).

Ну, такъ и быть; только смотри, Сѣдырь, коли я примусь за третью рюмку, то ты мнѣ напомни.

Зломѣка.

Выкушай же эту рюмку — кипрскаго.

Таропъ.

Здоровье Князя Владислава!

Зломѣка (особо).

Злодѣй, дорого тебѣ будетъ стоить твоя привязанность! Но сядемъ за столъ, мои герои (садятся) и выпьемъ по рюмкѣ въ честь твоей непоколебимости. Возьми эту рюмку — фалернскова.

Таропъ.

Въ честь моей твердости! Выпей и ты, Сѣдырь!

Зломѣка.

Посмотри же нашихъ забавъ; по крайней мѣрѣ ты вспомнишь, что мы всячески старались угостить тебя.

Таропъ.

Сѣдырь, что жъ, смотрѣть грѣха нѣтъ? Пусть они меня позабавятъ, а послѣ стола тотчасъ ключь.

Зломѣка.

Друзья мои, позабавьте вашего хана, съ которымъ, по несчастію, скоро должны мы будемъ разстаться. Государь, выкушай же эту рюмку сиракужскаго!

Таропъ.

Сѣдырь, а которая эта рюмка?

Сѣдырь.

Первая рюмка сиракужскаго, государь!

Хоръ.

Веселись, нашъ ханъ забавный,
О Таропъ премудрый, славный,
Безъ заботъ и безъ помѣхъ
Ты вкушай здѣсь тьму утѣхъ!

(Во время этого хора начинается балетъ, который продолжается послѣ, съ самою роскошною музыкою; женщины стараются плѣнить Тарона, а Зломѣка между тѣмъ подноситъ ему часто винъ различныхъ, которыя уже онъ пьетъ безотговорочно.

Зломѣка.

(по окончаніи балета, подаетъ рюмку.)

Вотъ Хиражское, — прекрасное вино.

Таропъ.

Сѣдырь, а что я тебѣ приказывалъ? Ну, которая же теперь рюмка идетъ?

Сѣдырь.

Первая рюмка Хпражскаго, государь!

Таропъ.

Ну, да это правда! Однако, какъ ты думаешь, не многонько ли я уже первыхъ то рюмокъ выпилъ? Вторыя еще не показывались, а у меня уже въ головѣ заиграло немножко.

Зломѣка.

Ну, скажи же, мой милой другъ: не лучше ли остаться съ нами въ роскоши и нѣгѣ, нежели идти вновь въ повиновеніе? Посмотри, — здѣсь ты самъ ханъ!

Таропъ.

Ну, нечего, мнѣ у Князя Владисила шутовское житье было хорошо; а коли сказать правду, такъ и ханское житье не худо, только что совѣсть то мнѣ говоритъ?

Зломѣка.

Здѣсь ты повелитель. Посмотри, первой визирь идетъ къ тебѣ съ докладами.

— —

Явленіе пятое.

Прежніе и Пламидъ.

Пламидъ.

Великій обладатель Кутанминара, какое будетъ повелѣніе верховному визирю твоему?

Таропъ.

Выпить съ нами по рюмкѣ за здоровье прекрасной вашей царевны; она у васъ, ей, ей, преблагочестивая!

Пламидъ.

Исполняю волю твою. Тутъ есть важныя бу-

маги, въ разсужденіи государства твоего и подданныхъ, — что повелитъ ваше ханское величество?

Таропъ.

Мое ханское величество повелитъ, чтобъ у всѣхъ моихъ подданныхъ былъ хорошій столъ и хорошія вины.

Пламидъ.

Я хотѣлъ доложить касательно до податей и пошлинъ.

Таропъ.

Подати и пошлины всѣ уничтожить; во всемъ моемъ ханствѣ всѣмъ шутамъ опредѣлить большое жалованье — не надо забывать старыхъ товарищей; а купцамъ велѣть вино и товары изъ лавокъ отпускать для всякаго даромъ. Такъ ли, Сѣдырь?

Сѣдырь.

Нечего говорить, государь, — и милостиво и премудро!

—

Явленіе шестое.

Лена и Русида выходятъ, одѣтыя танцовщицами, одна съ тамбуромъ, а другая съ музыкальнымъ орудіемъ.

Лена.

Позволь, великій обладатель Кутанминара, позабавить намъ тебя своими пѣснями ...

Русида.

И пляскою.

Таропъ.

Очень хороши, прекрасны! Спойте-ко и попляшите, красавицы, такъ я награжу васъ прямо похански.

Пламидъ.

Это постороннія. Я еще хотѣлъ, государь ...

Таропъ.

Убирайся къ чорту! Я хочу и о себѣ подумать. Спойте-ка, миленькія!

Русида.

Я, молоденька, люблю веселиться;
Время въ забавахъ скорѣе катится.
Мило рѣзвиться, скакать и плясать,
Только лишь дѣла не надо бросать.

Мнѣ при забавахъ лугъ зеленѣе,
Воды прозрачнѣй, солнце яснѣе.
Только тогда я рѣзва, весела,
Какъ уже окончу свои всѣ дѣла.

(Въ это время Лена прилясываетъ и часто даетъ знать Тарапу, чтобъ онъ слушалъ Русиду.)

Таропъ.

Очень хорошо, прекрасно! Да кой чортъ, о какомъ дѣлѣ вы мнѣ говорите!

Зломѣка.

Это Лена; но поздно ужъ. Пригожія пѣвицы, я васъ знаю, но вы опоздали и мнѣ не опасны.

Таропъ.

Чего тебѣ бояться, королева моя, когда я здѣсь ханомъ!

Зломѣка.

Слышите?

Лена.

Черниговъ въ слезахъ и ждетъ отъ тебя спасенія.

Таропъ.

На вотъ платокъ, да скажи, чтобъ Черниговъ утерся и не плакалъ.

Русида.

Неблагодарный! ты оставляешь Князя Владислава!

Таропъ.

Понимаете ли, безтолковыя, что я самъ теперь ханъ, и ханское житье мнѣ еще не надоѣло?

Лена.

Опасность умножается; побѣгу и, если можно, помогу Владиславу; а ты, Русида, старайся удержать его.

Зломѣка.

Иди, всѣ твои покушенія тщетны: онъ мой. И-такъ, мой другъ, ты соглашаешься утвердить наше счастіе — и особливо мое?

Таропъ.

Чье сердце устоитъ противъ такихъ прелестей? Сѣдырь, какъ ты думаешь?

Сѣдырь.

Какъ ты, государь!

Таропъ.

Правда, можетъ быть, ты и колдовка, можетъ быть, у тебя есть съ чертями маленькія шашни, — ну, да въ какой женщинѣ нѣтъ дьявольщины?

Финалъ.

Зломѣка.

(которой, по ея знаку, подаютъ бумагу и перо, а она представляетъ ихъ Тарапу.)

Подпиши жъ, что ты любовью
Нѣжною ко мнѣ плѣненъ.

Таропъ.

Радъ, мой свѣтъ, своей я кровью
Подписать свой сладкой плѣнъ.

Русида.

Вспомни ты Княжну Всемилу,
Вспомни долгъ свой Владисилу!

Таропъ.

Нѣтъ, ужъ болѣ не шучу,
Ханомъ я пожить хочу.

Зломѣка.

Такъ тебѣ уже не нуженъ
Ключъ теперь отъ кладенца?

Таропъ.

Если я съ тобою друженъ,
Что въ ключѣ отъ кладенца?

Русида.

Ахъ, остерегись обману!

Таропъ.

Вздоръ, чего бояться хану?

Зломѣка.

Подпиши же свой отказъ!

Русида.

Ахъ, погубитъ всѣхъ онъ насъ!

(Таропъ на колѣняхъ принимается подписывать.)

Таропъ.

Дай прочесть, что за отказъ. (Читаетъ):
„Разводясь навѣкъ съ заботой,
Въ ханы я иду охотой.“
Такъ, охотой.
„Отрекаюсь отъ друзей
И отъ прежнихъ всѣхъ связей.
Отрекаюсь Владисилу

Помогать искать меча
И, любя царевну милу,
Отрекаюсь отъ ключа.“

Зломѣка.

Подпиши же сей отказъ!

Русида.

Ахъ, погубитъ всѣхъ онъ насъ!

Таропъ (на колѣняхъ).

Для твоихъ прелестныхъ глазъ,
Не смотря на всѣ ихъ пени,
Предъ тобой ставъ на колѣни,
Подпишу я свой отказъ.

(Хочетъ подписывать; слышенъ громъ; онъ останавливается. Владисилъ вбѣгаетъ.)

Владисилъ.

Постой, постой, несчастной,
И не впадай въ обманъ!

Таропъ.

Чей слышу гласъ ужасной?
Ахти, никакъ я пьянъ!

Сѣдырь.

Какъ быть, о я несчастный!
Какъ знать, который ханъ?

Зломѣка.

Ужли сей гласъ ужасной
Разрушитъ мой обманъ?
Я забываю все мученье,
Ахъ, не терзай меня ты вновь,
Дай въ мукахъ мнѣ ты облегченье
Не презирай мою любовь!

Владисилъ.

Одной Всемилой вѣчно страстенъ,
Я буду счастливъ иль несчастенъ,
Но кончу жизнь, ее любя
И презирая лишь тебя!

Зломѣка.

Пріятны ль слезы Владисилу?

Владисилъ.

Скажи, гдѣ скрыла ты Всемилу?

Зломѣка.

Ужель я кончу жизнь стеня?

Владисилъ.

Оставь, жестокая, меня!

Сѣдырь и **Русида.**

Бѣды здѣсь намъ и Владисилу.

Владисилъ.

Нѣтъ, не страшна ты Владисилу.

Зломѣка.

Познай же всю мою ты силу ...

Таропъ.

Отдамъ-ко ключъ я Владисилу.

Пламидъ (Тарону).

Твое пронжу въ мигъ сердце я,
Лишь сдѣлай шагъ ты къ Владисилу ...

Зломѣка.

Духи явитеся злобны,
Мучьте злодѣевъ вы сихъ:
Дайте имъ знать, коль удобны,
Тягость страданій моихъ!

Хоръ.

Мучьтесь, злодѣи вы люты!

Зломѣка.

Жить вамъ послѣдни минуты.

Дѣйствующіе.

О преужасны минуты,
Сколь наши муки здѣсь люты!

(Въ это время духи оковываютъ цѣпями Владиміла и Русиду и тащатъ за сцену, а другіе духи толкаютъ и тащатъ Тарона и Сѣдиря. Слышенъ голосъ вверху:)

Зломѣка, стой!
Иль громъ боговъ
Тебя, за злость,
Карать готовъ.

Зломѣка.

Хладѣетъ кровь ...
Ужасный гласъ!

Прочіе дѣйствующіе.

О небеса, спасите насъ!

Зломѣка.

Но нѣтъ, ничто,
Злодѣи, спасть
Не можетъ васъ.

Мучьтесь, злодѣи люты,
Жить вамъ *и проч.*

(Продолжается до послѣдняго стиха: Не можетъ васъ. Тогда Зломѣка дѣлаетъ знакъ, и спускается ужасное привидѣніе, которое покрываетъ весь театръ и обхваты летъ всѣхъ, кромѣ Зломѣки, дѣйствующихъ.)

Зломѣка.

Почувствуйте вы мщенье!
Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы спасенья

Не будете имѣть!
Вамъ должно умереть!

Дѣйствующіе.

Ужасное видѣнье!
О боги! иль спасенья
Не можно намъ имѣть?
Намъ должно ль умереть?

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

Театръ представляетъ жилище Соловья-Разбойника, расположенное на 12 дубахъ.

Соловей и нѣсколько разбойниковъ.

Соловей

Не бойтесь, товарищи; развѣ вы забыли, что я однимъ своимъ свистомъ убиваю сильнѣйшихъ богатырей; неужели мы оробѣемъ одного Ильи, этого сидня?

Толпа разбойниковъ

(перебѣгая черезъ театръ).

Илья! Илья близко! спасайтесь!

Соловей.

Мнѣ спасаться? Еслибъ этотъ Илья былъ желѣзной ...

Другая толпа (пробѣгая).

Атаманъ, Илья гонитъ сюда нашихъ цѣлую стѣну: мы пропали! Никто не запомнитъ такого силача, пропали мы! (Убѣгаетъ.)

Соловей.

Малодушные! ... Но время кончить вашъ страхъ: я иду принять этого удальца, и онъ живой отъ насъ не выйдетъ!

Явленіе второе.

Соловей на дубу. Илья, преслѣдуя множество разбойниковъ, которые отъ него убѣгаютъ за дубы

Илья.

Куда жъ вы? гдѣ ваша смѣлость? — или вы храбры только противу безсильныхъ?

Соловей.

Илья, ты много надѣешься на себя и ищешь своей погибели; но я щажу твою молодость, — ступай, богатырь, домой!

Илья.

Дерзкой, ты увидишь скоро, что я не напрасно ношу имя богатыря русскаго. Сейчасъ очисти дорогу и отдай мнѣ желѣзной сундукъ съ мечомъ-кладенцомъ!

Соловей.

Ну, мнѣ ли бояться угрозъ того, которой сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ?

Илья.

И на 31 всталъ наказать тебя за всѣ твои злодѣйства. Погибни, нечестивой! (Бросается за дубъ.)

Хоръ разбойниковъ

(выбѣгая въ смятеніи).

Какой ужасной трескъ и громъ!
Онъ ломитъ дубы, валитъ домъ.
Вездѣ бѣда, вездѣ смятенье, —
Пришелъ нашъ часъ, — и нѣтъ спасенья!

(Въ это время слышенъ трескъ и страшной свистъ за дубами. Илья ударами своими обрушиваетъ часть строенія и обламываетъ суки, на которыхъ оно утверждено, Соловья же вытаскиваетъ изъ-за дубовъ.)

Илья.

Готовься оставить бѣлой свѣтъ; однимъ ударомъ разможжу я твою голову.

Соловей (на колѣняхъ).

Храбрый богатырь, пусти меня пожить на вольномъ свѣтѣ, — я тебѣ пригожусь.

Илья.

Сейчасъ прикажи принести желѣзной сундукъ.

Соловей.

Повинуйтесь богатырю, товарищи, я болѣе вамъ не атаманъ! (Вносятъ сундукъ.)

Илья.

Вы сегодня же очистите здѣшнюю дорогу, — или прахъ вашъ здѣсь разсѣянъ будетъ. (Замахиваясь на Соловья.) А ты умри, нечестивой!

Соловей.

Постой, богатырь, постой! если ты убьешь меня, то навсегда лишишься ключа отъ меча-кладенца.

Илья.

Возможно ль?

Соловей.

Выслушай меня. Зломѣка, во внутренностяхъ земли испытывая Таропа, отдала ему ключъ; онъ не перенесъ испытаній; но какъ ключа силою отнять нельзя, то она и съ нимъ перенесла и скрыла Таропа въ такое мѣсто, которое самой Добрадѣ неизвѣстно. Я одинъ знаю, гдѣ онъ находится; сама Зломѣка мнѣ это открыла. Даруй мнѣ жизнь, и ты узнаешь!

Явленіе третье.

Илья, Соловей и Русида.

Русида.

Храбрый Илья, поспѣшай къ Чернигову; опас-

пость его умножается; Владиславъ уже туда отправился.

Илья.

Благодарю боговъ! Такъ Князь спасенъ?

Русида.

Зломѣка простерла было злость свою за предѣлы, и потому Добрада получила[1] право спасти насъ. Сѣдыря перенесли въ Черниговъ, меня послала волшебница къ тебѣ сказать ея волю; одинъ бѣдной Таропъ пропалъ у насъ безъ вѣсти.

Илья.

Соловей, я даю тебѣ жизнь, если ты объявишь, гдѣ Таропъ.

Соловей.

Русида, вотъ тебѣ огниво и кремень, — выруби огонь на этотъ пенекъ. (При сихъ словахъ слышенъ ударъ грома. Соловей упадаетъ вскрикивая:) Коварная Зломѣка, отъ тебя я погибаю! (Проваливается.)

Илья.

Сколь ужасна смерть преступника!

Русида.

Боги мстятъ ему. Ахъ! правду ли онъ сказалъ о бѣдномъ Тарапѣ? (Начинаетъ вырубать огонь на пенекъ, которой вспыхиваетъ, и съ дымомъ выходитъ Таропъ, держа ключь въ рукахъ, которой тотчасъ беретъ Илья и принимается отпирать сундукъ.)

Таропъ.

Уфъ! Русидушка, ну хорошую квартерку подрадѣла было мнѣ проклятая Зломѣка, — того и глядѣлъ, что меня кто-нибудь на дрова исколетъ.

Илья (вынимаетъ мечъ).

Страхъ врагамъ Чернигова и Князя Владислава! — Пойдемъ! (Уходитъ.)

---

[1] Въ подлинникѣ „поручила", — конечно, опечатка.

Явленіе четвертое.

Таропъ и Русида.

Таропъ.

Русидушка, жизнь моя! орлы дерутся, а молодцамъ перья, — понимашь ли ты меня?

Русида.

Ахъ, Таропушка, если Печенѣги будутъ прогнаны, Князь Владиславъ соединится съ Княжной Всемилой, а мы слѣдомъ за ними, — то-то будетъ у насъ райская жизнь!

Арія.

Мы станемъ, дни забывъ [1]) суровы,
Въ веселье время проводить.
Со всякимъ днемъ утѣхи новы
Любовь вамъ будетъ находить.
Не будетъ намъ тужить досуга,
Мы радость будемъ знать одну.
Во мнѣ любовницу ты, друга
И вѣрную найдешь жену.
Когда ты вздумаешь сердиться,
Не буду спорить я съ тобой,
Возьму лишь ласкою одной;
Лисой къ тебѣ я буду виться,
А если грусть къ тебѣ придетъ,
Печаль почувствуешь ты злую,
Тогда тебя я поцалую —
И въ мигъ печаль твоя пройдетъ!

Таропъ.

Сокровище мое! да поцалуй же хоть въ задатокъ.

Русида.

Теперь некогда, поспѣшимъ въ Черниговъ.

---

[1] Въ подлинникѣ „забыть“, — конечно, опечатка.

Таропъ (уходя за ней).

Не дѣвка, а кладъ; ну, радъ бы, кажется, для нея въ огонь.

—

Явленіе пятое.

Театръ представляетъ открытое мѣсто въ виду города Чернигова, и на рѣкѣ суда, готовыя къ сраженію.

Владисилъ, нѣсколько воиновъ и Славенъ.

Славенъ.

Государь, мы отчаялись было твоего прибытія; ты оживилъ войска своимъ присутствіемъ.

Владисилъ.

Славенъ, брата моего заставляетъ непріятель отступать; но я еще прибылъ не поздно; пошли повелѣніе мое, чтобы суда наши старались зажечь непріятельскія, а между тѣмъ возвѣсти Доблесту, котораго я вижу выходящаго съ частью войскъ изъ-за тѣхъ холмовъ, что я самъ предводительствую ими, — мы ударимъ отсель въ тылъ непріятелю и поставимъ его между мною и братомъ моимъ. Бѣги и вели, чтобъ войска спѣшили сюда! (Славенъ уходитъ.) Боги, подкрѣпите мою руку! Всемила, оживи мое мужество!

Арія.

Я слышу голосъ громкой славы,
Иду, лечу на бой кровавый,
Или враговъ моихъ попру,
Или съ мечомъ въ рукахъ умру.
Всемила, ахъ! въ груди сей страстной
Несу я образъ твой прекрасной:
Онъ будетъ спутникомъ моимъ;
У гроба лишь разстанусь съ нимъ.

(Въ это время выходятъ войска Доблеста и строятся къ бою.)

Владисилъ.

Друзья мои, взгляните на эти стѣны, — тамъ

жены, тамъ дѣти ваши; ударимъ на враговъ! Помните, что впереди у насъ слава, а назади стыдъ и рабство. За мной, друзья! Боги и правда съ нами! (Владиславъ встрѣчаетъ Печенѣговъ, гонящихся за его воинами, которые построиваются. Сраженіе становится жарчѣе; въ это время показываются Добрада на облакѣ съ Леною).

Добрада.

Какъ пріятно видѣть мнѣ мужество Владислава! Судьба, увѣнчай добродѣтель справедливою побѣдою, — дочь моя, лети сейчасъ и, похитя Княжну Всемилу изъ шатра Усбека, перенеси во дворецъ Черниговской. (Во время сей рѣчи Владиславъ прогоняетъ Печенѣговъ, и становится видно сраженіе подъ городомъ на судахъ; Лена, отдѣляясь отъ Добрады, улетаетъ исполнить ея повелѣніе.)

Зломѣка.

Ненавистная Добрада, въ сей день должна рѣшиться участь наша!

Добрада

Небеса, укрѣпите мою руку на пораженіе злодѣйства! (Между ними происходитъ ужасное сраженіе. Добрада употребляетъ громъ, а Зломѣка пламень. Они вооружены пламенными мечами; наконецъ, Добрада отступаетъ, и Зломѣка преслѣдуетъ ее за сцену).

(Владислава гонятъ съ воинами печенѣги, самого его обе оружинавотъ, берутъ въ плѣнъ и уводятъ; но вскорѣ сами гонимы Ильею, вооруженнымъ мечомъ-кладенцомъ. Суда также черниговскія зажжены).

Илья.

За мной, друзья, за мной! спасемъ Князя Владислава и заставимъ варваровъ трепетать имени Русскаго! (Онъ прогоняетъ печенѣговъ и преслѣдуетъ ихъ. Зломѣка летитъ черезъ театръ и закрывается щитомъ, который зажигаетъ Добрада. Какъ та, такъ и другая уже не на облакахъ, но летятъ просто своею волшебною силою. Ударъ грома и молніи означаетъ пораженіе Зломѣки).

—

Явленіе шестое.

Комната во дворцѣ Князя Владисила.

Княжна **Всемила, Русида, Сѣдырь** и множество дѣвицъ, находящихся при Княжнѣ.

Русида.

Перестань крушиться, Княжна! Когда я съ Таропомъ пришла въ Черниговъ, то все было благополучно, и проклятые печенѣги, эти варвары ...

Сѣдырь.

Эхъ, Русидушка, ну что за охота бранить печенѣговъ! Богъ еще знаетъ, какъ день кончится!

Всемила.

Сердце мое трепещетъ, тысячу страховъ раздираютъ его.

Арія.

Судьба, смягчись надъ сей страною
И Владисила сохрани;
Иль гнѣвъ пролей свой надо мною
И прекрати мои ты дни.
Во злой тоскѣ, безъ Владисила,
Мнѣ свѣтъ не милъ и жизнь постыла.
Коль боги судятъ пасть ему,
Я смерть за даръ небесъ приму ...
Но что за шумъ, что за смятенье?
Тамъ слышны крики и волненье,
Увы! предвѣстье то побѣдъ,
Иль знакъ лютѣйшихъ нашихъ бѣдъ?

Явленіе седьмое.

Прежніе и Таропъ, вбѣгая.

Таропъ.

Побѣда! побѣда! ура! ура! наша взяла – непріятели разбиты. Княжна, сейчасъ прибѣжалъ го-

нецъ: Владиславъ здравствуетъ, торжествуетъ! — Русидушка, всѣ бѣды кончились!

Всемила.

Благодарю васъ, небеса!

Таропъ.

Худо было пришло Князю: онъ попался въ плѣнъ; но вдругъ откуда взялся Илья Муромецъ — то-то прямо богатырь; я съ городскихъ стѣнъ видѣлъ: гдѣ стрѣлу пуститъ — тамо улица, гдѣ копьемъ махнетъ — тамо площадь; онъ спасъ Князя, непріятеля какъ не бывало, и Князь Владиславъ входитъ въ торжествѣ.

Всемила.

Пойдемъ его встрѣтить.

Сѣдырь

Ну, какъ я радъ, Тарошушка! Такъ Печенѣги совсѣмъ разбиты? Проклятые буяны! ничто имъ, и рожи то на нихъ дьвольскія! Пойдемъ же поздравить Князя.

Таропъ.

Ну, Русидушка, что жъ мнѣ за добрую вѣсть?

Русида (важно).

Ты достоинъ руки моей; вотъ она.

Таропъ.

Хорошо, хорошо, даромъ, что снесиво. Послѣ свадьбы заговоришь ты, моя радость, поласковѣе!

(Уходитъ.)

Явленіе послѣднее.

Театръ представляетъ городскую площадь; весь городъ освѣщенъ огнями. **Добрада, Владисилъ** и **Лена** вносятся на палапкинѣ, а **Илья** вносится на щитахъ. Княжна **Всемила, Русида, Таронъ, Сѣдырь** и воины. Свита Добрады и народъ.

Хоръ.

Въ сей день, побѣдой знаменитый,
Прославимъ милости боговъ.
Да будутъ страхи всѣ забыты,
Нашъ мечъ сталъ ужасомъ враговъ.

Добрада.

Князь Владисилъ и ты, храбрый Илья, вы оказали нынѣ мужество, достойное героевъ. (Вручая Князю.) Князь, вотъ твоя награда, прими въ ней достойную и любезную супругу; а еще не меньшая награда для тебя — счастіе и благодарность твоихъ подданныхъ, для которыхъ столь безробостно жертвовалъ ты своею жизнію.

Всемила.

Возлюбленный Князь!

Владисилъ.

Я забываю всѣ несчастія!

Добрада.

Ты, храбрый Илья, владѣй симъ мечемъ, — онъ достоинъ быть въ рукахъ твоихъ. Не бойтесь болѣе Зломѣки: власть ея кончилась. Наслаждайтесь непоколебимо своимъ счастіемъ. Друзья мои! сіи часы хочу я раздѣлить съ вами, а завтра отправлюсь на берега Гангеса; но знайте, что бдѣніе мое надъ вами будетъ всегда неусыпно.

Сѣдырь

(выступая съ важностію передъ Владисила).

По случаю Печенѣговъ, государь, которыхъ мощная рука ... или десница твоя ...

(Таропъ машетъ, чтобъ хоръ началъ, онъ тотчасъ начинаетъ, и Сѣдырь отходитъ въ досадѣ, что ему не дали договорить).

Хоръ (перерывая Сѣдыря).

Вы летите къ намъ, забавы,
Радость, будь во всѣхъ сердцахъ.
Громъ побѣдъ и нашей славы,
Въ ратныхъ ты греми поляхъ!

(Тутъ присходятъ увеселенія, соотвѣтствующія торжеству сего дня).

Крыловъ. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Мыза Олениныхъ Пріютино.

XI.

Урокъ дочкамъ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

1806 — 1807.

По свидѣтельству Арапова (стр. 181), комедія „Урокъ дочкамъ" была поставлена въ 1807 г.

„18-го іюня давали въ первый разъ комед. Крылова: Урокъ дочкамъ, въ 1 дѣйствіи. Эта очень забавная піеса разыгрывалась прекрасно: Петрова и Белье, въ роляхъ дочекъ. Черникова . . . — няня Василиса и Прытковъ — Семенъ, слуга, являющійся маркизомъ Глаголемъ, были уморительны. Комедіи: Модная Лавка и Урокъ дочкамъ написаны были Крыловымъ съ цѣлію показать всю ничтожность привязанности и подражанія нашего иностранцамъ".

Въ своемъ дневникѣ уже подъ 25 января 1807 г. Жихаревъ (стр. 284) записалъ, что эта комедія Крылова была обѣщана для постановки. Отсюда можно заключить, что она написана была въ концѣ 1806 или январѣ 1807 г. Для этой піесы Крыловъ воспользовался комедіей Мольера: „Les précieuses ridicules", приспособивъ ее къ русскимъ нравамъ: французскія „жеманницы" обратились въ русскихъ „щеголихъ", изображенныхъ въ духѣ нашихъ сатирическихъ журналовъ XVIII в. Настойчивый патріотическій дидактизмъ піесы (Крыловъ говоритъ устами Велькарова) пришелся очень по сердцу тогдашнему обществу. Характерно, что галломанія осмѣивалась посредствомъ заимствованія изъ французской литературы. Грубоватый вкусъ тогдашней театральной публики, очарованной патріотическими тенденціями автора и „веселостью" піесы, не замѣчалъ ея сгущеннаго комизма, переходящаго мѣстами въ шаржъ и карикатуру.

По словамъ Лобанова (стр. 44), „въ этой комедіи Крыловъ осмѣиваетъ пристрастіе къ французскому языку, свирѣпствовавшее преимущественно въ высшихъ сословіяхъ, пристрастіе, столь вредное государству, потому что слѣдствіемъ онаго неизбѣжно бываютъ пренебреженіе къ отечественному языку и слѣпая любовь ко всему иностранному. Изъ всѣхъ русскихъ писателей, возставшихъ противу этого

зла, Крыловъ сильнѣе и рѣшительнѣе поразилъ его. Изобрѣтеніе въ этой комедіи очень удачно, ходъ ея занимателенъ, характеры вѣрны, разговоры превосходны. Модная лавка и Урокъ дочкамъ имѣли удивительные успѣхи, игрались безпрестанно на театрѣ и что производитъ только могущество великаго таланта — привлекли въ театръ, для выслушанія уроковъ автора высшее сословіе публики".

Характернымъ отголоскомъ этого общаго отношенія могутъ служить стихи какого то Н. („присланы отъ неизвѣстнаго") въ „Драмат. Вѣсти.", 1808 (I, 72). (Можетъ быть, кн. Д. П. Горчакова).

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
Которы общею не страждутъ слѣпотой,
На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
Что привела судьба ихъ русскими родиться.
Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ, и, дочкамъ давъ урокъ,
Соотчичей другихъ являешь намъ порокъ,
Осмѣивая то постыдно состоянье,
Въ которо привело насъ модно воспитанье.
Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описать,
Что всякій день должны, къ несчастью, мы встрѣчать!
Но что же прибыли имѣло представленье?
Перемѣнилъ ли ты красавицъ нашихъ мнѣнье?
Усѣлъ ли нагогу прикрыть хотя платкомъ
Иль русскимъ говорить заставилъ языкомъ?
Ахъ, нѣтъ! Въ театрѣ бывъ, французскимъ говорили
И спину въ вечеръ тотъ поболѣе открыли.
Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,
Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ!
Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
Ругаютъ дочь тебя и мать полунагая;
Возстали на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ,
Всѣ полурусскіе пустились, наконецъ,
Полуфранцузскими бранить тебя словами.
Но, несмотря на то, и прозой и стихами
Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай!

Но смѣхъ Крылова принялъ другую форму — басни, и самъ писатель охладѣлъ къ театру, повидимому, сознавши, что не въ немъ лежитъ его главное призваніе.

По поводу той же комедіи, „которая публикою принята съ отличною похвалою“, въ 1809 г. написалъ стихи гр. Д. И. Хвостовъ (Полное собраніе стих., III, Спб., 1829 24 - 29). Она ставилась очень долго. У А. А. Бахрушина сохранилось двѣ афишки 1835 г.; въ 1855 г. она была поставлена въ бенефисъ П. А. Каратыгина („Сѣверная Пчела“, 1855, № 259, 264). Въ своихъ запискахъ (стр. 243) Каратыгинъ разсказываетъ о представленіи этой комедіи, въ которомъ выступили постарѣвшія и раздобрѣвшія Семенова и Самойлова. Крыловъ сказалъ, что это не „урокъ дочкамъ“, а „урокъ бочкамъ“. Нами взятъ текстъ второго изданія (1816 г.). Первое (какъ и „Модной Лавки“) вышло въ 1807 г

Дѣйствующія лица.

Велькаровъ, дворянинъ.
Фекла, }
Лукерья, } его дочери.
Даша, ихъ горничная.
Василиса, няня.
Семенъ, слуга.
Сидорка, деревенской конторщикъ.
Слуга.
Лиза, дѣвушка на сѣняхъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ Велькарова.

Явленіе первое.

Даша, Семенъ и потомъ Лиза.

Семенъ.

Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлой, за 700 верстъ отъ Москвы наѣхать дорогую мою Дашу?

Даша.

Ну, чаяла ли увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

Семенъ.

Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

Даша.

Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

Семенъ.

Какъ ты здѣсь?

Даша.

Что ты здѣсь?

Семенъ.

Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ? ...

Даша.

Вѣдь ты поѣхалъ было въ Петербургъ? ...

Семенъ.

Гдѣ жъ ты послѣ была?

Даша.

Что съ тобою сдѣлалось?

Семенъ.

Постой, постой, Даша, постой! Мы эдакъ ничего не узнаемъ до завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, несмотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ, — мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, тянутъ ли наши кошельки столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. И такъ, если хочешь, я начну ...

Даша.

Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ ...

Семенъ.

Ты чудеса услышишь — я изъ Москвы ...

Даша.

То-то ты удивишься, я въ Москвѣ ...

Семенъ.

Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы ...

Даша.

Да выслушай меня! Оставшись въ Москвѣ ...

Семенъ.

Мнѣ очень хочется подробно ..

Даша.

Ну вотъ, такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ ...

Семенъ.

Тьфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ,

а маятникъ, не даешь слова выговорить. Ну разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится!

Даша.

Вотъ еще какой! да, пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла ...

Семенъ.

Охъ! зачинай, пожалуйста, я слушаю!

Даша.

Самъ начинай ... видишь какой!

Семенъ.

Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужли тебѣ это слаще, нежели говорить?

Даша.

Я не гнѣваюсь. Говори.

Семенъ.

Ладно; такъ слушай же обѣими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса ...

Лиза

(выглядывая изъ другой комнаты).

Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

Даша.

Ну вотъ дѣльно! Много мы съ тобой узнали!

Семенъ.

Кто жъ виноватъ?

Даша.

Послушай, по этой лѣстницѣ ...

Лиза (показываясь).

Даша! господа поворотили на птичій дворъ.

Даша.

Не проляди жъ, какъ они воротятся.

Лиза.

Не бойся, развѣ это въ первой? ... (Уходитъ.)

Семенъ (почесывая лобъ).

Такъ это не въ первой у тебя отводные то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

Даша.

То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну разсказывай свое похожденіе!

Семенъ.

Ты знаешь, что я, въ Москвѣ принявшись къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить бусурмановъ. Здѣсь остановились было перемѣнить лошадей, но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ, и едва ль не останется до завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда, — вотъ и все тутъ!

Даша.

Только всего и чудесъ?

Семенъ.

А развѣ это не чудо, Дашенька, что меня на всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять, и я еще ни руки, ни ноги себѣ не вывихнулъ? Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

Даша.

Послѣ твоего отъѣзда, наялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню, — вотъ и все тутъ!

Семенъ.

Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ! Есть ли у тебя деньги?

Даша.

А у тебя?

Семенъ.

Въ моихъ карманахъ хоть высвись — такой просторъ.

Даша.

Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось, — такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ, сколько золотыхъ дней потеряно!

Семенъ.

Эхъ, Дашенька, дни то бы ничего, да и ты не изворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

Даша.

Да неужли таки твой баринъ ...

Семенъ.

Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля изъ него не выдавишь. А твои господа?

Даша.

О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ: онѣ съ утра до вечера разъѣзжаютъ по моднымъ лавкамъ: то закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто за уборами посылаютъ, то бы мнѣ отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало ...

Семенъ.

Что-нибудь, шутишь ты, Даша! да такія ба-

рышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и коли будешь умна, такъ мы будущею весною домкомъ заживемъ!

Даша.

Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

Семенъ.

Какъ?

Даша.

Да такъ! Видишь ли что? барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ, наконецъ, въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ — до замужства ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ нерусей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что̀ говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши, наконецъ, изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе, — и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

Семенъ.

Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

Даша.

Хуже!

Семенъ.

Что жъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

Даша.

Хуже!

Семенъ.

Тьфу пропасть! Неужли вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

Даша.

И того хуже!

Семенъ.

Ахъ, онъ варваръ! неужли? ... (Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину.)

Даша.

И это бы легче: а то гораздо хуже.

Семенъ.

Чортъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю!

Даша.

Онъ запретилъ имъ говорить по-французски! (Семенъ хохочетъ.) Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ этомъ домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣ, то не мудрено ему поставить на своемъ.

Семенъ.

Бѣдныя барышни! то-то, чай, натерпѣлись онѣ русскаго то языка! ...

Даша.

Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню, Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса до-

ложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь, куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю!

Семенъ.

Да неужли въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша.

А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза!

Семенъ.

Да щедры ли твои барышни? скажитка, вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

Даша.

Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы прошасть денегъ рыманиваютъ.

Семенъ (въ задумчивости).

Деньги — палки, палки — деньги, какъ будто вижу и то и другое! Чортъ знаетъ, какъ быть, и надежда манитъ и страхъ беретъ!

Даша.

Семенъ, что ты за горячку несешь?

Семенъ.

Славно! божественно! прекрасно! Даша! жизнь моя! ...

Даша.

Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

Семенъ.

Послушай, какъ скоро барышни воротятся ...

Лиза (показываясь).

Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ ... (Уходитъ.)

Даша.

Сбѣги по этой лѣстницѣ.

Семенъ.

Прости, сокровище! прости, жизненокъ! прости, ангелъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ! (Убѣгаетъ.)

Даша.

Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался! (Садится за шитье.)

Явленіе второе.

Фекла, Лукерья, Даша и няня **Василиса**, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышенъ

Фекла.

Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

Лукерья.

Няня Василиса, да провались ты сквозь землю.

Н. Василиса.

Съ нами Богъ, матушки! Вить я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвать? неужли у васъ язычокъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья.

Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія!

Фекла.

Мучительно! убивственно! оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завезти въ деревню, въ пустыню ...

Лукерья.

Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ!

Даша (особо).

Небось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ ...

Лукерья.

Что ты бормочешь, Даша?

Даша.

Не угодно-ль вамъ взглянуть на платье?

Фекла (подходя).

Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

Лукерья.

И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно! ... Мы ужъ три мѣсяца изъ Москвы, а гамъ, еще при насъ, понемножку стали грудь и спину открывать.

Фекла.

Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди, кинь это платье! Я де Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

Даша (уходя, особо).

Я приберу его для себя въ приданое.

Явленіе третье.

Фекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья.

Eh bien, ma soeur ...

Н. Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гнѣваться будетъ!

Лукерья.

Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Фекла.

Я думаю, право, еслибъ мы попались въ полонъ къ туркамъ, и тѣ съ нами-бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

Лукерья.

Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями, — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ? Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, — какая райская жизнь! По утру, едва успѣешь дѣлать первый туалетъ, явятся учители, — танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ сейчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за тою, другая за тѣмъ, — ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ, и не увидишь, какъ время пройдетъ! Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать, и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ со-

браніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока, а онѣ то морщатся, онѣ то ворчатъ! ... Ну, умереть надо со смѣху! (Хохочетъ.) Танцуешь, какъ полуумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ. Словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши ... — ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что ... ah si jamais je suis ...

Н. Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья.

Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

Фекла.

Не убійственно ли это, миленькая сестрица: не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голосу, кромѣ русскаго? ... Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, еслибъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. — Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякой разъ: Vous êtes une sotte. — А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ если бы ты чувствовала всю мою печаль! — Ah! ma chere amie! —

Н. Василиса.

Матушка, Фекла Ивановна, извольте печалиться по-русски,—ну, право, батюшка гнѣваться будетъ!

По свидѣтельству Аранова (стр. 181), комедія „Урокъ дочкамъ“ была поставлена въ 1807 г.

„18-го іюня давали въ первый разъ комед. Крылова: Урокъ дочкамъ, въ 1 дѣйствіи. Эта очень забавная піеса разыгрывалась прекрасно: Петрова и Белье, въ роляхъ дочекъ, Черникова . . . — няня Василиса и Прытковъ - Семенъ, слуга, являющійся маркизомъ Глаголемъ, были уморительны. Комедіи: Модная Лавка и Урокъ дочкамъ написаны были Крыловымъ съ цѣлію показать всю ничтожность привязанности и подражанія нашего иностранцамъ“.

Въ своемъ дневникѣ уже подъ 25 января 1807 г. Жихаревъ (стр. 284) записалъ, что эта комедія Крылова была обѣщана для постановки. Отсюда можно заключить, что она написана была въ концѣ 1806 или январѣ 1807 г. Для этой піесы Крыловъ воспользовался комедіей Мольера: „Les précieuses ridicules“, приспособивъ ее къ русскимъ нравамъ: французскія „жеманницы“ обратились въ русскихъ „щеголихъ“, изображенныхъ въ духѣ нашихъ сатирическихъ журналовъ XVIII в. Настойчивый патріотическій дидактизмъ піесы (Крыловъ говоритъ устами Велькарова) пришелся очень по сердцу тогдашнему обществу. Характерно, что галломанія осмѣивалась посредствомъ заимствованія изъ французской литературы. Грубоватый вкусъ тогдашней театральной публики, очарованной патріотическими тенденціями автора и „веселостью“ піесы, не замѣчалъ ея сгущеннаго комизма, переходящаго мѣстами въ шаржъ и каррикатуру.

По словамъ Лобанова (стр. 44), „въ этой комедіи Крыловъ осмѣиваетъ пристрастіе къ французскому языку, свирѣпствовавшее преимущественно въ высшихъ сословіяхъ, пристрастіе, столь вредное государству, потому что слѣдствіемъ онаго неизбѣжно бываютъ пренебреженіе къ отечественному языку и слѣпая любовь ко всему иностранному. Изъ всѣхъ русскихъ писателей, возставшихъ противу этого

зла, Крыловъ сильнѣе и рѣшительнѣе поразилъ его. Изобрѣтеніе въ этой комедіи очень удачно, ходъ ея занимателенъ, характеры вѣрны, разговоры превосходны. Модная лавка и Урокъ дочкамъ имѣли удивительные успѣхи, игрались безпрестанно на театрѣ и — что производитъ только могущество великаго таланта — привлекли въ театръ, для выслушанія уроковъ автора — высшее сословіе публики".

Характернымъ отголоскомъ этого общаго отношенія могутъ служить стихи какого то Н. („присланы отъ неизвѣстнаго") въ „Драмат. Вѣстн.", 1808 (I, 72). (Можетъ быть, кн. Д. П. Горчакова).

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
Которы общею не страждутъ слѣпотой,
На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
Что привела судьба ихъ русскими родиться.
Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ, и, дочкамъ давъ урокъ,
Соотчичей другихъ являешь намъ порокъ,
Осмѣивая то постыдно состоянье,
Въ которо привело насъ модно воспитанье.
Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описать,
Что всякій день должны, къ несчастью, мы встрѣчать!
Но что же прибыли имѣло представленье?
Перемѣнилъ ли ты красавицъ нашихъ мнѣнье?
Успѣлъ ли нагогу прикрыть хотя платкомъ
Иль русскимъ говорить заставилъ языкомъ?
Ахъ, нѣтъ! Въ театрѣ бывъ, французскимъ говорили
И спину въ вечеръ тотъ поболѣе открыли.
Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,
Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ!
Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
Ругаютъ дочь тебя и мать полунагая;
Возстали на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ,
Всѣ полурусскіе пустились, наконецъ,
Полуфранцузскими бранить тебя словами.
Но, несмотря на то, и прозой и стихами
Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай!

Но смѣхъ Крылова принялъ другую форму — басни, и самъ писатель охладѣлъ къ театру, повидимому, сознавши, что не въ немъ лежитъ его главное призваніе.

По поводу той же комедіи, „которая публикою принята съ отличною похвалою“, въ 1809 г. написалъ стихи гр. Д. И. Хвостовъ (Полное собраніе стих., III, Спб., 1829 24—29). Она ставилась очень долго. У А. А. Бахрушина сохранилось двѣ афишки 1835 г.; въ 1855 г. она была поставлена въ бенефисъ П. А. Каратыгина („Сѣверная Пчела“, 1855, № 259, 264). Въ своихъ запискахъ (стр. 243) Каратыгинъ разсказываетъ о представленіи этой комедіи, въ которомъ выступили постарѣвшія и раздобрѣвшія Семенова и Самойлова. Крыловъ сказалъ, что это не „урокъ дочкамъ“, а „урокъ бочкамъ“. Нами взятъ текстъ второго изданія (1816 г.). Первое (какъ и „Модной Лавки“) вышло въ 1807 г

Дѣйствующія лица.

Велькаровъ, дворянинъ.
Фекла,
Лукерья, } его дочери.
Даша, ихъ горничная.
Василиса, няня.
Семенъ, слуга.
Сидорка, деревенской конторщикъ.
Слуга.
Лиза, дѣвушка на сѣняхъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ Велькарова.

Явленіе первое.

Даша, Семенъ и потомъ Лиза.

Семенъ.

Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлой, за 700 верстъ отъ Москвы наѣхать дорогую мою Дашу?

Даша.

Ну, чаяла ли увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

Семенъ.

Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

Даша.

Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

Семенъ.

Какъ ты здѣсь?

Даша.

Что ты здѣсь?

Семенъ.

Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ? ...

Даша.

Вѣдь ты поѣхалъ было въ Петербургъ? ...

Семенъ.

Гдѣ жъ ты послѣ была?

Даша.

Что съ тобою сдѣлалось?

Семенъ.

Постой, постой, Даша, постой! Мы эдакъ ничего не узнаемъ до завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, несмотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ, — мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, гянутъ ли наши кошельки столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. И такъ, если хочешь, я начну ...

Даша.

Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ ...

Семенъ.

Ты чудеса услышишь — я изъ Москвы ...

Даша.

То-то ты удивишься, я въ Москвѣ ...

Семенъ.

Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы ...

Даша.

Да выслушай меня! Оставшись въ Москвѣ ...

Семенъ.

Мнѣ очень хочется подробно ..

Даша.

Ну вотъ, такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ ...

Семенъ.

Тьфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ,

а маятникъ, не даешь слова выговорить. Ну разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится!

Даша.

Вотъ еще какой! да, пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла ...

Семенъ.

Охъ! зачинай, пожалуйста, я слушаю!

Даша.

Самъ начинай ... видишь какой!

Семенъ.

Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужли тебѣ это слаще, нежели говорить?

Даша.

Я не гнѣваюсь. Говори.

Семенъ.

Ладно; такъ слушай же обѣими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса ...

Лиза

(выглядывая изъ другой комнаты).

Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

Даша.

Ну вотъ тѣлно! Много мы съ тобой узнали!

Семенъ.

Кто жъ виноватъ?

Даша.

Послушай, по этой лѣстницѣ ...

Лиза (показываясь).

Даша! господа поворотили на птичій дворъ.

Даша.

Не проляди жъ, какъ они воротятся.

Лиза.

Не бойся, развѣ это въ первой? ... (Уходитъ.)

Семенъ (почесывая лобъ).

Такъ это не въ первой у тебя отводные то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

Даша.

То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну разсказывай свое похожденіе!

Семенъ.

Ты знаешь, что я, въ Москвѣ прилѣпившись къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить бусурмановъ. Здѣсь остановились было перемѣнить лошадей, но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ, и едва ль не останется до завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда, — вотъ и все тутъ!

Даша.

Только всего и чудесъ?

Семенъ.

А развѣ это не чудо, Дашенька, что меня на всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять, и я еще ни руки, ни ноги себѣ не вывихнулъ? Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

Даша.

Послѣ твоего отъѣзда, нанялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню, — вотъ и все тутъ!

Семенъ.

Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ! Есть ли у тебя деньги?

Даша.

А у тебя?

Семенъ.

Въ моихъ карманахъ хоть выспись — такой просторъ.

Даша.

Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось, — такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ, сколько золотыхъ дней потеряно!

Семенъ.

Эхъ, Дашенька, дни то бы ничего, да и ты не изворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

Даша.

Да неужли таки твой баринъ ...

Семенъ.

Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля изъ него не выдавишь. А твои господа?

Даша.

О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ: онѣ съ утра до вечера разъѣзжаютъ по модными лавкамъ: то закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто за уборами посылаютъ, то бы мнѣ отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало ...

Семенъ.

Что-нибудь, шутишь ты, Даша! да такія ба-

рышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и коли будешь умна, такъ мы будущею весною домкомъ заживемъ!

Даша.

Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

Семенъ.

Какъ?

Даша.

Да такъ! Видишь ли что? барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ, наконецъ, въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ — до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Берингъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ нерусей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши, наконецъ, изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе, — и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

Семенъ.

Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

Даша.

Хуже!

Семенъ.

Что жъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

Даша.

Хуже!

Семенъ.

Тьфу пропасть! Неужли вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

Даша.

И того хуже!

Семенъ.

Ахъ, онъ варваръ! неужли? ... (Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину.)

Даша.

И это бы легче: а то гораздо хуже.

Семенъ.

Чортъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю!

Даша.

Онъ запретилъ имъ говорить по-французски! (Семенъ хохочетъ.) Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ этомъ домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣ, то не мудрено ему поставить на своемъ.

Семенъ.

Бѣдныя барышни! то-то, чай, натерпѣлись онѣ русскаго то языка! ...

Даша.

Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню, Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса до-

ложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь, куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю!

Семенъ.

Да неужли въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша.

А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза!

Семенъ.

Да щедры ли твои барышни? скажитка, вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

Даша.

Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

Семенъ (въ задумчивости).

Деньги — палки, палки — деньги, какъ будто вижу и то и другое! Чортъ знаетъ, какъ быть, и надежда манитъ и страхъ береть!

Даша.

Семенъ, что ты за горячку несешь?

Семенъ.

Славно! божественно! прекрасно! Даша! жизнь моя! ...

Даша.

Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

Семенъ.

Послушай, какъ скоро барышни воротятся ...

Лиза (показываясь).

Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ ... (Уходитъ.)

Даша.

Сбѣги по этой лѣстницѣ.

Семенъ.

Прости, сокровище! прости, жизненокъ! прости, ангелъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ! (Убѣгаетъ.)

Даша.

Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался! (Садится за шитье.)

Явленіе второе.

Фекла, Лукерья, Даша и няня **Василиса**, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышенъ.

Фекла.

Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

Лукерья.

Няня Василиса, да провались ты сквозь землю.

Н. Василиса.

Съ нами Богъ, матушки! Вить я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвать? неужли у васъ язычокъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья.

Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія!

Фекла.

Мучительно! убивственно! оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завезти въ деревню, въ пустыню ...

Лукерья.

Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ!

Даша (особо).

Небось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ ...

Лукерья.

Что ты бормочешь, Даша?

Даша.

Не угодно-ль вамъ взглянуть на платье?

Фекла (подходя).

Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

Лукерья.

И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно! ... Мы ужъ три мѣсяца изъ Москвы, а тамъ, еще при насъ, понемножку стали грудь и спину открывать.

Фекла.

Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди, кинь это платье! Я до Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

Даша (уходя, особо).

Я приберу его для себя въ приданое.

Явленіе третье.

Фекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья.

Eh bien, ma soeur ...

Н. Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гнѣваться будетъ!

Лукерья.

Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Фекла.

Я думаю, право, еслибъ мы попались въ полонъ къ туркамъ, и тѣ съ нами-бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

Лукерья.

Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями, — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ? Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, — какая райская жизнь! По утру, едва успѣешь дѣлать первый туалетъ, явятся учители, — танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ сейчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за гой, другая за тѣмъ, ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ, и не увидишь, какъ время пройдетъ! Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать, и за столомъ съ подругами цѣлишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ со-

браніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока, а онѣ то морщатся, онѣ то ворчатъ! ... Ну, умереть надо со смѣху! (Хохочетъ.) Танцуешь, какъ полуумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ. Словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши ... — ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что ... ah si jamais je suis ...

Н. Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья.

Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

Фекла.

Не убійственно ли это, миленькая сестрица: не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голосу, кромѣ русскаго? ... Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, еслибъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. — Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякой разъ: Vous êtes une sotte. — А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ если бы ты чувствовала всю мою печаль! — Ah! ma chere amie! —

Н. Василиса.

Матушка, Фекла Ивановна, извольте печалиться по-русски,—ну, право, батюшка гнѣваться будетъ!

Фекла.

Надоѣла, няня Василиса!

Н. Василиса.

Ахъ, мои золотыя! ахъ, мои жемчужныя! злодѣйка ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть? — воля барская! Вить вы знаете, каково прогнѣвить батюшку! Да неужели, мои красавицы, по-французскому то говорить слаще? Кабы не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой-то за нарѣчье!

Фекла.

Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ на немъ все чувствительно, ловко и умно говорится!

Н. Василиса.

Кабы да не страхъ обуялъ, право бы послушала, какъ имъ говорятъ!

Фекла.

Ну да вить ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако?

Н. Василиса.

Охъ, вы, мои затѣйницы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ — только я ничего то не понимаю!

Фекла.

Вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно, какъ Жако!

Н. Василиса.

Такое дѣло, мои красавицы! Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете за мужъ!

Лукерья.

За кого? за здѣшнихъ жениховъ? сохрани Богъ! мы ужъ ихъ дюжин.і отбоярили добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Таниным, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ!

Явленіе четвертое.

Велькаровъ, Фекла, Лукерья и няня Василиса, которая вскорѣ уходитъ.

Велькаровъ (за театръ).

Скажи: милости-де прошу, дорогіе сосѣдушки! — Ну что, няня Василиса, не выступили ли дочери изъ моего приказанія?

Н. Василиса.

Нѣтъ, государь! (Отводя его.) только, батюшка мой, не погнѣвись на рабу свою и прикажи слово вымолвить!

Велькаровъ.

Говори, говори, что такое? (Видя, что дочери хотятъ уйти.) Постойте!

Лукерья.

Ахъ!

Фекла (тихо).

Hélas!

Велькаровъ (нянѣ).

Ну, что ты хотѣла сказать?

Н. Василиса.

Не умори ты, государь, барышенъ то; вить Господь знаетъ, можетъ быть, ихъ натура не терпитъ русскаго языка, — хоть ужъ не вдругъ ихъ приневоливай!

Велькаровъ.

Не бойся, будутъ живы! Поди и продолжай только наблюдать мое приказаніе.

Н. Василиса.

То-то, мой отецъ, онѣ такія великатныя! Я помню, чего стоило, какъ ихъ и отъ груди отнимали! (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Велькаровъ, Лукерья и Фекла.

А вы, сударыни, будьте готовы принять ласково и вѣжливо двухъ гостей, Хопрова и Танина, которые черезъ часъ сюда будутъ. Вы ужъ ихъ видѣли нѣсколько разъ; они люди достойные, разсудительные, степенные и притомъ богаты: словомъ, это весьма выгодное для васъ замужство ... Да покиньте хоть на часъ свое кривлянье, жеманство, мяуканье въ разговорахъ, кусанье и облизыванье губъ, полусонные глазки, журавлиныя шейки — однимъ словомъ, всю эту дурь, и походите хоть немножко на людей!

Лукерья.

Я, право, не знаю, сударь, на какихъ людей, хочется вамъ, чтобъ мы походили? Съ тѣхъ поръ, какъ тетушка стала насъ вывозить, мы сами служимъ образцомъ!

Фекла.

Кажется, мадамъ Григри, которая была у тетушки нашею гувернанткою, ничего не упустила для нашего воспитанія.

Лукерья.

Ужъ коли тетушка объ насъ не пеклась, сударь! ... Она выписала мадамъ Григри прямо изъ Парижа.

Фекла.

Мадамъ Григри сама признавалась, что родныя ея дочери не лучше нашего воспитаны.

Лукерья.

А онѣ, сударь, на Ліонскомъ театрѣ первыя пѣвицы, и весь партеръ ими не нахвалится.

Фекла.

Кажется, мадамъ Григри всему насъ научила.

Лукерья.

Мы, кажется, знаемъ все, что мадамъ Григри знаетъ.

Велькаровъ (Лукерьѣ).

Мое терпѣніе ...

Фекла.

Воля ваша, да я готова сейчасъ на судъ, хоть въ самый Парижъ!

Велькаровъ (Феклѣ).

Знаешь ли ты ...

Лукерья.

Да сколько разъ, сестрица, въ магазинахъ принимали насъ за природныхъ француженокъ!

Велькаровъ (Лукерьѣ).

Добьюсь ли я? ...

Фекла.

А помнишь ли ты этого пригожаго эмигранта, съ которымъ встрѣтились мы въ лавкѣ у Дюшеньши? Онъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ мы были русскія!

Велькаровъ (Феклѣ).

Позволишь ли ты? ...

Лукерья.

Да вить до какой глупости, что увѣрялъ клятвою, будто видѣлъ насъ въ Парижѣ, въ Пале-Рояль, и неотмѣнно хотѣлъ проводить до дому.

Велькаровъ (Лукерьѣ).

Будетъ ли конецъ? ...

Фекла.

Стало, благодаря мадамъ Григри, наши манеры и наше воспитаніе не такъ то дурны, какъ ...

Велькаровъ

(схватя ихъ обѣихъ за руки).

Молчать! молчать! молчать! тысячу разъ молчать! Вотъ воспитаніе, что отцу не дадутъ слова вымолвить! Чѣмъ болѣе я васъ слушаю, тѣмъ болѣе сожалѣю, что ввѣрилъ васъ любезной моей сестрицѣ. Стыдно, сударыни, стыдно! Дѣвушки, вы ужъ давно невѣсты, а еще ни голова ваша, ни сердце не запасено ничѣмъ, что̀ бы могло сдѣлать счастіе честнаго человѣка. Все ваше остроуміе въ томъ, чтобъ перецыганивать и пересмѣивать людей, часто почтеннѣе себя; вся ваша ловкость—чтобъ не уважать ни лѣтами, ни достоинствами человѣка и дѣлать грубости тѣмъ, кто васъ старѣе. Въ чемъ ваше знаніе? — какъ одѣться, или, лучше сказать, какъ раздѣться, и надъ которой бровью поманернѣе развѣсить волосы. Какія ваши дарованія? — нѣсколько пѣсенокъ изъ модныхъ оперъ, нѣсколько рисунковъ учителевой работы и неутомимость прыгать и кружиться на балахъ! А самое то главное ваше достоинство то, что̀ вы болтаете по-французски; да только ужъ что̀ болтаете, того не приведи Богъ разсудительному человѣку ни на какомъ языкѣ слышать!

Фекла.

Въ городѣ, сударь, насъ иначе чувствуютъ; и

когда мы ни говоримъ, то всякой разъ около насъ кружокъ собирается.

Лукерья.

Ужъ кузники ли наши, Мастниковы, не говоруны, а и тѣмъ не досталось при насъ слова сказать!

Велькаровъ.

Да, да! смотрите, и при гостяхъ то уже пощеголяйте такимъ болтаньемъ, это бы ужъ были не первые женишки, которыхъ вы язычкомъ своимъ отпугали!

Явленіе шестое.

Велькаровъ, Фекла, Лукерья и слуга.

Слуга.

Какой то французъ проситъ позволенія войти.

Велькаровъ.

Спроси кто, и зачѣмъ? (Слуга уходитъ.)

Лукерья (тихо).

Сестрица душенька, французъ!

Фекла (также).

Французъ, душенька сестрица, ужъ хоть бы взглянуть на него! Пойдемъ-ко!

Велькаровъ.

Французъ ... ко мнѣ? зачѣмъ Богъ принесъ? (Увидя, что дочери хотятъ идти.) Куда? будьте здѣсь, еще насмотритесь. (Слугѣ, который входитъ.) Ну что?

Слуга (возвращаясь).

Его зовутъ Маркизъ.

Лукерья (тихо сестрѣ).

Сестрица душенька, Маркизъ!

Фекла (также).

Маркизъ, душенька сестрица! вѣрно, какой-нибудь знатный!

Велькаровъ.

Маркизъ! все равно, спроси: зачѣмъ и кого ему надобно? (Слуга уходитъ.)

Лукерья.

Кабы онъ у насъ погостилъ!

Фекла.

Я чай, какіе экипажи! какая пышность! какой вкусъ!

Велькаровъ.

Ну! ...

Слуга (входя).

Его точно зовутъ Маркизомъ; по отечеству какъ, не знаю, а пробирается въ Москву пѣшкомъ.

Обѣ сестры.

Бѣдный!

Велькаровъ.

А, понимаю, это другое дѣло; тотчасъ выйду. (Слуга уходитъ).

Фекла.

Батюшка, неужели не удержите у насъ маркиза хоть на нѣсколько дней?

Велькаровъ.

Я русской и дворянинъ; въ гостепріимствѣ у меня никому нѣтъ отказа. Жаль только, что изъ господъ этихъ многіе худо за то платятъ ... да все равно!

Лукерья.

Я надѣюсь, что вы позволите намъ говорить съ нимъ по-французски. Если маркизу покажется здѣсь что-нибудь странно, то по крайней мѣрѣ онъ увидитъ, что мы совершенно воспитаны, какъ должно благороднымъ дѣвицамъ.

Велькаровъ.

Да, да! Если онъ по-русски не говоритъ, то говорите съ нимъ по-французски, я даже этого и требую. Есть случаи, гдѣ знаніе языковъ употребить и нужно, и полезно. Но русскому съ русскимъ, кажется, всего приличнѣе говорить отечественнымъ языкомъ, котораго, благодаря истинному просвѣщенію, зачинаютъ переставать стыдиться. Василиса! (Василиса входитъ.) Будь съ ними, а я пойду и посмотрю, что за гость!

Явленіе седьмое.

Фекла, Лукерья, Даша и няня Василиса.

Лукерья.

Сестрица, я чай, мы уроды-уродами! Посмотри, что за платье, что за рукавчики ... какъ мы маркизу покажемся?

Фекла.

Накинемъ хоть шали. Даша! Даша!

Даша.

Чего изволите?

Лукерья.

Принеси мнѣ поскорѣй пунцовую шаль.

Фекла.

А мнѣ мою полосатую.

Даша.

Тотчасъ! (Хочетъ уйти.)

Лукерья.

Даша! постой! Сестрица, полно, носятъ ли уже въ Парижѣ шали?

Фекла.

Нѣтъ, нѣтъ, останемся лучше такъ. Даша, дай румяны. (Даша исполняетъ приказаніе.) Кажется, въ Парижѣ румянятся. Нарумянь меня, миленькая сестрица!

Лукерья.

А ты, между тѣмъ, растрепли мнѣ хорошенько на головѣ. (Онѣ услуживаютъ другъ другу.)

Даша.

Что съ ними сдѣлалось?

Фекла.

Какъ бы намъ его принять? — Какъ будто мы ничего не знаемъ! ... Займемся работою.

Лукерья.

Даша! подай намъ какую-нибудь работу ... Зашпиль мнѣ тутъ, сестрица ... такъ ... немножко болѣе плеча открой.

Даша.

Да какую работу, сударыня? Вы никогда ничего не работаете; развѣ кликнуть людей, да втащить наши пальцы. — Ну право, онѣ одурѣли!

Лукерья.

Охъ нѣтъ! ниъ не надо? Знаешь ли что, сестрица: сядемъ какъ будто бъ мы что-нибудь читали. (Бросаются въ кресла.)

Фекла.

Ахъ, это прекрасно! — Даша, дай намъ двѣ книжки. Миленькая сестрица, надвинь мнѣ хорошенько волосы на лѣвой глазъ!

Лукерья.

Такъ?

Фекла.

Постой-ка, нѣтъ, нѣтъ! еще, чтобъ я имъ ничего не видала ... очень хорошо. Даша, что же книги?

Даша.

Книги, сударыня? Да развѣ вы забыли, что у васъ только и книгъ было, что модный журналъ, и тотъ батюшка приказалъ выбросить; а изъ его библіотеки книгъ вы не читаете, да и ключъ у него. — Няня Василиса, скажи право, не помѣшались ли онѣ?

Н. Василиса.

И, мать моя! Богъ съ тобою; онѣ все въ одномъ разумѣ.

Фекла.

Нѣтъ, эдакъ не ловко; лучше встанемъ, сестрица! Посмотри-ко, какъ я присяду. (Присѣдаетъ низко и степенно.) А! маркизъ! хорошо такъ?

Лукерья.

Нѣтъ, нѣтъ, принужденно-учтиво; надо такъ, какъ будто мы вѣкъ были знакомы! Мы лучше чуть кивнемъ. (Присѣдаетъ скоро и киваетъ головою.) Ахъ, маркизъ! Вотъ такъ!

Даша.

Комедію что ль онѣ хотятъ играть? Да что такое сдѣлалось, сударыни? что за суматоха?

Фекла.

Къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа знатный человѣкъ, маркизъ!

Лукерья.

Онъ будетъ у насъ гостить. Даша, ты, чай, съ роду маркизовъ не видала?

Фекла.

Ахъ, миленькая сестрица! еслибы онъ не говорилъ по-русски!

Лукерья.

Фи! душа моя, какой глупый страхъ! онъ, вѣрно, въ Парижѣ весь свой вѣкъ былъ въ лучшихъ обществахъ!

Фекла.

Когда я воображу, что онъ изъ Парижа, что онъ маркизъ, такъ сердце бьется, и я въ такой радости, въ такой радости: je ne saurois vous exprimer.

Н. Василиса.

Матушка, Фекла Ивановна, извольте радоваться по-русски!

Лукерья.

Добро, няня Василиса, не долго тебѣ насъ мучить: на зло тебѣ, наговоримся мы по-французски до-сыта: намъ батюшка позволитъ.

Н. Василиса.

Его господская воля, мои красавицы!

Даша (особо).

Что за гость! что за маркизъ! (Увидя Семена.) Ахъ, это негодный Семенъ! Боже мой, что такое онъ затѣялъ!

Явленіе восьмое.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса, Велькаровъ и Семенъ во фракѣ.

Велькаровъ.

Хоть, кажется, у насъ смирно, и никакихъ грабежей не слыхать, но ничего нѣтъ невозможнаго. Мы тотчасъ дадимъ знать, куда должно, и всѣ способы будутъ употреблены сыскать воровъ и возвратить вамъ ваши вещи и ваши бумаги. Вы, между тѣмъ, останьтесь у меня, отдохните, и потомъ,

коли время не терпитъ, отправьтесь въ вашъ путь. Вы не будете раскаяваться, что ко мнѣ зашли. Но помните твердо наше условіе: ни слова по-французски.

Даша (особо).

Да онъ ни бельмеса и не знаетъ!

Семенъ.

Милостивій государь, я стану сохранять ваше повелѣніе такъ свято, какъ будто бъ я ни слова не умѣлъ по-французски, тѣмъ болѣе, што, живши прежде время долго въ Россіи, я довольно изрядно говорю по-русски, хотя теперь я и прямо изъ Парижа.

Даша.

О плутъ!

Фекла.

Боже мой, сестрица! онъ по-русски умѣетъ!

Лукерья.

Надо быть нашему несчастію! Я думаю, на зло намъ, судьба всѣхъ французовъ по-русски переучитъ!

Велькаровъ.

Оставьте излишнія церемоніи! мы здѣсь въ деревнѣ! Вотъ мои дочери; останьтесь пока съ ними, а я пойду и прикажу для васъ очистить комнату; да только помните: ни слова по-французски!

Семенъ.

Я не выступлю изъ воли вашей. (Особо.) Хоть бы и хотѣлъ, да не могу. (Откланивается очень учтиво Велькарову.)

Фекла (тихо сестрѣ).

Сестрица душенька, видно, въ Парижѣ теперь учтивы: присядемъ пониже. (Присѣдаютъ очень низко и перекланиваются съ Семеномъ.)

Явленіе девятое.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса и Семенъ.

Семенъ.

Милостивія государини, вы видите предъ собою утнфительнаго маркиза, котораго злополушнія нешаснія, и нешастнія горести, соправшіяся на подобіе, когда великія туши съ приткою молніею несносные для всякаго шувствительнаго серца, которое серца подобно большой шлюпкѣ на морскихъ волнахъ катается, кидается и бросается изъ пѣды на горе, изъ горя на нешасіе, изъ нешасія на погибиль, изъ погибели ... ошень, ошень жалко, сударини, што не могу я вамъ этого разсказать по-франзузски.

Фекла.

Ахъ, маркизъ! мы просимъ у васъ прощенія за батюшку.

Лукерья.

Извините насъ, если вы видите въ немъ еще остатокъ варварскаго вѣка!

Фекла.

Онъ для того не позволяетъ говорить по-французски, что воспитанъ на старинный манеръ.

Лукерья.

И по-французски не знаетъ!

Семенъ.

Не знаетъ! Боже мой! это ужасно, не простительно, неблагородно! Такъ и вы, сударини, говорите только по-русски?

Фекла.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ; мы клянемся вамъ, что до самаго пріѣзда сюда иначе не говорили мы, какъ по-французски, даже до того, что по-русски худо знаемъ. О! мадамъ Григри за этимъ очень смотрѣла!

Лукерья.

Не въ похвалу себѣ скажу, маркизъ, только я, право, двухъ строкъ по-русски безъ двадцати ошибокъ не напишу; зато по-французски ...

Семенъ.

Это похвально, очень похвально! и я жалѣю, што ви имѣете такого батюшку, который ...

Лукерья.

Если бы чувствовали, какъ намъ стыдно, что онъ такъ страненъ!

Семенъ.

Не знать по-французски, я вообразить этого не могу! я бы умеръ!

Лукерья.

Намъ, право, даже совѣстно передъ вами, что мы его дочери!

Фекла (присѣдая).

Ахъ, маркизъ, извините насъ въ этомъ!

Семенъ.

Ничего, сударния, ничего, я охотно вѣрю, што ви этому не виновати; но позвольте мнѣ хотя по-русски пересказать вамъ свои обстоятельства; я имѣю надежду, што ваша шедрость и ваше доброе сердце ...

Фекла.

Мы жадно хотимъ ихъ слушать. Даша! подвинь кресли маркизу. (Даша исполняетъ приказаніе.)

Семенъ (садясь).

Милостивія государини, всякому, конешно, странно будетъ видѣть знатнаго шеловѣка, каковъ я, пѣшкомъ; видѣть, што знатной шеловѣкъ, каковъ я, имѣетъ крайную нужду въ деньгахъ; но когда вы узнаете мои обстоятельства ...

Фекла.

Такъ вы недавно изъ Франціи? Я думаю, тамъ хорошо, какъ въ раю; не правда ли, маркизъ, что когда вы сравните ее съ нашею варварскою землею ...

Семенъ.

Какое сравненіе, сударини! какое сравненіе! Слезы изъ меня текутъ всякой разъ, когда вспомню о Франціи! Я вамъ скажу одну бездѣлицу, но любопитно видѣть, точно любопитно, совершенно любопитно, повѣрите ли вы, што тамъ всѣ большіе города вистроени на большихъ дорогахъ?

Лукерья.

Ахъ, Боже мой!

Фекла.

Ахъ, сестрица! какъ это должно быть весело!

Семенъ.

Я вамъ послѣ подробнѣе объ этомъ раскажу; а теперь позвольте мнѣ о моихъ обстоятельствахъ ...

Лукерья.

Сестрица, маркизу низко. Даша! подай лучше стулъ. (Даша исполняетъ приказаніе.)

Семенъ

(пересаживаясь съ поклонами).

Мнѣ ошень пріятно видѣть ваше мягкое серсе, сударини, и я надѣюсь, что мои обстоятельства ...

Лукерья.

А въ самомъ то Парижѣ сколько удовольствій, сколько забавъ!

Фекла.

Я думаю, тамъ время ужасно коротко.

Лукерья.

А особливо противъ нашего здѣсь, право, не

знаешь, когда сутки кончатся; а тамъ, маркизъ, не правда ли? ...

Семенъ.

Это правда ваша! Тамъ сутки по крайней мѣрѣ шестью часами короче, нежели въ Россіи!

Фекла.

Вы чудеса намъ разсказываете!

Семенъ.

О ето еще бездѣлица! Но позвольте, штобъ теперь изъяснилъ я вамъ моя жалкія обстоятельства!

Лукерья.

Какъ это пріятно, что, живши тамъ, можно получать несравненно скорѣе, нежели здѣсь, всѣ новые романы и пѣсенки! Скажите, маркизъ, кого тамъ теперь болѣе читаютъ?

Семенъ.

Фи! фи! какъ это неблагородно! Ми всѣ, кто познатиѣе, никого не читаемъ!

Фекла.

Ну вотъ, сестрица; а батюшка вѣчно гнѣвается, что мы мало сидимъ за книгами. Видишь ли, что и въ Парижѣ по-французски только говорятъ, а не читаютъ.

Семенъ.

Мало ли есть прекрасныхъ упражненій, кромѣ книгъ для молодого, знатнаго шеловѣка. Напримѣръ: можно нищего не дѣлать, можно гулять, можно пѣть, можно играть комедію. Я вамъ послѣ обо всемъ раскажу; теперь позвольте представить вамъ мои жалкія обстоятельства ...

Лукерья.

Сестрица, маркизу жостко! Даша, подай подушку!

Даша (исполняетъ приказаніе).

Усядется ли мой маркизъ?

Семенъ (пересаживаясь).

Покорно благодарствую, сударини! Ви не повѣрите, какъ пріятно имѣть дѣло съ простыми душами, какъ ваши; но согласитесь, ради Бога, изъяснить вамъ мои обстоятельства! Выслушайте меня...

Фекла.

Мы слушаемъ, маркизъ!

Семенъ.

Нешассія мои такови, што, слушая ихъ, можно утонуть въ слезахъ.

Лукерья.

Бѣдный маркизъ!

Семенъ.

Мои жалкія приключенія достойны ...

Даша.

Несчастный маркизъ! Ахъ! ахъ!

Семенъ.

Ахъ, Боже мой! дозвольте только, штобъ я изъяснилъ вамъ ...

Лукерья.

Злополучный маркизъ! Ахъ! ахъ!

Семенъ

Если ви сжалитесь? ...

Фекла.

Ахъ, сестрица! ахъ, Даша! какая жалость! Ахъ! ахъ! ахъ!

Семенъ.

Если вы хотя нѣсколько имѣете шеловѣшества . . .

Лукерья.

Ахъ, Даша! ахъ, сестрица, можно ль не терзаться? хи! хи!

Даша.

Ахъ, сударыни, подлинно жалко! охъ! охъ! охъ! Всѣ плачутъ около маркиза.)

Н. Василиса

(которая все глядѣла на нихъ, вдругъ плачетъ на-взрыдъ).

О! о! хо! хо! хо! согрѣшила я, окаянная, по грѣхамъ меня Богъ наказываетъ!

Лукерья.

Ну ты что развылась, няня Василиса?

Н. Василиса (со слезами).

Такъ, золотыя мои, глядѣла на васъ, глядѣла, индо меня горе разобрало: я вспомнила про внука Егорку, котораго за пьянство въ рекруты отдали; ну такой же былъ статный, какъ его милость!

Фекла.

Куда ты глупа, няня Василиса!

Явленіе десятое.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса и Сидорка (несетъ платье).

Сидорка.

Петровна, какой у насъ французъ, который по русски говоритъ?

Н. Василиса (указывая на Семена).

Вотъ онъ, мой батюшка!

Лукерья.

Неучъ! да говори вѣжливѣе!

Фекла.

Извините его, маркизъ! Куда ты глупъ, Сидорка! ну простительно ли говорить такъ грубо: французъ! французъ! не могъ ты сказать учтивѣе?

Сидорка.

Виноватъ, сударыня, я не зналъ, что это бранное слово; только, воля ваша, баринъ не въ брань изволилъ его сказать, а, напротивъ того, онъ хочетъ уже показывать, какъ чудо, француза, который по-русски говоритъ почти такъ чисто, какъ нашъ братъ, крещеный, и для того прислалъ къ нему съ своего плеча новую пару платья, да 200 рублей денегъ, и велѣлъ, чтобъ онъ неотмѣнно теперь же одѣлся.

Даша (особо).

Помоги, любовь, моему маркизу!

Семенъ (особо).

Ура! маркизъ! (Сидоркѣ) Скажи, мой другъ, своему господину, что маркизъ его благодаритъ.

Лукерья.

Ахъ Боже мой! что это значитъ? право, батюшка выходитъ изъ благопристойности! взгляните, маркизъ, что за кафтанъ: я думаю, на немъ однихъ галуновъ полпуда. Поди, поди вонъ съ платьемъ!

Семенъ.

Полпуда! нѣтъ, нѣтъ, надобно иногда угождать старимъ людямъ!

Фекла.

Нѣтъ, маркизъ, коли въ батюшкѣ нѣтъ человѣчества, такъ по крайней мѣрѣ мы жить умѣемъ! Поди, Сидорка, вонъ съ платьемъ! Оно насъ задавитъ!

Семенъ.

Нѣтъ, нѣтъ, постой, слуга! — О мучительницы, онѣ грабятъ меня!

Лукерья.

Вы шутите, маркизъ! Это бы было убійство!

Фекла.

Это грѣхъ, беззаконіе! Поди, Сидорка, вонъ!

Семенъ (схватя за платье).

Позвольте мнѣ, сударыня, этотъ грѣхъ на себя взять! (Беретъ платье.)

Даша.

И подлинно, сударыни, неровно батюшка прогнѣвается! Войдите, маркизъ, въ эту боковую комнату, вы тутъ можете одѣться.

Лукерья.

Право намъ стыдно, маркизъ!

Семенъ.

Вы увидите, сударини, что я во всякомъ кафтанѣ тотъ же я. (Сидоркѣ.) Пойдемъ, слуга! Голубчикъ кафтанъ! чуть было насъ не разлучили!

Явленіе одиннадцатое.

Фекла, Лукерья, Даша и няня Василиса.

Лукерья (въ слѣдъ Семену).

Какой умъ! какая острота!

Фекла.

Какое благородство, какая чувствительность!

Даша (особо).

Благодаря маркизству.

Лукерья.

Какъ видна ловкость во всякомъ пальчикѣ маркиза!

Фекла.

Въ каждомъ суставчикѣ примѣтно что то необыкновенное, привлекательное.

Даша (особо).

Куда все это дѣнется, какъ узнаютъ, что онъ Семенъ?

Фекла.

Примѣтила ль ты, какъ онъ былъ въ креслахъ: ну, можно ли свободнѣе лежать у себя на постелѣ? Ахъ, наши молодые люди долго на него походить не будутъ: все еще отзываются чѣмъ то русскимъ.

Лукерья.

Чему жъ дивиться, сестрица, коли батюшки да матушки сами изволятъ вмутываться въ воспитаніе! Они, конечно, все перепортятъ! Посмотри на многихъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ воспитаніе совершенно повѣрено было гувернерамъ: похожи ли они на русскихъ?

Фекла.

Ну, воля твоя, сестрица, я нашего маркиза между тысячи русскихъ узнаю: манеры не тѣ, ухватки не тѣ, взглядъ не тотъ, а притомъ какъ несчастливъ! Ахъ! я чуть не изорвалась съ тоски, слушая его приключенія!

Лукерья.

Вѣришь ли, сестрица душенька, какъ онъ меня тронулъ, что я, сквозь слезы, ничего не могла разслушать!

Фекла.

Ну какъ же не мучительно, когда видишь, что

есть такіе достойные люди, и сравнить съ ними здѣшнихъ необразованныхъ животныхъ!

Лукерья.

А особливо такихъ, какъ наши любезные женишки, Хопровъ и Таниновъ!

Фекла.

Куда это умно! Ты, сестрица, будешь маіоршею, а я ассессоршею!

Лукерья.

Маіорша, ассессорша! фи! гадость! Нѣтъ, нѣтъ, какъ изволитъ батюшка, я лучше въ дѣвкахъ останусь!

Фекла.

Я, миленькая сестрица, хоть въ дѣвкахъ и не останусь, только ужъ, воля его, ни маіоршею, ни ассессоршею быть, право, не намѣрена!

Лукерья.

Ахъ, для чего мы не рождены во Франціи! я бы, можетъ быть, была маркизша!

Фекла.

А я виконтесса! Куда, чай, это весело, миленькая сестрица! Побылъ бы хоть недѣлю маркизшею или виконтессою, пускай бы послѣ хоть вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть! ...

Даша.

Куда это они подбираются?

Лукерья.

Сестрица, мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль! ...

Фекла (робко).

Ужъ не та ли, что и мнѣ, миленькая сестрица?

Лукерья.

Вѣрно, я по глазамъ узнаю. Но это насъ не поссоритъ, моій ангелъ; конечно, природа не даромъ дала намъ тонкія чувства и тонкій умъ.

Даша (особо).

Гдѣ тонко,тутъ и рвется.

Фекла.

Можетъ быть, судьба и подлинно одну изъ насъ готовила быть маркизшею.

Лукерья.

Пойдемъ ко мнѣ въ комнату, ты увидишь, что я сдѣлаю. Даша, останься здѣсь и скажи маркизу, что мы тотчасъ выдемъ! (Отходя.)

Фекла (отходя).

Ma chere amie, il faut d'abort.

Н. Василиса.

Матушка Фекла Ивановна, извольте говорить по-русски!

Лукерья.

Сгинешь ли ты когда-нибудь отъ нашихъ глазъ, няня Василиса?

Даша.

Право, у барышенъ моихъ что-нибудь непутное на умѣ! Ну, дорогой Семенъ, затѣялъ ты дѣло: посмотримъ, каково то концы сведешь!

Явленіе двѣнадцатое.

Даша, потомъ Семенъ, разряженный въ Велькарова кафтанъ и распудренный, и Сидорка.

Семенъ.

Ну да, пріятель, ты и въ расходную свою книгу запишешь, что 200 рублей изволилъ принять мар-

кизъ, то есть я. Скажи, дѣвушка, гдѣ твои барышни?

Даша.

Тотчасъ выдутъ, маркизъ! Онѣ просятъ, чтобъ вы ихъ подождали.

Сидорка.

Ну да коли маркизъ то чинъ, такъ какъ же прозванье то ваше? Вить мнѣ надо толкомъ записать и показать барину; а онъ и такъ ворчитъ, что я не умѣю порядкомъ въ расходъ занести.

Семенъ.

Мое прозваніе! прозваніе ... Послушай, дѣвушка! (Тихо.) Даша, не помнишь ли ты какого-нибудь французскаго прозванья? Злодѣй мучитъ меня уже часъ, а на вѣтеръ сказать боюсь, чтобъ старику себя не оболтать.

Даша.

Хоть убей, право, ни одного не помню! Смотри, Семенъ, не напутай на себя!

Сидорка.

Такъ, уже ничего не видя, и къ дѣвкамъ нашимъ изволитъ подлипать! Чго жъ, сударь, мусье маркизъ, какъ ваше прозванье?

Семенъ.

Прозванье? стало, это надобно? (Тихо) Дай Богъ памяти! Даша, да помоги!

Даша.

Будто я знакома съ маркизами? Кромѣ похожденія маркиза Глаголя, котораго 3-й томъ у меня въ сундукѣ валяется, я ни одного маркиза не знаю.[1]

[1] Очень популярный у насъ въ концѣ XVIII в. (переводъ Елагина и Лукина) романъ Прево: „Les mémoires de l'homme de qualité" — „Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ." Въ просторѣчіи маркизъ Г. назывался „Глаголемъ."

Семенъ.

Славно! чего этого лучше? (Громко) Такъ ты, миленькая дѣвушка, будешь чинить мои манжети?

Сидорка (особо).

Вотъ дурака нашелъ, чинить манжеты! Мнѣ, сударь, право, некогда; скажите, какъ васъ зовутъ?

Семенъ (гордо).

Меня какъ зовутъ? Изволь, мой другъ: меня зовутъ маркизъ Глаголь!

Сидорка.

Маркизъ Глаголь!

Даша.

Съ ума ты сошелъ!

Семенъ (Дашѣ).

Коль есть печатный маркизъ Глаголь, для чего не быть живому? Да, да, маркизъ Глаголь, не забудь, пріятель, и запиши, что деньги изволилъ полушить маркизъ Глаголь.

Сидорка.

Маркизъ Глаголь! слушаю! Глаголь ... Право, чудно ... Маркизъ Глаголь! ... Ахти, мои батюшки, ну ни дать, ни взять, будто изъ русской азбуки!

Явленіе тринадцатое.

Даша и Семенъ, хохочутъ.

Даша.

Ну, мой безцѣнный маркизъ Глаголь!

Семенъ.

Ну, моя маркизша!

Даша.

Не свербитъ ли у маркиза спина?

Семенъ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ, королева моя! Нѣтъ ... да полюбуйся-ка. (Расхаживаетъ.) Посмотри-кась, какова выступка! каковъ видъ! Чѣмъ не баринъ? чѣмъ не маркизъ? Что, каково меня одѣли?

Даша.

Прекрасно! только каково то тебя раздѣвать будутъ.

Семенъ.

Пустого ты боишься.

Даша.

Надобно быть твоему безстыдству и дерзости, чтобъ назваться французомъ, не зная ни слова по-французски.

Семенъ.

Ничего, ничего; барышни твои точно таковы, какъ мнѣ надобно; имъ бы хоть ужъ имя не русское, далѣе они не смотрятъ. Что до старика, то я зналъ напередъ съ твоихъ же словъ, что онъ запретитъ мнѣ говорить по-французски, какъ скоро услышитъ, что я по-русски говорю; а безъ него надежда моя на премудрую няню Василису. Видишь ли, какъ я дѣло то со всѣхъ сторонъ кругло разсчелъ!

Даша.

Это правда, только я все что то боюсь!

Семенъ.

Вздоръ, посмотри-ко: 200 рублей ужъ тутъ, и комедія почти къ концу; еще бы столько же, или на столько же хоть выманить отъ красавицъ, то къ

вечеру сложу маркизство, съ барином̀ своимъ распрощаюсь, чинъ чином̀, и завтра жъ летимъ въ Москву! Я ужъ придумалъ, какъ и дѣлу быть: открою или цырюльну, или лавочку съ пудрой, помадой и духами.

Даша (присѣдая важно).

Не позабудьте, маркизъ, одной бездѣлицы, прежде нежели изволите отправиться въ Москву открыть лавочку.

Семенъ (съ комическою важностію).

Что, душа моя?

Даша (присѣдая важно).

Со мной здѣсь же обвѣнчаться; а то вы, знатные, иногда очень забывчивы.

Семенъ (съ комическою важностію).

Я надѣюсь, что вы мнѣ объ этом̀ припомните!

Даша (присѣдая).

Не премину, конечно, маркизъ! Тсъ! идутъ. А, это барышни! Боже мой, и безъ няни Василисы! пропалъ ты ...

Семенъ.

Худо, Даша!

Явленіе четырнадцатое.

Фекла, Лукерья, Даша и Семенъ.

Дашенька, поди на крыльцо и стереги, какъ скоро пріѣдутъ Хопровъ и Танинъ, прелестные наши женишки, отдай имъ эти письма; а мы здѣсь поговоримъ съ маркизом̀ъ.

Фекла.

Не прогляди же ихъ!

Даша.

Какъ, вы безъ няни Василисы?

Лукерья (хохочетъ).

Мы ее заперли въ нашей комнатѣ. Поди отсель.

Даша.

Я, право, боюсь ...

Лукерья.

Охъ, поди же!

Даша.

Если батюшка ...

Фекла.

Ну, что ты привязалась, какъ няня Василиса! Поди, коли говорятъ!

Даша.

Бѣды, совсѣмъ бѣды! Поскорѣй побѣжать его выручить!

Явленіе пятнадцатое.

Фекла, Лукерья и Семенъ.

Семенъ (особо).

Ну, до меня дѣло доходитъ! Попытаемся какъ-нибудь отыграться. (Имъ.) Какъ вы прекрасни, сударини! Вѣрите ли, что, глядя на васъ, я забываю мои нешасія; здѣсь я сталъ совсѣмъ иной шеловѣкъ. Смотря на васъ, не могу я быть серіозенъ, — это волшебство! настоящее волшебство! Я думалъ, что я буду плакать, а вы дѣлаете, что я не могу не смѣяться.

Лукерья.

Ecoutes, cher marquis!

Семенъ.

Боже мой! што вы хотите дѣлать? Я далъ батюшкѣ вашему слово не говорить по-французски.

Фекла.

Il ne saura pas.

Семенъ

Не восможно! не возможно! никакъ не возможно — услышатъ.

Лукерья.

Mais de grace.

Семенъ

(убѣгая отъ нихъ на другую сторону театра).

По-русски, по-русски, ради Бога по-русски! О, няня Василиса!

Фекла (гоняясь за нимъ).

Je vous en prie.

Лукерья.

Je vous supplie.

Семенъ (убѣгая).

Ни одного слова, ни полслова, ни шетверть слова. (Особо.) Совершенная бѣда!

Лукерья (гоняясь).

Barbare!

Семенъ (убѣгая).

Не слишу!

Фекла (гоняясь).

Не понимаю!

Лукерья (гоняясь).

Impitoyable!

Семенъ (убѣгая).

Не разумѣю.

Фекла.

Ingrat!

Семенъ (убѣгая).

Напрасно! напрасно! О няня Василиса!

Лукерья (гоняясь).

Cruel!

Семенъ

(убѣгая, и выбившись изъ силъ, падаетъ въ кресла).

Не могу, совершенно не могу!

Лукерья (придерживая его).

Ah — vous parlerés!

Фекла (также).

Ah! le petet traitre!

Семенъ (барахтаясь).

Не понимаю, не разумѣю, не чувствую! (Особо. Ахъ! гдѣ ты, няня Василиса?

Явленіе шестнадцатое.

Лукерья, Фекла, Семенъ и няня Василиса.

Н. Василиса (входя).

А! а! красавицы мои, барышни! (Онѣ бросаются отъ Семена.)

Семенъ.

Уфъ! отдыхаю!

Н. Василиса.

Затѣйницы! затѣйницы! что это вы надо мною спроказничали, вѣдь я нидо охрипнула кричавши!

Лукерья.

Чтобы тебѣ охрипнуть еще не кричавши, няня Василиса!

Явленіе семнадцатое.

Прежніе, Велькаровъ и Даша.

Даша.

Я божусь вамъ, сударь, что я не знала ни намѣренія барышенъ, ни того, что на письмѣ написано; онѣ сами это скажутъ.

Велькаровъ.

Безстыдныя! безумныя! долго ли вамъ мучить меня своими дурачествами? Что значатъ эти письма, которыя взялъ у ней (указывая на Дашу) и въ которыхъ вы изволите такъ грубо Хопрову и Танину запрещать ѣздить ко мнѣ въ домъ?

Лукерья.

Воля ваша, батюшка, мы не хотимъ, чтобъ они и надежду имѣли на насъ жениться.

Фекла.

Ахъ, не унижайте насъ!

Велькаровъ.

Что? что вы, сумасшедшія! да они благородные, молодые и достойные люди.

Лукерья.

Ахъ, сударь, еслибъ они были люди, они бы хоть немножко походили на маркиза.

Велькаровъ.

Это что еще?

Фекла (на колѣняхъ).

Не будьте такъ жестоки, не заглушайте въ насъ благородныхъ чувствъ; и если ужъ одна изъ насъ должна носить русское имя, то позвольте хотя другой надѣяться лучшаго счастія.

Лукерья (на колѣняхъ).

Не будете неумолимы: ужели для васъ не привлекательно имѣть родню въ самомъ Парижѣ?

Велькаровъ.

Встаньте! встаньте! Боже мой, какое мученье! васъ точно надо запереть. (Особо.) Мой дорогой гость успѣлъ вскружить имъ голову. Я васъ проучу!

Явленіе послѣднее.

Фекла, Лукерья, Велькаровъ, Даша, Семенъ, няня Василиса и Сидорка.

Сидорка.

Деньги, сударь, въ расходъ занесъ. (Семену.) Маркизъ Глаголь, ваша комната готова!

Велькаровъ.

Маркизъ Глаголь!

Фекла.

Опомнись, Сидорка!

Лукерья.

Вотъ наши русскіе порядочнаго имя не могутъ затвердить.

Сидорка.

Да помилуйте, я ль ему далъ имя? Его милость давича приказалъ и въ книгу себя занести такъ. Даша, вить при тебѣ?

Даша (въ смущеніи).

Я? когда? давича? я что то не помню!

Велькаровъ (особо).

Ба, и Даша въ замѣшательствѣ! Тутъ, вѣрно есть обманъ! Такъ васъ называютъ маркизъ Глаголь?

Семенъ.

Милостивій государь, я удивляюсь, что это васъ удивляетъ.

Велькаровъ.

Господинъ маркизъ Глаголь, ты плутъ!

Семенъ.

Я не смѣю спорить съ вашей почтенной фигурой.

Лукерья.

Батюшка, можно ли такъ обижать честнаго человѣка!

Фекла.

Помилуйте, вы обезславите себя по всей Франціи.

Велькаровъ.

Мы посмотримъ его на первомъ опытѣ. Г. маркизъ, я позволяю, или, лучше сказать, я требую, чтобъ ты дочерямъ моимъ при мнѣ разсказалъ по-французски жалкое приключеніе, какъ тебя ограбили.

Даша (особо).

Прощай, маркизство!

Лукерья.

Ахъ, какое счастіе!

Семенъ.

Милостивый государь ...

Велькаровъ.

Посмотри-ко, ты ужъ чище по-русски сталъ выговаривать; скоренько научился!

Семенъ.

Милостивый государь ...

Фекла.

Ахъ! говорите, говорите, маркизъ!

Велькаровъ.

Ну, говори жъ, маркизъ Глаголь!

Семенъ (на колѣняхъ)

Ахъ, сударь!

Велькаровъ.

Полно, полно! не стыдно ль знатному человѣку такъ унижаться! Изволь разсказывать! пусть дочери мои послушаютъ французскаго языка.

Н. Василиса (подходя къ Семену).

Уже, мой батюшка, позволь и мнѣ послушать, куда давно хотѣлось.

Семенъ.

Ахъ! простите кающагося грѣшника. Я сударь ... ахъ! ... я не маркизъ, я, сударь ... ахъ, ... я и не французъ, а просто вольный человѣкъ, служу у господина, который, проѣздомъ въ армію, остановился въ вашей деревнѣ, и зовутъ меня Сенькой!

Лукерья.

Бездѣльникъ! и ты могъ ...

Семенъ.

Виноватъ, сударь, страстная любовь сдѣлала меня маркизомъ.

Даша (на колѣняхъ).

Простите насъ, сударь!

Велькаровъ.

А ты, Даша, тутъ же?

Семенъ.

Ахъ, сударь, мы уже давно любимъ другъ друга, и намъ не на что жениться. Не могши ничего достать съ русскимъ именемъ, я употребилъ невинную хитрость и назвался маркизомъ; но, я, право, не участникъ въ отказѣ, который барышни сдѣлали своимъ женихамъ.

Велькаровъ.

Нѣтъ, нѣтъ, твоя спина дорого мнѣ за это заплатитъ! Вотъ, госпожи дочки, слѣдствіе вашего ослѣпленія ко всему, что только иностранное! Кто меня увѣритъ, чтобъ и въ городѣ, въ вашихъ прелестныхъ обществахъ, не было маркизовъ такового же покрою, отъ которыхъ вы набираетесь и ума, и правилъ?

Семенъ.

Милостивый государь, простите насъ!

Даша.

Сжальтесь надъ вѣрными любовниками!

Велькаровъ (особо).

Однако, право, мнѣ и досадна и смѣшна выдумка этого плута. Господинъ маркизъ Глаголь, ты бы стоилъ добраго увѣщанія, но я прощаю тебя за то, что сегодняшнимъ примѣромъ далъ ты моимъ дочкамъ урокъ. Встань, возьми свою Дашу, и поѣзжайте съ ней, куда хотите. Сидорка, разочтись съ ней; ужо и на дорогу прикажу вамъ дать.

Даша.

Ахъ, сударь, вы насъ оживили!

Семенъ.

Уфъ! какъ гора съ плечъ свалилась! Пойдемъ, Даша! И другу и недругу закажу маркизомъ называться! (Уходитъ съ Дашею; за ними Сидорка.)

Велькаровъ.

А вы, сударыни, я васъ научу грубить добрымъ людямъ, я выгоню изъ васъ желаніе сдѣлаться маркизшами! Два года, три года, десять лѣтъ останусь здѣсь, въ деревнѣ, пока не бросите вы всѣ вздоры, которыми набила вамъ голову ваша любезная мадамъ Григри; пока не отвыкнете восхищаться всѣмъ, что

только носитъ не-русское имя, пока не научитесь скромности, вѣжливости и кротости, о которыхъ, видно, мадамъ Григри вамъ совсѣмъ не толковала, и пока въ глупомъ своемъ чванствѣ не перестанете морщиться отъ русскаго языка! Няня Василиса! поди, не отходи отъ нихъ! (Уходитъ.)

Н. Василиса (въ слѣдъ).

Слушаю, сударь!

Лукерья (отходя).

Ah! ma soeur!

Фекла (отходя).

Ah! quelle leçon!

Н. Василиса (отходя за ними).

Матушки барышни, извольте кручиниться по-русски!

Крыловъ въ гостиной Олениныхъ.

Приложеніе.

Американцы.

Опера комическая въ двухъ дѣйствіяхъ.

Sur le Parnasse ainsi que dans la chaire, c'est peu d'instruire, il doit instruire et plaire.

Ж. Б. Руссо.

О своихъ „Американцахъ“ Крыловъ подробно пишетъ въ не разъ уже цитированномъ нами выше письмѣ къ Соймонову (1789 г.) [1].

Послѣ неудачи съ „Бѣшеною семьей“, пишетъ Крыловъ, все-таки „рѣшился я отдать на театръ другую оперу моего сочиненія подъ названіемъ „Американцы“, на которую уже и музыка положена г. Ѳоминымъ, одобреннымъ въ своемъ искусствѣ отъ Болонской академіи аттестатомъ, дѣлающимъ честь его знанію и вкусу; что жъ до моихъ рѣчей, то онѣ одобрены г. Дмитревскимъ, котораго одобреніе, по его познаніямъ, для меня не менѣе важно, какъ и академическій аттестатъ, ибо опытомъ извѣстно, что его вкусъ всегда согласенъ со вкусомъ просвѣщенной публики, и въ томъ не можетъ никакой академикъ отпереться [2], чтобы онъ не былъ сей просвѣщенной публики членомъ. Итакъ отъ г. Дмитревскаго имѣлъ честь принести я на судъ мою оперу къ вашему превосходительству; она не имѣла счастія вамъ понравиться, и я услышалъ съ горестію ваше мнѣніе, что сія опера есть изъ числа твореній, не имѣющихъ ни содержанія, ни связи. Такой приговоръ имѣлъ бы причину ужаснуть меня, еслибы не надѣялся я на счастіе, что вы изъ благосклонности къ публикѣ благоволите со-временемъ оставить толико невыгодныя для моей оперы мнѣнія, подобно какъ вы изъ неблагосклонности къ ней же оставили хорошее мнѣніе о нѣкоторыхъ твореніяхъ, которыя существуютъ на театрѣ по выбору вашего превосходительства [3]; но я отважился бы выслушать приговоръ просвѣщенной публики,

---

[1] Майковъ, Первые шаги Крылова, стр. 26—29.

[2] Крыловъ вообще почему то не долюбливалъ Академіи и академиковъ и очень часто высмѣивалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Повидимому, у него произошло какое то недоразумѣніе съ ними въ 1789 г.

[3] Крыловъ имѣетъ въ виду свои піесы, сначала принятыя, а потомъ, въ виду недоразумѣній, отвергнутыя Соймоновымъ.

которой одной авторъ оставляетъ назначать истинную цѣну сочиненію. Я выбралъ театръ своимъ судилищемъ, публику — судіею, а Ваше превосходительство осмѣлился просить, чтобы соблаговолили только выставить на судъ мое твореніе; но и въ семъ нашелъ неожидаемыя препятства.

Ваше превосходительство издали приговоръ, что мою оперу не можно представить, доколѣ не будетъ въ ней выкинуто, что двухъ европейцевъ хотятъ принесть въ жертву, и что это револьтируетъ, какъ вы изволили сказать, слушателей. Во-первыхъ, что, сочиняя сію оперу, я имѣлъ намѣреніе забавлять, трогая сердца, и въ семъ то состоитъ должность автора, ибо вывесть на театръ шута не есть еще сдѣлать драму.

Смѣшить безразсудно — даръ подлыя души

И я думалъ, что вашему превосходительству для театра угодна опера, гдѣ можно и смѣяться, и чувствовать,—я же писалъ не комическую, но героическую оперу: образъ писанія, который и въ драмахъ, и въ музыкальныхъ твореніяхъ отъ публики принимается ... Но что до сего, основаннаго на правилахъ театра дѣйствія, когда хотятъ американцы сжечь пойманнаго мужика, то оно не совершенно трагическое, но сдѣланное для умноженія страха комическому лицу, которое выдумываетъ разныя смѣшныя средства, чтобъ себя избавить, и котораго съ его барином, по просьбѣ своей любовницы, сами американцы отпускаютъ. Если это — трагическое дѣйствіе, то и то не менѣе трагическое, когда въ „Скапиновыхъ обманахъ“ [1] баринъ хочетъ заколоть слугу въ своемъ гнѣвѣ; ибо, разбирая подробно, зарѣзать человѣка не есть слишкомъ смѣшное дѣло; а потомъ и то уже будетъ жалко въ комедіи „Лѣкарь по неволѣ“, когда бѣднаго Зганареля зачнутъ бить палками, ибо ваше превосходительство, я думаю, согласитесь, что бить палками человѣка также не смѣшно. И по этому положенію Мольеръ былъ весьма худой комикъ, однакожъ желалъ бы я знать, отчего и нынѣ съ удовольствіемъ смотрятъ его комедіи?.. Итакъ, я полагаю, что на театрѣ обстоятельства трагическія или комическія бываютъ по тому такими почитаемы, какимъ образомъ они описываются авторомъ, и какой характеръ въ нихъ дѣйствуетъ, а не по своему содержанію, чему есть и доказательство: въ „Сидѣ“ у г. Кор-

[1] Мольера.

нелія графъ Гормасъ даетъ Донъ-Діегу пощечину, и никто этому не смѣется, но всѣ сожалѣютъ, что гордость одного старика стала причиною разрыва двухъ нѣжныхъ любовниковъ и другихъ плачевныхъ слѣдствій; въ „Игрокѣ“ Реньярда слугѣ даютъ также пощечину, однако же никто о томъ не плачетъ, но всѣ смѣются; въ „Дезертерѣ“ [1] Монтосьеля бьютъ палками, и всѣ тому сострадаютъ, а въ „Скапиновыхъ обманахъ“ старика въ мѣшкѣ также бьютъ палками, и всѣ тому смѣются. И множество другихъ примѣровъ могли бы сыскаться, еслибы не опасался я утрудить повтореніями оныхъ ваше превосходительство, ибо я твердо вѣрю, что вы, какъ директоръ, сами подробно знаете исторію и правила театра.

Что же касается до того, какъ ваше превосходительство изволили сказать о приношеніи въ жертву европейцевъ, чтобы оныхъ дѣйствіемъ не возмутить нѣкоторыхъ въ публикѣ, то мое мнѣніе на то, что въ семьѣ не безъ урода; конечно, въ публикѣ могутъ быть зрители, которымъ всякое дѣйствіе кажется навыворотъ, но такимъ ничѣмъ уже угодить не можно, и лучше стараться угождать прямымъ знатокамъ, нежели людямъ, которые для того только почитаютъ себя знатоками, что ѣздятъ всякій день въ театръ раскланяться съ своими знакомыми. Пусть бранится глупый, ваше превосходительство, — такая брань, какъ дымъ, исчезаетъ:

Достойной похвалы невѣжа не умалитъ,
А то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Однако, не смотря на сіе, я сдѣлалъ, по предложенію вашему, сію перемѣну въ моей оперѣ, такъ же, какъ и нѣкоторыя другія, назначенныя вашимъ превосходительствомъ, и послѣ сего вторично представилъ вамъ мою оперу и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, осмѣлился утруждать васъ моею просьбою о второмъ приговорѣ, который былъ въ томъ, чтобъ я взялъ назадъ мою оперу. И за симъ отвѣтомъ имѣлъ я честь ходить къ вашему превосходительству шесть мѣсяцевъ — время, въ которое бы могла моя опера давно идти на другихъ театрахъ. Но я и сей знакъ вашего гнѣва сносилъ, какъ человѣкъ, который имѣетъ всѣмъ защищеніемъ своимъ одну свою невинность“.

---

[1] „Le Deserteur“, Sedaine (1771).

„Американцы“ поставлены были только въ сезонъ 1789—1800 гг., въ передѣлкѣ Клушина. Въ 1800 г. этотъ послѣдній издалъ въ Петербургѣ передѣланную оперу съ такимъ предисловіемъ [1].

„Г. Крыловъ, извѣстный публикѣ своими сочиненіями, сдѣлалъ основаніе оперы Американцы. Молодость, живость воображенія, и, смѣю сказать, нѣкоторая небрежность въ слогѣ и въ характерахъ были повсюду примѣтны.

„Опера принята на театръ, учена — и не была играна въ теченіе 12 лѣтъ. Ежели не хороша — не надобно было принимать на сцену; ежели слаба — нужно исправить. Но чтобы такъ судить, надобно любить національный театръ. Между тѣмъ меценатъ дарованій и директоръ театра А. Л. Нарышкинъ желалъ дать публикѣ новую русскую оперу. Исполняя волю моего начальника [2], котораго благоволенія ко мнѣ врѣзаны въ грудь мою, я хотѣлъ поправить Американцевъ, и вылилось, что кромѣ стиховъ, въ ней не осталось ни строки, принадлежащей перу г. Крылова. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы показать, какого уваженія достойна проза моя. Знатоки будутъ цѣнить ее. Сужденіе совѣтниковъ Дурындиныхъ мнѣ не нужно. Но говорю для того, чтобы то, что покажется слабымъ и не выработаннымъ въ прозѣ, не было отнесено на счетъ г. Крылова“.

Сопоставленіе словъ Крылова „шесть мѣсяцевъ“ и словъ Клушина „12 лѣтъ“ заставляетъ отнести возникновеніе „Американцевъ“ къ 1788 г. Въ изданіи Клушина (музыка Ѳомина), такимъ образомъ, Крылову принадлежатъ стихи, самый планъ (навѣянный отчасти „Альзирою“ Вольтера, откуда перешли Гусманъ и любовная интрига на почвѣ борьбы между американцами и испанцами). Упоминаемый въ піесѣ Цапато взятъ, повидимому, у Лесажа (см. „Зритель“ Крылова, I, 215).

---

[1] Перепечатка Юргенсона, въ общемъ неточная, въ 1894 г. (воспроизведена и музыка Ѳомина).

[2] Клушинъ былъ тогда цензоромъ россійской труппы.

Дѣйствующія лица:

Донъ-Гусманъ, Гишпанской Вельможа и Военачальникъ.

Дона-Эльвира, Сестра его.

Ацемъ. Начальникъ Американцевъ.

Цимара, Любовница Гусмана
Сорета, Любовница Фолета } Сестры Ацемовы.

Фолетъ, Новопоселившійся Гишпанецъ.

Фердинантъ, Подчиненной Гусмана.

Воины Гишпанскіе.

Воины Американскіе.

Дѣйствіе въ Америкѣ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ пустыя мѣста; съ одной стороны горы, съ другой лѣсъ, внутри вдали видны шалаши американцевъ.

Явленіе первое.

Донъ-Гусманъ и Фолетъ, а потомъ Цимара и Сорета.

Донъ-Гусманъ.

Такъ онѣ то были точно,
Станемъ ихъ искать, Фолетъ!

Фолетъ.

Это будетъ все безпрочно;
Никого здѣсь вѣрно нѣтъ.

Донъ-Гусманъ.

Ты робѣешь.

Фолетъ.

Не робѣю.

Всѣ вмѣстѣ.

Донъ-Гусманъ.

Стороной поди своею,
Ихъ ищи по всѣмъ мѣстамъ.

Фолетъ.

Въ лѣсъ къ звѣрямъ идти не смѣю.
Гдѣ найдешь ихъ по кустамъ?
Лучше здѣсь ихъ кликать намъ.

Донъ-Гусманъ.

Цимара!

Фолетъ.

Сорета!

Цимара и Сорета (въ кустахъ).

Я вижу Фолета,
Гусманъ ходитъ съ нимъ.

Донъ-Гусманъ.

Онѣ были сами.
Здѣсь между лѣсами
Еще поглядимъ.

Цимара.

Они пришли сами
Увидѣться съ нами.
Покажемся имъ.

Сорета и Фолетъ.

Иль между лѣсами
Знакомства съ бѣсами
Искать мы хотимъ?

Цимара и Сорета (выходя изъ кустовъ).

Вотъ и мы къ вамъ прикатили,
Здѣсь въ лѣсу лишь мы одинѣ.

Донъ-Гусманъ.

Вы насъ жизнью подарили.

Фолетъ.

Нечего бояться мнѣ.

Всѣ.

Сколь несносно разставанье,
Столь пріятно намъ свиданье.

Часъ мнѣ самой дорогой,
Если я, мой другъ, съ тобой!

Донъ-Гусманъ.

Я искалъ тебя, милая Цимара, чтобы сдѣлать тебѣ предложеніе для общего нашего счастія.

Цимара.

Говори. — Я не умѣю тебѣ ни въ чемъ отказать.

Сорета.

Мы, американки, не любимъ медлить: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Фолетъ.

Это мой обычай. — Я люблю, чтобы у меня кипѣло, Соретушка!

Цимара.

Въ чемъ твое предложеніе?

Фолетъ.

Въ томъ, чтобы уйти съ нами въ эту деревню, которая въ двухъ стахъ шагахъ за этою горою.

Донъ-Гусманъ.

А оттоль уѣхать въ Мадритъ. Я получилъ повелѣніе отъ двора, чтобы, оставя поиски надъ американцами, возвратиться туда. Сверхъ того, я не имѣю уже никакой надежды отыскать сестру мою, которая похищена у меня вашими земляками. — Итакъ, милая Цимара, согласись оставить варварскую Америку и быть украшеніемъ Мадритскихъ красавицъ.

Фолетъ.

Да, поѣдемъ, американское мое золото съ нами. Ты можешь тамъ многимъ завертѣть головы и сдѣлать честь вкусу такого молодца, каковъ я.

Цимара.

Да зачѣмъ ѣхать въ такую даль, когда вы сами можете у насъ остаться?

Сорета.

Земляки наши будутъ любить васъ, какъ братьевъ.

Донъ-Гусманъ.

Этого сдѣлать нельзя. Мы клялись возвратиться въ наше отечество.

Сорета.

Для чего жъ 15 гишпанцевъ перебѣжали къ намъ?

Фолетъ.

Для того, что они безчестные люди. А честь есть такая честь, — по признанію философа Донъ Цапата, Педрилла, Фердинанда, которую всегда ставятъ за честь, чтобы имѣть честь —

Донъ-Гусманъ.

Фолетъ! это темно для самого европейца; а ты хочешь, чтобы американки —

Фолетъ.

Моя должность просвѣтить ихъ и доказать имъ, что въ Мадритѣ, съ помощію философіи, болѣе плутовъ, нежели въ здѣшней сторонѣ жителей.

Сорета.

Останьтесь лучше съ нами. Останься, Фолетъ!

Арія.

Мы бы съ тобою, не знавъ разлуки,
Жили бъ въ забавахъ, не знали бъ скуки,
Были бы вмѣстѣ всякой мы часъ.
Еслибы стало на небѣ ясно,
Мы бы гуляли въ лучшихъ мѣстахъ;
Еслибы было небо ненастно,

Мы бы скрывались одни въ кустахъ!
Мы бы, играя,
Заботъ не зная,
Рыбу ловили у нашихъ водъ,
Мы бъ не крушились,
Все бы рѣзвились,
Намъ бы недѣлей казался годъ.

Цимара.

Да развѣ очень весело жить у васъ?

Фолетъ.

Такъ весело, что умрешь со смѣху. — Тамъ ты видишь алебастровую головку; тамъ продолговатую, подщекатуренную рожицу; тамъ поджараго, тоненькаго, какъ ниточку, петиметрика; тамъ такую манерную кралечку, что чуть буркалы мелькаютъ изъ подъ бровей; — тамъ знатность, богатство, чины —

Цимара.

Чины? — А кто они такіе?

Фолетъ.

Это — это конфеты. Надобно только осторожно кушать, чтобы языкъ не проглотить.

Сорета.

У тебя также есть чины?

Фолетъ.

Пропасть! — развѣ ты забыла, что я Донъ-Фолетъ, Педрилло, Фердинандо, Кастиландо, Драбандо и чортъ знаетъ что!

Цимара.

Послушай, Гусманъ! Если ты любишь богатство, здѣсь его много; если ты безъ чиновъ жить не можешь, пошли за ними Фолета въ Мадритъ.

Фолетъ.

Какъ же не такъ! тамъ безъ денегъ ничего не дадутъ.

Донъ-Гусманъ.

Твоя невинность восхищаетъ меня, нѣжная Цимара! но чины такая вещь, которую вы здѣсь не понимаете: за ними нельзя послать.

Сорета.

Почему нельзя? — Я слышала, что у васъ они продаются.

Фолетъ.

За американское золото? Случается!

Донъ-Гусманъ.

Нѣтъ, Цимара, надобно имѣть сердце, неустрашимость, знанія, чтобы пріобрѣсти ихъ.

Цимара.

Понимаю, ты имѣешь сердце, чтобы ихъ желать, а не имѣешь его, чтобы со мной остаться? — прощай!

(Уходитъ).

Донъ-Гусманъ.

Постой, жестокая!

Фолетъ.

Оставьте это слово гишпанкамъ! — Говорите американкамъ: смугленькая, кругленькая, полненькая, плотненькая.

Донъ-Гусманъ.

Я слышу шумъ. Это американцы; а я послалъ большую часть солдатъ для поисковъ надъ ними, и деревня наша безъ защиты. Поспѣшу туда. — Фолетъ! останься здѣсь и уговори Сорету, чтобы она согласилась придти съ своей сестрой въ нашу деревню; тамъ мы можемъ болѣе успѣть.

Явленіе второе.

Сорета, Фолетъ.

Фолетъ (особо).

Еслибы мнѣ удалось сманить Сорету, это бы очень здорово было для меня. Такая красавица въ Европѣ не жена, а золотая руда для мужа.

Сорета (особо).

Попробую уговорить его здѣсь остаться. (Ему.) Фолетъ! любишь ли ты меня?

Фолетъ.

Я, Соретушка? люблю, горю, киплю —

Сорета.

Ну, такъ останься жить у насъ!

Фолетъ.

Съ вашими дикарями? — я со страха умру.

Сорета.

Не бойся; ты легко заслужишь ихъ уваженіе.

Фолетъ.

Легко? а чѣмъ? вы народъ не просвѣщенной, у васъ надобно быть въ самомъ дѣлѣ умнымъ, чтобы почитали умницей, и храбрымъ, чтобы почитали за храбраго; а у меня съ роду этой дряни въ головѣ не бывало.

Сорета.

Я тебя научу, какъ землякамъ моимъ понравиться. Вставай рано, ложись поздо, будь прилеженъ къ охотѣ — вотъ и все.

Фолетъ.

Спасибо! Этакая глупость мнѣ въ умъ не приходила! Я гишпанецъ, и люблю сидѣть, поджавъ руки, цѣлой вѣкъ.

Сорета.

Ну такъ ищи случаю сразиться съ леопардомъ или львомъ.

Фолетъ.

Мнѣ сразиться съ леопардомъ или львомъ? — у насъ поединки запрещены, и это мой любезной законъ.

Сорета.

Не то окажи свою храбрость на войнѣ.

Фолетъ.

На войнѣ? Ежели непріятель за тысячу верстъ отъ меня, то я его ловлю; а вблизи у меня охоты нѣтъ. Это правило философа Донъ Цанаты, Педрилла, Фердинанда.

Сорета.

Кажется, гишпанцы не такъ миролюбивы.

Фолетъ.

И я былъ очень задоренъ; но надобно тебѣ замѣтить, что я учился въ Андалузскомъ университетѣ. Профессоръ мой былъ великой философъ! „Другъ мой“, говорилъ онъ мнѣ сиплымъ голосомъ: „будь мудрымъ! пусть лучше тебя бьютъ, нежели чтобы ты билъ“ и я всегда поступалъ по его правиламъ.

Сорета.

Какъ бы ни было, земляки мои будутъ тебѣ рады.

Фолетъ.

О! нѣтъ, нѣтъ, и не думай, чтобъ я согласился остаться здѣсь. — Охота, сраженія со львами, поединки съ барсами — все это не по зубамъ. Поѣдемъ лучше съ нами въ Европу, Соретушка!

Сорета.

Ты не находишь здѣсь упражненій: что жъ я тамъ буду дѣлать?

Фолетъ.

Пропасть! — ничего!

Сорета.

Ничего? Я со скуки умру.

Фолетъ

Пустое, моя кралечка; надобно на себя напустить только лѣнь, или одурь — и ничего не захочется дѣлать.

Сорета.

Спасибо за вашу лѣнь и одурь. Мнѣ это совсѣмъ не нравится.

Фолетъ.

Всякая земля имѣетъ свой обычай; у насъ такъ это очень не худо. Наши женщины, какъ голландской сыръ: чѣмъ болѣе попорчены, тѣмъ болѣе ихъ любятъ. — Побывай ужо въ нашей деревнѣ съ твоею сестрою, ты увидишь тамъ часть нашихъ обычаевъ. Если они тебѣ не понравятся, я останусь съ моею смугленькою обезьяночкою.

Сорета.

Съ этимъ условіемъ, изволь. Я тотчасъ буду къ тебѣ съ сестрою.

Фолетъ (испугавшись).

А я одинъ останусь?

Сорета.

Не бойся; мы тотчасъ придемъ.

Фолетъ.

Кто? я боюсь, Соретушка? — Знай, что я вѣкъ не струшу, когда ваши дикари далеко отъ меня.

Сорета.

Прекрасно. Послушай, Фолетъ: вы, европейскіе мужчины, трусливѣе нашихъ женщинъ. (Уходитъ).

Фолетъ.

Зато наша женщина не струситъ десяти вашихъ мужчинъ.

Явленіе третье.

Фолетъ (одинъ).

Мнѣ кажется, что я напрасно снаряжаюсь въ Европу. — Между тѣмъ, какъ я легко могу здѣсь обманывать всѣхъ, какъ дураковъ, тамъ буду самъ обманутъ, какъ невѣжда. Подумаемъ, чтобы сказать объ этомъ мудрой и просвѣщенной мой Донъ Чапата, Педрилло, Фердинандо. — Лучше обмануть, нежели быть обманутымъ.

Арія.

Что начать теперь такое?
Не сберусь съ душой своей.
Здѣсь съ Соретой жить въ покоѣ
Иль въ Европу ѣхать съ ней?
Но чего мнѣ думать болѣ?
Весела вѣдь жизнь и въ полѣ,
А въ Европѣ дорога.
За поѣздку же въ награду,
Земляки мои въ досаду,
Прикуютъ мнѣ тамъ рога.
Вздоритъ мнѣ на перекоры,
Дѣлать брани, драки, ссоры —
Переймetъ Сорета тамъ.
А я, вмѣсто чтобы злиться,
Долженъ буду веселиться,
И по модѣ тѣмъ хвалиться,
Что женою могъ подбиться

Въ милость къ модным господамъ.
Сверхъ того, судьи иль воры,
На происки денегъ скоры,
То, узнавъ, что я богатъ,
Иль судомъ или обманомъ
Познакомятся съ карманомъ.
Съ ними жизни бывъ не радъ,
Буду бѣденъ и рогатъ.
Сверхъ того, женѣ наряды —
Нѣтъ, терпѣть сіи досады
Я не въ силахъ завсегда;
Нѣтъ, не ѣду я туда.

Однако, очень темно становится. Страхъ и грусость сломили въ минуту храбрость мою. Я боюсь, чтобы мнѣ прежде не закипѣть на американскомъ вертелѣ, нежели подружиться съ дикарями. Они великіе охотники до молоденькаго жаркого.

Явленіе четвертое.

Цимара, Фолетъ.

Цимара (ударяя его по плечу).

Фолетъ!

Фолетъ.

Ай!--а! это ты Цимара! Не испугалась ли ты? что до меня касается, то я струсилъ.

Цимара.

Развѣ не съ тобою твое ружье?

Фолетъ.

Со мной; но когда я трушу, то и пушка не поможетъ.

Цимара.

Ты очень небоязливъ. Послушай: Сорета звала

меня въ вашу деревню, и хотя я на Гусмана осердилась, но ни въ чемъ ему отказать не могу.

Фолетъ.

Сокровище, а не женщина! такъ и не отказывай!

Цимара.

Поди же и скажи ему, что мы скоро къ вамъ будемъ. Теперь нельзя для того, что братъ нашъ слѣдомъ идетъ за́ мною. —

Фолетъ.

Слѣдомъ! — съ американцами? пропалъ я! ахъ! я бы хотѣлъ имѣть теперь рысьи ноги. Тутъ то бы ты моей храбрости посмотрѣла! О Гишпанія! Гишпанія! тамъ бывало вмигъ стрячка дашь отъ непріятеля.

Цимара.

А ты бѣгивалъ?

Фолетъ.

Удавалось! — Надобно знать, что я вспыльчивъ и сердитъ, и если я сражусь, тогда пластомъ положу непріятеля; а потому то профессоръ Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо всегда мнѣ говаривалъ: сердись издали!

Цимара.

Но онъ уже близко!

Фолетъ.

Близко? — вотъ теперь то ты увидишь, что когда я разсержусь, тогда рыснетъ, какъ заяцъ ...

(Убѣгаетъ изъ всей силы.)

Явленіе пятое.

Цимара (одна).

Мнѣ кажется, что братъ мой строго за мной присматриваетъ. Если онъ узнаетъ, что я люблю

гишпанца! — Онъ ихъ ненавидитъ, и между тѣмъ любитъ плѣнницу свою Ельвиру. Я сама не любила гишпанцевъ; но приближилась къ Гусману — сердце мое начало биться сильно, сильно и — я въ немъ нашла перваго своего друга, полюбила его нѣжно и съ нимъ всю Европу. Какъ это странно! Одинъ человѣкъ можетъ заставить любить цѣлой свѣтъ!

Арія.

Я любить его вѣкъ стану,
Вѣчну вѣрность сохраня,
Съ сердцемъ только страсть къ Гусману
Вырвать можно изъ меня;
Но инымъ нельзя заставить
Мнѣ любовь къ тому оставить,
Кѣмъ пріятенъ мнѣ сей свѣтъ.
Безъ Гусмана все отравы,
Безъ него мнѣ нѣтъ забавы,
Безъ него веселья нѣтъ.
А когда я съ нимъ бываю,
Свѣтъ тогда позабываю.
Онъ одинъ передо мной,
Замѣняетъ все собой.

Явленіе шестое.

Цимара, Ацемъ, Ельвира, а потомъ Сорета.

Ацемъ.

Оставь свой страхъ, нѣжная Ельвира, ты увидишь, что сердце американца нѣжнѣе, чувствительнѣе, нежели европейца; ты увидишь. — Ты здѣсь, Цимара? развѣ не знаешь, что за этою горою гишпанское селеніе? — (Особо.) Подозрѣніе мое увеличивается!

Цимара.

Знаю. Что до этого за нужда?

Ацемъ.

Берегись, если я что замѣчу!

Ельвира.

Гусманъ! любезной братъ! такъ я навсегда разлучена съ тобою?

Цимара (особо).

Она сестра Гусмана! перестань плакать, Ельвира, и будь моею сестрою.

Ацемъ.

Ельвира! я постараюсь, чтобъ ты забыла Гишпанію. Если ты не найдешь во мнѣ гибкости и лукавства европейца, то найдешь душу, сердце, желаніе тебѣ угодить.

Арія.

Не опасайся бывъ со мною,
Себѣ бѣды ты никакой,
Я воруженной сей рукою
Твой стану защищать покой.
Напрасныхъ страховъ не имѣя,
Живи здѣсь, мною ты владѣя,
Тебѣ подвластенъ буду я,
И вся со мной страна моя!

Ельвира.

Вѣрю; сердце мое — твой защитникъ. Во врагѣ — вижу я моего любовника; въ его волѣ — мои законы.

Сорета (вбѣгая, шепчетъ Цимарѣ).

Они скоро должны быть, а братъ мой здѣсь.

Ацемъ (особо).

Догадки мои становятся основательнѣе (къ нимъ) Вы шепчете — бойтесь! Американецъ столь же страшенъ во гнѣвѣ, какъ нѣженъ въ любви. Ельвира, печаль твоя раздираетъ душу мою.

Ельвира.

Арія.

Могу ли не терзаться,
Не плакать и не рваться,
Свободы я лишась
И съ братомъ разлучась?
Живя въ твоей неволѣ,
Спокойства сердцу болѣ
Не будетъ никогда;
Я сколь ни сожалѣю,
Но плѣнницей твоею
Останусь навсегда.

Ацемъ.

Время прекратитъ печаль твою. Можетъ быть, одноземцы твои увидятъ нашу невинность, справедливость и обоймутъ тѣхъ, которыхъ они терзаютъ; братъ твой найдетъ во мнѣ друга, прижметъ его къ сердцу.

Сорета (тихо Цимарѣ).

Пойдемъ съ нею въ шалашъ; а какъ скоро братъ уйдетъ, тогда побѣжимъ къ нашимъ милымъ, а ему скажемъ, что изъ шалаша не выдемъ.

Цимара (тихо).

Хорошо. Какая ты обманщица!

Сорета (тихо).

Я познакомилась съ европейцами!

Ацемъ.

Сестрицы! проводите къ себѣ Ельвиру; а я пойду осмотрѣть, нѣтъ ли опасности отъ гишпанцевъ, (особо) и замѣчать за вами.

(Уходятъ въ разныя стороны; на театрѣ темнота).

Явленіе седьмое.

Фолетъ

(входитъ въ ужасномъ страхѣ).

Уфъ! какая скотская темнота! Вѣрно профессоръ мой Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо, посмотрѣлъ бы издали. (Оглядываясь). Всякое дерево кажется мнѣ лѣшимъ! И въ такую дьявольскую ночь дѣлать надобно любовныя свиданія! Еслибы я былъ американецъ, то бы носа изъ шалаша не высунулъ. — Скитаться одному между деревъ, звѣрей, американцевъ и лѣшихъ! — О! премудрой Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо! правда твоя, что всего лучше любить и сражаться издали. — Но гдѣ Гусманъ? можетъ быть, онъ здѣсь, и такъ же труситъ, какъ и я. — Ась? — кто тутъ? — бѣда моя! со всѣхъ сторонъ шумъ и ужасъ. — Я думаю, что лѣшіе со всего свѣта собрались сюда. — Истолкутъ они меня, какъ въ ступѣ.

Арія.

Здѣсь кто то есть, — не обманулся,
Иль шутитъ чортъ со мною здѣсь?
Бѣда, коль съ чортомъ я столкнулся:
Въ куски изломанъ буду весь.
Морозъ всю кожу подираетъ,
Отъ страха сердце обмираетъ;
Но на мѣстѣ здѣсь одномъ
Дай къ бутылкѣ приберуся,
Съ ней душою подѣлюся
И запью мой страхъ виномъ.

(Вынимая бутылку изъ кармана, пьетъ.)

За здоровье пью Фолета,
Здравствуй, милая Сорета,
И Цимара, и Гусманъ,
Но, чтобъ счетъ не дѣлать долѣ,
Выпью я не медля болѣ,

Здравіе въ счастливой долѣ,
Всѣхъ четырехъ свѣта странъ.
Будь теперь хоть чортъ со мною,
Сатанѣ я не спущу:
И бутылкой сей пустою
За прошедшій страхъ отмщу.
Чортъ, боясь, меня не тронетъ,
Онъ Фолета не уронитъ;
Но меня къ землѣ сонъ клонитъ:
Эту тягость не стерплю.
(Ощупываетъ камень и на него ло̀жится)
Оставляю васъ, заботы,
И подъ бременемъ дремоты,
Забывая все, я сплю.

— — —

Явленіе осьмое.

Фолетъ, Гусманъ, Сорета, Цимара, Ацемъ.

Донъ-Гусманъ.

Я думаю, что они здѣсь. Фолетъ! Фолетъ! никого не слышно!

Ацемъ.

Сестры мои ушли изъ шалашей. Жестокіе европейцы! Вы далеко простираете свои злодѣйства. Послушаю, не здѣсь ли они.

Цимара.

Я дрожу. Что съ нами будетъ?

Сорета.

Не бойся. Ежели Фолетъ и Гусманъ здѣсь, намъ хорошо будетъ.

Ацемъ (находя Фолета).

Кто это?

Фолетъ (лежа).

Это я, Соретушка, твой милой Фолетъ, первой ученикъ философа Донъ Цаната, Педрилла, Фердинанда.

Ацемъ (разсердясь).

Кто ты такой?

Фолетъ.

Тьфу! какъ это глупо! приголубь меня, Соретушка!

Ацемъ.

Постараюсь, не могу ль отъ него чего узнать. — Ты худое мѣсто выбралъ спать.

Фолетъ.

Ничего, ничего! Философія, — когда она въ росхмель — вездѣ прикорнуть можетъ. — Тьфу къ чорту! дай мнѣ Соретушка, ручку поцѣловать! — (цѣлуя руку Ацемы). Какая нѣжная, мякенькая ученка! не мадритской чета. Тамъ какъ копченые полотки.

Ацемъ.

Чуть удерживаюсь отъ бѣшенства! — Сказывай, бездѣльникъ, почему ты знаешь Сорету?

Фолетъ.

Какой глупой вопросъ! развѣ ты не Сорета?

Ацемъ.

Нѣтъ, бездѣльникъ!

Фолетъ.

Ну, такъ поди же къ чорту. Еслибы ты была Сорета, я бы тебя сюда попросилъ.

Ацемъ.

Я ея брать! дорого ты заплатишь!

Фолетъ.

Пустое; я за послѣднія клюнулъ — ха! ха! ха! какъ я радъ, что у тебя такія прекрасныя сестрицы. Поѣдемъ въ Мадритъ. Ты можешь ими тамъ сдѣлать свое счастіе.

Ацемъ.

Это сумасшедшій человѣкъ!

Фолетъ.

Послушай, американская харя! не нападай на мое сумасшествіе. За него деньги платятъ.

Ацемъ.

Я теряю терпѣніе.

Фолетъ (лѣзетъ обнять его).

Ну такъ помиримся и поцѣлуемся, дорогой зять!

Ацемъ (ударяя его по головѣ).

Вотъ приступъ къ миру. (Въ сторону). Онъ вѣрно притворяется.

Фолетъ.

Какая чертовская лапа!

Ацемъ.

Сказывай, гдѣ сестра моя, или я тебя на мѣстѣ убью!

Фолетъ (вывертываясь изъ рукъ).

Чортъ тебя возьми! хорошо тебѣ, что я трусъ, и что философъ Донъ Цапато, Фердинандо, Педрилло велѣлъ мнѣ сердиться издали. — Я бъ тебя на двое раслющилъ, или бы — ушелъ. Ты меня надсадилъ въ самое темя (уходитъ изъ рукъ).

Ацемъ (ища его).

Ты не уйдешь отъ меня.

Фолетъ (тихо).

Притаюсь. — Гусманъ! Сорета!

Донъ-Гусманъ (тихо).

Это голосъ Фолета.

Сорета (тихо).

Они вѣрно здѣсь.

Квинтетъ.

Фолетъ.

Устрашенной тьмой ночною,
Я отъ страха весь дрожу;
Но кто здѣсь еще со мною,
И кого я нахожу?

Сорета.

(Особо). Слышу, кажется, Фолета.
(Подходя къ нему). Здѣсь съ тобой твоя Сорета;
Но къ чему вся трусость эта?
Гдѣ теперь сестра моя?

Фолетъ.

Ничего не знаю я.

Сорета и Фолетъ.

Знать, она пошла къ Гусману,
Я искать ее здѣсь стану.

Ацемъ.

Не спущу сему обману.
Я вездѣ тебя достану,
Ты получишь праву месть.

Цимара.

Я Гусмана примѣчаю.

Донъ-Гусманъ.

Я Цимару здѣсь встрѣчаю.

Ацемъ.

Жизнь твою я окончаю.

Цимара и Гусманъ.

Тише! съ нами кто то есть.

Ацемъ (ища другъ друга).

Какъ досадно, что не видно
Въ темнотѣ его ночной.
Европеецъ сей безстыдной
Былъ бы въ мигъ растерзанъ мной!

Цимара, Сорета, Гусманъ, Фолетъ.

Какъ досадно, что не видно
Ихъ намъ въ темнотѣ ночной;
Но, оставя ихъ, безстыдно
Намъ безъ нихъ идти домой!

Цимара, Сорета, Гусманъ, Фолетъ.

Фолетъ, Сорета, / Гусманъ, Цимара, } подойдите!
Чего еще вы здѣсь годите?
За нами ходятъ по слѣдамъ.
Пойдемъ отсель скорѣе къ } намъ. / вамъ.

Ацемъ.

Сестры неблагодарны,
Вашъ голосъ слышу я!
Но сколько вы коварны,
Столь месть люта моя!

Ацемъ.

Коль васъ догнать успѣю,
И вами овладѣю,
Свирѣпостью моею
Въ одинъ исторгну часъ
Коварной духъ изъ васъ.

Цимара, Сорета.

Сей грозный слыша гласъ,
Отъ страха леденѣю
И силы не имѣю
Въ ужасной столь намъ часъ.
Спаси, Гусманъ, ты насъ!

Донъ-Гусманъ.

Сберись съ душой своею.
Не дамъ тебя злодѣю!
Защитою моею
Спасу обѣихъ васъ.
Не оставляйте насъ!

Фолетъ (вмѣстѣ съ прежними).

Ужасной слыша гласъ,
Отъ страха леденѣю
И силы не имѣю!
Въ негодной самой часъ.
Поддѣлъ сей дьяволъ насъ!

(Всѣ, выключая Ацема.)

Но прокрадемся, коль можно,
Межъ деревьевъ сихъ пройдемъ,
И отъ мести осторожно
Безъ сраженія уйдемъ (уходятъ).

Ацемъ.

Слышу я, ихъ нѣтъ здѣсь болѣ.
Соберу друзей своихъ,
Обагрю ихъ кровью поле,
Растерзаю дерзкихъ сихъ.

Они ушли! злодѣи! но недолго будутъ наслаждаться своею измѣною! Они, безъ сомнѣнія, скроются въ этой деревнѣ. Поспѣшимъ. — Жестокіе гишпанцы! вы не довольны тѣмъ, что похищаете наше золото, — вы хотите лишить насъ перваго сокровища: невинности и добродѣтели!

Явленіе девятое.

Театръ представляетъ богатую комнату въ домѣ Гусмана.

Сорета и Фолетъ
(которова она тащитъ за руку).

Дуэтъ.

Не страшись, чево бояться?
Нѣтъ опасности ужъ намъ.

Фолетъ.

Не пустить меня подраться!
Такъ шутить собой не дамъ.

Сорета.

Ты на-силу самъ убрался.

Фолетъ.

За тобою все я гнался.

Сорета.

Ты отъ страха весь дрожалъ.

Фолетъ.

Трусость въ томъ твоя причина.

Сорета.

Самъ ты трусилъ, дурачина!

Фолетъ.

За тобою я бѣжалъ.

Сорета.

Бредишь, вздоришь —

Фолетъ.

Нѣтъ, не вздорю.

Сорета.

Струсилъ —

Фолетъ.

Врешь, я въ этомъ спорю.

Вмѣстѣ.

Престань же досаждать!
Иль за брань твою въ награду,
Не такую ужъ досаду
Отъ меня { должна ты / ты долженъ } ждать.

Фолетъ.

Смотри, какая вертушка! Еслибы не ты, то я бы всѣмъ вашимъ дикарямъ распроломалъ головы.

Сорета.

Лжешь! — развѣ не ты меня тащилъ оттуда съ такою скоростію, что я не успѣвала бѣжать за тобой? — это отъ храбрости?

Фолетъ.

Конечно! Я боялся тебя оставить, ибо философъ Донъ-Цанато, Педрилло, Фердинандо именно говоритъ въ аргументѣ о ретирадѣ: *когда бьжишь, тогда и другихъ тащи.* Онъ словца на вѣтеръ не молвитъ.

Сорета.

Философы ваши такіе же трусы, какъ и ты. Ты и теперь еще дрожишь.

Фолетъ.

Конечно, дрожу — для того, что сразиться не съ кѣмъ.

Сорета.

Для чего не сразился ты давича съ моимъ братомъ?

Фолетъ.

По двумъ причинамъ: первое, что я не хотѣлъ брата твоего на мѣстѣ приколоть; второе, что я — сержусь издали.

Явленіе десятое.

Донъ-Гусманъ, Цимара, Сорета, Фолетъ.

Цимара

(садится съ Соретою на полъ).

Сорета! Фолетъ! вы здѣсь уже? еслибы не Гусманъ, то я бы умерла отъ страха.

Фолетъ.

И Соретушка также, еслибы не мое мужество — въ ногахъ.

Сорета.

Ты мнѣ ево довольно показалъ.

Фолетъ.

Больше было некогда. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Донъ-Гусманъ.

Сядьте лучше здѣсь, мои милыя!

(Онѣ садятся въ креслы, поджавъ ноги.)

Цимара.

Сядемъ.

Сорета.

Нутко, Фолетъ, покажи мнѣ, что въ Мадритѣ хорошева!

Фолетъ.

Развѣ я зрительная трубка! — тамъ все хорошо: женщины, домы, а болѣе всево философъ Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо. Это кузовъ мудрости.

Цимара.

На что у васъ строятъ такіе высокіе шалаши? въ нашемъ можно спокойнѣе жить.

Сорета.

Конечно; а особливо на что такіе высокіе и широкіе? не лучше ли пониже и поуже?

Фолетъ.

Правда, правда, пониже и поуже — это гораздо лучше.

Донъ-Гусманъ.

Тебѣ не нравятся, Цимара, эти картины?

Цимара.

Нѣтъ, на нихъ начерчены люди, деревья, рѣки. — Это хорошо, но все одно и то же. Напротивъ, на нашихъ поляхъ я вижу всякой мѣсяцъ новое, перемѣнное.

Фолетъ.

Всякой мѣсяцъ новое, перемѣнное? Вотъ те Америка! Это хоть бы въ Европѣ!

Сорета.

Эти писанные люди хороши, но живой всякой милѣе. Съ нимъ лучше тысячу разъ.

Фолетъ.

Правда, правда, Соретушка! И Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо то же говаривалъ. — А я, какъ ученикъ ево, люблю больше оригиналы, нежели копіи.

Сорета.

Много у васъ рисованныхъ женщинъ?

Фолетъ.

Полонъ Мадритъ. Рѣдко, рѣдко столкнешься не съ рисованною, а то все какъ будто подщекатуренныя рожицы.

Цимара.

Ну, Гусманъ, ты хотѣлъ увѣрить меня, что Европа лучше Америки. Я у васъ много вижу мудренова, а мало хорошева.

Фолетъ.

Это отъ того, что ты не была ученицею у философа Донъ Цапаты, Педрилло, Фердинандо. Онъ бы тебѣ все показалъ по-простy.

Донъ-Гусманъ.

Твоя невинность и неопытность не позволяетъ тебѣ видѣть цѣну европейскихъ выгодъ. Но не довольно ли для тебя, когда ты можешь сдѣлать меня счастливымъ?

Арія.

Тамъ въ блаженствѣ мы съ тобою
Будемъ счастливой судьбою
Наслаждаться вѣкъ въ любви,
И, взаимной страстью тлѣя,
Вѣкъ напастей не имѣя,
Нѣжной жаръ питать въ крови.
Съ сердцемъ я въ твое владѣнье
Все отдамъ мое имѣнье,
Будь владычицей моей!
Я почту за пышность славы
Принимать твои уставы,
И мной вѣчно ты владѣй.

Не будь такъ жестокосерда, Цимара! Если ты не захочешь раздѣлить счастья и богатства моего со мною, ты предпишешь мнѣ смерть. — Поѣдемъ — и вѣчный бракъ увѣнчаетъ взаимную нашу привязанность.

Фолетъ.

Соретушка! качемъ безъ дальнихъ обиняковъ въ Мадритъ. Я не охотникъ болтать одно и то же. Ты знаешь, что я тебя люблю столько же, какъ и ваше золото, и что эту любовь надобно побриллiантить, — то есть жениться.

Сорета.

А тамъ что, Фолетъ?

Фолетъ.

А тамъ — любовь научитъ, что тамъ.

Сорета.

А тамъ — ты меня оставишь.

Фолетъ.

Оставлю! — Я? Сорету! — Гишпанецъ, ученикъ Донъ Цапата, Педрилло, Фердинандо оставитъ жену, когда вся ево философія, все ево богатство состоитъ въ прелестяхъ ево милой Сореты! О нѣтъ, нѣтъ! ты мое сердце, душа, жизнь, а я нечто иное, какъ твое — туловище.

Цимара.

Ахъ, Гусманъ! говорятъ, что у васъ въ обычаѣ оставлять женъ.

Донъ-Гусманъ.

Ты мучишь меня своимъ подозрѣніемъ. — Вездѣ есть дурные люди, порочныя души, но сердце Гусмана, твоего друга, любовника — нѣтъ, оно не знаетъ подлой измѣны: оно всегда нѣжно, чувствительно, постоянно.

Сорета.

И ты также, Фолетъ? и любовь твоя будетъ вѣчно постояна, тверда? —

Фолетъ.

Ахъ, Соретушка! и камень отъ жару трескается, и желѣзо ржавчина съѣдаетъ.

Донъ-Гусманъ.

Если ты меня любишь, тогда не захочешь возвратиться къ себѣ. Братъ твой, безъ сомнѣнія, узналъ, что вы здѣсь. — Подумайте объ опасности. Поѣдемъ лучше со мною. Счастливое и блистательное состояніе тебя ожидаетъ.

Цимара.

Нѣтъ, Гусманъ, я тебя должна оставить.

Донъ-Гусманъ.

Оставить? — Ты жизнь у меня отнимаешь.

Сорета (Фолету).

Фолетъ! онъ умретъ.

Фолетъ.

А послѣ воскреснетъ. У него такая глупая привычка, что умираетъ не до смерти.

Цимара.

Пойдемъ, сестрица! Скоро начнетъ разсвѣтать: намъ надобно успѣть возвратиться.

Донъ-Гусманъ (удерживая).

Жестокая Цимара!

Фолетъ.

Кругленькая Сорета!

Донъ-Гусманъ.

Я умру безъ тебя.

Фолетъ.

Я лопну, какъ брандеръ.

Финалъ.

Донъ-Гусманъ.

Ахъ! не лишай меня собою
Ты навсегда счастливыхъ дней.

Цимара.

Нельзя остаться мнѣ съ тобою,
Хотя къ печали то моей.

Фолетъ.

Останься, милая Сорета,
Иль отъ печали я умру.

Сорета.

Я бъ здѣсь осталась для Фолета.
Но какъ покину я сестру?

Донъ-Гусманъ передъ **Цимарою**, а **Фолетъ** передъ **Соретою** на колѣняхъ.

Надъ нашей сжальтесь вы судьбою
И не лишайте насъ покою.

Цимара, Сорета.

Что мнѣ начать, не знаю я.
Съ Гусманомъ / Съ Фолетомъ } силы нѣтъ разстаться.
Боюсь у нихъ еще остаться,
Душа смущается моя,
Пойдемъ — нѣтъ силъ — на чемъ рѣшиться?
Гусманъ / Фолетъ } драгой! я вся твоя.

Донъ-Гусманъ.

Возьми въ награду, прервавъ мнѣ муку,
Съ нѣжнымъ симъ сердцемъ мою ты руку.

Фолетъ.

А ты, Сорета, съ душой моей
Миою на вѣкъ однимъ владѣй.

Всѣ.

Другъ другомъ вѣчно
Страстны сердечно,
Станемъ въ забавахъ мы жизнь проводить.
Въ страсти награда,
Въ жизни отрада,
Будетъ намъ то, чтобъ другъ друга любить.

(За театромъ слышенъ шумъ.)

Донъ-Гусманъ.

Но что тамъ за смущенье?

Цимара.

Что слышу я за шумъ?

Сорета.

Какое возмущенье?

Фолетъ.

Мутится весь мой умъ!

Донъ-Гусманъ (Фолету).

Провѣдай поскорѣе.

Фолетъ.

Куда мнѣ лѣзть въ бѣду!

Сорета.

Ахъ! будь, Фолетъ, смѣлѣе!

Фолетъ.

Я съ мѣста не сойду.

Всѣ.

Близко шумъ сюда подходитъ,
Въ трепетъ онъ меня приводитъ,
Скрыться должно намъ скорѣй.
Онъ у самыхъ ужъ дверей.

(Донъ-Гусманъ, затушая свѣчу, уводитъ Цимару и Сорету въ другія комнаты, Фолетъ остается въ темнотѣ.)

Фолетъ.

Вотъ пришла бѣда моя!
Ни людей со мной, ни свѣту
Въ сей опасности здѣсь нѣту.
Знать, на смерть оставленъ я.
Сжалься, рокъ, ты надъ Фолетомъ,
Шумъ ужасной утиши,
И не дай, чтобъ въ страхѣ этомъ
Я лишился здѣсь души!

Явленіе одиннадцатое.

Ацемъ входитъ съ вооруженными американцами, которые несутъ за жженные луки прутьевъ.

Ацемъ.

Вяжите всѣхъ, берите. —
Злодѣи! возвратите
Вы мнѣ сестеръ моихъ.

Фолетъ.

Отъ страха цѣпенѣю,
Глаза открыть не смѣю,
Взглянуть боюсь на нихъ.

Ацемъ.

Искать вездѣ ихъ стану. —
(Американцамъ про Фолета.)
Смотрите вы за нимъ (уходитъ).

Фолетъ.

Какъ встрѣтятся Гусману,
Достанемся мы имъ.

Сорета (выбѣгая).

Мученье сердечно
Терплю я и страхъ.
Что вижу? — Конечно,
Нашъ братъ въ сихъ мѣстахъ.
Фолетъ мой въ неволѣ.

Фолетъ.

Погибъ твой Фолетъ!

Оба.

Спастися ужъ болѣ
Надежды намъ нѣтъ!

Явленіе двѣнадцатое.

Фолетъ, Сорета; Цимару и Гусмана выводятъ американцы, и потомъ Ацемъ.

Цимара.

Ахъ, Гусманъ! меня пронзаетъ

То, что я одна виной
Сей напасти надъ тобой.

Донъ-Гусманъ.

Грудь мою лишь то терзаетъ,
Что, наруша твой покой,
Я бѣды тебѣ виной.

Вмѣстѣ.

Должень ли мой духъ быть страстной
Отъ любви ждать сей бѣды?

Всѣ четверо.

Нашея любви несчастной
Вотъ плачевные плоды!

Ацемъ (входя).

Сестры неблагодарныя!
И вы, льстецы коварные,
Вы, гнусныя сердца,
Страшитесь вамъ пристойнаго
И вашихъ дѣлъ достойнаго,
Позорнаго конца. (Къ американцамъ.)
Ведите ихъ немедленно,
Куда вамъ мною велѣно,
И стерегите ихъ,
Доколь не вырву духъ изъ нихъ.

Донъ-Гусманъ.

Сжалься надъ своей сестрою!

Цимара и Сорета.

Ахъ, надъ нимъ, не надо мною
Жалость ты свою яви!

Фолетъ.

И надъ ней и надо мною
Жалость ты свою яви!

Донъ-Гусманъ.

Ахъ надъ ней, не надо мною
Жалость ты свою яви!

Ацемъ (сестрамъ).

Вашъ поступокъ я омою
Дерзновенныхъ сихъ въ крови

Цимара и Сорета.

Но прошу тебя напрасно.

Ацемъ.

Не являйтесь предо мной.

Фолетъ и Гусманъ.

Отмѣни сей гнѣвъ ужасной.

Ацемъ.

Нѣтъ пощады никакой.

Цимара и Сорета.

Ты не братъ, мучитель мой.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ.

Онъ не братъ, мучитель твой.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ, Цимара, Сорета (вмѣстѣ).

Нѣтъ надежды намъ къ спасенью,
Нѣтъ конца сему гоненью,
Долго ль будетъ намъ страдать?
Иль, по гробъ снося мученье,
Въ сей печали и въ смущеньѣ
Намъ отрады не видать?

Ацемъ (вмѣстѣ).

Нѣтъ надежды вамъ къ спасенью,
Должно всѣмъ вамъ пострадать.
Лютое снося мученье,
Приготовьтесь умирать.

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Театръ представляетъ американское селеніе, вокругъ котораго со всѣхъ сторонъ горы и лѣса, а вдали открытое море.

Явленіе первое.

Ельвира (одна).

Ацемъ собралъ всѣ силы свои, чтобы сдѣлать нападеніе на ту деревню, въ которой мой братъ. Чѣмъ кончится это сраженіе? — И Гусманъ и Ацемъ мнѣ милы. Кому пожелать побѣды? — Къ жизни обѣихъ привязана моя жизнь; съ потерею одново, все благо мое потеряно.

А р і я.

Вижу поле я сраженья,
Вижу я оружій блескъ;
Слышу шумъ и пораженья
И оружій страшной трескъ.
Тамъ Ацемъ и братъ любезной
Мнѣ готовятъ жребій слезной,
Другъ на друга устремясь,
Въ злобѣ лютой съединясь.
Бѣдъ кому я пожелаю?
Тотъ мнѣ милъ, другимъ пылаю,
Жизнь мою дѣлятъ они.

Кто ни будетъ побѣдитель,
Будетъ лютой мой гонитель,
И мнѣ дастъ плачевны дни!

Кто идетъ съ этихъ горъ? Страхъ мой умножается. — Ацемъ и братъ мой! — Ахъ! кто изъ двухъ, сдѣлавшись убійцею, повергнетъ меня во гробъ съ собою?

Явленіе второе.

Ацемъ, хоръ вооруженныхъ американцевъ. Въ срединѣ **Донъ-Гусманъ** и **Фолетъ**, а позади **Цимара** и **Сорета.** (Когда они показываются на театрѣ, тогда хоръ женщинъ, выходя изъ шалашей, встрѣчаетъ ихъ пѣніемъ).

Хоръ женщинъ.

Наши права защитивши
И врагамъ ихъ злость отмстивши,
Къ намъ придите взять покой.

Хоръ мужчинъ.

Солнце! зря враговъ гоненье
И невинность нашихъ правъ,
Наше ты прими моленье,
Ихъ надменіе поправъ!

Ацемъ (сестрамъ).

Подите отсюда. Ваше преступленіе будетъ жестоко наказано. Слѣдовать за тѣми, которые, презирая нашу невинность, не смѣютъ сразиться съ нами, но ищутъ развратить подлостію! — ищутъ потрясти вмѣстѣ съ нами и нашу добродѣтель! — Ельвира! я тебя поручаю имъ.

Ельвира (особо).

Ахъ! я вижу, что мой нѣжной братъ погибъ. Я трепещу узнать объ немъ — и хочу навѣдаться обо всемъ отъ Сореты и Цимары.

Явленіе третье.

Ацемъ, Донъ-Гусманъ, Фолетъ и воины.

Ацемъ (къ воинамъ).

Друзья! побѣда увѣнчала наше мужество. Подите и успокойтесь. — (Часть американцевъ уходитъ.) Подведите ко мнѣ плѣнниковъ. (Американцы раздвигаются на обѣ стороны и оставляютъ обезоруженныхъ Гусмана и Фолета.)

Фолетъ.

Всѣ кости во мнѣ, какъ въ мѣшкѣ, трясутся. О премудрой Донъ Цапато, Фердинандо, Педрилло! можешь ли ты видѣть безъ трепета драгоцѣнную отрасль философіи въ такомъ дьявольскомъ страхѣ?

Донъ-Гусманъ.

Фолетъ! трусость твоя увеличиваетъ торжество врага нашева. Укрѣпись!

Фолетъ.

Думаете ли вы, что и на горячей сковородѣ можно быть равнодушнымъ? — Мнѣ кажется, что со всѣхъ сторонъ ребры мои шпикуютъ.

Ацемъ.

Подлой человѣкъ! ты умѣлъ дѣлать зло съ бодростью, и при малѣйшемъ наказаніи дрожишь отъ робости!

Фолетъ (съ принужденною смѣлостію).

Я — робѣю? — врешь ты, американской котъ! Я дрожу для тово, что у меня — лихорадка.

Донъ-Гусманъ.

Чудовище! изобрѣтай всѣ возможныя мученія. Тому, кто разлученъ съ Цимарою, смерть не страшна. Я трепещу жизни.

Фолетъ.

О безцѣнная Гишпанія! о чудной философъ Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо! зачѣмъ меня чортъ въ Америку занесъ?

Ацемъ (американцамъ).

Приготовьте костры; и мы тотчасъ предадимъ торжественно огню этихъ преступниковъ.

Фолетъ.

Огню? — Вотъ те штука. — Скажи мнѣ, не дуракъ ли ты? — Можно ли жарить христіанъ и въ томъ числѣ философа, какъ поросятъ? есть ли въ тебѣ хоть на грошъ ума и мудрости? — есть ли въ тебѣ хоть крошечка человѣчества?

Ацемъ.

Гишпанецъ говоритъ о человѣчествѣ! — Не употребляй во зло того священнаго имени, которое вы покрыли ужасомъ. — Какое вы имѣете право гнать насъ, нашу невинность, нравы? — Право жестокости и безчеловѣчія! — Американецъ добръ, человѣколюбивъ; но съ гишпанцами — съ чудовищами — самая благость дѣлается фуріей. — (Уходитъ).

Явленіе четвертое.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ (и американцы, которые готовятъ костеръ).

Донъ-Гусманъ.

Итакъ, я лишусь тебя, нѣжная Цимара!

Фолетъ.

Итакъ, я буду изжаренъ, кругленькая Соретушка, и земляки твои все то сожрутъ, что во мнѣ есть хорошаго и сочнаго? Чтобы дьяволъ ихъ по-

бралъ съ американскимъ вкусомъ! Прости, мой дорогой Мадритъ! простите, всѣ трактиры, гдѣ я пивалъ до храбрости и безпамятства! — Прости, милая философія, которая научила меня трусить вблизи и горячиться издали! — прости ты, велемудрый Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо — алмазъ философіи! — Я чуть на ногахъ стою.

Донъ-Гусманъ.

Ты еще болѣе мучишь меня своею трусостію. Къ чему всѣ твои восклицанія? они намъ не помогутъ.

Фолетъ.

Да что жъ мнѣ дѣлать съ такими скотами, которые не учили ни риторики, ни философіи? — Чѣмъ можно растрогать тѣхъ, которые не умѣютъ разсуждать ни obiective, ни subiective? и которые въ глаза не видывали Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо?

Донъ-Гусманъ.

Чортъ возьми твоего Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо!

Фолетъ.

Не браните сь, сударь! Намъ очень худо, что его съ нами нѣтъ. Онъ бы никогда не впалъ въ заблужденіе быть изжареннымъ. Еслибы онъ не могъ уговорить своимъ сильнымъ и величественнымъ голосомъ всю эту американскую дрянь, по крайней мѣрѣ онъ бы далъ тягу съ великимъ краснорѣчіемъ.

Донъ-Гусманъ.

Да кончи это Бога ради!

Фолетъ.

Погодите немного; какъ скоро насъ сожгутъ, тогда я вамъ ни слова не скажу болѣе.

Донъ-Гусманъ.

Нѣтъ ли съ тобою ножа?

Фолетъ.

Да что вамъ въ немъ? — Всю Америку перочиннымъ ножичкомъ не перерѣжешь. Американцы не гусиныя перья.

Донъ-Гусманъ.

По крайней мѣрѣ себя можемъ зарѣзать.

Фолетъ.

Себя? — Развѣ я воробей или голубь? — Покорно благодарствую! Философія говоритъ, что я мысленное животное, одаренное разумомъ, и слѣдственно, могу другихъ рѣзать, когда не струшу.

Донъ-Гусманъ.

Низкой трусъ! —

Фолетъ.

Могу сказать, что и вы не самой отчаянной герой, когда прибираетесь къ ножичку

Донъ-Гусманъ.

Перестанешь ли ты меня терзать?

Фолетъ.

Ни слова болѣе! — Мнѣ надобно еще покаяться прежде, нежели меня положатъ на сковроду — (Томнымъ голосомъ.) Во имя философіи и перваго ея основателя въ Андалузіи Донъ Цаната, Педрилла, Фердинанда каюсь и клянусь всѣми силлогизмами и софизмами, что я былъ великой плутъ. Иного обокралъ при солнечномъ сіяніи, иного ободралъ ночною порою, иного поддѣлъ навѣрную, призывая всегда въ помощь философію и мудреца Донъ Ца-

ната, Педрилла, Фердинанда. — Кого развелъ, кого сосваталъ — лгалъ, пилъ, плутовалъ, мошенничалъ. Простите меня! а я прощаю тѣхъ, которые со мною то же дѣлали.

Донъ-Гусманъ.

Можно ли выслушать терпѣливо все, чѣмъ онъ меня мучитъ?

Фолетъ.

Простите и вы меня! Кошелекъ вашъ можетъ быть самымъ лучшимъ переводчикомъ. Добродѣтели мои ему очень извѣстны. — Я вамъ также прощаю, что за васъ меня изжарятъ.

Донъ-Гусманъ.

Кончи это! — (Американцамъ.) Друзья мои! Вы можете быть нашими спасителями. Возьмите этотъ кошелекъ и отпустите насъ.

Фолетъ.

Да, да, возьмите! Это очень здорово. Съ деньгами никогда желудокъ не болитъ. — (Американцы бросаютъ кошелекъ.)

Донъ-Гусманъ.

Видишь ли, Фолетъ? И послѣднее наше средство ни къ чему не служитъ.

Фолетъ.

Очень вижу, что они глупы, какъ лошади. Въ Мадритѣ можно бы было уйти за это изъ-подъ висѣлицы.

— —

Явленіе пятое.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ, Ацемъ и хоръ американцевъ.

Ацемъ.

Бросьте ихъ въ костеръ.

Фолетъ.

Ай! у меня уже рука оттор҃вла! (Хоръ, окружая костры и держа зажженные пучки, поетъ.)

Хоръ.

Солнце! сихъ враговъ природы
Мы тебѣ приносимъ въ честь.
Нашей дни продли свободы
И пошли имъ праву месть.

Ацемъ.

Должно, чтобъ ты съ свѣтомъ разлучился.

Донъ-Гусманъ.

Безъ Цимары онъ не милъ.

Фолетъ.

Ахъ, на то ли я родился,
Выросъ и потомъ влюбился,
Чтобы здѣсь изжаренъ быть?

Явленіе шестое.

Ацемъ, Донъ-Гусманъ, Фолетъ и Ельвира (выбѣгая).

Продолженіе хоровъ и Квартетъ.

Ельвира.

Что за шумъ печаль мнѣ множитъ?
(Видя костеръ).
Видъ ужасной духъ тревожитъ.

Фолетъ.

Я отъ страха ужъ горю.

Ельвира.

Но, несчастная, что зрю?
(Бросясь къ Гусману.)
Братъ драгой!

Донъ-Гусманъ.

Сестра любезна!

Ацемъ.

Онъ ей братъ?

Фолетъ.

Минута слезна.

Донъ-Гусманъ.

Умереть здѣсь долженъ я.

Ельвира (Ацему).

Нѣтъ, въ тебѣ вся жизнь моя.
Ахъ! яви къ намъ сожалѣнье.

Фолетъ.

Милость къ намъ яви свою.

Всѣ (окромѣ Ацема).

Сжалься на мое мученье,
И спаси ты жизнь мою;
Иль, продля ожесточенье,
Ты увидишь смерть мою!

Ацемъ.

Я, твое ко мнѣ прошенье
Ставя мнѣ за повелѣнье,
Чтя любезную мою,
Жизнь обоимъ имъ даю. (Американцамъ.)
Прочь отселѣ вы подите,
Въ жертву солнцу ихъ не жгите.

Вмѣстѣ.

Ацемъ.

Мнѣ слова твои священны.
Будь спокойна навсегда.

Ельвира и Фолетъ.

Духъ и сердце восхищенны,
Что прошла сія бѣда.

Донъ-Гусманъ.

Духъ и сердце возмущенны
Ихъ согласьемъ навсегда.

Хоръ.

Намъ слова твои священны!
Мы покорны имъ всегда.

Ацемъ (Ельвирѣ).

Ельвира! прелести твои удерживаютъ мечъ моего правосудія. Я согласенъ забыть поступокъ твоего брата и Фолета.

Фолетъ.

Меня какъ будто со сковрады сняли. Правда твоя, великій Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо, что я не буду изжаренъ! развѣ со-временемъ повѣсятъ!

Ацемъ (Ельвирѣ).

Но прощаю съ тѣмъ, чтобы они замѣнили нашу потерю собою, оставшись здѣсь; и чтобы ты согласилась быть моею. Оставь насъ. Я поговорю съ ними. (Ельвира уходитъ.)

Донъ-Гусманъ (особо).

Недостойная сестра!

Фолетъ (особо).

Что то эта харя скажетъ!

Явленіе седьмое.

Донъ-Гусманъ, Ацемъ, Фолетъ.

Ацемъ (Гусману).

Ты долженъ избирать одно изъ двухъ: или отдать мнѣ сестру твою и быть моимъ другомъ, или умереть.

Фолетъ (особо).

Опять умереть?

Донъ-Гусманъ.

Какъ! я соглашусь, чтобъ моя сестра была твоею женою, чтобы она здѣсь осталась?

Фолетъ (ему).

Что вы это вздумали? я радъ оставить здѣсь мать, жену, сестру, философію, и даже все — лишь бы только самому лыжи навострить.

Донъ-Гусманъ.

Молчи, бездѣльникъ! Горесть и досада отнимаютъ у меня способности говорить.

Фолетъ.

Я буду вашимъ переводчикомъ. Помоги мнѣ, Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо! — (Ацему.) Скажи мнѣ, г. Ацемъ — да съ тѣмъ, чтобы сердиться издали — можно ли здѣсь просвѣщенной женщинѣ остаться? она умретъ отъ скуки. У васъ нѣтъ ни каретъ, ни модныхъ лавокъ, ни чепчиковъ, ни тюрбановъ; а ты самъ видишь, что это великая потеря для философіи.

Ацемъ.

У насъ есть то, что дѣлаетъ человѣка счастливымъ: сердце, добродѣтель, спокойствіе.

Фолетъ.

Ты правъ, г. неучъ! — (Донъ-Гусману.) Бросьте ему свою сестрицу, это небольшая дрянь, и оставайтесь здѣсь сами.

Донъ-Гусманъ.

Молчи! — Ацемъ! будь мнѣ другомъ. Оставь Америку и поѣдемъ со мною въ Европу. Я имѣю покровителей, я тамъ силенъ. –

Ацемъ.

Гусманъ! силенъ ли я, ты можешь спросить у тѣхъ, которые пали отъ руки моей.

Донъ-Гусманъ.

Если ты любишь храбрость, то у насъ будешь имѣть болѣе случаю блеснуть ею. Тамъ ты научишься истинному мужеству.

Фолетъ.

А я научу тебя играть на гитарѣ и плясать въ присядку. Это очень не худо. Иногда можешь тряхнуть передъ ротою — Постойко, я тебѣ дамъ первой урокъ — (Ацемъ его не допускаетъ) А! не хочешь! ну, такъ я тебѣ предложу науки.

Ацемъ.

А что это такое науки?

Фолетъ.

Экой невѣжда! – науки — это прекрасная вещь, а особливо если учишься у донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо. — Слушай — науки начинаются съ ученья. Ихъ можно назвать ключомъ — или большой дорогой къ познаніямъ: онѣ ослѣпляютъ разумъ — открываютъ темноты — показываютъ блескъ когда темно, и темноту, когда свѣтло – онѣ сло-

вомъ, за одного битаго даютъ двухъ небитыхъ. — Понялъ ли? ужъ подлинно науки!

Ацемъ.

И что потомъ?

Фолетъ.

Потомъ бросилъ книги, да взялъ карты — и ступай на всѣ четыре стороны.

Донъ-Гусманъ.

Ты своимъ болтаньемъ все испортишь!

Ацемъ.

Послушай, Гусманъ! мы безъ наукъ счастливы, а вы страдаете съ познаніями. Первая наука быть добрымъ и быть счастливымъ — она въ нашихъ сердцахъ.

Донъ-Гусманъ.

Ты можешь быть у насъ значащимъ человѣкомъ.

Фолетъ.

Вотъ такъ — какъ я. Передо мною всѣ снимали шляпы издали — а особливо, когда просятъ, чтобъ я долгъ заплатилъ. Это не шутка!

Ацемъ.

Мнѣ никто не кланяется и никто не желаетъ зла. Вѣрно у васъ въ Мадритѣ это рѣдко — но кончимъ. Готовьтесь или быть сожжены, или исполнить мое предложеніе.

— —

Явленіе восьмое.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ.

Донъ-Гусманъ.

Безумной болтунъ! я отъ твоихъ глупостей могу быть несчастливъ; но обожди, я тебѣ за это заплачу.

Фолетъ (гордо).

Пожалуйте, не горячитесь, г. Донъ-Гусманъ, мы не въ Мадритѣ. Оставьте свою знатность: она вамъ здѣсь можетъ послужить къ тому только, что васъ прежде изжарятъ, нежели меня; но также на простомъ, а не на параванскомъ маслѣ.

Донъ-Гусманъ.

Какъ, негодница!

Фолетъ.

Такъ же, простешенько — что ты расхарахорился? Мы у дикарей, а не на парадномъ мѣстѣ. Погодите. — Ваше могущество такъ же закипитъ, какъ и моя философія. А, впрочемъ, я твоей слуга покорной. Ступай себѣ въ Гишпанію, кланяйся отъ меня велемудрому Донъ Цапатѣ, Педриллу, Фердинанду, и поучись у него сердиться издали. — А я здѣсь остаюсь съ моею кругленькою Соретушкой. Цимары ты отсюда не выманишь. — Если ты жалуешь Ацема, возьми его съ собой. — Можетъ быть, онъ тебя посадитъ гдѣ-нибудь на вертелъ или изгрызетъ отъ скуки.

Донъ-Гусманъ (сердито).

Бездѣльникъ! смѣешь ли? (Особо.) Но надобно притвориться, или онъ все испортитъ. — (Къ нему.) Послушай, Фолетъ! я шутилъ; неужели ты подумалъ? — Ты знаешь, что я тебя люблю.

Фолетъ (дразня).

Послушай, Фолетъ, я шутилъ — ты знаешь, что я тебя люблю — кланяюсь за твою любовь. Она самая сентиментальная: на конюшню да въ палки. Экая любовь выѣхала! Я знаю всѣ твои силлогизмы: первая посылка — пятьдесятъ палокъ; вторая — прибавь ему! ломай руки и ноги — вотъ-те заключеніе! спасибо за эдакую логику! Тутъ всякая философія втупикъ станетъ.

Донъ-Гусманъ (лаская).

Перестань, дорогой Фолетъ! —

Фолетъ.

Экъ умильно, какъ рѣка льется! послушай только, такъ онъ запуститъ жильца въ бокъ Слушай, ласковой господчикъ! ни вся философія, ни самой Донъ Цапато, Педрилло, Фердинандо не могутъ уговорить меня своими ласками: я окрысился и начинаю сердиться — вблизи.

Донъ-Гусманъ (схватя его).

Такъ знай же, бездѣльникъ, что я

Фолетъ.

Государи, караулъ! грабятъ, рѣжутъ!

Явленіе девятое.

Донъ-Гусманъ, Фолетъ, Сорета.

Сорета

(вбѣгаетъ и разымаетъ ихъ).

Это что за крикъ? — Гусманъ, Фолетъ, какъ вамъ не стыдно! прямые вы гишпанцы! ежели нельзя другихъ бить, такъ вы сами деретесь.

Фолетъ (вырываясь).

Пусти меня! - Я разсердился, какъ американецъ. Во мнѣ теперь столько огня, что я всякаго проглочу.

Сорета.

Да полно, прожора! —

Фолетъ.

Онъ расхвастался своею знатностью! спроси-ка у Донъ Цапаты, Фердинанда, Педрилла — онъ въ отрасли благородства его сомнѣвается и доказываетъ

аргументально, что дерево его фамиліи еще въ шестомъ столѣтіи повихнулось. — Я самъ знатнѣе его: разверни-ка миѳологію, прочитай главу о Юпитерѣ, ты увидишь, что коза, или старушка Амалтея питала его молокомъ своимъ; — а Амалтея была по мужескому колѣну правнучатная сестра моей прабабушкѣ.

Сорета.

Перестанешь и ты?

Фолетъ.

Не могу. Я съ сердцовъ раздуваюсь, какъ индѣйской пѣтухъ!

Арія.

Предъ Гишпанцемъ такъ гордиться!
Такъ Фолета презирать!
Желчь во мнѣ кипитъ, стремится,
Этна хочетъ духъ занять.
Я горю — дрожу — нѣмѣю —
То вспыхну, то леденѣю.
Грудь раздулася моя —
И отъ гнѣва тресну я. (Гусману.)
Поѣзжай въ Мадритъ скорѣе,
Сядь въ повозку и лети
Самой молніи быстрѣе.
Вашъ слуга! — Гусманъ! прости! —
Колокольчикъ завываетъ — динь, динь, динь,
Ваша гордость замираетъ — ой, ой,
Вижу тучи, громъ гремитъ,
И герой — какъ листъ дрожитъ.
Что жъ! не то? — останься съ нами,
Весело, пріятно здѣсь.
Ацемъ изгрызетъ зубами
И тебя и горду спесь.
Иль дубинкою попаритъ,
Иль отъ скуки хоть изжаритъ.
Огонёкъ чуть, чуть шипитъ — шу, шу, шу.

Какъ пчела, Гусманъ жужжитъ — жу, жу.
Какъ на вертелѣ быть мило!
Гордость закипитъ тотчасъ!
Мнѣ въ Мадритѣ жить постыло,
Жить несносно мнѣ у васъ.
Здѣсь одинъ Сореты видъ
Мнѣ Европу замѣнитъ!

Сорета.

Полно, Фолетъ; что ты ни есть, но ты мнѣ милъ, любезенъ. Перестань ссориться. Пойдемъ къ намъ въ шалашъ, мы уже съ братомъ помирились. Онъ хочетъ знать съ нетерпѣніемъ, на чемъ вы рѣшились. Какъ скоро ты останешься здѣсь, то въ минуту женишься на мнѣ, и я тебѣ дамъ самой — самой крѣпкой поцѣлуй.

Фолетъ.

Поцѣлуй? — прощай, мать Гишпанія, со всею своею прелестію — (Къ Донъ-Гусману важнымъ голосомъ). А тебѣ совѣтую именемъ философіи попросить Ацема приказать поджарить себя. Это очень здорово для очищенія сырости въ корпусѣ. (Убѣгаетъ съ Соретой.)

Явленіе десятое.

Донъ-Гусманъ (одинъ).

Бѣшенство раздираетъ сердце мое. Насмѣшки этого бездѣльника поразили меня. По несчастію, я въ такомъ положеніи, что не могу наказать его. Что за шумъ? — безъ сомнѣнія, хотятъ ускорить минуту смерти моей.

Явленіе одиннадцатое.

Донъ-Гусманъ, Фердинандъ (съ воинами гишпанскими, вводя съ собою нѣсколько плѣнныхъ американцевъ).

Фердинандъ.

Простите, что ваши подчиненные не могли вчера

подать вамъ помощи. Повинуясь вашему повелѣнію, мы преслѣдовали за горами непріятеля. Между тѣмъ жестокость американцевъ устремилась съ остервенѣніемъ на селеніе, въ которомъ ничто васъ не могло защитить; но вы торжествуете. Храбрость нашихъ войскъ спасаетъ своего любимаго предводителя. Американцы побѣждены, и плѣнные въ оковахъ тотчасъ предстанутъ передъ вами.

Донъ-Гусманъ.

Храбрый Фердинандъ! друзья мои! ваша ревность, ваше мужество достойны имени гишпанца.

Цимара (вбѣгая).

Гусманъ! Гусманъ! братецъ согласенъ на нашу свадьбу.

Донъ-Гусманъ.

Какъ я счастливъ!

Дуэтъ.

Цимара.

Взоръ твой рай мой составляетъ,
Жизнь даетъ душѣ моей:
Сердце сохнетъ и пылаетъ
Лишь улыбкою твоей.

Донъ-Гусманъ.

Вздохъ Цимары — мнѣ вселенна;
Безъ нея — пустыня свѣтъ.
Сердце, мысль, душа плѣненна,
Взоромъ лишь твоимъ живетъ.

Цимара.

Я смущаюсь —

Донъ-Гусманъ.

Я сгораю —

Цимара.

Духъ слабѣетъ —

Донъ-Гусманъ.

Умираю —

Вмѣстѣ.

Взоръ твой рай мой составляетъ *и проч.*

Оба.

Дни счастливые, теките,
Какъ спокойной ручеекъ.
Сердце съ сердцемъ съедините,
Какъ съ листочкомъ стебелекъ.

Цимара.

Ты мнѣ будешь?

Донъ-Гусманъ.

Вѣкъ подвластенъ.

Цимара.

Вѣчно вѣренъ? —

Донъ-Гусманъ.

Преданъ, страстенъ.

Оба.

Дни счастливые, теките, *и проч.*

Явленіе двѣнадцатое.

Цимара, Ацемъ (въ оковахъ), Ельвира (выходитъ за ними) и Донъ-Гусманъ.

Ацемъ.

Счастіе перемѣняетъ жребій человѣческой. Кто побѣждалъ вчера, тотъ падаетъ севодни съ колесницы побѣжденнымъ. — Случай правитъ всѣмъ: даетъ и

похищаетъ — но сердце и въ оковахъ можетъ быть величественно. — Я плѣненъ съ моими друзьями и согражданами — и готовъ перенесть смерть съ мужествомъ и терпѣніемъ. Что можетъ сдѣлать невинность и справедливость, когда сила и жестокость преслѣдуютъ ихъ? — Вознеси мечъ свой — мы обоймемъ его. Для американца лучше не быть, нежели жить для того, чтобы цѣловать ваши оковы и пресмыкаться.

Донъ-Гусманъ.

Выслушай, Ацемъ! Я былъ твоимъ плѣнникомъ — и смерть моя была неизбѣжна. Я не искалъ ея, но не былъ низкимъ просить у тебя жизни. Ты мнѣ хотѣлъ мстить, какъ американецъ, — но я, какъ гишпанецъ, — прощаю тебѣ. Снимите съ нихъ оковы!

Ацемъ.

Какъ! Гишпанецъ уважаетъ человѣчество? — Гишпанецъ человѣколюбивъ? —

Донъ-Гусманъ.

Онъ побѣждаетъ—и прощаетъ; онъ благотворитъ и — молчитъ.

Ацемъ.

Ты поражаешь меня! — Твое человѣколюбіе умягчило каменное сердце. Твои чувствованія побѣдили того, кто клялся быть вѣчнымъ непріятелемъ Европы. — На чемъ рѣшиться? любовь къ отечеству и къ Ельвирѣ раздѣляютъ меня!

Цимара.

Братецъ!

Ельвира.

Ацемъ!

Ацемъ.

Гусманъ! великодушіе побѣждаетъ болѣе, нежели всѣ огнедышащія орудія. Я согласенъ — я ѣду съ

тобою; но вѣрь, что Ацемъ гордъ одинаково и въ счастьѣ и въ несчастьѣ. — Не подумай, что выгоды европейскія ослѣпляютъ меня: нѣтъ, Ельвира — и твое великодушіе.

Ельвира.

Чѣмъ могу наградить тебя, мой милой Ацемъ?

Ацемъ.

Тѣмъ сердцемъ, которое мнѣ принадлежало по моимъ чувствіямъ.

Ельвира (съ нѣжностію).

А развѣ я его имѣю? — оно давно слилось съ твоимъ.

Цимара.

Братецъ ѣдетъ, и я ѣду. Мнѣ вездѣ тамъ Америка, гдѣ мой милой Гусманъ.

Арія.

Небо кажется мнѣ ясно,
Гдѣ бываешь ты со мной.
Все тамъ мило и прекрасно,
Гдѣ Гусманъ мой дорогой.
Рада я, что буду вѣчно
Провождать съ тобою дни,
И, любя тебя сердечно,
Радости вкушать одни.

Явленіе тринадцатое.

Цимара, Донъ-Гусманъ, Ельвира, Ацемъ, Сорета, Фолетъ и Гишпанцы.

Цимара (Соретѣ).

Сестрица! сестрица! мы въ Европу ѣдемъ!

Фолетъ.

Право! доброй путь! Прошу отъ меня поклониться этой доброй старушкѣ Европѣ; я ее съ тѣхъ поръ знаю, какъ она на теленочкѣ Юпитерѣ прокатавалась по морю.

Донъ-Гусманъ.

Поступай, Сорета! оставь этого негодницу. Я тебѣ сыщу въ Мадритѣ человѣка, тебя достойнаго.

Фолетъ.

Умненько сказано! а я развѣ нѣшка? одна моя философія чего стоитъ!

Донъ-Гусманъ.

Она стоитъ палокъ!

Фолетъ.

По давишней посылкѣ. Такъ! я уже сказалъ, что ваша логика всегда на спинѣ кончится.

Сорета.

Что это? у меня отнимать Фолета? я безъ него отсюда никуда не ѣду!

Цимара.

А я съ сестрой ни за что не разстанусь.

Фолетъ.

Ступайте въ ваши великолѣпныя палаты; оставьте намъ шалашъ. Философія и любовь могутъ быть и въ немъ счастливы.

Донъ-Гусманъ.

Мы тебѣ оставляемъ всю Америку.

Фолетъ.

Всю Америку? — подавай ее сюда. Я выпишу отчасъ Донъ Цапата, Педрилла, Фердинанда — карты и кости — и осную лучшую Академію.

Донъ-Гусманъ.

Цимара! ты не знаешь, что сестра твоя будетъ несчастлива этимъ супружествомъ.

Сорета (смѣясь).

Я буду несчастлива съ Фолетомъ? — О! я его лучше знаю, нежели ты.

Фолетъ.

О моей возлюбленной стрянчей! жаль только, что не училась юриспруденціи; а то хоть какіе законы своимъ чернымъ глазкомъ опрокинешь.

Ельвира.

Братецъ! ты любишь меня, и не откажешься сдѣлать счастіе Фолета.

Цимара и Сорета.

И для насъ!

Донъ-Гусманъ.

Для васъ только; а иначе этотъ бездѣльникъ стоилъ быть наказанъ — (Фолету.) Я тебѣ даю мѣсто въ моемъ полку.

Фолетъ (съ радостію).

О! я вамъ очень благодаренъ! Тотчасъ латы, панцырь, шишакъ и всю рыцарскую сбрую — и въ ту же минуту — въ отставку. Ретивое сердце мое всегда на покой просится. Тамъ то я примусь за философію, за Сорету, за Донъ Цапата, Педрилла, Фердинанда! вивать, Гишпанія и вся ученая челядь! поѣдемъ въ Мадритъ!

Финалъ.

Донъ-Гусманъ.

Но для чего здѣсь медлить болѣ?
Оставимъ мы сіи мѣста.

Цимара.

Когда не будешь здѣсь ты болѣ,
Мнѣ вся Америка пуста.

Оба.

Взаимной страстію пылая,
Утѣхи будутъ въ томъ для насъ,
Чтобъ счастья ложны оставляя,
Другъ друга видѣть всякой часъ.

Ацемъ, Ельвира.

Хотя Гишпанія развратна,
Тобою мнѣ она пріятна.

Ельвира.

Съ тобою тамъ, драгой Ацемъ,
Въ любви мы счастіе найдемъ.

Оба.

И, не страшась уже разлуки,
Съ тобой въ веселѣ и безъ скуки
Въ забавахъ вѣкъ мы проведемъ.

Фолетъ.

Мнѣ будетъ лишь одно бездѣлье
Тебѣ забавы покупать.

Сорета.

Ты мнѣ не куплено веселье
Собою можешь подавать.
Иныхъ не стану я желать.

Всѣ.

Зря въ любви себѣ награды,
Болѣ бѣдствій не страшусь,
Грусть забывъ и всѣ досады,
Я веселью предаюсь.

Донъ-Гусманъ.

Я счастливъ моей судьбою.

Цимара.

Я счастлива, бывъ съ тобою.

Ацемъ.

Ты дороже мнѣ всего.

Ельвира.

Ты милѣй мнѣ всего свѣта.

Сорета.

День даетъ мнѣ сей Фолета.

Фолетъ.

Ты верхъ счастья моего.

Всѣ.

Жаръ храня любови вѣрной,
Станемъ счастье мы вкушать,
И во радости безмѣрной
Дни веселы провождать.

Конецъ.

Бюстъ Крылова

работы Рамазанова.

(Изъ собранія К. Т. Солдатенкова.)

Прозаическія сочиненія.

Журнальная дѣятельность и сатирическія статьи Крылова.

Къ журналистикѣ XVIII в. мудрено подходить съ современными взглядами и требованіями.

Съ начала XVIII в., на зарѣ „европеизаціи" Россіи, правительство насаждаетъ ее у насъ такъ же искусственно, какъ искусственно культивируетъ театръ и школу, науку и литературу. Первая газета и первый журналъ опираются на подневольный трудъ приказныхъ, академическихъ профессоровъ и студентовъ, присяжныхъ переводчиковъ. Участіе въ нихъ — прежде всего отправленіе служебныхъ обязанностей.

Но въ самомъ этомъ дѣлѣ было много подкупающаго и захватывающаго. Пробужденіе общественнаго сознанія вноситъ большое оживленіе въ эту область. Подневольный трудъ смѣняется добровольнымъ, за правительственной инициативой идетъ инициатива общественная.

Движеніе, зарождавшееся въ глубинѣ правительственныхъ и вообще правящихъ круговъ, быстро распространяется по поверхности общественной жизни, идетъ внутрь и вглубь, захватывая самые разнообразные общественные слои, все болѣе и болѣе далекіе отъ центровъ и органовъ управленія [1].

За „Вѣдомостями" Посольскаго приказа и управленія государственной типографіи, академическими „Комментаріями" и „Ежемѣсячными сочиненіями, къ пользѣ и увеселенію служащими", слѣдуютъ „Добрыя намѣренія" и „Невинныя упражненія" учащейся или только что покинувшей школьную скамейку молодежи и цѣлый потокъ сатирико-моралистической журналистики 1769 -1770 гг.

---

[1] См. мои „Очерки по исторіи русской журналистики", М., 1903.

Сначала въ журналъ несутъ „плоды досуга“, иногда очень незрѣлые и наивные ребяческіе стишки, разсужденьица и переводы; затѣмъ въ журналѣ пробуютъ разобраться въ общихъ вопросахъ міровоззрѣнія, дѣлаютъ его орудіемъ проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь.

Идеалистическія увлеченія рѣзко и больно сталкиваются съ дѣйствительностью. Журналамъ Новикова и Эмина приходится вести тяжелую борьбу за существованіе, соглашаться на компромиссы и все-таки, послѣ ряда разочарованій, противъ воли сходить со сцены.

Но потребность въ свободномъ словѣ была слишкомъ сильна. То и дѣло возрождаются новыя попытки сатирико-публицистическихъ журналовъ, съ горячею, но наивною вѣрою въ силу поученія и насмѣшки, со всею страстностью убѣжденной молодой пропаганды. Неудачи предшественниковъ не останавливаютъ, свое предпріятіе кажется болѣе жизнеспособнымъ...

Съ конца 80-хъ годовъ XVIII в. рядъ этихъ попытокъ связанъ съ именемъ Крылова.

Въ 1787 г. Ѳ. Туманскій, впослѣдствіи „цензоръ-изувѣръ“, издавалъ журналъ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“. Онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли — развлеченіе и поученіе читателей. Редакторъ его, человѣкъ бездарный, окружилъ себя случайными сотрудниками. Костровъ далъ небольшое стихотвореніе, зато тяжелый и скучный Карабановъ наполнялъ своими стихами почти сплошь всѣ номера. Почти всѣ статьи безъ подписи, и авторство намъ удалось установить путемъ разныхъ сличеній и сопоставленій.

Одно изъ стихотвореній „Эпиграмма I“ подписана буквами „П. Кр.“, которыя изъ всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ могутъ относиться только къ Крылову. Ему же, конечно, слѣдуетъ приписать и стихотвореніе „Эпиграмма II“, иначе цифровыя обозначенія не имѣли бы никакого смысла[1]. Затѣмъ мы склонны приписать Крылову нѣсколько стихотвореній, подписанныхъ буквою К. — вотъ на какихъ основаніяхъ. Карабановъ внесъ въ изданіе своихъ стихотвореній (М., 1812) даже мелкія стихотворенія, загадки и шарады изъ „Лѣкарства“ (въ общемъ очень плохія). Еслибы сти-

[1] Въ первой половинѣ журнала цифры наверху статей указывали отдѣлы, но затѣмъ ихъ перестали ставить. Кромѣ того, объ эпиграммы относятся къ одному и тому же отдѣлу.

хотворенія, подписанныя буквою К. и отличающіяся извѣстными достоинствами, принадлежали ему, онъ, конечно, перепечаталъ бы ихъ. Не вошли они и въ собранія сочиненій Кострова, а другихъ поэтовъ на К. въ „Лѣкарствѣ", повидимому, не было.

Но у насъ есть другое, болѣе серьезное основаніе. Крыловъ не разъ разсказывалъ, что въ самомъ началѣ литературной дѣятельности его подбодрили печатныя похвалы издателей журнала его произведенію [1]. При одномъ изъ стихотвореній „Лѣкарства", подписанномъ буквою К., такая похвала дѣйствительно есть, между тѣмъ какъ ея нѣтъ ни при одномъ изъ другихъ ранніхъ произведеній Крылова.

Такимъ образомъ Крыловъ сдѣлался журналистомъ и сблизился съ журнальными кругами на 19-омъ году жизни. Въ тѣ времена это дѣлалось легко. Умѣніе скропать стишки, перевести статейку или составить маленькое разсужденіе на общую тему давало всякому, даже и „порядочному невѣждѣ", какимъ былъ тогда Крыловъ, право на титло литератора и журналиста.

Въ слѣдующемъ году Крыловъ сближается съ кружкомъ вольтерьянца Рахманинова и участвуетъ въ его „Утреннихъ Часахъ". Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ за своею полною подписью оду „Утро". Удачная догадка Л. Н. Майкова и счастливая находка г. Витберга [2] (онъ нашелъ особый экземпляръ двухъ частей журнала съ обозначеніемъ авторовъ анонимныхъ статей) доказали, что участіе Крылова въ этомъ предпріятіи было значительнѣе, чѣмъ это обыкновенно предполагали. Въ виду количества помѣщеннаго имъ матеріала (всегда въ тѣ времена показывающаго на особенную близость къ журналу), можно предполагать, что онъ былъ однимъ изъ его издателей [3]. Послѣдняя книжка „Утреннихъ Часовъ" вышла въ 1789 г., а съ конца января этого года Крыловъ и Рахманиновъ начали выпускать уже другой журналъ — „Почту Духовъ".

Внѣшняя исторія этого журнальнаго предпріятія пере-

[1] „Русск. Старина", 1891, VI, 668 и пр.

[2] Первыя басни Крылова, Спб., 1900.

[3] Этому не противорѣчитъ то, что въ одной изъ книжекъ онъ указанъ въ числѣ подписчиковъ: въ тѣ времена для болѣе внушительной цифры подписчиковъ включали въ ихъ число и тѣхъ, кто получалъ журналъ безплатно.

дана нами въ особой вступительной замѣткѣ къ перепечатываемому его тексту.

По отношенію къ содержанію слѣдуетъ указать прежде всего, что „Почта Духовъ" возвращаетъ насъ къ лучшимъ традиціямъ Новиковскихъ временъ. Уже самое названіе указываетъ на близкую зависимость отъ „Адской Почты" Эмина (1769), лучшаго и наиболѣе яркаго въ общественномъ отношеніи журнала послѣ „Трутня" (1769—1770) и „Живописца" (1772—1773) Новикова.

Сатирическія статьи „Почты Духовъ" стоятъ безконечно выше раннихъ комедій Крылова. Въ немъ сказался прирожденный сатирикъ, остроумный, находчивый, обладающій богатымъ даромъ ироніи и эпиграмматическаго лаконизма. Нѣкоторыя изъ несомнѣнно принадлежащихъ ему писемъ представляютъ въ этомъ отношеніи прямо chefs d'oeuvre'ы. Французоманія русскаго общества, распущенность высшихъ классовъ, тяжелое положеніе крѣпостныхъ массъ, крючкотворство и нахальство приказныхъ, всевластіе вельможъ — все это находитъ въ немъ сильнаго и неумолимаго обличителя.

У него много молодого задору, стремительности въ нападеніи, даже нѣкоторой жесткости, — въ особенности въ преслѣдованіи Княжнина. Онъ не прочь идеализировать прошлое, которое знаетъ очень мало, за счетъ настоящаго; недостатки настоящаго склоненъ считать результатомъ „просвѣщенія", къ которому относится съ огульной и не безопасной ироніей. Когда, позднѣе, критическіе и сатирическіе элементы въ его міровоззрѣніи нѣсколько поулеглись, сгладились и стерлись, эта вражда къ „просвѣщенію" дала его взглядамъ устойчивую реакціонную окраску...

Темы, имена, пріемы сатиры несомнѣнно ведутъ свое начало отъ журналовъ Новикова и Эмина[1].

Но, съ другой стороны, статьи „Почты Духовъ" генетически связаны съ позднѣйшими комедіями и баснями Крылова. Рядъ примѣровъ указывается нами дальше въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и вступительныхъ замѣткахъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Къ 1792 и 1793 гг. относятся „Зритель" „Крылова съ товарищи" и „С.-Петербургскій Меркурій" Крылова и Клу-

[1] Срв. „Стозмѣй", „Жидоморъ" въ „Трутнѣ" и журналахъ Крылова и пр.

нина. Сатирическое дарованіе Крылова развертывается въ полномъ блескѣ и доходитъ до такихъ сильныхъ, глубокихъ по своему общественному смыслу вещей, какъ „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ“ и „Каибъ“. Крыловъ вырабатываетъ особую манеру — очень серьезно трактовать о пустякахъ, пересыпая ихъ сильными и знаменательными ироническими выходками. Излюбленная нашими сатирическими журналами форма „похвальныхъ рѣчей“ — далекое наслѣдіе античной литературы, средневѣковой схоластики и гуманизма — дастъ ему широкую возможность осмѣянія ненавистныхъ ему явленій жизни, — своеобразной концентраціи комическаго впечатлѣнія.

Но для свободнаго слова и смѣха мало было мѣста въ тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ. Въ 1790 г. Радищевъ былъ отправленъ въ ссылку, въ 1792 Новиковъ заключенъ въ крѣпость. Издателей „Зрителя“ „берутъ подъ карауль“, призываютъ къ допросу, отбираютъ у нихъ статьи. Запуганному реакціей обществу было мало дѣла до этихъ катастрофъ.

Журнальная и вообще литературная дѣятельность Крылова обрывается на нѣсколько лѣтъ. Въ немъ назрѣваетъ коренной внутренній переворотъ.

До него Крыловъ — пылкій и страстный юноша, несдержанный въ мести, пасмѣшкѣ и пропагандѣ убѣжденій, другъ вольтерьянца Рахманинова и, можетъ быть, Радищева; послѣ него онъ — картежникъ и приживала, тонкій скептикъ, очень себѣ на умѣ, участникъ сантиментальнаго „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и оплота псевдоклассицизма „Драматическаго Вѣстника“, насмѣшливый членъ „Бесѣды“, авторъ басенъ съ ихъ истиной „вполоткрыта“ ...

Русская жизнь загубила въ Крыловѣ одного изъ величайшихъ нашихъ сатириковъ, направивъ его сатирическое дарованіе по узкому и тѣсному руслу, не давъ ему правильно развиться, даже во многихъ отношеніяхъ исказивъ его ...

Настоящій Крыловъ, какимъ бы онъ могъ выработаться для нашей литературы, проглядываетъ больше всего, хотя и невполнѣ, въ его сатирическихъ статьяхъ, и въ этомъ заключается ихъ громадное историко-литературное значеніе...

Отдѣлъ I.

Почта духовъ.

Литературная исторія „Почты духовъ“ до сихъ поръ еще очень неясна и ждетъ новыхъ документальныхъ находокъ.

При жизни Крылова объ его участіи въ „Почтѣ духовъ“ впервые упомянулъ Гречъ („Опытъ краткой исторіи рус. лит.“ СПБ., 1822, стр. 302). „Живописное Обозрѣніе“ (1837, стр. 22) указало, что „въ 1789 г. издавалъ онъ, вмѣстѣ съ другими, сатирическій журналъ, подъ заглавіемъ „Почта духовъ“. По словамъ Лобанова (стр. 3), Крыловъ участвовалъ въ изданіи „Почты духовъ“, которую издавалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Рахмановымъ (sic) въ 1789 г.“

Выпуская въ свѣтъ свое изданіе (1847 г.), Плетневъ писалъ (Соч. и переписка, II, 48—49): „Въ 1789 г. Крыловъ соединился съ капитаномъ гвардіи Рахманиновымъ, чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ. Ровно за двадцать лѣтъ до нихъ, донынѣ еще забавляющій насъ романическими похожденіями своими и во всѣхъ родахъ литературными предпріятіями, Ѳедоръ Эминъ, по рожденію полякъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Турціи магометаниномъ и янычаромъ, перекрестившійся въ Лондонѣ у русскаго посланника въ православіе и окончивній жизнь въ С.-Петербургѣ за сочиненіемъ книги: „Путь ко спасенію“, издавалъ журналъ подъ названіемъ „Адская почта“. Его заглавіе понравилось новымъ журналистамъ, которые и явились въ публику съ „Почтою духовъ“. Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ (?) статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ. Онѣ составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшился нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка. Тогда въ литературѣ господствовало обыкновеніе сатирическую работу переиначать какимъ-нибудь духамъ, такъ какъ имъ легче человѣка всюду проникнуть

все увидѣть, везтѣ поспѣть, принять какой угодно видъ и нигдѣ не подвергнуться никакой бѣдѣ за опасное ремесло. Такая мысль могла остротою своею забавлять общество только разъ, — именно, въ книгѣ человѣка, которому она первому пришла въ голову [1]. Къ сожалѣнію, это не былъ Крыловъ. Онъ и здѣсь заплатилъ дань вѣку своему, набросивъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ Зора, Буристона и Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку. Нельзя читать безъ удивленія писемъ этихъ, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ 20-лѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ школьныхъ знаній. Разнообразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ зрѣнія, гдѣ становится, какъ живописецъ, изумительная смѣлость, съ какою онъ преслѣдуетъ бичомъ своимъ самыя раздражительныя сословія, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его ирония, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная, — все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика. Крыловъ этимъ однимъ опытомъ юмористической прозы своей доказалъ, что, навсегда ограничившись впослѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ правоописателей. Тутъ онъ съ языкомъ русскимъ далеко опередилъ современниковъ. Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ извѣстныя выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ. Но въ прозѣ ни отъ кого независимъ онъ. Кромѣ легкаго, правильнаго и сильнаго языка, изумляютъ читателя новыя мысли, безъ малѣйшей натяжки связываемыя съ шутками въ разговорахъ".

Плетневъ ни однимъ словомъ не оговорился, почему именно эти письма онъ приписалъ Крылову [2].

Несомнѣнно, при выборѣ матеріала для своего изданія

---

[1] „Почтѣ духовъ" въ свою очередь подражаетъ „Переписка двухъ адскихъ вельможъ, Аггабека и Алгамека", М. 1792—1793 гг. *В. К.*

[2] Этого не зналъ даже такой близкій къ нему человѣкъ, какъ Я. К. Гротъ.

изъ журналовъ онъ не руководился указаніями самого Крылова, — иначе онъ не приписалъ бы Крылову стихотвореній Карабанова съ подписью... въ, не отвергъ бы произведеній, безусловно ему принадлежащихъ („Покаяніе Крадуна", „Недовольный гостьми стихотворецъ", „Несчастный Меносъ" и пр.) — только потому, что они появились безъ подписи или за подписью обратною „Нави Волыркъ".

Вѣроятнѣе всего, онъ опирался на собственныя соображенія и сближенія, въ лучшемъ случаѣ на указанія Лобанова или Быстрова, которыя, давая драгоцѣнныя свѣдѣнія, допускали и крупныя ошибки. По крайней мѣрѣ, въ напечатанныхъ статьяхъ о Крыловѣ его сослуживцевъ можно указать рядъ фактическихъ промаховъ.

Уже въ первыхъ строкахъ разсказа Плетнева есть ошибки. Рахманиновъ завелъ типографію самостоятельно въ 1787 или 1788 гг. [1] Она принадлежала исключительно ему, и въ 1790 или 1791 г. онъ перевезъ ее къ себѣ въ деревню. Ниже мы увидимъ, что, въ виду неоплаченныхъ типографскихъ затратъ, „оригиналъ" „Почты духовъ" принадлежалъ ему, и что онъ давалъ Крылову только матеріалы. Повидимому, на немъ лежала матеріальная сторона дѣла.

Затѣмъ, Плетневъ безъ всякихъ оговорокъ опустилъ одно письмо Зора (12-е), по цензурнымъ соображеніямъ. На это обратили вниманіе уже Гротъ [2] и Майковъ [3].

Если сопоставить документальныя, несомнѣнныя свѣдѣнія о „Почтѣ духовъ", то вопросъ осложнится еще болѣе, и еще ярче выступитъ произвольность выбора Плетнева. Самъ Крыловъ, въ разговорахъ съ Быстровымъ, далъ нѣсколько драгоцѣнныхъ указаній.

„Въ 1789 г. издавалъ онъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ „Почта духовъ". Товарищемъ ему былъ Рахмановъ [4], котораго И. А. любилъ за остроту его ума, за откровенный и веселый нравъ. „Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ за то, какое на-

[1] Крыловъ открылъ свою типографію только въ 1792 г. съ Плавильщиковымъ, Клушинымъ и Дмитревскимъ. Рахманиновъ уѣхалъ въ Тамбовскую губернію въ 1790 г. Заподозрить въ печатаніи „Путешествія" Радищева, въ первые дни слѣдствія, могли только его, а не Крылова вопреки преданію, переданному Гречемъ и напечатанному Кеневичемъ („Вѣст. Евр.", 1868, № 2, т. I, стр. 712).

[2] Труды, III, 268.

[3] Первые шаги Крылова, стр. 39.

[4] Рахманиновъ

званіе дать журналу ... Пельскій, кажется, помирилъ насъ... Ну, Рахмановъ хорошо былъ ученъ: зналъ языки, исторію, философію ... Онъ давалъ намъ матеріалы ... Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ ... Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ ... Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ ..." Это подлинныя слова И. А.[1]

Изъ этихъ словъ можно заключить, что Рахмановъ и Пельскій стояли очень близко къ самому возникновенію журнала, что въ „Почтѣ духовъ" участвовало нѣсколько человѣкъ, и что Рахмановъ давалъ имъ матеріалы. Съ Клушинымъ Крыловъ сошелся послѣ, и, значитъ, предполагать участіе его въ этомъ журналѣ нѣтъ никакого основанія.[2]

Отношенія Крылова къ Рахманинову и Клушину дорисовываются „Записками" Жихарева.

„Въ дѣтствѣ моемъ я слыхалъ отъ родныхъ, что дядя мой, Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ, котораго я зналъ уже старикомъ и помѣщикомъ деревенскимъ въ полномъ значеніи слова, занимался нѣкогда литературой и былъ въ связи съ Крыловымъ и Клушинымъ. Мнѣ захотѣлось повѣрить это семейное сказаніе, и я, подсѣвъ къ Крылову спросилъ его, въ какой мѣрѣ оно справедливо. „А такъ справедливо, какъ нельзя болѣе," отвѣчалъ мнѣ Крыловъ. „И вотъ, спросите у Гавріила Романовича[3], который лучше другихъ знаетъ все, что касается до Рахманинова. Онъ былъ очень начитанъ, самъ много переводилъ и могъ называться по своему времени очень хорошимъ литераторомъ. Рахмановъ былъ гораздо старѣе насъ, и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями; онъ даже содѣйствовалъ намъ къ заведенію типографіи и далъ намъ слово участвовать въ изданіи нашего журнала „Санктпетербургскій Меркурій", но по обстоятельствамъ своимъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать въ Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Вольтеръ и современные ему философы были его божествами. Петръ Лукичъ Вельяминовъ, другъ Гаври-

[1] Н. Бистремъ, Отрывки изъ записокъ моихъ о Крыловѣ, „Сѣверная Пчела", 1845, № 203.

[2] Намъ приходилось слышать, что такое предположеніе высказывалъ на лекціяхъ Н. С. Тихонравовъ.

[3] Державина.

ла Романовича, былъ также его другомъ и, кажется, свойственникомъ." Вслушиваясь въ фамилію Рахманинова, Гаврила Романовичъ вдругъ спросилъ насъ: „А о чемъ толкуете?" Я отвѣчалъ, что говоримъ о дядѣ Иванѣ Герасимовичѣ Рахманиновѣ, и что я хотѣлъ узнать отъ Ивана Андреича о литературныхъ трудахъ его. „А, — сказалъ Гаврила Романовичъ, — „онъ переводилъ много, между прочимъ, философическія сочиненія Вольтера, политическое его завѣщаніе и другія его сочиненія въ 3-хъ частяхъ; извѣстіе о болѣзни, исповѣди и смерти его, Дюбуа; „Спальный колпакъ" Мерсье; изданіе Миллерово „Извѣстіе о россійскихъ дворянахъ" и, наконецъ, издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ „Утреннія часы". Человѣкъ былъ умный и трудолюбивый, но большой вольтеріанецъ. Иванъ Андреичъ и Клушинъ были съ нимъ коротко знакомы. Да кстати о Клушинѣ: скажите, Иванъ Андреичъ, точно ли Клушинъ былъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?" — „Онъ точно былъ уменъ", сказалъ съ усмѣшкой Крыловъ, „и мы съ нимъ были искренними друзьями до тѣхъ поръ, покамѣстъ не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе Андреевской ленты графу Кутайсову . . ." — „А тамъ поссорились?" — „Нѣтъ, не поссорились, но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія насчетъ цѣли, съ какой эта ода была сочинена, и совѣтовалъ ея не печатать, изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній до самой своей смерти, случившейся года три назадъ" [1].

Преданіе называло затѣмъ (вѣроятно, по смѣшенію съ отцомъ, которому подражалъ Крыловъ съ товарищами), Н. Ѳ. Эмина сотрудникомъ Крылова по „Почтѣ духовъ" [2], но оно не подтверждается никакими данными. Самое сближеніе ихъ произошло, повидимому, нѣсколько позднѣе, въ пору „Зрителя" [3].

Массонъ очень опредѣленно [4] указалъ на сотрудничество

---

[1] „Записки" Жихарева 1805—1807 г. Москва, 1891 г., стр. 296—297. (9 февраля 1807 г.).

[2] Гротъ, „Труды", 270.

[3] См. тіська Карамзина къ Дмитріеву, стр. 33.

[4] См. А. Н. Пыпинъ, „Крыловъ и Радищевъ". „Вѣстникъ Европы" 1868, т. III, № 5, стр. 421.

Радищева. По его словамъ, „онъ занимался литературою и издалъ уже сочиненіе подъ названіемъ „Почта духовъ“, періодическое изданіе, самое философическое и самое ѣдкое, какія только когда-нибудь осмѣливались издавать въ Россіи“. Можно нѣсколько заподозрить освѣдомленность Массона въ данномъ случаѣ: изъ изданій и сочиненій Радищева онъ знаетъ только „Путешествіе“ и „Почту духовъ“, не упоминая о „Житіи Ушакова“, надѣлавшемъ шуму, и „Письмѣ къ другу“; онъ называетъ прямо Радищева издателемъ журнала, хотя имъ могли быть только Рахманиновъ и Крыловъ, что подтверждается рядомъ документальныхъ данныхъ. До Массона дошли, вѣроятно, какіе то слухи объ участіи Радищева въ „Почтѣ духовъ“, и онъ придалъ имъ слишкомъ абсолютное значеніе.

Изъ документовъ, которые мы прилагаемъ въ концѣ настоящей статьи, видно, что Рахманиновъ считалъ журналъ своею литературною собственностью [1].

„Почта духовъ“, какъ извѣстно, не пошла, не была доведена до конца вслѣдствіе слишкомъ незначительнаго количества подписчиковъ, и вышедшая часть была пущена затѣмъ по значительно пониженной цѣнѣ [2]. Расходы Рахманинова, такимъ образомъ, не окупились, и въ видѣ компенсаціи онъ получилъ на журналъ право литературной собственности.

Онъ имъ не воспользовался, какъ не воспользовались имъ и тѣ купцы, которымъ онъ это право переуступилъ.

Въ 1802 г. выходитъ въ Петербургѣ второе (безъ перемѣнъ) изданіе „Почты духовъ“, выпущенное московскимъ и петербургскимъ книгопродавцемъ Свѣшниковымъ. Мы не знаемъ, какъ онъ получилъ право печатанія отъ Акохова и Козырева, которымъ оно было уступлено Рахманиновымъ [3].

Это изданіе во всякомъ случаѣ вышло безъ вѣдома Рахманинова. Можно думать, что въ немъ принималъ участіе самъ Крыловъ: по крайней мѣрѣ Свѣшниковъ въ своихъ объявленіяхъ (напр., при „Стихотвореніяхъ Карабанова“, М. 1812) прямо указывалъ: „Почта духовъ, соч. критическое Нв. Крылова“. Такимъ образомъ, изда-

[1] См. приложеніе первое.

[2] СПБ. Вѣд. 1788, № 100, 15 декабря, объявленіе о „Почтѣ духовъ“ цѣна 5 р); Ibidem, 1789, № 79 (за вышедшую часть, январь — августъ, 1 р. 80 к.). Объявленіе „Моск. Вѣд.“ см. во II приложеніи.

[3] См. приложеніе I.

тель зналъ объ авторствѣ Крылова—конечно, съ его словъ. Крылову же, вѣроятно, принадлежатъ очень остроумное сокращеніе и приспособленіе предисловія къ новому изданію [1], чего, конечно, нельзя было бы ожидать отъ самого Свѣшникова.

Вопросъ объ участіи Крылова въ „Почтѣ духовъ", до новыхъ документальныхъ находокъ, или — никѣмъ еще до сихъ поръ не сдѣланнаго — тщательнаго сличенія содержанія и стиля „Почты духовъ" съ достовѣрными сочиненіями Крылова, Радищева, Рахманинова, Пельскаго, Н. Эмина, — можетъ быть рѣшенъ приблизительно такъ.

Бѣдный Крыловъ ничего не могъ внести на самое изданіе. Издержки всею тяжестью пали на Рахманинова. Крыловъ былъ душою дѣла, редакторомъ журнала, — во всякомъ случаѣ игралъ въ немъ первую роль.

По близкому совпаденію съ другими его сочиненіями ему несомнѣнно принадлежатъ письма Зора, Вѣстодава и Буристона. Отмѣченное нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ близкое совпаденіе 45-го письма Зора съ 48-мъ Боренда, помѣщенныхъ въ одномъ мѣсяцѣ, дѣлаетъ вѣроятной принадлежность Крылову — писемъ Ондина Боренда, чему не противорѣчатъ ни ихъ стиль, ни ихъ содержаніе.

Въ письмахъ остальныхъ духовъ мелькаютъ (отчасти отмѣченныя нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) выраженія и подробности, напоминающія произведенія Крылова. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ принадлежать ему, другія могли пройти черезъ его редакторскую работу. Вспомнимъ, что „Адскую Почту" велъ единолично Ѳ. Эминъ, хотя онъ упоминаетъ о матеріалахъ, которые ему доставлялись съ разныхъ сторонъ и которые онъ перерабатывалъ для своего изданія.

Разница въ содержаніи писемъ вообще и стилѣ писемъ сатирическихъ и философскихъ можетъ указывать какъ на разныхъ авторовъ, такъ и на вліяніе различныхъ темъ. Ее можно указать и въ сочиненіяхъ, безусловно принадлежащихъ Крылову. Только въ видѣ предположенія мы готовы

---

[1] Въ III приложеніи приведены мѣста предисловія 1 изд., пропущенныя во 2-мъ. Какъ уже было указано выше, остальной текстъ воспроизведенъ вторично почти точка въ точку, съ очень незначительными отмѣнами. Мы беремъ текстъ второго изданія.

высказать, что Выспренаръ Астарогъ и Дальновидъ очень напоминаютъ литературную манеру Радищева, Свѣтовидъ — скорѣе всего Рахманиновъ. Обоснованіе этой мысли мы оставляемъ пока до особаго изслѣдованія о „Почтѣ духовъ".

По нѣкоторымъ письмамъ могла пройти редакторская рука Крылова, — чѣмъ могутъ объясняться частичныя совпаденія съ его подлинными сочиненіями.

Затѣмъ, мы очень настаиваемъ на аргументаціи Грота [1]. „Читая „Почту духовъ", нельзя не признать, что... всѣ ея письма составляютъ одну картину, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣ же пріемы, одинъ языкъ [2], одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, — словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобъ такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами, но если и предположить это, то спрашивается, гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ. Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ „Почту Духовъ" за свой трудъ и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включать всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи „Почты Духовъ", Крыловъ называетъ себя секретаремъ ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ разными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извиняясь потомъ въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя „издателемъ сихъ листовъ", изданіе же ихъ называетъ „своимъ предпріятіемъ", и ссылается на свою „непривычность", или,

[1] „Труды", 270—271

[2] Съ этимъ нельзя согласиться.

другими словами, неопытность [1]. Въ такомъ же точно смыслѣ написано общее „Вступленіе“ къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ одномъ секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ „Почты Духовъ“.

Эти соображенія и заставили насъ перепечатать не отдѣльныя письма, а весь журналъ.

Приложеніе I.

1.

Условіе И. Г. Рахманинова съ московскими купцами Акоховымъ и Козыревымъ о продажѣ книжныхъ изданій [2].

1801 года ноября 6 дня. Мы нижеподписавшіеся, бригадиръ Иванъ Герасимовичъ Рахманинъ и московскіе купцы Трофимъ Евсѣевъ Акоховъ и Иванъ Акимовъ сынъ Козыревъ, заключили между собою условіе въ нижеслѣдующемъ: продалъ я, господинъ Рахманинъ, имъ, Акохову и Козыреву, принадлежащіе мнѣ оригиналы, съ которыхъ и печатано съ позволенія тогдашнихъ цензоровъ въ разныя времена и типографіяхъ, какъ то: еженедѣльное изданіе Утренніе Часы, въ 4 частяхъ, Извѣстіе о Россійскихъ дворянахъ, въ одной книгѣ, Мой спальной колпакъ, въ одной книгѣ, драма Альбертъ, въ одной книгѣ, Колесо счастія, въ одной книгѣ, Примѣръ матерямъ, въ одной книгѣ, Ненависть, побѣжденная любовью, въ одной книгѣ, Любовь Сафо и Фаона, въ одной книгѣ, ежемѣсячныя изданія Почты Духовъ, въ двухъ книгахъ, Ночныя мысли, Юнга, въ одной книгѣ, Королева Голкондія, въ одной книгѣ, Демиза и Евгенія, въ одной книгѣ, и изъ сочиненій г. Волтера, какъ то: Политическое завѣщаніе, въ одной книгѣ, Собраніе сочиненій, въ трехъ книгахъ, Аллегорическія и философическія сочиненія, въ одной книгѣ, Извѣстіе о болѣзни и исповѣди въ одной книгѣ. Цѣною договорились, ежели оныя будутъ одобрены нынѣ узаконенными цензурами къ напечатанію,

[1] Рахманиновъ въ 1789 г. былъ опытнымъ литераторомъ и журналистомъ. Въ предисловіи говорится объ издателяхъ. *В. К.*

[2] Извѣстія Тамбов. уч. арх. ком., XVIII, Тамбовъ, 1888, стр. 87–88.

то за сочиненія г. Волтера по осьми рублей, а прочія всѣ по семи рублей за печатный листъ въ осьмую долю листа, съ тѣмъ однако жъ, какія бы изъ оныхъ книги не были выбраны къ напечатанію, но какъ скоро начнемъ изъ оныхъ печатать, дать о томъ знать ему, господину Рахманину, сочтя, сколько въ ней будетъ листовъ, на таковую сумму воленъ онъ брать отъ насъ, Акохова и Козырева, книгами въ переплетѣ по публикованнымъ отъ насъ цѣнамъ и по каталогу нашему, или хотя какихъ книгъ нѣтъ въ каталогѣ, но у насъ будутъ въ лавкѣ въ продажѣ, давать всякія безотговорочно, и оное условіе сохранять намъ нерушимымъ: какъ ему господину Рахманину, означенныя книги ни подъ какимъ предлогомъ въ другія руки не передавать, такъ и намъ, Акохову и Козыреву, отъ означеннаго платежа ни подъ какимъ предлогомъ не отказываться...

2.

Довѣренность Рахманинова Осипову [1].

Государь мой, Николай Михайловичъ. Отъ московскихъ купцовъ Трофима Евсѣева сына Акохова и Ивана Акимова сына Козырева въ прошломъ 1801 г. заключенное со мною условіе о дачѣ имъ отъ меня привилегіи перепечатать на ихъ коштъ принадлежащіе мнѣ оригиналы нѣкоторыхъ въ томъ условіи означенныхъ книгъ и о прочемъ вручаю вамъ при семъ, покорно васъ прошу, по бытности вашей нынѣ въ Москвѣ, взять на себя трудъ въ силу онаго условія отъ вышеозначенныхъ купцовъ Акохова и Козырева потребовать счетъ, на какую сумму донынѣ по требованіямъ моимъ доставлено отъ нихъ ко мнѣ книгъ и при томъ сдѣлать разсчетъ въ слѣдующей мнѣ къ полученію отъ нихъ суммѣ и какъ за доставленныя отъ меня имъ печатныя прежняго изданія нѣкоторыя книги, такъ и за напечатанные донынѣ ими мои оригиналы, а такъ какъ донынѣ напечатано ими, Акоховымъ и Козыревымъ [2], изъ моихъ оригиналовъ извѣстныхъ мнѣ

---

[1] Ib., 88—89.

[2] По указанію П. П. Никольскаго, въ первые годы XIX в. Акоховъ торговалъ въ Москвѣ сначала съ Козыревымъ, потомъ подъ фирмою „Акоховъ и К°" далѣе съ Нѣмовымъ („Моск. Вѣд.", 1803, № 511; 1805, № 12). Между тѣмъ изъ предисловія ко второму изданію „Почты Духовъ" ясно, что издавалъ эту книгу (въ Петербургѣ) Сѣтниковъ, о чемъ, повидимому, Рахманиновъ не зналъ.

только два, а именно: Вольтеровыхъ сочиненій три части и Почта Духовъ двѣ части, прочія же остаются не печатанными, то ежели они, Акоховъ и Козыревъ, по какимъ-либо ихъ обстоятельствамъ къ печатанію оныхъ приступить не могутъ или и намѣренія не имѣютъ, то въ такомъ случаѣ должны бы были оное право предоставить другимъ желающимъ, и я бы чрезъ то не лишался слѣдующаго по сему условію моего интересу; буде же какъ они сами къ напечатанію оныхъ никогда не приступятъ, такъ и другимъ онаго права не предоставятъ, то чрезъ то и сдѣланное между нами условіе съ ихъ стороны выполнено не будетъ, почему и прошу васъ оныхъ купцовъ, Акохова и Козырева, къ выполненію сего условія во всѣхъ частяхъ согласить, чтобы я напрасно не лишался слѣдующаго мнѣ отъ сего прибытка, въ случаѣ же ихъ добровольнаго на то несогласія, куда будетъ слѣдовать, подать на нихъ, Акохова и Козырева, отъ имени моего прошеніе и къ оному вмѣсто меня руку приложить, коимъ просить къ выполненію даннаго обязательства ихъ понудить. Въ случаѣ же добровольнаго ихъ соглашенія на отдачу привилегіи на печатаніе прочихъ моихъ оригиналовъ другимъ желающимъ, то въ сдѣланіи о семъ условія съ тѣми желающими предоставляю вашему расположенію. И во всемъ ономъ я вамъ или вы отъ себя кому повѣрите, вѣрю, и что по сему вы или тотъ, кому вы повѣрите, учините, впредь спорить и прекословить не буду...

3.

Довѣренность жены Рахманинова кн. Н. М. Кугушеву [1].

Ваше сіятельство, милостивый государь мой, князь Николай Михайловичъ! По смерти покойнаго супруга моего, бригадира Ивана Герасимовича Рахманинова, по завѣщанію его осталась я и состою я полною опекуншею какъ у дѣтей моихъ, такъ и во всемъ его движимомъ и недвижимомъ имѣніи и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, но какъ покойнымъ супругомъ моимъ прошлаго 1801-го года ноября 6 дня за-

[1] По рукописной копіи (1808 г.) съ этой довѣренности (повидимому, 1802 г.), принадлежащей П. П. Никольскому. Печатается въ нашемъ изданіи впервые.

ключенъ былъ контрактъ съ московскими купцами, Тр. Евс. Акоховымъ и Нв. Акимовымъ сыномъ Козыревымъ, въ томъ, что покойный супругъ мой передалъ имъ печатаніе книгъ перевода его, какъ то: еженедѣльное изданіе „Утреннія часы“ въ четырехъ частяхъ, „Извѣстіе о россійскихъ дворянахъ“ въ одной книгѣ, „Мой спальной колпакъ“ въ одной книгѣ, „Уединенный кабинетъ“ въ одной книгѣ, „драма Альбергъ“ въ одной книгѣ, „Ненависть, побѣжденная любовію“ въ одной книгѣ, „Любовь Сафо и Фаона“ въ одной книгѣ, ежемѣсячныя изданія „Почта духовъ“ въ двухъ книгахъ, „Ночныя мысли Юнга“ въ одной книгѣ, „Королева голконская“ въ одной книгѣ, „Философическія рѣчи о человѣкѣ“ въ одной книгѣ, „Собраніе сочиненій“ въ трехъ частяхъ, „Аллегорическія и философическія сочиненія“ въ одной книгѣ, „Извѣстіе о болѣзни и исповѣди“ въ одной книгѣ, съ такимъ договоромъ, ежели оныя книги будутъ одобрены узаконенными цензорами къ напечатанію, то за сочиненіе г. Волтера получать по осьми рублей, а прочія всѣ по семи рублей за печатный листъ въ осьмую долю листа, съ тѣмъ однакожъ, какія бъ изъ оныхъ книгъ ни были выбраны къ напечатанію, и коль скоро начнутъ изъ оныхъ печатать, дать о томъ знать покойному супругу моему, сочтя, сколько въ ней будетъ листовъ, на таковую сумму чтобъ брать отъ нихъ, Акохова и Козырева, книгами въ переплетѣ по публикованнымъ отъ нихъ цѣнамъ и по каталогу ихъ, а если и въ каталогѣ не будетъ, а будутъ у нихъ въ лавкахъ въ продажѣ, то давать безоговорочно; но прошло уже тому не малое время, какъ покойный супругъ мой при жизни, а по смерти его и я никакого отъ нихъ, Акохова и Козырева, извѣстія не получали, и, можетъ, они уже и книги, имъ переданныя, печатали безо всякаго по заключенному контракту удовлетворенія насъ заплатою, то покорно прошу васъ принять на себя трудъ, найдя оныхъ купцовъ Акохова и Козырева по жительству ихъ въ Москвѣ, по вышеписаннымъ обстоятельствамъ истребовавъ на печатаніе оныхъ книгъ заключенный контрактъ, отобравъ, оной уничтожить и печатаніе оныхъ имъ запретить; въ случаѣ невозвращенія онаго ими объ ономъ принесть вамъ жалобу, гдѣ слѣдуетъ, въ присутственномъ мѣстѣ, а равно, если сколько какихъ книгъ ими уже напечатано, то учинить съ нихъ въ силу контракта взыска-

ніе: по уничтоженію жъ онаго, если случатся охочіе къ напечатанію оныхъ книгъ люди на таковомъ же положеніи, какъ заключенъ былъ контрактъ съ оными Акоховымъ и Козыревымъ, то также прошу васъ на таковомъ же положеніи заключить отъ имени моего съ ними контрактъ о напечатаніи оныхъ, къ оному вмѣсто меня руку приложить и записать оной, гдѣ по законамъ слѣдовать будетъ, или какъ вы сверхъ онаго заблагоразсудите, отдаюсь на ваше благоразсужденіе, чѣмъ вы меня одолжите; для лучшаго ихъ удостовѣренія при семъ вамъ копію съ заключеннаго контракта съ покойнымъ супругомъ моимъ вышеназванными купцами Акоховымъ и Козыревымъ за ихъ подписаніемъ при семъ вамъ доставляю, и что вы по оному учините, впредь спорить и прекословить не буду ...

Приложеніе II.

„Въ книжныхъ лавкахъ близъ Кузнецкаго моста у книгопродавца Зандмарка и на Покровкѣ у книгопродавца Миллера принимается подписка на выходящее вновь съ генваря мѣсяца сего 1789 года ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ: „Почта духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами". Издатель онаго въ объявленіи своемъ увѣдомляетъ, что онъ служитъ секретаремъ у сего недавно пріѣхавшаго сюда арабскаго волшебника, имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь инкогнито, почему и намѣренъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина, и увѣряетъ, что изданіе сіе будетъ любопытно для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водой, подъ землей и по воздуху; что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе, и что самъ Маликульмулькъ, человѣкъ пресамолюбивый, который всегда говоритъ хорошо только о себѣ, - отзывается иногда объ нихъ не худо и сказываетъ, будто многіе изъ нихъ очень добрые духи; но только иные не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и отъ того де они никакъ не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми, а ходятъ въ немъ невидимыми, и бываютъ иногда такъ

дерзки, что посѣщаютъ иногда въ самые критическіе часы комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣрныхъ и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и пр., и пр., чѣмъ де многія дѣлаютъ безпокойства въ любовныхъ интригахъ и плутовствахъ, а потому нѣтъ почти ни одной новопріѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы ни подавала на нихъ челобитную Плутону, или бы черезъ него не пересылала ихъ къ Нептуну, не могущимъ однако жъ со всей своей властью унять сихъ шалуновъ. Итакъ г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ проступокъ; однакожь признается, что онъ симъ похищеніямъ и входамъ безъ доклада обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатка. Вотъ что объявляетъ секретарь ученаго, премудраго и богатаго Маликульмулька и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ не имѣетъ достаточнаго числа денегъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то проситъ почтенную публику, чтобы желающіе читать и получать ежемѣсячно издаваемое имъ собраніе сихъ писемъ благоволили въ вышеобъявленныхъ мѣстахъ подписываться, заплатя напередъ деньги за каждый экземпляръ на цѣлый годъ на александрійской бумагѣ по 9, на любской по 8, на простой по 7 рублей съ пересылкой" [1].

Приложеніе III.

Мѣста изъ предисловія къ первому изданію „Почты Духовъ", не вошедшія во второе.

Повторять здѣсь извѣстіе, выданное о семъ изданіи было бы излишнимъ, если бы не удостовѣрять самый опытъ, что подобные листки большею частью бываютъ утрачиваемы, почему за небезполезное почтено въ началѣ самаго изданія помѣстить оное, дабы каждый изъ читателей могъ имѣть предметъ издаваемой переписки сначала въ своемъ родѣ волшебника, съ нѣкоторою притомъ, по случившимся об-

---

[1] „Очерки исторіи новой русской литературы" А. К[illegible] Спб. 1858 г., стран. 24 – 25. (Изъ „Моск. Вѣд." 1758 г., стр. [illegible]

стоятельствамъ, противъ выданнаго извѣстія нужною для свѣдѣнія перемѣною....

.... проситъ почтенную публику, чтобы желающіе читать и получать ежемѣсячно издаваемое имъ собраніе сихъ писемъ благоволили подписываться въ С.-Петербургѣ въ Луговой Милліонной подъ № 77 въ книжной лавкѣ книгопродавца Миллера, заплатя напередъ деньги: за каждый экземпляръ годичнаго изданія на александрійской бумагѣ по 7 рублей, на любекой по 6 р., а на простой комментарной по 5 р. Въ Москвѣ же въ его Миллеровой лавкѣ, состоящей на Покровкѣ въ 5 части во 2 кварталѣ въ домѣ г. бригадира князя Голицына, а въ другихъ городахъ у губернскихъ г. почтмейстеровъ, съ пересылкою какъ въ Москву, такъ и во всѣ другіе города противъ вышеозначеннаго двумя рублями дороже, т. е. на александр. бум. по 9, на любой по 8, на простой по 7 р. Ежели же кому будетъ угодно отозваться прямо чрезъ СПБ. почтамтъ къ самимъ издателямъ [1], со вложеніемъ денегъ и съ означеніемъ своихъ именъ, откуда и будетъ имъ доставляемо. Имена подписавшихся будутъ припечатываемы при каждой части, которыя состоять будутъ изъ четырехъ мѣсяцевъ [2]. Подписка же на сіе изданіе продолжится во весь годъ.

Сверхъ того, тотъ же секретарь ученаго Маликульмулька говоритъ: слухъ де носится, что нѣкоторые изъ издателей собираютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними [3], не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то втеченіе изданія прерываютъ оныя, и тѣмъ не выполняютъ своихъ обѣщаній, ни мало не страшася справедливаго порицанія публики, хотя, впрочемъ, и не слышно, чтобъ имѣли они сильное покровительство волшебниковъ, а потому де онъ, издатель сихъ листовъ какъ своимъ секретарскимъ именемъ, такъ тѣмъ, что служитъ у знатнаго волшебника, и паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца къ первому числу генваря и очень можетъ быть подозрителенъ, то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ, въ противность секретарей всего свѣта, не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, и, если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ.

---

[1] Рахманиновъ и Крыловъ? Дальше — издатель сихъ листовъ

[2] Вышло только 2 части. Подписчиковъ было 79.

[3] См. „Утренніе часы", 1788, I.

Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ гадательной наукѣ, отчего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ, но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца [1] во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку.

---

[1] Отсюда можно видѣть, что первый номеръ вышелъ въ концѣ января.

Предувѣдомленіе.

Секретарь недавно пріѣхавшаго сюда арабскаго волшебника Маликульмулька, имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшеным домамъ[1] и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь инкогнито, симъ объявляетъ, что онъ напечаталъ переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина съ водяными, воздушными и подземными духами. Книга сія очень любопытна для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ — всѣ духи очень знающіе, и что самъ Маликульмулькъ — человѣкъ пресамолюбивой, которой всегда говоритъ хорошо голько о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо и сказываетъ, будто многіе изъ нихъ очень добрые духи; но только иные не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и оттого де они никакъ не могутъ и ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми, почему ходятъ въ немъ невидимыми и бываютъ иногда такъ дерзки, что въ самые критическіе часы посѣщаютъ комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ

[1] Дома сумасшедшихъ.

вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и проч., — чѣмъ де многія дѣлаютъ безпокойства въ интригахъ и плутовствахъ. А потому нѣтъ почти ни одной новопріѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы ни подавала на нихъ челобитной Плутону или бы черезъ него ни пересылала ихъ къ Нептуну, не могущимъ однакожъ со всею своею властію унять сихъ шалуновъ. Итакъ, Г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ, однакожъ признается, что онъ симъ похищеніямъ и входамъ безъ докладу обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатку.

Вотъ что объявляетъ Секретарь ученаго, премудраго и богатаго Маликульмулька и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ напечаталъ сіи письма въ долгъ [1], ибо де мѣсто Секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно, то проситъ почтенную публику, чтобы желающіе имѣть и читать оныя, благоволили присылать деньги за всѣ четыре части 5 руб. въ пакѣ, въ Санктпетербургъ, въ книжную лавку Свѣшникова, подлѣ № 3, у Католической церкви.

---

[1] Въ первомъ изданіи: „не имѣетъ достаточнаго числа денегъ для напечатанія сихъ писемъ". Въ обоихъ случаяхъ фразы относятся скорѣе къ Крылову, чѣмъ къ Рахманинову.

Вступленіе.

Стужа, дождь и вѣтеръ, соединясь, самый лучшій день изо всей осени дѣлали самымъ несноснымъ для пѣшеходцевъ и скучнымъ для разъѣзжающихъ въ великолѣпныхъ экипажахъ. Грязь покрывала всѣ мостовыя, —но грязь, которая своимъ цвѣтомъ не такъ, какъ парижская догадливымъ французамъ, не приносила новой дани намъ отъ Европы, а дѣлала только муку щеголямъ, у которыхъ, какъ будто въ насмѣшку парижскимъ и лондонскимъ модамъ, вѣтръ вырывалъ изъ рукъ парасоли [1], портилъ прическу головъ и давалъ волю дождю мочить ихъ кафтаны и модныя пуговицы. Всѣ торопились добраться до домовъ, и многіе бранили себя, что, понадѣясь на календарь, вышли въ хорошихъ нарядахъ.

Въ такое то прекрасное время возвращался я отъ Его Превосходительства господина Пустолоба, къ которому осьмой мѣсяцъ хожу по одному моему дѣлу, и которой мнѣ во сто пятнадцатой разъ очень учтиво сказалъ, чтобъ я пожаловалъ къ нему завтра. Лестное приказаніе изъ устъ вельможи, если оно говорится во сто пятнадцатой разъ! Что до меня, то я, возвращаясь отъ него, бранилъ сквозь зубы его, всѣ дѣла на свѣтѣ, самого себя и про-

[1] Зонтики.

клятое завтра, для котораго всякой день я должень быль переходить пѣшкомъ добрую италіянскую милю.

Ненастье умножалось, я былъ бѣденъ, а потому имѣть мало знакомыхъ и перепутій; но, къ счастію, увидѣлъ старой развалившійся деревянной домъ, въ которомъ (почитая его пустымъ) не думалъ никого обезпокоить своимъ посѣщеніемъ: и подлинно, это были пустыя хоромы, гдѣ я нашелъ убѣжище отъ дождя; но не нашелъ его отъ безпокойныхъ моихъ мыслей.

— Какъ! — говорилъ я самъ въ себѣ, — есть такіе люди, которые имѣютъ богатой доходъ, великолѣпной домъ, роскошной столъ за то только, что всякой день нѣсколькимъ моимъ братьямъ бѣднякамъ учтиво говорятъ: придите завтра, думая имъ этимъ дѣлать великое одолженіе! О! что до меня, то я клянусь, что въ-послѣднее имѣть честь быть въ прихожей Его Превосходительства. Пусть легковѣрные просители изо всѣхъ улицъ сходятся или съѣзжаются, на дрожкахъ, въ каретахъ, пѣшкомъ и на костыляхъ, слушать его учтивые пожалуйте завтра, а я скорѣе соглашусь умереть съ голоду въ своемъ шалашѣ, нежели замерзнуть въ его прихожей. Лучше имѣть дѣло съ чертями или съ колдунами, нежели съ безтолковыми ...

— Конечно,—сказалъ мнѣ нѣкто, — если ты обѣщаешься мнѣ усердно служить, то увидишь, что колдуны и черти не столь вѣроломны, какъ о нихъ думаютъ, и что, по крайней мѣрѣ, ни отъ котораго изъ нихъ ты не услышишь по одному дѣлу сто пятнадцать разъ завтра.

Я оборотился назадъ, чтобъ увидѣть, отъ кого былъ сей голосъ; но въ какой пришелъ ужасъ,

увидя старика съ сѣдою бородою, большого роста, въ нѣкоторомъ родѣ шапки конической фигуры; въ платьѣ, усѣянномъ звѣздами; въ поясѣ, на которомъ изображены были двѣнадцать знаковъ Зодіяка! Въ рукахъ онъ имѣлъ трость, которая была очень хорошо свита, по подобію нашихъ модныхъ соломенныхъ тросточекъ, изъ трехъ вѣтвей: изъ черной, красной и зеленой; на шеѣ, какъ щеголеватая красавица, имѣлъ онъ повѣшенной нѣсколько заржавѣлой желѣзной медальонъ на цѣпочкѣ того же металла, которой отнакожъ цѣнилъ онъ дороже всѣхъ европейскихъ медальоновъ вмѣстѣ. По всему этому наряду нетрудно было мнѣ догадаться, что это волшебникъ, а испужаться еще легче, для того, что я съ природы труслівъ и съ младенчества боюсь чертей, колдуновъ, пьяныхъ подлячихъ, злыхъ вельможъ, и проч., и проч., и проч.

— Милостивый государь! — сказалъ я ему, весь въ страхѣ,—благодарю васъ за предложеніе, но ...

— Я вижу, — прервалъ онъ, — что я тебѣ кажусь нѣсколько непригожъ, и что ты меня боишься.

— Признаюсь, сударь, — отвѣчалъ я ему, — что я, въ первой разъ видя вашъ мундиръ, не могу удержаться отъ страха; конечно, вы иностранецъ, а, можетъ быть, и житель того свѣта.

— Я Маликульмулькъ, — отвѣчалъ онъ, — и ремесломъ волшебникъ; имя мое извѣстно во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта: въ воздухѣ, въ водѣ и въ землѣ; у меня въ нихъ есть довольно пространныя владѣнія, и если ты примешь на себя названіе моего секретаря, то я отвезу тебя въ свой увеселительной домъ, находящійся въ Харибдѣ [1], и

[1] Олицетвореніе водоворота въ Сицилійскомъ проливѣ.

оттуда пройдемъ мы богатою подземною галлереею въ великолѣпныя мои палаты, стоящія подъ горою Этною.

— Государь мой! — отвѣчалъ я, — это не лучшій способъ склонять въ свою службу людей съ тѣмъ, чтобъ ихъ изжарить или утопить: правда, у насъ иногда секретарей морятъ съ голоду, но по крайней мѣрѣ принимаютъ ихъ всегда съ хорошими обѣщаніями.

— Не опасайся, мой другъ, — отвѣчалъ Маликульмулькъ, — ты увидишь, что въ моихъ домахъ такъ же весело и спокойно, какъ въ самыхъ богатыхъ вашихъ чертогахъ, и ничуть не жарко, такъ что одинъ изъ вашихъ философовъ, тому уже нѣсколько вѣковъ назадъ, вступилъ въ мою службу управителемъ дома подъ Этною [1]. Я думаю, вы всѣ того мнѣнія, что онъ сгорѣлъ; а вмѣсто того ему тамъ такъ показалось прохладно, что онъ выбросилъ назадъ оттуда свои туфли, и нынѣ живетъ у меня очень спокойно; смотритъ за моимъ домомъ и за библіотекою, которую я уже девять тысячъ лѣтъ собиралъ. Онъ дѣлаетъ критическія замѣчанія на всѣхъ древнихъ и новыхъ философовъ, на всѣ секты и на всѣ науки, которыя, можетъ быть, скоро выдутъ въ свѣтъ. Итакъ, ты видишь, что еслибы было ему жарко, то бы онъ, конечно, не принялся за такую безпокойную работу, отъ которой можно вспотѣть и въ самой Гренландіи. Я тебѣ обѣщаю не меньше выгодное содержаніе, и дамъ тебѣ свободу жить, гдѣ ты ни пожелаешь".

Съ симъ уговоромъ согласился я вступить въ службу почтеннаго Маликульмулька, и, не хотя перемѣнять жилища, выбралъ къ тому сей городъ.

---

[1] Погибшій въ кратерѣ Этны философъ Эмпедоклъ. (V вѣкъ до Р. Хр.).

— Еслибы, — сказалъ я ему, — былъ у васъ также и здѣсь какой-нибудь увеселительной домъ, то бы я съ охотою согласился въ немъ вамъ служить. Пожалуйте, господинъ Маликульмулькъ, — продолжалъ я, — купите себѣ здѣсь какой-нибудь домъ, только, прошу васъ, на истинныя, а не на волшебныя деньги, для того, что здѣсь профессоровъ этой науки очень не любятъ и часто сѣкутъ розгами или сажаютъ въ бѣшеной домъ, да и мнѣ, новому вашему секретарю, отъ того не безопасно, ибо здѣсь живутъ люди, а не волшебники, имъ очень не мудрено сдѣлать ошибку и высѣчь одного вмѣсто другого.

— Не опасайся, — сказалъ мнѣ волшебникъ; — мы будемъ веселиться и не будемъ подвержены никакой опасности; я имѣю здѣсь нѣсколько увеселительныхъ домовъ въ самомъ городѣ, и тотъ, въ которомъ мы теперь, изъ самыхъ лучшихъ.

— Какъ! — вскричалъ я съ удивленіемъ, — вы шутите: я не знаю, какъ для васъ, а для меня домъ съ проваливающеюся кровлею, съ развалившимися печами, съ худыми полами и съ выбитыми окнами въ ненастное время ничуть не кажется увеселительнымъ; этотъ домъ годенъ только на дрова, въ немъ не согласится жить и сторожъ академической библіотеки.

— Ты иного будешь мнѣнія о моемъ богатствѣ, — сказалъ Маликульмулькъ, когда увидишь сей домъ хорошими глазами".

Тогда онъ полою своей епанчи потеръ мои глаза. Въ какое жъ послѣ сего пришелъ я удивленіе, увидя себя въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ! Золото и серебро блистали повсюду; картины, рѣзьба, зеркала придавали великолѣпный видъ симъ комнатамъ, которыя за минуту предъ

тѣмъ казались мнѣ пустыми сараями; словомъ, пышность сего дома могла поравняться съ пышностію первѣйшихъ дворцовъ въ Европѣ.

— Вотъ что я тебѣ дарю, — сказалъ мнѣ милостивый Маликульмулькъ. Я благодарилъ его такъ, какъ могъ, и обѣщалъ исполнять нерушимо его повелѣнія.

— Позволь, мой благодѣтель!—вскричалъ я, — чтобъ въ сію же минуту позвалъ я къ себѣ обѣдать нѣкоторыхъ изъ богатыхъ и гордыхъ моихъ знакомцевъ, которые ставили великимъ одолженіемъ, когда удостоивали меня своею бесѣдою, скучною для меня такъ же, какъ для нихъ скучны философическія книги или, лучше сказать, какъ для соннаго судьи приказъ.

— Я тебѣ никогда не совѣтую этого дѣлать, — отвѣчалъ волшебникъ, — для нихъ комнаты сіи ничуть не перемѣнили своего вида и покажутся такими же, какими онѣ досель тебѣ казались; съ помощію только моей епанчи, надъ которою я трудился три тысячи лѣтъ, могли бы они видѣть ихъ такими, каковы онѣ есть. но я не хочу всему городу насильно протирать глаза: оставь, другъ мой, думать людей, что ты бѣденъ и наслаждайся своимъ богатствомъ.

— Ахъ! я вижу, что оно мечтательное, — вскричалъ я съ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, — все, что ты видишь, очень истинно; перипатетизмъ[1] одинъ можетъ заставить почитать несчастіемъ самое блаженство. Почему ты предпочитаешь тѣ комнаты, которыя искусствомъ людей сдѣланы въ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ, которыя я дѣлаю въ одну минуту? Если я властію моею могу этотъ

[1] Здѣсь въ смыслѣ скептической философіи вообще.

домъ привести въ прежній свой видъ, то время не можетъ ли разрушить также очарованіе самыхъ лучшихъ художниковъ и превратить обработанныя ими вещи въ первобытное состояніе, которое будетъ небольшая кучка земли? Правда, люди всѣ будутъ думать, что ты не богатъ, но съ первѣйшими богачами не то ли же случается? Они и сами иногда почитаютъ себя бѣдными, а философы почитаютъ ихъ нищими, и эти люди умнѣе тѣхъ, которые имъ приписываютъ названіе богачей; все богатство Креза не могло увѣрить Солона, что Крезъ былъ богатъ, а Солона бы и нынѣ не посадили въ бѣшеной домъ [1], хотя бы, можетъ быть, и заставили его быть помолчаливѣе[2]. Итакъ, ты видишь, что истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другіе о немъ думаютъ, но по тому, какъ онъ самъ почитаетъ.

— Такъ поэтому,—отвѣчалъ я,—долженъ я питаться пустою мыслію, что я богатъ, между тѣмъ какъ, можетъ быть, стою здѣсь по колѣни въ грязи, въ пустыхъ покояхъ и мерзну отъ стужи и отъ вѣтровъ.

— Чувствуешь ли ты это?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ — отвѣчалъ я.

— Такъ поэтому, — продолжалъ онъ, — ты глупо сдѣлаешь, когда это будешь воображать, а какъ ты боишься бѣдности, то вотъ тебѣ деньги, —сказалъ онъ, выдвигая большой изъ стола ящикъ съ самыми полновѣсными червонцами.

— О! теперь то я богатъ, — говорилъ я съ восхищеніемъ, принимая деньги.

---

[1] Домъ сумасшедшихъ.

[2] Солонъ сказалъ Крезу, что, несмотря на все его богатство, не можетъ считать его счастливымъ, такъ какъ завистливые къ человѣческому счастію боги всегда могутъ его погубить.

— Да знаешь ли, что онѣ такое? — говорилъ онъ: это изрѣзанные кружками бумажные обои.

— Господинъ волшебникъ! — сказалъ я съ сердцемъ, — не этою ли негодною монетою даешь ты своимъ секретарямъ жалованье? Я сойду съ ума прежде, нежели соглашусь принять твои бумажныя вырѣзки за наличное золото.

— Не опасайся, — отвѣчалъ онъ,—я съ тобою только пошутилъ: я ненавижу обмановъ и не буду тебѣ платить обоями, вмѣсто денегъ; въ этомъ домѣ тебѣ въ нихъ и нужды не будетъ, старайся только рѣже изъ него выходить, ибо, какъ скоро ты выдешь на улицу, то очарованіе въ глазахъ твоихъ исчезнетъ.

Послѣ сего намъ собрали на столъ; мы очень хорошо обѣдали, и я, по привычкѣ спать послѣ обѣда, легъ на самую мягкую постель, какою бы и самая богатая духовная особа не погнушалась, а Маликульмулькъ пошелъ въ свой пребогатой кабинетъ, которой за часъ казался мнѣ разломаннымъ курятникомъ.

Прежде, нежели заснулъ, дѣлалъ я тысячу разныхъ разсужденій, остаться ли мнѣ въ новомъ моемъ званіи, котораго еще не зналъ должности, и быть ли довольну мнимымъ своимъ богатствомъ. „Что“— думалъ я самъ въ себѣ, „если я ѣлъ только черствыя корки гнилова хлѣба, тогда, когда казалось мнѣ, что утоляль свой голодъ вкуснѣйшими пищами, и почиталъ Маликульмулькова повара искуснѣе всякаго француза? И что, если въ самую сію минуту лежу я на голыхъ и на мокрыхъ доскахъ, между тѣмъ какъ воображаю, что лежу на мягкихъ пуховикахъ, которые бы могли сдѣлать честь кровати и богатѣйшихъ восточныхъ государей? Не смѣшно ли будетъ, когда за это буду я отправлять тяжелую

секретарскую должность? Но надобно и въ томъ признаться, что я совершенно доволенъ. Пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ, что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ. Правда, всякой станетъ такому мнѣнію смѣяться: не смѣшно ли бы было, когда бы меня посадили въ великолѣпную тюрьму и называли бы меня свободнымъ, но не позволяли бы мнѣ выходить изъ комнаты ни на три шага, а, между тѣмъ, весь бы свѣтъ думалъ, что я счастливѣйшій смертный, — былъ ли бы я отъ того подлинно счастливъ? Нѣтъ, конечно; поэтому и нынѣ я не буду бѣденъ оттого, когда меня почитать такимъ будутъ". Итакъ, я рѣшился остаться въ семъ домѣ, а, сверхъ того, названіе секретаря льстило меня новыми доходами, ибо я слыхалъ, что оно очень прибыльно, и что всѣ секретари истинно богаты, не выключая изъ того числа и секретарей Академіи[1].

Итакъ, выспавшись спокойно, не такъ, какъ секретарь, которой еще исполняетъ сіе званіе, и отъ времени до времени боится, чтобъ не быть ему повѣшену, но такъ, какъ секретарь, которой, наслаждясь уже выгодами онаго, вышелъ въ отставку, пользуется плодами плутовства, не страшится болѣе висѣлицы и спитъ спокойно, не воспоминая о своихъ челобитчикахъ. Выспавшись, говорю, такимъ образомъ, всталъ я съ моей пышной постели (а, можетъ быть, и съ голыхъ досокъ), вошелъ въ кабинетъ Маликульмулька исполнять его повелѣнія, и онъ въ короткихъ словахъ объявилъ мнѣ мою должность.

— Я,—говорилъ онъ,—своими знаніями пріобрѣлъ нѣсколькихъ друзей, которые живутъ въ разныхъ

---

[1] Вѣроятно, какой-нибудь современный намекъ.

частяхъ свѣта, близъ моихъ владѣній, а какъ помѣстья мои отсюда очень не близки, то утѣшаюсь тѣмъ, что, не видя ихъ, получаю отъ нихъ письма, и самъ отвѣчаю имъ на оныя; но какъ мнѣ ужъ тринадцать тысячъ лѣтъ, и, слѣдственно, въ такихъ пожилыхъ годахъ иногда склонень я къ лѣни, то ты долженъ будешь писать то, что я тебѣ буду сказывать, и читать мнѣ ихъ письма. Я позволяю тебѣ списывать и для себя тѣ, которыя тебѣ понравятся, прочее жъ время все въ твоемъ распоряженіи.

— Почтенный Маликульмулькъ! — говорилъ я ему, — когда вы позволяете мнѣ списывать ваши письма, то позвольте ихъ также и издавать въ свѣтъ, и тѣмъ увѣрить моихъ соотчичей, что я имѣлъ честь быть вашимъ секретаремъ, которые безъ сего доказательства почтутъ сію исторію сказкою, какъ обыкновенно привыкли называть невѣроятныя дѣла, а, можетъ быть, посадятъ меня и въ домъ сумасшедшихъ.

Сверхъ того, — говорилъ я ему, что, служа у него въ секретарскомъ чинѣ, я ничѣмъ инымъ не буду пользоваться, кромѣ своего жалованья, для того, что у него ни подрядовъ, ни откуповъ, ни поставокъ никакихъ нѣтъ, и мнѣ будетъ стыдно сказать, что я, бывъ секретаремъ у такого знатнаго человѣка, ничѣмъ не поживился, между тѣмъ какъ нѣкоторые секретари самыхъ послѣднихъ мѣстъ, съ помощію хорошей экономіи, получая по 450 рублевъ въ годъ жалованья, проживаютъ ежегодно по 12000 рублевъ и строятъ себѣ очень порядочные каменные домы. Господинъ ворожея говорилъ мнѣ, что онъ здѣсь расположенъ жить инкогнито, однакожъ я ему доказалъ,

что лучше быть славнымъ, нежели невѣдомымъ, — и говорилъ ему, что самъ Цицеронъ радовался когда нѣкто изъ стихотворцевъ зачалъ описывать его дѣла; что Сенека говорилъ, что онъ не для чего другого учился философіи, какъ только для того, чтобъ люди это знали, и что самъ господинъ Эмпедоклъ, управитель его увеселительнаго дома, изволилъ соскокнуть къ нему для того, чтобы быть славнымъ.

Маликульмулькъ смѣялся симъ мнѣніямъ и, наконецъ, для меня склонился, чтобъ его и пріятелей его письма были издаваемы въ свѣтъ. Я было намѣренъ былъ попросить у него на то и денегъ, но опасался, чтобъ онъ мнѣ не далъ изрѣзанныхъ обоевъ вмѣсто червонцевъ, а я столько люблю всѣхъ своихъ земляковъ, особливо же типографщиковъ [1], что никогда не намѣренъ обмануть ихъ столь безстыднымъ образомъ. Итакъ, рѣшился лучше деньги на расходъ типографіи для изданія сихъ писемъ занять отъ читателей, нежели выпустить такія деньги, за которыя бы я, какъ не имѣющій законнаго права, ни власти выдавать фальшивыхъ денегъ и, какъ секретарь Маликульмульковъ, долженъ былъ отвѣчать, между тѣмъ какъ онъ спокойно бы по воздуху, по водѣ или по землѣ уѣхалъ въ свои владѣнія

[1] Рахманинова?

Часть первая.

Письмо I.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый Маликульмулькъ, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому ли, или древнему Римскому; а, можетъ быть, ты и того мнѣнія, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ, но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются. Итакъ, лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ!

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію Прозерпининну. Плутонъ съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія; вдругъ предстала предъ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдной Плутонъ оледенѣлъ, увидя ее въ семъ нарядѣ. Мы сами нѣсколько

оторопѣли. Нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: „конечно, она сошла съ ума“, а другіе кричали во все горло: „богиня еще прекраснѣе!“ Но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ все это кончится.

— Здравствуй, мой ангель!—сказала, подошедъ къ своему мужу, Прозерпина и присѣла передъ нимъ два раза.—Признайся,—продолжала она,—что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! каково тебѣ кажется это платье, эта чоска, эта шляпка, эти высокенькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?.

— Другъ мой!—говорилъ, почти всхлипывая, бѣдной Плутонъ,—что тебѣ сдѣлалось? ... Здорова ли ты? ... Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная Прозерпина! опомнись, что ты! Ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятой свѣтъ! Я предчувствовалъ ...

— Какъ зачѣмъ? — перехватила рѣчь его Прозерпина, — знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать: посмотри, какъ чисто дѣлаю я аглинскія па въ контрдансѣ.

Въ минуту подхватила она близъ ея стоящаго Сократа и принудила его попрыгать съ собою аглинскія прогулки[1]; Діогенъ хохоталъ во все горло и говорилъ, что эго прекрасная пара, а Плутонъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать. Онъ шепнулъ тихонько Цицерону, не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. Цицеронъ подошелъ къ ней со всею важностію, достойною римскаго оратора и сенатора.

---

[1] Танецъ.

А! здравствуй, тѣтушка,—сказала она ему,—послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ ужесть хочется, чтобъ ты ее исполнилъ: напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ, ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить: твои филиппическія рѣчи стоили тебѣ головы, а за эту рѣчь, о которой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды фракомъ и англинскимъ гаритуромъ [1] пряжекъ. Признайся, что это очень щедрая плата.

— Богиня! — сказалъ Цицеронъ, могу ли я вѣрить своимъ глазамъ, чтобъ ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которыя едва живыми назваться могутъ?

— О! ты скучишь своими нравоученіями, жизнь моя, — отвѣчала Прозерпина, — оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы сыскать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшатъ судьбу ученыхъ людей.

— Богиня, — говорилъ Цицеронъ, сія вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ и двадцать разъ быть удавленъ, по приказанію новыхъ Антоніевъ [2], нежели видѣть такую страшную перемѣну.

— Ты не повѣришь, отвѣчала Прозерпина, — въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного Катона, ни Юлія, ни Брута, ни древняго Тарквинія; но, еслибъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ

[1] Подборомъ.

[2] Цицеронъ былъ казненъ по приказанію Антонія.

оперы Буффо[1], то бы ты сдѣлался театральнымъ Буффономъ.—Жизнь моя!—продолжала она, оборотясь къ Плутону, которой смотрѣлъ на нее, вытаращя глаза,—сдѣлай милость, заведи здѣсь оперной театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ.

— Богиня! — вскричалъ съ сердцемъ Плутонъ, — ты, наконецъ, досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями и сама не знаешь, что хочешь дѣлать.

— Выбрить тебѣ бороду, радость моя,—отвѣчала съ нѣжностію Прозерпина, и нарядить тебя во французской кафтанъ. Ахъ! ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мужчины съ выбритыми бородами! Я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные Нарцисами и Адонисами[2], и увѣрена, что ты съ выбритою бородою такъ же прекраснъ будешь, какъ Ганимедъ[3]; прибавь же къ тому французской кафтанъ, тупей[4] алакроше[5], модныя пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины такъ стали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными въ глазахъ женщинъ и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе тѣхъ старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили, но увидишь маленькія прекрасныя шпажки, которыя, ничуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе и включены въ число *галантерейныхъ* вещей. — Да, въ число *галантерейныхъ* вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ Аглинскихъ магазинахъ.

Представь, мудрый Маликульмулькъ, каково было

[1] Комическая опера.
[2] Красавцами.
[3] Сынъ троянскаго царя, за красоту похищенный богами на Олимпъ
[4] Накладка на го.овѣ изъ волосъ.
[5] Боковой локонъ. накладная букля.

для насъ видѣть такое сумосбродство! Радамантъ, Эакъ и Миносъ[1] жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность, и чтобъ не треснуть отъ смѣха; самъ Плутонъ половину плакалъ и половину смѣялся; однакожъ ничѣмъ не могъ уговорить Прозерпину, чтобъ скинула она свое фуро[2], а особливо, чтобъ испортила прическу своей головы.—„Какъ!—говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами! Въ такое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя французскаго парикмахера! Нѣтъ, если ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портного и купца съ галантерейными вещами, а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ.“

Плутонъ морщился, сердился, смѣялся, но, наконецъ, долженъ былъ согласиться на ея требованіе.

Кого же, бы ты думалъ, выбрали доставить такихъ подобныхъ людей? ... Меня, ученый Маликульмулькъ! Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго Прозерпины. Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро, можетъ быть, увѣдомлю тебя, чѣмъ это кончится.

Письмо II.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Два дни тому назадъ, мудрый и ученый Маликульмулькъ, какъ по утру очень рано пролеталъ я чрезъ Парижъ, гдѣ, рано взлетѣвъ на самой верхъ одной

---

[1] Адскіе судьи.
[2] Дамскій уборъ.

колокольни, сѣлъ тамъ на нѣсколько времени для отдохновенія, ибо я тогда чрезвычайно усталъ, облетѣвъ, менѣе нежели въ двѣнадцать часовъ, около пяти сотъ миль, и притомъ еще долженъ былъ столько же пролетѣть до того мѣста, куда предпріялъ я свое путешествіе. Сидя наверху сей колокольни, обозрѣвалъ я обширное пространство всего города, и тогда пришла мнѣ въ голову та же мысль, которая заставила нѣкогда Ксеркса проливать слезы. „Когда я помышляю“, говорилъ сей Монархъ, осматривая свои войска, „сколь кратка жизнь человѣческая, тогда прихожу въ крайнее смущеніе отъ соболѣзнованія и не могу отъ слезъ воздержаться, что изъ сихъ многихъ милліоновъ людей, стоящихъ теперь предъ моими глазами, чрезъ сто лѣтъ ни одного въ живыхъ не останется“.— „Ежели бы всѣ люди,“ говорилъ я самъ въ себѣ, „обитающіе въ семъ городѣ, помышляли о своей плачевной участи и о концѣ своей жизни, котораго вскорѣ ожидать они долженствуютъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, скоро вышли бы они изъ своего заблужденія и оставили бы всѣ суетныя свои попеченія, которыми непрестанно себя занимаютъ. Къ чему служатъ всѣ труды, пріемлемые сими несчастными? Вмѣсто того, чтобъ наслаждаться немногими минутами ихъ жизни, надъ коими они суть совершенные властители, они изнуряютъ себя великими трудами, потѣютъ и мучатся для пріобрѣтенія благополучія въ такое время, котораго никогда они не увидятъ, и кое совсѣмъ не для нихъ предоставлено. Они тогда престаютъ существовать на семъ свѣтѣ, когда думаютъ начинать только наслаждаться исполненіемъ своихъ предпріятій.“

Алчные и корыстолюбивые купцы, которые день и ночь обременяютъ себя трудибѣйшими заботами о

своей торговлѣ, и которые здоровьемъ своимъ и покоемъ жертвуютъ ненасытному желанію собрать богатое имѣніе, умруть прежде, нежели удовольствуютъ свое желаніе, а чрезъ то болѣе будутъ чувствовать скорбь и сокрушеніе, что во всю жизнь свою безполезно трудились; если же и случатся между ими таковые, которые прежде своей смерти удовлетворятъ свою алчность, то и для тѣхъ то время, въ которое будутъ они наслаждаться сими сокровищами, пріобрѣтенными съ толикими трудами и безпокойствомъ, покажется столь коротко, что ни къ чему болѣе не послужитъ, какъ къ пріумноженію ихъ мученій, возбуждая въ нихъ большее сожалѣніе о лишеніи богатаго своего имущества, коимъ столь маловременно они наслаждались.

Человѣкъ, который видитъ себя лежащаго на одрѣ смертномъ, тѣмъ болѣе несчастливъ, что съ изнуреніемъ своего здоровья пріобрѣлъ богатство, и что не во всю жизнь свою находился въ бѣдности, ибо, оставляя сей свѣтъ, тѣмъ меньше о немъ сокрушается. Лудовикъ XIV, умирая, лишился съ жизнію государства. — Героитъ теряетъ менѣе, нежели государь; купецъ бѣдный теряетъ меньше, нежели богатый. Бѣдность есть такая вещь, которая всего способнѣе можетъ произвести философовъ. Человѣкъ, обладающій богатымъ имѣніемъ, рѣдко захочетъ преподавать другимъ нравственныя наставленія. Сенека, быть можетъ, одинъ, а Эпиктетовъ найдется двѣ тысячи [1].

Ежели бы люди, мудрый и ученый Малькульмулькъ, устремляли нѣкоторое вниманіе на бѣдность и низкость своего состоянія, то постарались бы

---

[1] Сенека былъ знатенъ и богатъ, Эпиктетъ бѣденъ. Оба проповѣдовали стоицизмъ.

отвратить полезнѣйшими своими размышленіями тѣ бѣдствія, которымъ подвергла ихъ судьбина. Вмѣсто того, что поступками своими унижаютъ они свое состояніе, которое учинилося уже совсѣмъ презрѣннымъ, подражали бы они столько, сколько было бы имъ возможно, мудрымъ Сильфамъ [1], кои единственно стараются только о томъ, чтобъ исполнить и любить добродѣтель, и ожидаютъ безъ страха и суетнаго желанія того, что Небо для нихъ опредѣлило. Слабые человѣки, будучи весьма отдалены отъ того, чтобъ во всемъ поступать съ благоразуміемъ, всѣ равно трудятся о учиненіи себя несчастнѣйшими. Кажется, что они со утѣшеніемъ умножаютъ свои бѣдствія, кои по собственному ихъ злоупотребленію присоединены къ человѣческой природѣ, и коихъ горесть единые токмо философы услаждать умѣютъ.— Безъ сомнѣнія ты, мудрый Маликульмулькъ, много разъ разсматривалъ тѣ несчастія, которымъ подверженъ весь родъ человѣческій, но не знаю, примѣтилъ ли ты когда, что всѣ люди, въ какомъ бы состояніи ни были (выключая изъ того числа немногихъ только любомудровъ), суть равно несчастны въ глазахъ истиннаго философа. Начнемъ сіе изслѣдованіе съ государя.

Таковый государь, который, будучи окруженъ блистательнымъ дворомъ своимъ, единственно предается безъ всякой умѣренности различнымъ забавамъ, оставляя своимъ министрамъ все попеченіе о своемъ государствѣ, можетъ ли быть счастливъ? Равнымъ образомъ и тотъ, который, для удовольствованія неумѣреннаго своего честолюбія, разоряетъ свое государство и приводитъ въ крайнюю погибель своихъ под-

[1] Воздушные духи.

данныхъ, не можетъ назваться благополучнымъ. Таковые государи, предающіеся страстямъ своимъ, сами чувствуютъ, сколько поступки ихъ противны истинной чести, цѣломудрію и человѣколюбію, ибо такова есть участь всѣхъ людей, порабощенныхъ порокамъ: что бы они ни дѣлали, однакожъ не могутъ только быть ослѣплены, чтобъ иногда тлѣющая искра ихъ совѣсти не представляла имъ отъ времени до времени страшной истины. Нѣкто изъ ученыхъ мужей справедливо сказалъ, что совѣсть можетъ быть закрыта завѣсою, потому что она не Богъ, но что она никакъ не можетъ совсѣмъ истребиться, потому что происходитъ отъ Самаго Бога. Преступникъ, сколько бы ни старался и сколько бы ни прибѣгалъ ко всѣмъ способамъ, могущимъ совершенно успокоить его смущеніе, однакожъ никогда до того не достигнетъ, ибо внутреннія угрызенія совѣсти, подобно тѣмъ хищнымъ птицамъ, которыя по баснословію терзали грудь Промееееву, непрестанно сыскиваютъ свою пищу, и сердце, терзаемое ими, во всякое время претерпѣваетъ несносиѣйшія мученія. Великіе и малые люди равно бываютъ подвержены внутреннему угрызенію своей совѣсти, коль скоро сдѣлаются преступниками.

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни былъ, и какое бы лицо ни представлялъ, но ничто не можетъ его избавить отъ терзанія возмущенной совѣсти: повсюду, гдѣ нѣтъ истинной добродѣтели, порокъ обитаетъ, а съ нимъ купно и внутреннія угрызенія, всегда за нимъ послѣдующія. Тщетно порочный государь мыслитъ, подъ защитою своего самодержавства, успокоить страхъ свой, который посреди величества его, славы и безпечности повсюду за нимъ слѣдуетъ, непрестанно его мучитъ и терзаетъ до самаго того времени, когда лишится онъ жизни, а

вмѣстѣ съ оною и пышныхъ своихъ забавъ, смѣшанныхъ со многими скорбьми и мученіями. Мудрый философъ можетъ ли почесть благополучною столь неспокойную и бѣдственную участь?

Отъ государя обратимся къ придворному. Какое его состояніе? Онъ есть невольникъ, носящій на себѣ золотыя оковы! Подъ пышною наружностію суетнаго величества онъ сокрываетъ тягостныя попеченія и несносѣйшія скорби. Сколько такихъ придворныхъ, которые въ жизни своей не проводятъ почти ни одного дня, не будучи терзаемы честолюбіемъ, желаніемъ пріумножить свое могущество и страхомъ лишиться милости своего государя? Можно ли таковую жизнь почесть счастливою, въ которой надлежитъ быть непрестанно въ мучительномъ безпокойствѣ и въ недовѣрчивости ко всѣмъ тѣмъ, съ коими имѣетъ обхожденіе, льстить своимъ непріятелямъ, не имѣть ни одного истиннаго друга и во всемъ поступать по своенравію и по прихотямъ другого человѣка? Наконецъ, послѣ столь мучительной и безпокойной жизни постигаетъ смерть, которая стремительно разрушаетъ всѣ принятыя мѣры, дѣлаетъ безполезными всѣ усильнѣйшія старанія и оставляетъ единое токмо прискорбіе, что въ толикомъ злоупотребленіи препровождаемы были краткіе дни его жизни, которую прожилъ онъ, будучи всегда невольникомъ, когда могъ бы наслаждаться спокойною свободою. Нужно ли было родиться на свѣтъ, единственно для того, чтобъ играть столь мучительную ролю въ своей жизни, которая кончится столь скоропостижно?

Здѣшнія духовныя особы не могутъ почесться ни благополучнѣе, ниже спокойнѣе свѣтскихъ! Они приносятъ къ подножію жертвенника терзающее ихъ

честолюбіе. Они непрестанно помышляютъ о пріумноженіи своего богатства. Скупость есть порокъ, свойственный большей части французскихъ духовныхъ. Надменный прелатъ всегда бываетъ смущенъ, печаленъ и задумчивъ, но что бъ такое могло возмущать его блаженство? Онъ хочетъ быть архіепископомъ! Когда поступаетъ онъ въ сіе достоинство, то и тогда кажется столько же печаленъ, ибо желаетъ кардинальства; потомъ получаетъ кардинальскую шапку, но безпокойства его не уменьшаются, потому что думаетъ быть папою. Наконецъ, не избавившись отъ сердечнаго сокрушенія, онъ умираетъ съ сожалѣніемъ, что не могъ удовлетворить всѣхъ своихъ желаній. Сто тысячъ ливровъ годового дохода и пышные титулы преимущества и высокомочія не могли учинить его благополучнымъ, и со всѣмъ его богатствомъ онъ былъ бѣднѣе крестьянина, живущаго при умѣренности спокойнымъ и довольнымъ въ своей хижинѣ.

Деревенскій священникъ ропщетъ непрестанно на свою судьбину и жалуется, что ему жить нечѣмъ. Чрезъ нѣсколько времени получаетъ онъ богатой приходъ, оставляетъ деревню и переселяется въ городъ. Ужели онъ симъ удовольствованъ? Нѣтъ, онъ хочетъ быть настоятелемъ; потомъ получаетъ и сіе достоинство, однакожъ желаніе еще не удовольствовано, ибо чѣмъ болѣе онъ возвышается, и чѣмъ больше доходъ его возрастаетъ, тѣмъ больше алчность его пріемлетъ новыя силы. Ежели бы онъ, подобно тому кардиналу, достигъ до ближайшей степени къ папскому достоинству, то и тогда не былъ бы доволенъ; еслибы поступилъ онъ и еще далѣе, хотя бы сдѣлали его папою, то и въ то время доходы его казались бы ему умѣренными.

Вотъ сколь велико человѣческое ослѣпленіе, мудрый и ученый Маликульмулькъ! Они бросаются непрестанно отъ одного состоянія къ другому, и во всѣхъ сихъ различныхъ перемѣнахъ не менѣе суть несчастны, поелику ищутъ они своего удовольствія въ вещахъ суетныхъ, скоропреходящихъ и неосновательныхъ, а потому вмѣсто истиннаго блаженства ничего другого не находятъ, кромѣ непостоянства, скуки, зависти, преступленія и внутренняго угрызенія, которое повсюду за ними слѣдуетъ.

Истинное и ни съ чѣмъ несравненное блаженство состоитъ въ любви къ добродѣтели и въ собственномъ спокойствіи духа. Кто твердо увѣренъ въ сей истинѣ, для соблюденія которой во всемъ поступаетъ по мудрымъ и нужнымъ правиламъ,—тотъ совершенно благополученъ и провождаетъ жизнь безъ смущенія и безпокойства, не страшится смерти и ея не желаетъ, но ожидаетъ спокойно всего того, что Небо ему предопредѣлитъ съ его жизнію, вѣдая, что когда оная кончится на здѣшнемъ свѣтѣ, тогда наступитъ другая, чистѣйшая и свѣтлѣйшая, и что сія будущая, совершенно блаженная жизнь будетъ наградою за мудрое поведеніе на семъ свѣтѣ.

Люди должны бы были непрестанно помышлять о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о краткости здѣшней жизни, а, во-вторыхъ, о безконечномъ продолженіи будущей. Тогда не предалися бы они безумнымъ помышленіямъ, причиняющимъ имъ несносныя мученія; тогда сказали бы они сами себѣ: „какъ! для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства предоставлено намъ трудиться нѣсколько только минутъ, а мы расточаемъ сіи счастливыя минуты въ суетныхъ желаніяхъ и въ предпріятіяхъ, которыя тогда же исчезаютъ, когда исполняются! Будемъ лучше по-

мышлять о доставленіи себѣ вѣчнаго жилища и не будемъ напрасно терять сихъ минутъ, отъ употребленія коихъ зависитъ наше безконечное блаженство!“

—

Письмо III.

Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Пожалѣй о мнѣ, любезный Маликульмулькъ, пожалѣй о своемъ бѣдномъ Буристонѣ, узная его несчастіе, несчастіе, которое едва ли съ кѣмъ-нибудь изъ моей братьи когда случалось. Но почто утруч ать тебя моими пустыми жалобами? Онѣ могутъ въ мысляхъ легковѣрнаго увеличить мою бѣду, но въ мысляхъ премудраго человѣка останутся однимъ пустымъ звономъ. Итакъ, приступлю я къ дѣлу и буду требовать твоей помощи, ибо не утѣшеніе, но помощь нужна несчастнымъ.

Нашъ общій знакомецъ Зоръ писалъ къ тебѣ о сумасшествіи Прозерпины, но онъ еще не о всемъ тебя увѣдомилъ. — Богиня вскорѣ послѣ того вздумала перемѣнить видъ своего двора. Между тѣмъ какъ Зоръ полетѣлъ въ свѣтъ набирать разныхъ модныхъ искусниковъ, она новоприбывшему въ адъ французскому портному велѣла на скорую руку обмундировать семь греческихъ мудрецовъ и славнѣйшихъ въ древности женщинъ, какъ то: Семирамиду, Клеопатру, Лукрецію и прочихъ. Она еще болѣе хотѣла: она неотмѣнно желала, чтобъ они завели между собою любовныя интриги, и чтобъ, не выключая и важнаго Солона, всѣ сдѣлались волокитами. Тысячу разъ она смѣялась надъ стыдливою Лукреціею и надъ Виргиніею, что онѣ дичились въ новыхъ

нарядахъ и не давали рукъ своимъ обожателямъ; она отдала ихъ подъ смотрѣніе доброй Клеопатрѣ, которая обѣщала сдѣлать изъ нихъ такихъ придворныхъ вертопрашекъ, которымъ бы и лучшіе европейскіе дворы завидовали.

Школа началась баломъ, богиня сама открыла его съ Плутономъ, и потомъ Лукреція съ Сократомъ танцовали менуетъ: говорятъ, будто онъ уже за нею и ухаживаетъ.[1] Радаманъ, Миносъ и Эакъ, которые также приглашены были на сей праздникъ, потеряли всю свою важность, коль скоро увидѣли тутъ Александра Великаго, Цесаря, Помпея, Брута, Катона и Ѳемистокла съ римскими весталками, прыгающихъ галопада, которой искусные музыканты играли аллегро престо[2]. Бѣдные наши судьи, забывъ придворную благопристойность, надрывались отъ смѣха, и какъ имъ никогда не случалось такъ долго смѣяться, то этотъ смѣхъ превеликою кончился бѣдою. Миносъ получилъ колику, толстой Радаманъ получилъ одышку, а у бѣднаго Эака лопнулъ пузырь, и они, кое-какъ доплетши до своихъ постелей, сказались больными. И такимъ образомъ засѣданіе адскихъ судей перервалось, и некому было отправлять судъ надъ ежечасно прибывающими сюда тѣнями.

На другой день послали Гиппократа ихъ освидѣтельствовать, который донесъ, что у двухъ изъ нихъ лопнули мозговыя перепонки, а у третьяго разорвалась въ ушахъ барабанная кожица: слѣдственно, двое сошли съ ума, а третій оглохъ и не можетъ выслушивать оправданій. Плутонъ взбѣсился, услышавъ сію вѣдомость, и чрезвычайно бранилъ свою

[1] Ухаживаетъ. Менуэтъ—танецъ.
[2] Веселый и быстрый темпъ.

жену, обвиняя ее въ семъ несчастіи. Прозерпина извинялась, какъ могла, и старалась доказывать, что сіи судьи, несмотря на ихъ поврежденіе, были еще годны для исправленія своихъ должностей, и что она, путешествуя по свѣту, никогда не видывала, чтобы отставляли судей, у которыхъ повреждены мозговыя перепонки, или у которыхъ лопнули въ ушахъ тамбурныя кожицы, но упрямой Плутонъ, не слушая сихъ оправданій, рѣшился посадить на мѣсто старыхъ новыхъ судей. Въ семъ намѣреніи призвалъ онъ меня и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе летѣть въ свѣтъ и сыскать трехъ честныхъ и безпристрастныхъ судей, у которыхъ бы мозгъ былъ въ хорошемъ положеніи и которые притомъ не были бы глухи. Представь, любезный Маликульмулькъ, какъ я остолбенѣлъ, услыша такое препорученіе! „Ваше адское величество,—сказалъ я Плутону,—дарованія мои такъ слабы, а должность, налагаемая вами на меня, такъ трудна, что я не надѣюсь отыскать вами желаемыхъ рѣдкостей. Итакъ, осмѣливаюсь просить у васъ увольненія отъ толь тяжкаго труда, и порученія онаго такому духу, которой болѣе меня имѣетъ дарованій.“ — Но я только терялъ слова, и старикъ мой былъ неумолимъ. Онъ доказывалъ, что ему неотмѣнно нужно, чтобы продолжалось засѣданіе, и для того надобны три честные человѣка, искусные въ законахъ и безъ всякаго корыстолюбія.

Вотъ какая поручена мнѣ должность, любезный Маликульмулькъ, не несчастливой ли я бѣсъ? Гдѣ сыщу я три такія чуда? Я бъ лучше согласился быть Танталомъ или Иксіономъ[1], нежели искать такія рѣдкости. Однакожъ съ богами шутить дурно: надобно

[1] Которые были осуждены на вѣчную муку въ аду.

повиноваться, и я намѣрился чрезъ три часа отправиться на землю, а между тѣмъ хотѣлъ посовѣтоваться съ нѣкоторыми тѣньми, которыя у насъ славны мудростію, но заримѣтишь, любезный Маликульмулькъ, какъ примѣръ начальниковъ развращаетъ подчиненныхъ! Я уже не нашелъ здѣсь ни одной тѣни, которая бы не старалась подражать Прозерпинѣ и не занималась бы модами и чоскою. Я подошелъ къ Гераклиду, думая, что сей печальный философъ можетъ мнѣ подать наставленіе, но и тотъ у насъ не безъ дѣла: Прозерпина по частому его плаканью заключила, что онъ можетъ быть очень хорошимъ трагическимъ актеромъ, и потому я нашелъ его занятого ученіемъ какой то плаксивой роли изъ новыхъ трагедій. „Ахъ! –подумалъ я самъ въ себѣ,—сколько на землѣ въ нынѣшніе вѣки умираетъ такихъ людей, которымъ нужепъ бы былъ одинъ слабый примѣръ ихъ владѣтеля, чтобы сдѣлаться Цицеронами, Катонами и Демосѳенами, и которые вмѣсто того проводили всю жизнь свою въ вымышленіи новыхъ нарядовъ и надъ чоскою своихъ волосъ!“ Я перебиралъ въ умѣ многихъ древнихъ государей и видѣлъ, что Виргиліи, Гораціи, Вароны, Расины, Боалы и Моліеры бывали по большей части только тогда, когда жили Титы и Лудовики XIV, или когда они не боялись разсердить тѣмъ, что они умны, того, кто можетъ у нихъ отнять умы вмѣстѣ съ головами. Наконецъ, разсужденія мои кончились тѣмъ, что мнѣ надобно было отправиться въ свѣтъ, не получа ни отъ кого никакого совѣта, о чемъ я очень печалился, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою Діогена и Демокрита, которые хохотали во все горло.

— Скоро ли ты отправляешься,—спросилъ меня Демокритъ,—искать намъ честныхъ судей?

— Ахъ! — отвѣчалъ я, — въ сей же часъ, но не знаю, какимъ образомъ окончится моя поѣздка, только думаю, что мнѣ вѣчно въ адъ не возвращаться.

— Не отчаявайся, — сказалъ Діогенъ: — ты очень уже худо думаешь о свѣтѣ; я, напротивъ того, отъ всѣхъ новоприбывающихъ сюда судей слышу, что тамъ нынѣ въ судахъ всѣ честные люди, и что нѣсколько уже тому назадъ вѣковъ, какъ бездѣльники и крючкотворцы выгнаны изъ приказовъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ летѣть на сѣверъ, тамъ, можетъ быть, найдешь ты надобное тебѣ число такихъ судей ...

— Я вѣрю, — сказалъ Демокритъ, — что нынѣ правосудіе не съ молотка продается, — и захохоталъ во все горло ...

— Ахъ! — отвѣчалъ я печально, — и я вѣрю тебѣ, Діогенъ, но скажи мнѣ, отчего это, что съ того свѣта большая часть судей приходитъ къ намъ въ богатыхъ кафтанахъ, а тѣни челобитчиковъ являются сюда нагія, а часто и тѣ самыя изъ нихъ, которыя выиграли свой искъ, приходятъ въ однихъ рубашкахъ!

— Любезной другъ, — отвѣчалъ Діогенъ, — ты уже знаешь отъ Прозерпины, что значитъ слово мода; итакъ, можетъ быть, нынѣ на землѣ такая мода, чтобъ челобитчики ходили полунагіе, а судьи въ богатыхъ платьяхъ: вить надобно же чѣмъ-нибудь различать состоянія ...

— Такъ, такъ, — перехватилъ Демокритъ, — видно, что это самая полезная мода, для того, что она уже давно въ употребленіи.

— Оставьте ваши шутки, — сказалъ я имъ, и скажите мнѣ лучше, какимъ образомъ могу я

отыскать такія рѣдкости. Вы были на землѣ и можете меня просвѣтить въ семъ случаѣ.

— Съ охотою,- сказалъ Діогенъ, —во-первыхъ, старайся сыскать такія приказныя мѣста, которыя слывутъ нажиточными, и въ нихъ ищи судей, которые бы были бѣдны и имѣли бы богатыхъ челобитчиковъ: это первой знакъ, что судья некорыстолюбивъ. Потомъ, какъ скоро ты увидишь, что его подьячіе не пьяны, то это значитъ, что онъ умѣетъ ими управлять. И, наконецъ, ежели ты увидишь, что у него случится дѣло знатнаго богача съ невиннымъ бѣднякомъ и простолюдиномъ, если богачъ проиграетъ свое дѣло, то я даю тебѣ совѣтъ, не мѣшкая ни минуты, звать его сюда.

Демокритъ ни въ одномъ словѣ не спорилъ съ словами Діогена, но только говорилъ, что это найти очень трудно, однакожъ желалъ мнѣ всякаго счастья, и, смѣясь дурачествамъ Прозерпины и чудному предпріятію Плутона, удалился отъ меня съ Діогеномъ къ Прозерпининому уборному столику.

Вотъ, любезный Маликульмулькъ, мои обстоятельства. Признайся, не въ жалкомъ ли я положеніи: право, я боюсь, чтобъ не разстаться навсегда съ адомъ. Итакъ, прошу твоего совѣта и, надѣясь на твой разумъ, ожидаю отъ тебя сей помощи.

Письмо IV.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Когда я размышляю, мудрый и ученый Маликульмулькъ, о поведеніи большей части людей нынѣшняго свѣта, то признаюсь, что не только извиняю.

но даже хвалю поступки и образъ мыслей людей, которымъ даютъ названіе мисантроповъ [1]. Все то, чѣмъ ихъ упрекаютъ, есть нѣкоторымъ образомъ хвала ихъ добродѣтели. Какой смертный, слѣдующій путемъ истины, не возгнушается тѣхъ гнусныхъ страстей и пороковъ, коими свѣтъ сей преисполненъ? Возможно ли, чтобы сіе не учинило его суровымъ, унылымъ и задумчивымъ? Напрасно думаютъ, будто люди всегда и во всякое время были одинаковы. Я утверждаю, что слабые смертные никогда не были столь глупы, безумны, порочны и столь достойны сожалѣнія, какъ нынѣ. Весьма нужно, чтобы въ каждомъ государствѣ поболѣе было сихъ мисантроповъ, дабы люди могли пользоваться наставленіями, упреками и колкими насмѣшками сихъ угрюмыхъ философовъ.

Такъ, мудрый и ученый Маликульмулькъ, я весьма въ томъ увѣренъ, что ничто не можетъ быть столь полезно для благосостоянія общества, какъ великое число сихъ мисантроповъ; я почитаю ихъ за наставниковъ и учителей рода человѣческаго. Одна половина свѣта, занимаясь бездѣлками, повержена нынѣ въ совершенное ребячество, а другая одержима бѣшенствомъ! Итакъ, должно поступать съ людьми или какъ съ младенцами, или какъ съ бѣшеными.— Обыкновенные философы, мудрецы и ученые не могутъ болѣе быть ихъ путеводителями; всѣ ихъ премудрыя поученія не сдѣлаютъ никакого впечатлѣнія надъ развращенными ихъ умами, надлежитъ употребить на сіе гораздо строжайшихъ наставниковъ—однимъ словомъ, такихъ, каковы мисантропы.

[1] Мисантропъ – человѣконенавистникъ.
Прим. авт.

Возмогутъ ли всѣ наставленія Сенеки и Эпиктета произвесть какое дѣйствіе надъ глупою головою петиметра? [1] Сдѣлаютъ ли они его разумнѣйшимъ? Заставятъ ли быть полезнымъ обществу, и не принимать болѣе на себя тѣхъ смѣшныхъ тѣлодвиженій и ужимокъ, чрезъ кои уподобляется онъ обезьянѣ? Безъ сомнѣнія, всѣ рѣчи сихъ великихъ философовъ останутся безуспѣшны. Тщетно будутъ они прославлять предъ нимъ добродѣтель и описывать всю гнусность пороковъ: онъ, насмѣхаясь какъ имъ самимъ, такъ и ихъ словамъ, вмѣсто отвѣта сдѣлаетъ, можетъ быть, нѣсколько странныхъ прыжковъ или пропоетъ какую пѣсенку изъ новой оперы. Но мизантропъ, привыкнувшій не обинуясь говорить истину, есть человѣкъ, могущій заставить сего шалуна войти въ самого себя.

Поступки твои,—скажетъ онъ ему, — забавляютъ меня нѣсколько минутъ, но, наконецъ, становятся несносны. Признаюсь, что ты очень забавенъ, и я не могу смотрѣть на тебя безъ смѣха, однакожъ наполѣдокъ ты чрезмѣрно наскучишь. Хочешь ли, — скажетъ онъ ему, продолжая свою рѣчь,— чтобъ я говорилъ съ тобою чистосердечно? Мнѣ весьма удивительно, что по сихъ поръ ты и тебѣ подобные не предложили еще правительству, дабы учреждено было особое собраніе, гдѣ вознаграждались бы всѣ модныя ваши дурачества. Я увѣренъ, что тогда былъ бы ты изъ числа первѣйшихъ, могущихъ льститься восчувствовать на себѣ опытъ сего столь благоустроеннаго заведенія; потому наболѣе, что нѣтъ никого даже и изъ твоихъ сотоварищей, кто бы могъ съ такимъ искусствомъ, какъ ты, дѣлать

[1] Щеголь.

странѣйшія тѣлодвиженія, шаркать ногами, кривлять ротъ, обращать по-модному глаза, болтать то, чего самъ не понимаешь, смѣяться безъ намѣренія, печалиться безъ причины и лгать съ такимъ увѣрительнымъ видомъ и смѣлостію, какъ другой говоритъ правду.

Сіи язвительныя шутки, мудрый и ученый Маликульмулькъ, произнесенныя съ насмѣшливымъ видомъ такого человѣка, каковъ мисантропъ, дѣлаютъ больше впечатлѣнія и болѣе поражаютъ сердца, нежели наилучшія философическія рѣчи. Всѣ сочинители нравоученія и всѣ проповѣдники не возмогли еще отвлечь ни одного петиметра отъ его глупостей: напротивъ того, Мисантропъ Моліеровъ болѣе сдѣлалъ добра Франціи, нежели проповѣди Бурдаловы[1] и прочихъ ему подобныхъ проповѣдниковъ. Итакъ, когда простой списокъ произвелъ столь много пользы, то что должно ожидать отъ подлинника?

Врожденное людямъ самолюбіе управляетъ съ самаго почти младенчества всѣми ихъ дѣяніями. Нельзя сыскать лучшаго средства къ исправленію ихъ погрѣшностей, какъ, изобразя гнусность тѣхъ пороковъ, коимъ они порабощены, обращать ихъ въ насмѣшку, а чрезъ то уязвлять сродное каждому человѣку тщеславіе. Никто не можетъ исполнить сіе съ лучшимъ успѣхомъ, какъ мисантропъ; слѣдовательно, нѣтъ человѣка, который столько бы полезенъ былъ обществу, какъ онъ.

Когда я взираю на сихъ людей, кои, не безпокоясь нимало о томъ, что будутъ объ нихъ говорить, не опасаясь злобы и ненависти своихъ сограждан, съ презрѣніемъ и смѣло осуждаютъ все

[1] Бурдалу, французскій проповѣдникъ (1632—1704).

то, что видятъ въ нихъ худого,—тогда кажется мнѣ, будто вижу врачей, окруженныхъ множествомъ больныхъ, кои, видя, что не хотятъ они пользоваться обыкновенными способами, принуждены бываютъ для спасенія ихъ жизни дать имъ противъ воли лѣкарства, хотя по истинѣ не весьма вкусныя, но способныя возстановить ихъ здоровье.

Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ, грубость и странные, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, поступки мисантроповъ, я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Неужели долженъ я почитать за добродѣтель подлое ласкательство придворнаго, готоваго всегда ублажать не только слабости своего государя, но даже и тѣхъ людей, отъ кого онъ надѣется получить какое благодѣяніе? Достоинъ ли моей похвалы тотъ французской аббатъ, который, желая снискать благосклонность своего епископа, превозноситъ до небесъ его глупости, который хвалитъ въ немъ добродѣтели, коихъ онъ никогда не имѣлъ, и который расточительность его называетъ нелюбостяжаніемъ, невѣжество — простосердечіемъ, а злость и суевѣріе — священною ревностію? Нѣтъ, премудрый Маликульмулькъ, я чувствую, что неприличность сихъ гнусныхъ нравовъ возмущаетъ мою душу, и потому стократно болѣе предпочитаю симъ подлымъ льстецамъ мисантропа, человѣка угрюмаго, нетерпѣливаго и бѣшенаго, буде хотятъ, чтобъ я его такъ назвалъ, но коего сердце наполнено притомъ справедливостію, чистосердечіемъ, добродѣтелію, и который неспособенъ ни лгать, ни притворяться.

Еслибы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мисантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь,

внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину. Одинъ мисантропъ истребилъ бы въ минуту всѣ тѣ злодѣянія, кои пятьдесятъ льстецовъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца причинили. Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мисантропа. „Надлежитъ исполнить, — сказали бы они, со всевозможною ревностію возложенныя на насъ должности. Ничто не можетъ остановить сего ужаснаго предвозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣститъ государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ. Если не ужасаемся мы оскорблять истину и добродѣтель, то да страшимся, по крайней мѣрѣ, необузданнаго языка мисантропова, и когда пристрастія и пороки усыпили уже нашу совѣсть, то надлежитъ, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобъ не подозрѣвалъ онъ ни въ чемъ нашей честности“.

Мисантропъ не только можетъ споспѣшествовать пользѣ народной, но и благосостоянію самого государя: онъ научалъ бы своимъ примѣромъ какъ придворныхъ, такъ и подданныхъ, что усердіе и ревностныя услуги должны быть оказываемы единственно государю, а не его вельможамъ. Я помню, что читалъ нѣкогда прекрасное описаніе мисантропа, находившагося въ службѣ Людовика XIII. Сей человѣкъ, имѣя при дворѣ немалый чинъ, не оказывалъ никогда ни малѣйшаго почтенія Кардиналу Ришелье. „Я его не боюсь и не почитаю“,—сказалъ онъ нѣкогда, разговаривая о семъ министрѣ. „Я служу королю; ревность и усердіе мое оказываю только одному ему, а, впрочемъ, мало безпокоюсь, любитъ ли меня кто или ненавидитъ“. Сіи слова привели въ великое удивленіе кардинала: онъ велѣлъ сказать сему мисан-

трону, что если онъ одинъ только разъ скажетъ ему: „господинъ кардиналъ, я вашъ покорнѣйшій слуга, и прошу вашего покровительства“, то постарается онъ снискать ему счастіе и навсегда останется его другомъ. На сіе предложеніе мисантропъ отвѣтствовалъ, что онъ служитъ королю, а не господину кардиналу, и что не имѣетъ нужды ни въ чьемъ покровительствѣ, кромѣ своего государя, что жъ касается до дружбы сего министра, то онъ столько ею не уважаетъ, что еслибъ король приказалъ ему убить господина кардинала, то не преминулъ бы онъ въ четверть часа исполнить сіе повелѣніе.

Одинъ только мисантропъ можетъ имѣть столь безкорыстныя и столь преданныя къ своему государю чувствованія. Я повторяю еще, мудрый и ученый Маликульмулькъ, чтобъ быть совершенно честнымъ человѣкомъ, надлежитъ быть нѣсколько подобнымъ мисантропу.

Наконецъ, чрезъ названіе мисантропа не разумѣю я здѣсь того бѣшенаго и несноснѣйшаго врага самому себѣ и всему роду человѣческому, который ненавидитъ за то, что они люди. Я желаю, чтобъ тотъ суровый и задумчивый мудрецъ, о коемъ я говорю, ненавидѣлъ только пороки, сожалѣлъ о порочныхъ, и чтобъ, упрекая людей, зараженныхъ оными, поставлялъ главнѣйшимъ своимъ предметомъ ихъ исправленіе. Между мисантропомъ, коего писалъ Моліеръ, и тѣмъ бѣшенымъ аѳинянином, о которомъ Плутархъ насъ увѣдомляетъ, находится величайшее различіе. Весьма несвойственно приписали Тимону названіе мисантропа, надлежало бы лучше назвать его лютымъ звѣремъ или разъяреннымъ медвѣдемъ. Должно ли почитать человѣкомъ того, который былъ свирѣпѣе льва и кровожаднѣе тигра? Сей извергъ человѣчества, о которомъ я говорю, жилъ одинъ въ

загородномъ своемъ домѣ близъ города Аѳинъ, гдѣ не имѣлъ ни съ кѣмъ больше знакомства, кромѣ одного только Алкивіада. Когда вопрошали его, почему, ненавидя вообще всѣхъ людей, предпочелъ онъ сего молодого грека прочимъ людямъ, то отвѣтствовалъ онъ на сіе слѣдующее: „Я люблю и имѣю знакомство съ Алкивіадомъ для того, что предвижу заранѣе тѣ бѣдствія, которыя причинитъ онъ нѣкогда всей республикѣ. Не думайте, чтобы дружество меня съ нимъ соединило: нѣтъ! меня прельщаетъ только тотъ огонь, которымъ отъ него вся Греція воспылаетъ“.

Ненависть Тимонова къ своимъ согчичамъ простиралась до такой крайности, что всякое зло, имъ причиненное, приводило его въ восхищеніе. Разсказываютъ, что въ саду загороднаго его дома было нѣсколько деревьевъ, на которыхъ отчаянные люди оканчивали обыкновенно дни свои удавкою. Онъ, имѣя намѣреніе вырубить сіи деревья, дабы на томъ мѣстѣ построить нѣкоторое зданіе, пошелъ прежде въ Аѳины, гдѣ созвалъ весь народъ на большую площадь. Греки, пораженные необычайнымъ симъ созывомъ, бѣжали туда толпами, однакожъ весьма худо награждены были за свое любопытство. Тимонъ увѣдомилъ ихъ, что онъ заблагоразсудилъ чрезъ нѣсколько дней срубить деревья, находящіяся у него въ саду, и для того заблаговременно даетъ знать, буде кто имѣетъ желаніе удавиться, то чтобъ не теряли времени. Послѣ сей прекрасной и трогающей рѣчи распустилъ онъ своихъ слушателей. По моему мнѣнію, весьма бы хорошо сдѣлали, еслибъ сего краснорѣчиваго оратора убили они въ тужъ минуту каменьями.

Сихъ изверговъ человѣчества надлежитъ истреблять

со всевозможною поспѣшностію, опасаясь, дабы ятъ пагубныхъ ихъ предразсудковъ не повредилъ людей, наклонныхъ и безъ того болѣе ко злу, нежели къ добродѣтели. Какихъ слѣдствій долженствовала ожидать Грецiя отъ учрежденной тамъ цинической секты? Итакъ, когда нашлись столь глупые и столь безумные люди, кои при глазахъ цѣлаго народа не стыдились отправлять безчинивѣйшія дѣянія, то легко можетъ также случиться, что соберется когда-нибудь скопище подобныхъ Тимону бѣшеныхъ людей, кои, объявя себя явно смертельными врагами человѣческаго рода, увѣщевать будутъ всякаго съ ними встрѣчающагося, дабы онъ безъ дальнаго размышленія какъ возможно скорѣе удавился.

Я думаю, ты согласишься со мною, мудрый и ученый Маликульмулькъ, что аѳиняне весьма бы благоразумно поступили, еслибы они наказали смертію Тимона за дерзновенную его рѣчь. Кажется мнѣ, что довольно уже я изъяснилъ, какое великое различiе находится между симъ бѣснующимся и мисантропомъ: одинъ ненавидѣлъ людей, а другой ненавидѣлъ только ихъ пороки. Наконецъ, остается намъ желать, премудрый Маликульмулькъ, чтобы Небо ниспослало людямъ друга, такого мудраго мисантропа, который, уличая ихъ въ погрѣшностяхъ, побуждалъ бы чрезъ то къ исправленію оныхъ.

Письмо V.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку.

Отсутствiе мое изъ ада, мудрый и ученый Маликульмулькъ, есть главнѣйшая причина моего молчанія. Я принужденъ былъ болѣе двухъ мѣсяцовъ пробыть

въ Парижѣ. Тебѣ извѣстно, что со времень великаго Агриппы[1], открывшаго людямъ тайну вызывать насъ противъ воли на тотъ свѣтъ, нерѣдко мы принуждены бываемъ, оставя мрачное наше жилище, исполнять ихъ повелѣнія.

Нѣкоторый стихотворецъ, коего обстоятельства были въ великой разстройкѣ, принужденнымъ себя нашелъ страшнѣйшими заклинаніями призывать насъ къ себѣ на помощь. Веелзевулъ, услыша томный голосъ сего питомца музъ, приказалъ мнѣ освѣдомиться немедленно, чего онъ желаетъ. Исполняя сіе повелѣніе, предсталъ я предъ него въ видѣ таможеннаго сборщика.

— Что тебѣ надобно? — сказалъ я ему, — я тотъ бѣсъ, коего ты призывалъ: говори, желанія твои будутъ исполнены.

— Я вижу, — отвѣтствовалъ стихотворецъ, запинаясь отъ робости, — что ты наивеличайшій плутъ и обманщикъ изъ всего бѣсовскаго вашего рода, ибо нарядъ твой показываетъ мнѣ, что ты и въ адѣ отправляешь такую должность, которая на здѣшнемъ свѣтѣ ничего добраго не предвѣщаетъ. Итакъ, возвратись опять въ прежнее свое жилище: я не столь глупъ, чтобъ положился на обѣщаніе бѣса, отправляющаго столь скаредную должность.

— Ты несправедливо разсуждаешь, — отвѣтствовалъ я стихотворцу, — о моихъ качествахъ: знай, что въ адѣ всѣ дѣла дѣлаются не такъ, какъ на вашемъ свѣтѣ: у насъ наичестнѣйшіе бѣсы, коихъ вѣрность нимало неподозрительна, употребляются обыкновенно для сбору доходовъ; и когда ученый человѣкъ, а особливо стихотворецъ, потребуетъ нашей помощи, то всегда

[1] Знаменитый нѣмецкій врачъ и философъ, писавшій, между прочимъ, о вызываніи духовъ (1486—1535).

посылается къ нему бѣсъ откупщикъ или таможенный сборщикъ, ибо намъ извѣстно, что голодъ и жажда суть главнѣйшія нужды, въ коихъ должно имъ помогать.

— Когда такъ, — сказалъ стихотворецъ, — то сдѣлай милость, употреби какъ можно поскорѣе извѣстныя тебѣ средства для утоленія моего голода. Цѣлые два дни наблюдаю я по неволѣ нанстрожайшій постъ; еслибъ ты не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь, то принужденъ бы я былъ продать на рынкѣ послѣднее мое имущество, т. е. чернильницу, и, думаю, что въ тогдашнемъ моемъ положеніи охотно бы уступилъ ее за двухкопеечной калачъ.

— Ты будешь удовольствованъ, — отвѣтствовалъ я голодному питомцу музъ. Въ самое то время увидѣлъ онъ въ своей комнатѣ столъ со множествомъ кушанья. — Ѣшь, — сказалъ я ему, — а послѣ поговоримъ о твоихъ дѣлахъ.

Онъ съ великою охотою повиновался моему приказанію и кушалъ съ такою умѣренностію, что я опасался, дабы не лопнулъ у него желудокъ.

Когда пересталъ онъ ѣсть, потому что болѣе уже въ него не шло, то спросилъ я его, чего еще онъ отъ меня желаетъ.

— Я желалъ бы, — отвѣтствовалъ онъ, — чтобъ снабдилъ ты меня знатною суммою денегъ, дабы не имѣлъ я болѣе нужды безпокоить тебя моими просьбами, и чтобъ въ послѣдующее время не умереть съ голоду.

— Сіе не трудно сдѣлать, — сказалъ я ему, отдавая большой кошелекъ съ полновѣсными червонцами.

— Не привидѣніе ли это? — вскричалъ онъ съ восхищеніемъ. — Въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ

сіе золото, которое я вижу? И не сонное ли мечтаніе льститъ мнѣ благополучіемъ, которое вскорѣ, можетъ быть, исчезнетъ?

— Не опасайся, — отвѣтствовалъ я, — все то, что ты видишь, есть истина, и нѣтъ тутъ ни малѣйшаго обмана.

— Но скажи мнѣ, что это за бумаги, которыя въ комнатѣ твоей повсюду разбросаны?

— Это, — отвѣтствовалъ стихотворецъ, — оды, сонеты, мадригалы и баллады, которые сочинилъ я въ похвалу многихъ знатныхъ особъ.

— Такъ неужели, — сказалъ я, — съ помощію красноръчія и толикихъ лжей не умѣлъ ты сыскать себѣ пропитанія? Повидимому, всѣ тѣ, конхъ осыпалъ ты похвалами, не весьма были тароваты!

— Я подносилъ свои сочиненія, — отвѣтствовалъ стихотворецъ,—тѣмъ, конхъ щедрость и великодушіе какъ въ городѣ, такъ и при дворѣ до небесъ превозносили; однакожъ, получаемыя мною награжденія не соотвѣтствовали гремящей о нихъ славѣ. Одинъ только недавно разбогатѣвшій господинъ, котораго отецъ былъ конюхомъ, подарилъ мнѣ шесть лундоровъ за то, что вывелъ я его родословную отъ великаго Могола. По несчастію, проговорился я о семъ подаркѣ нѣкоторому моему пріятелю, такому жъ нищенствующему стихотворцу, какъ и я былъ до сего времени, который столь неотступно ко мнѣ приставалъ, что я принужденъ былъ дать ему въ займы два лундора. Получа оныя, выкупилъ онъ тотчасъ свою трагедію, бывшую въ закладѣ у служителя нѣкотораго комедіанта, отдалъ ее на театръ, надѣясь, что принесетъ она ему очень много барыша; но при первомъ представленіи ее освистали. Послѣ чего пріятель мой

чрезъ нѣсколько дней умеръ съ печали, а мои деньги также за нимъ во гробъ послѣдовали.

— Для чего же, — спросилъ я у стихотворца, — будучи такъ несчастливъ въ ученыхъ своихъ дѣлахъ, не принялся ты за другой какой промыселъ? Мнѣ кажется, что состояніе сытаго извощика гораздо предпочтительнѣе состоянію голоднаго стихотворца. Прилѣпляясь къ музамъ, чаще дѣлаютъ себѣ вредъ, нежели пользу.

— Возможно ли, — отвѣтствовалъ мнѣ ученикъ Аполлоновъ, — чтобъ человѣкъ, привыкнувшій взирать на себя, какъ на нѣкоторый родъ божества, могъ упражняться въ постыдномъ какомъ промыслѣ? Тщеславіе и пристрастіе къ стихотворству управляли всѣми моими дѣяніями. Сіи слабости свойственны не только мнѣ, но и всей моей собратіи; нѣтъ ни одного изъ насъ, которой бы ни поставлялъ себя выше всего на свѣтѣ. Когда сравниваемъ мы Гомера съ Ахиллесомъ или Августа съ Виргиліемъ, то дѣлаемъ сіе нарочно для того, чтобъ усугубить собственную нашу славу. Еслибъ найденъ былъ такой способъ, чтобъ человѣкъ могъ пробыть безъ пищи, то я увѣренъ, что большая часть писателей предпочли бы свои дарованія престоламъ величайшихъ государей. Скалигеръ[1] говорилъ, что онъ охотнѣе бы согласился быть Гораціемъ, нежели Неаполитанскимъ и Сицилійскимъ Королемъ. Однакожъ, думаю, еслибъ случилось ему быть въ такой крайности, въ какой находился я, до твоего ко мнѣ прибытія, то перемѣнилъ бы, конечно, свои мысли.

— Утѣшься, — сказалъ я стихотворцу, — впредь не будешь ты имѣть ни въ чемъ недостатка.

Сказавъ сіи слова, хотѣлъ было я отъ

[1] Знаменитый нѣмецкій филологъ (1540—1609).

него удалиться, но онъ усильно меня просилъ, дабы позволилъ я ему представить къ себѣ нѣкотораго его пріятеля, желающаго вступить въ приказную службу. Я не премину увѣдомить тебя послѣ, мудрый и ученый Маликульмулькъ, о разговорѣ, который былъ у насъ съ симъ человѣкомъ.

— —

Письмо VI.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Вчерашняго дня, любезный Маликульмулькъ, вылетѣлъ я изъ своего жилища на свѣтъ для набранія надобныхъ людей и для закупки уборовъ, о которыхъ, при самомъ моемъ отправленіи изъ ада, препоручено мнѣ было. Имѣя множество денегъ, при которыхъ, какъ сказываютъ, нѣтъ ничего въ свѣтѣ невозможнаго, ты подумаешь, что я въ одну минуту могъ исполнить желаніе Прозерпины, но какъ ты удивишься, когда узнаешь, что ничего нѣтъ труднѣе такихъ препорученій!

Вылетѣвъ на поверхность земли, устремился я прямо къ средоточію роскоши, т. е. къ большому, великолѣпному и многолюдному городу Европы[1]. Жители онаго могутъ, по справедливости, почитаться нынѣ поравнявшимися съ самыми тѣми, которые въ сей части свѣта издавна почитаются образцами новыхъ изобрѣтеній, и кои стараются весьма искусно выводить истинную добродѣтель[2]. Ихъ то философіи обязанъ нынѣ свѣтъ многими такъ называющимися людьми безъ предразсужденія, которые за кусокъ золота въ состояніи продать своихъ друзей, родню или и все свое оте-

[1] Петербургъ.
[2] Французы.

чество, для того только, чтобъ посредствомъ онаго показаться въ хорошихъ нарядахъ и великолѣпныхъ колесницахъ. По таковымъ подлинникамъ можно судить и о спискахъ, не уступающихъ образцамъ своимъ въ свойственной имъ добротѣ, и навѣрное угалать, что я, сыскавъ столь честныя селенія, не почелъ за нужное летѣть далѣе, а избралъ сей городъ лавкою своихъ покупокъ.

Чтобъ знать вкусъ въ нарядахъ, надобно непремѣнно хорошее знакомство, а чтобъ имѣть оное, нужны деньги, почитающіяся всеобщимъ ключомъ, которымъ нынѣ заводятся большіе часы свѣта. Слѣдуя сему правилу, я принялъ видъ молодого и пригожаго человѣка, потому что цвѣтущая молодость, пріятности и красота въ нынѣшнее время также въ весьма немаломъ уваженіи и при нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ сказываютъ, производятъ великія чудеса, а при столь выгодной наружности не позабылъ я представить себя въ богатомъ кафтанѣ, въ которомъ, можетъ быть, почли бы меня за какого-нибудь ученаго, еслибъ не былъ онъ весь въ золотѣ. Не успѣлъ я показаться въ семъ видѣ въ одномъ изъ тѣхъ трактировъ, въ которыхъ пріѣзжіе находятъ себѣ пристанище, какъ премножество молодыхъ людей кричали мнѣ свои привѣтствія, и каждый изъ нихъ предлагалъ мнѣ тысячу услугъ. Петиметръ обѣщалъ меня познакомить съ своимъ портнымъ и парикмахеромъ, пьяница хотѣлъ вести въ такой трактиръ, въ которомъ подаются лучшія вина, а картежникъ шепталъ мнѣ на ухо, чтобы идти съ нимъ обыгрывать его знакомого навѣрную, но я проницаніемъ своимъ узналъ, что онъ, такими услугами, разорилъ уже не одну дюжину безумцевъ.

Всѣ вообще спрашивали меня, кто я таковъ, откуда

пріѣхалъ и какая моя надобность. — „Милостивый государь!—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, находившійся съ растрепанными волосами, который былъ уже вполпьяна и допивалъ шестую порцію пуншу,—не тяжба ли какая причиною вашего сюда пріѣзда? Если такъ, то я охотно предлагаю вамъ свои услуги: дядя мой знатной человѣкъ, и онъ за удовольствіе себѣ почтетъ склонить судей на вашу сторону, были бъ только худы обстоятельства вашего дѣла! Вамъ стоитъ токмо уступить дядюшкѣ половину иска, и я васъ увѣряю, что спорная земля ваша. Вы можете узнать отъ другихъ, что въ 15 лѣтъ по вступленіи его въ свою должность, онъ тысячу дѣлъ поворотилъ на такую сторону, на какую ему захотѣлось; впрочемъ, если вамъ нужда, то я увѣряю васъ своимъ и дядюшкинымъ честнымъ словомъ, что онъ, за весьма сходную цѣну, согласится уморить въ тюрьмѣ вашихъ соперниковъ.“ Я благодарилъ сего добраго человѣка и признавался ему, что мнѣ нѣтъ нужды въ его услугахъ. Это его нѣсколько разсердило, и онъ въ молчаніи принялся допивать шестую свою порцію пуншу.

Я не успѣлъ еще отблагодарить сего услужливаго человѣка, какъ вошелъ въ комнату, съ опухлыми глазами, съ разстегнутымъ камзоломъ и съ обкусанными губами молодой человѣкъ; спросилъ чашку шоколаду. Я бы почелъ его за какого-нибудь питомца музъ, если бы поданная ему въ долгъ чашка шоколаду не опровергла сего мнѣнія, ибо мнѣ извѣстно отъ тѣней, переселяющихся въ адъ, что въ свѣтѣ всѣ ученые весьма малую имѣютъ довѣренность. Я сѣлъ подлѣ его въ намѣреніи свести съ нимъ знакомство, и, подлинно, мы не долго были съ нимъ въ молчаніи. Онъ первый началъ разговоръ слѣдующимъ образомъ:

— По моему мнѣнію, государь мой, нѣтъ никакой науки труднѣе той, которая учитъ, какъ жить въ свѣтѣ! Чортъ меня возьми! — вскричалъ онъ, — если не сущее дурачество дѣлаютъ тѣ, которые предписываютъ тому правила.

— Это правда, государь мой!—отвѣчалъ я,—ибо правила могутъ быть непремѣнными въ одной только математикѣ, но въ повсечасно перемѣняющихся случаяхъ ихъ соблюсти неудобно, и правила, касательно до общежитія, такъ же способно предписать, какъ удобно шить кафтаны по одной мѣркѣ на весь городъ. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, должно въ жизни предполагать главнѣйшія начала, которымъ слѣдуя, можно приноравливать оныя къ случающимся обстоятельствамъ. Напримѣръ, если кто положитъ себѣ правиломъ быть тѣмъ довольну, что имѣетъ, и сноситъ великодушно случающіяся несчастія, почитая ихъ неизбѣжными въ сей жизни, тотъ ...

— Эхъ, государь мой! — перехватилъ онъ рѣчь мою,—это то же, какъ бы кто сказалъ, что немудрено познать систему свѣта, нужно только выучить математику, физику! Слово „выучить математику“ произносится очень легко, но въ немъ замыкается тысяча препятствій, и его не такъ то удобно можно исполнить. Многіе философы говорили, что надобно быть всѣмъ довольну, признавая, что въ семъ общемъ положеніи много заключается, но на самомъ дѣлѣ не легко оное исполнить, я самъ по себѣ это знаю; взявъ отъ отца 1000 рублевъ на годъ, я пріѣзжаю сюда въ намѣреніи не желать ничего болѣе и, подлинно, думаю такъ нѣсколько мѣсяцовъ, но, наконецъ, нахожу знакомцевъ, которые твердятъ мнѣ безпрестанно, что я бѣденъ, что графъ Безпутовъ имѣетъ въ десять разъ лучшее содержаніе, нежели я, и все

это заслужилъ только тѣмъ, что родился отъ знатнаго отца; что молодой Безсчетовъ имѣетъ лучшихъ лошадей въ городѣ и прекрасную любовницу, а сдѣлалъ важнаго для отечества только то, что посредствомъ своихъ денегъ надѣлъ на себя военной мундиръ, довольно порядочной степени, и умножилъ тѣмъ число титулярныхъ служивыхъ. Послѣ сего говорятъ мнѣ, чтобъ состояніе свое поправилъ картами, и доказываютъ ясно, что ничего нѣтъ легче, какъ выиграть 10000 рублей въ одинъ вечеръ. Я этому вѣрю, беру карты, меня вводятъ въ одинъ домъ, гдѣ указываютъ мнѣ собраніе сихъ счастливцевъ, изъ которыхъ большая половина сидѣли въ отчаяніи, безъ кафтановъ и безъ камзоловъ; это меня нѣсколько устрашило, но пріятели мои принимаются за убѣдительныя свои доказательства и говорятъ, что когда двое играютъ, то неотмѣнно должно, чтобъ одинъ изъ нихъ проигралъ, а другой выиграль: сіи самые полунагіе служатъ доказательствомъ, что есть счастливцы, которые у нихъ все выиграли, послѣ чего я сажусь и проигрываю свой годовой доходъ, потомъ на 3000 даю векселей. Теперь скажите, могу ли я быть довольнымъ моими обстоятельствами? Однакожъ, сударь, — продолжалъ онъ, — если вамъ угодно, и когда есть у васъ деньги, то вы можете сдѣлать и свое, и мое счастіе: пойдемте только въ тотъ домъ, гдѣ пополамъ, конечно, мы отыграемъ у сихъ счастливцевъ, чего они меня лишили, а, можетъ быть, что и во сто разъ болѣе у нихъ у самихъ выиграемъ.

Онъ бы еще далѣе продолжалъ свою рѣчь, еслибы не вошелъ тогда одинъ его знакомецъ, который нѣчто шепнулъ ему на ухо, и мой несчастливой картежникъ бросился стремглавъ изъ ком-

нать, сказавъ намъ, что онъ идетъ вновь спорить со счастіемъ. Лишь только онъ вышелъ, то его другъ, которой на нѣсколько времени оставался съ нами, началъ говорить съ другими своими знакомцами, и я слышалъ, какъ они сговаривались обыграть того молодого человѣка, за которымъ тотъ же часъ вышли. Вотъ, ученый Маликульмулькъ, малая картина людей. — Нынѣ весь свѣтъ играетъ въ карты, и всегда двое продаютъ третьяго. Я писалъ о семъ къ Діогену и заключилъ, что можно судить по картамъ и о политикѣ, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ его время не играли въ карты и не знали политики, и потому проситъ отъ меня другова сравненія; но оставимъ это и возвратимся къ моей повѣсти. Лишь только вышла толпа соединенныхъ сихъ картежниковъ, то вошелъ въ комнату пребогато одѣтой человѣкъ. „Вотъ, — думалъ я самъ въ себѣ, — тотъ, кого мнѣ надобно, отъ него неотмѣнно получу я свѣдѣніе о модахъ“. Вѣтродумъ, такъ онъ назывался, зачиналъ говорить о тысячи разныхъ предметахъ и ни объ одномъ не оканчивалъ; онъ садился для того, чтобы сдѣлать изъ себя хорошую фигуру и съ намѣреніемъ пилъ, чтобы имѣть случай дѣлать пріятныя ужимки. Между сотнею сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ былъ для меня самый нужный: „зачѣмъ я пріѣхалъ въ городъ?“ На что я отвѣтствовалъ ему, сколько могъ учтиво, сказавъ, что я богатой дворянинъ и пріѣхалъ въ сей городъ за тѣмъ, чтобъ по просьбѣ моихъ родственниковъ вывезть имъ модныхъ уборовъ и . . .

— О! что до этого принадлежитъ, — вскричалъ онъ, — то вы ничего лучше не сдѣлаете, какъ если адресуетесь ко мнѣ. Я васъ, въ два часа, коротко познакомлю съ моею тетушкою, которая уже тридцать

лѣтъ учится наукѣ нравиться и почитается здѣсь во всемъ городѣ первою щеголихою. Вы, кромѣ ея, не получите ни отъ кого подробнѣе наставленія о нарядахъ. Да, это женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу и живетъ прямо щегольски: днемъ спитъ, ночное время проводитъ въ забавахъ; туалетъ ея занимаетъ 4 часа; обѣденной и вечерней 5; 9 часовъ она провождаетъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей; словомъ, это безпримѣрная[1] женщина, и мы завтра у нея обѣдаемъ.

Послѣ сего онъ, схвативъ мою руку, потрясъ оную и скрылся отъ меня, какъ молнія, сказавъ, чтобъ я на другой день дожидался его въ томъ же мѣстѣ. Итакъ, любезный Маликульмулькъ, я остаюсь въ нетерпѣливости сдѣлать сіе знакомство, и въ первомъ письмѣ подробнѣе увѣдомлю тебя о сей безпримѣрной женщинѣ и семъ молодомъ вѣтреникѣ, которые, можетъ быть, будутъ служить образцами для всего ада.

Я повстрѣчалъ своего брата Буристона, онъ очень невесело ходитъ и не надѣется, чтобъ могъ скоро исполнить приказанія Плутоновы такъ, какъ и я Прозерпининны.

Письмо VII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Пробывши нѣсколько дней въ семъ городѣ, мудрый и ученый Маликульмулькъ, и летая нѣкогда надъ садомъ, усмотрѣлъ я въ одной темной аллеѣ женщину, показавшуюся мнѣ старѣе шестидесяти

[1] Любимое слово щеголихъ XVIII в.

лѣтъ, которая говорила съ великою горячностію съ одною молодою дѣвушкою, имѣющею не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ, слушавшею ее, краснѣясь и съ потупленными глазами; любопытствуя услышать, что разговариваютъ сіи двѣ женщины, я подлетѣвъ сѣлъ подлѣ ихъ, и разговоръ ихъ показался мнѣ очень чуднымъ.

Старуха была изъ числа тѣхъ торговокъ, продающихъ модные женскіе уборы, кои получаютъ болѣе прибытка отъ переноса любовныхъ писемъ, отъ склоненія молодыхъ дѣвушекъ къ любви и отъ назначенія любовникамъ свиданія, нежели отъ продажи кружевъ, чепчиковъ и модныхъ шляпокъ, а молодая дѣвушка, разговаривающая съ нею, была золотошвейка. Она имѣла видъ тихой, скромной и постоянной, однакожъ была одѣта богатѣе, нежели какъ бы было пристойно ея состоянію. „Послушай, Лизынька,—говорила старуха,—ты не должна надѣяться, чтобъ господинъ Расточителевъ непрестанно осыпалъ тебя своими подарками. Вотъ уже онъ подарилъ тебѣ два платья, три куска полотна и восемь иміріаловъ на твои забавы; ты все это чрезъ меня получила, но цѣлой уже почти мѣсяцъ ты мнѣ обѣщаешь пріѣхать со мною къ нему, и по сю пору не исполняешь своего слова. Не стыдно ли тебѣ обманывать такого честнаго господина, который дарить тебя столь щедро, и ищетъ только случая сдѣлать тебя счастливою? Ты сама, душенька, теряешь свое счастіе, и ежели еще поступать будешь такимъ образомъ, то послѣ сама раскаешься, но тогда уже будетъ поздно. Г. Расточителевъ говорилъ уже мнѣ о Машѣ, ему скучно твое упорство, и ежели онъ однажды увидитъ эту дѣвку, то она, конечно, заступитъ то мѣсто, которое для тебя готовилось:

тогда прощай платья, уборы и всѣ забавы, ты ничего уже имѣть не будешь, а попрежнему будешь провождать всю жизнь свою отъ утра до вечера въ шитьѣ золотомъ, и будешь видѣть Машу, которая ничѣмъ тебя не лучше, одѣтую въ богатое платье и ѣздящую по всѣмъ позорищамъ, такъ, какъ знатную барыню! Такъ, душенька, она будетъ, какъ знатная барыня! Да знаешь ли ты, что г. Расточителевъ намѣренъ для тебя нанять великолѣпной домъ, дать тебѣ богатой экипажъ и опредѣлить доходъ на всю твою жизнь? Это между нами сказано: я почитаю тебя дѣвицею скромною и не опасаюсь, чтобы ты ему о томъ пересказала: я чрезъ то лишилась бы совсѣмъ его довѣренности и, желая тебѣ услужить, потеряла бы въ немъ хорошаго покровителя. Ты меня знаешь, я не захочу тебя обманывать. Повѣрь, другъ мой, что все это я дѣлаю единственно изъ дружбы къ тебѣ; мнѣ очень досадно, что ты лишаешь себя такого благополучія. Посмотри на всѣхъ оперныхъ дѣвокъ: онѣ великолѣпіемъ своимъ кажутся графинями, но что были бы онѣ безъ любовниковъ? Имъ не на что бы было купить и башмаковъ! Подумай о своемъ счастіи, ты находишь такого честнаго и щедраго человѣка, который изъ золотошвейки хочетъ сдѣлать тебя подобною знатнымъ госпожамъ, а ты не склоняешься на его предложеніе! Ты въ этомъ случаѣ очень не разумна: не стыдно ли тебѣ? Я, право, думала найти въ тебѣ больше разума и разсудка!" — „Ахъ, Боже мой, госпожа Плутана!"—отвѣтствовала молодая дѣвица: „я очень бы желала быть другомъ господину Расточителеву, да онъ требуетъ отъ меня того, на что мнѣ очень трудно согласиться, и что меня чрезвычайно оскорбить можетъ. Ежели то правда, какъ ты мнѣ ска-

зываешь, что онъ столько меня любитъ, то для чего же все то, о чемъ ты мнѣ упомнила, не хочетъ онъ сдѣлать, не требуя отъ меня ничего, единственно только для того, чтобъ меня тѣмъ больше одолжить? Ежели бы я чувствовала къ господину Расточителеву столь великую любовь, какую чувствуетъ онъ, по увѣренію твоему, ко мнѣ, то я не требовала бы отъ него ничего такого, что бы ему не нравилось, и не стала бы просить его о такомъ снисхожденіи, которое бы его огорчило и повредило его честь. На что онъ хочетъ, чтобъ я къ нему пріѣхала? Не видитъ ли онъ меня всегда на гуляньѣ, въ церкви, на улицѣ и въ окошкѣ? Я, для угожденія ему, когда онъ стоитъ въ своемъ окнѣ, всегда стараюсь изъ нашего окна ему показываться, и мнѣ кажется, что онъ имѣлъ довольно уже времени на меня насмотрѣться".

— „Ты разсуждаешь", сказала старуха, „такъ, какъ трехлѣтній младенецъ. Неужли ты думаешь, что г. Расточителевъ можетъ быть доволенъ однимъ только на тебя смотрѣніемъ? Ежели бы ему нужно было только это, то нашелъ бы онъ множество статуй гораздо тебя прекраснѣе, на которыя смотря могъ бы довольствовать свое зрѣніе, ничего не тратя. Нѣтъ, душенька! для него нужна красота одушевленная. Ты показываешь въ себѣ совершенную невинность, однакожъ на самомъ дѣлѣ ты не такъ проста, какою себя показать хочешь: въ твои лѣта можно уже знать, что мущины любятъ женщинъ не съ тѣмъ, чтобъ только на нихъ смотрѣть. Неужели ты боишься два часа пробыть наединѣ съ г. Расточителевымъ? О! повѣрь мнѣ, я тебѣ въ томъ порукою, что такія свиданія не такъ опасны, какъ ты думаешь, и точно тебя увѣрю, что ежели ни два раза такимъ образомъ будешь имѣть съ нимъ свиданіе, то въ третій

разъ для самой тебя столько же казаться будетъ пріятно, сколько и для него. Спроси у Наташи, которая очень часто видалась съ г. Вѣтрогономъ, хорошимъ пріятелемъ г. Расточителева, — имѣетъ ли она причину жаловаться на первое уединенное свиданіе, которое она съ нимъ имѣла".

„Отъ того то самаго",—отвѣтствовала дѣвушка,—„что разсказывала мнѣ Наташа, я и боюсь быть наединѣ съ г. Расточителевымъ. Я никакъ не могла бы снести, ежели бы онъ сталъ со мною такъ же поступать, какъ пріятель его поступалъ съ Наташею ... Подумай, госпожа Плутана, хотя я и бѣдная золотошвейка, однакожъ столько же уважаю моею честью, какъ и знатная госпожа. Слава Богу, донынѣ я ни въ чемъ упрекать себя не могу, и могу побожиться безъ угрызенія совѣсти о моей невинности".

„Я очень въ этомъ увѣрена",—говорила старуха, усмѣхнувшись, „и ежели бы ты не была такова, то бы я за тебя не отвѣчала г. Расточителеву, но неужели ты хочешь навсегда таковою остаться? Скажи мнѣ, душенька, что лучше, быть честною и цѣломудренною, но худо одѣтою, бѣдною и отъ всѣхъ презрѣнною дѣвушкою, или безъ цѣломудрія быть богатою, одѣваться въ блистательные наряды, жить въ великолѣпномъ домѣ и ѣздить въ богатомъ экипажѣ? Я объ этомъ спрашиваю собственнаго твоего мнѣнія! Посмотри на старую свою мастерицу, у которой ты учишься шить золотомъ: она понынѣ сохраняетъ свое цѣломудріе, но почти умираетъ съ голоду: завидуешь ли ты ея жизни? Взгляни, напротивъ того, на Любострасту, которая никогда не думала о своемъ цѣломудріи: какой имѣетъ она богатой доходъ! Не захотѣла ли бы и ты жить такъ роскошно, какъ она? Ты слишкомъ уже уважаешь

своимъ цѣломудріемъ. Ахъ, другъ, мой! повѣрь мнѣ, что большая часть дѣвушекъ очень мало о немъ думаютъ, въ твои лѣта оно было бы для нихъ столько же тягостно, какъ сохраненіе тайны для болтливой старухи. Ежели бы я сама была на твоемъ мѣстѣ, то право бы не раздумала продать честь свою за такую дорогую цѣну. Упорство твое кажется мнѣ очень смѣшнымъ. Каждой день дѣвокъ по двадцати, а иногда и больше, сами просятъ меня, чтобъ я нашла для нихъ такого честнаго человѣка, которой бы захотѣлъ взять ихъ къ себѣ и доставилъ бы имъ порядочную жизнь въ свѣтѣ. Мы нынѣ живемъ, благодаря просвѣщенію, въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ оставили уже всѣ глупыя нѣжности и предразсудки. Тѣ, которые злословятъ дѣвокъ, живущихъ на содержаніи, и говорятъ объ нихъ худо, дѣлаютъ то единственно изъ зависти и изъ ревности; онѣ сами очень охотно хотѣли бы быть на мѣстѣ тѣхъ, которыхъ осуждаютъ. Повѣрь, радость моя, что было очень много дѣвушекъ, гораздо лучшаго передъ тобою состоянія, которымъ я доставила выгодныя мѣста; а ты не больше, какъ бѣдная золотошвейка, но такъ много уважаешь своею честію и упорствуешь послѣдовать примѣру другихъ! Ты хочешь въ себѣ показать болѣе цѣломудрія, нежели графиня Вѣтрана, княжна Щепетихина и прочія. Ты съ ума сходишь, душенька, въ тебѣ нѣтъ ни малаго разсудка. Мнѣ надобно надъ тобою сжалиться и постараться привести тебя на истинной путь. Обѣщайся мнѣ, что ты сдержишь свое слово, и сего же дня вечеромъ поѣдешь со мною ужинать къ г. Расточителеву. Я тебѣ буду вмѣсто матери, почитай меня истиннымъ своимъ другомъ, которой хочетъ сдѣлать тебя благополучною. Ежели ты будешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣ-

тамъ, то я постараюсь, чтобъ чрезъ два мѣсяца было у тебя до тридцати великолѣпныхъ платьевъ, должно по шести всякаго бѣлья, самаго лучшаго и тонкаго, и нѣсколько брилліантовъ. Увѣрь только меня, что ты не будешь впредь такъ глупа и станешь во всемъ меня слушаться".

„Ахъ, г. Плутана", отвѣтствовала молодая дѣвушка закрасиѣвшись, „я сама вижу, что ты ни говоришь, для меня очень полезно; признаться, я чрезвычайно люблю наряды, и для того желала бы пользоваться любовію г. Расточителева, но я все боюсь той страшной минуты, когда буду съ нимъ наединѣ. Желала бы я, ежели бы то было можно, чтобъ ты не отходила отъ меня ни на минуту."

„О! ежели только этого тебѣ хочется", сказала старуха, „то я не отрицаюсь тебя удовольствовать. Г. Расточителевъ имѣетъ ко мнѣ совершенную довѣренность, и мое присутствіе нимало его не потревожитъ". — „Однакожъ я прошу тебя", говорила дѣвица, „что ежели" ... „О! будь увѣрена", прервала рѣчь ея старуха, „что я тебѣ отвѣтствую за твою безопасность, и надѣюсь, что ты современемъ за все то сама будешь меня благодарить, когда, слѣдуя моимъ совѣтамъ, увидишь себя живущую въ роскоши и веселостяхъ".

Послѣ сихъ словъ старуха вышла изъ сада, и дѣвушка за нею послѣдовала въ великомъ смущеніи; онѣ обѣ сѣли въ наемную карету и поѣхали въ улицу ... А я, мудрый и ученый Маликульмулькъ, опять поднялся на воздухъ, проклиная эту проклятую старуху, адскую фурію и сообщницу злыхъ духовъ, которая старалась хитрыми своими словами склонить къ потерянію добродѣтели бѣдную и цѣломудренную дѣвку. Я желалъ отъ всего моего сердца, чтобъ

эта старая хрычовка, рано или поздно, получила достойное наказаніе за свои злодѣйства, и чтобъ ее хорошенько выстегали прутьями и засадили бы на всю ея жизнь въ смирительной домъ.

Письмо VIII.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку.

Когда воображаю я, мудрый и ученый Маликульмулькъ, что человѣкъ ничѣмъ другимъ не отличается столько отъ прочихъ твореній, какъ великостію своей души, пріобрѣтаемыми познаніями и употребленіемъ въ пользу тѣхъ дарованій, коими Небо его одарило, тогда, обращая взоръ мой на жилище смертныхъ, съ сожалѣніемъ вижу, что поверхность обитаемаго ими земнаго шара удручается множествомъ такихъ людей, коихъ бытіе какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества совершенно безполезно, и кои не только не вмѣняютъ въ безчестіе слыть тунеядцами, но по странному нѣкоему предубѣжденію почитаютъ праздность, презрѣніе наукъ и невѣжество наилучшими показательствами превосходства человѣческаго.

Деревенской дворянинъ, который провождаетъ всю свою жизнь, гоняясь цѣлую недѣлю по полямъ съ собаками, а по воскреснымъ днямъ напиваясь пьянъ съ приходскимъ своимъ священникомъ, почелъ бы обезчещеннымъ благородство древней своей фамиліи, еслибъ занялся когда чтеніемъ какой нравоучительной книги, ибо съ великимъ трудомъ едва научился онъ разбирать и календарные знаки. Науки почитаетъ онъ совсѣмъ несвойственнымъ для благородныхъ людей упражненіемъ; главнѣйшее же ихъ

преимущество поставляетъ въ томъ, чтобъ повторять часто съ надменностію сіи слова: мои деревни, мои крестьяне, мои собаки и прочее сему подобное. Онъ думаетъ, что исполняетъ тогда совершенно долгъ дворянина, когда, цѣлый день гоняясь за зайцами, возвращается къ вечеру домой и разсказываетъ съ восторгомъ о тѣхъ неисповѣдимыхъ чудесахъ, которыя надѣлали въ тотъ день любимыя его собаки. Словомъ, ежедневное его упражненіе состоитъ въ томъ, что онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ и ѣздитъ съ собаками.

Дворянинъ, живущій въ городѣ и слѣдующій по стопамъ нынѣшнихъ модныхъ вертопраховъ, не лучше разсуждаетъ о наукахъ: хотя и не презираетъ онъ ихъ совершенно, однакожъ почитаетъ за вздорныя и совѣмъ за безполезныя познанія. „Неужели“, говоритъ онъ, „долженъ я ломать голову, занимаяся сими глупостями, которыя не принесутъ мнѣ никакой прибыли? Къ чему полезна философія? Ни къ чему болѣе, какъ только что упражняющихся въ оной глупцовъ претворяетъ въ совершенныхъ дураковъ. Разбогатѣлъ ли хотя одинъ ученой отъ своей учености? Наслаждается ли онъ лучшимъ здоровьемъ, нежели прочіе? — Совѣмъ нѣтъ! Ученые и философы таскаются иногда по міру: они подвержены многимъ болѣзнямъ, по причинѣ чрезмѣрнаго ихъ прилежанія; зарывшись въ книгахъ, провождаютъ они цѣлые дни безвыходно въ своихъ кабинетахъ, и, наконецъ, послѣ тяжкихъ трудовъ, живучи во всю свою жизнь въ бѣдности, умираютъ таковыми же. Куда какое завидное состояніе! — По истинѣ, надобно сойтить съ ума, чтобъ имъ послѣдовать. Пусть господа ученые насыщаютъ желудки свои зелеными лаврами и утоляютъ жажду струями Инпо-

крены; что до меня касается, я не привыкъ къ ихъ ученой пищѣ. Столъ, уставленной множествомъ блюдъ съ хорошимъ кушаньемъ, и нѣсколько бутылокъ бургонскаго вина несравненно для меня пріятнѣе. Вставъ изъ-за стола, спѣшу я какъ наскорѣе заняться другими веселостями: лечу на балъ, иногда бѣгу въ театръ, послѣ въ маскерадъ; и во всѣхъ сихъ мѣстахъ пою, танцую, рѣзвлюсь, кричу и всѣми силами стараюсь, чтобы, ни о чемъ не помышляя, упражняться единственно въ забавахъ".

Вотъ, премудрый Маликульмулькъ, какимъ образомъ разсуждаютъ о наукахъ большая часть дворянъ. Сколь достойны они сожалѣнія! — Еслибъ сіи ослѣпленные глупымъ предразсужденіемъ тунеядцы могли когда почувствовать сіе сладчайшее удовольствіе, сіе таинное восхищеніе, которое люди, упражняющіеся въ наукахъ, ощущаютъ, то перестали бы взирать на нихъ, какъ на несчастныхъ, лишенныхъ въ жизни сей всякаго утѣшенія. Науки суть свѣтила, просвѣщающія души: человѣкъ, объятый мракомъ невѣжества, во сто разъ слѣпѣе того, который лишенъ зрѣнія отъ самаго своего рожденія. Гомеръ хотя и не имѣлъ глазъ, однакожъ все видѣлъ: завѣса, скрывающая отъ него вселенную, была предъ нимъ открыта, и разумъ его проницалъ даже во внутренность самаго ада.

Если дворяне, праздно живущіе въ деревняхъ и слѣдующіе модамъ нынѣшняго свѣта, будучи предубѣждены въ пользу своего невѣжества, мыслятъ столь низко и столь несвойственно съ званіемъ своимъ о наукахъ, то и служащіе въ военной службѣ иногда подвержены бываютъ равному заблужденію. Жизнь сихъ людей, въ мирное время, протекаетъ въ

различныхъ жалостяхъ и совершенной праздности: биліярдъ, карты, пуншъ и волокитство за пригожими женщинами, — вотъ лучшее упражненіе большей части офицеровъ. Ученый человѣкъ, въ глазахъ ихъ, не что иное, какъ дуракъ, поставляющій въ томъ только свое благополучіе, чтобъ перебирать безпрестанно множество сшитыхъ и склеенныхъ лоскутковъ бумаги. „Какое удовольствіе“, говорятъ они, „сидѣть запершись одному въ кабинетѣ, какъ медвѣдю въ своей берлогѣ? Зрѣніе наслаждается ли такимъ же удовольствіемъ при разсматриваніи библіотеки, какъ и при возврѣніи на прелести пригожей женщины? Вкусъ можетъ ли равно удовольствоваться быть чтеніемъ книгъ, какъ шампанскимъ и бургонскимъ виномъ? Осязаніе бумаги съ такою ли пріятностію поражаетъ наши чувства, какъ прикосновеніе къ нѣжной рукѣ какой красавицы? Слухъ равное ли ощущаетъ удовольствіе отъ звука ударяющихся математическихъ инструментовъ, какъ отъ пріятнаго согласія опернаго оркестра? Чернила и песокъ такое же ли испускаютъ благовоніе, какъ душистая наша пудра и помада? Какую скучную жизнь провождаютъ ученые! Возможно ли, чтобы человѣкъ, для пріобрѣтенія совсѣмъ безполезныхъ въ общежитіи знаній, жертвовалъ для нихъ своимъ покоемъ и веселостями“.

Такъ разсуждаетъ пустоголовой офицеръ, превозносящійся своимъ невѣжествомъ. Равнымъ образомъ и сластолюбивый богачъ, пользуясь оставшимся послѣ отца награбленнымъ имѣніемъ и получая пятнадцать тысячъ рублей ежегоднаго доходу, нимало не помышляетъ о наукахъ. Роскошь и нѣга въ такое привели его разслабленіе, что потерялъ онъ почти совсѣмъ привычку дѣйствовать не только разумомъ,

но и своими членами [1]. Препроводя во снѣ большую часть дня, едва лишь только откроетъ онъ глаза, то входятъ къ нему въ спальню три или четыре камердинера, кои, вытащивъ его изъ пуховиковъ, составляющихъ нѣкоторый родъ гробницы, гдѣ ежедневно на двѣнадцать часовъ онъ самъ себя погребаетъ, обуваютъ его, одѣваютъ и, наконецъ, сажаютъ въ большія кресла, на которыхъ дожидается онъ спокойно обѣденнаго времени. За столомъ просиживаетъ онъ три или четыре часа и наполняетъ свой желудокъ тридцатью различными ѣствами, надъ приготовленіемъ которыхъ трудились во все утро пять или шесть поваровъ. Послѣ обѣда садится онъ опять на прежнее мѣсто, гдѣ засыпаетъ или забавляется разсказами нѣсколькихъ блюдолизовъ, привлеченныхъ въ его домъ пріятнымъ запахомъ его кухни. Потомъ подвозятъ ему великолѣпной экипажъ; два лакея, подхватя подъ руки, сажаютъ его въ карету, съ такою же трудностію, какъ бы нѣсколько сильныхъ извощиковъ накладывали на телѣгу мраморную статую. Въ семъ положеніи ѣздитъ онъ по городу до самаго ужина. Свѣжій воздухъ возобновляетъ въ немъ охоту къ пищѣ, и движеніе кареты способствуетъ его желудку варить пищу, коею онъ во время обѣда чрезъ мѣру былъ отягощенъ. Возвратясь домой, находитъ у себя великолѣпной столъ и, просидѣвъ за онымъ до полуночи, ложится опять спать. — Вотъ точное описаніе повседневныхъ упражненій роскошнаго сластолюбца. Итакъ, если во всю свою жизнь ничего онъ болѣе не дѣлалъ, какъ только спалъ или, подобно разслабленному, пребывалъ въ бездѣйствіи, то

[1] Дальнѣйшее очень похоже на статью „Утренняя часть“ (17[illegible] III, 60 — 61) „Роднябаръ“.

можно ли будетъ сказать послѣ его смерти, что онъ когда-нибудь жилъ на свѣтѣ?

Безконечно бы было, мудрый и ученый Маликульмулькъ, еслибъ началъ я исчислять слабости или, яснѣе сказать, дурачества нѣкоторой части земныхъ обитателей, а скажу только, что глупое ихъ противъ наукъ предубѣжденіе заставляетъ меня думать, что на землѣ столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь не много сыщется безпристрастныхъ судей и некорыстолюбивыхъ секретарей.

Письмо IX.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Кто бы повѣрилъ, любезный Маликульмулькъ, что должность, возложенная на меня Прозерпиною, есть самая труднѣйшая изъ всѣхъ должностей! Я мучусь, какъ Танталь, и что еще страшнѣе, то опасаюсь, чтобъ и мое мученіе не было бы такъ же безконечно, какъ и его. Уже нѣсколько дней тому, какъ надѣялся я по обѣщанію Вѣтродума сдѣлать знакомство съ его теткою, но, не видя и самого его по сіе время, принялся было закупать наряды. Всякой день въ великомъ множествѣ покупаю ихъ по послѣдней модѣ, завертываю и укладываю, но лишь хочу оные отправить, какъ вдругъ услышу, что вышли вновь уборы самаго лучшаго вкуса и послѣдней моды.

А тѣ уборы,—спрашиваю я,—которые вчера столь много превозносили?

— О! ничто не можетъ быть ихъ глупѣе! — отвѣтствуютъ мнѣ. - Благоразумная женщина нынѣш-

няго свѣта лучше согласится десять разъ въ день убрать модным образомъ голову своего мужа, нежели осрыдить себя, показавшись въ общество во вчерашнемъ уборѣ!

Послѣ такой прекрасной вѣдомости я съ досадой кидаю свою посылку и набираю мвожество новыхъ нарядовъ, которые на другой день такъ же становятся негодны, а я остаюсь въ отчаяніи исполнить желаніе Прозерпины.

Въ такихъ то хлопотахъ вздумалъ я загладить свою скуку какимъ-нибудь веселымъ препровожденіемъ времени, которое бы подало мнѣ лучшій способъ узнать правы и обычаи сего государства ... Я хотѣлъ для сего читать ихъ книги, но во многихъ писателяхъ нашелъ или пристрастныхъ льстецовъ, сокрывающихъ пороки своихъ одноземцевъ, или гнусныхъ сатириковъ, которые ругаютъ свое отечество безъ всякой другой причины, какъ только, чтобы показать остроту своего пера; а потому я оставилъ сіе упражненіе и рѣшился не въ кабинетѣ своемъ и не по праву своего трактирщика судить объ общемъ правѣ всего государства, но захотѣлъ для сего вмѣшаться самъ въ общество, чтобъ имѣть о немъ лучшее понятіе, и для того выбралъ я себѣ въ проводники одного молодого и знатнаго человѣка, съ которымъ надеженъ я имѣть входъ во многіе домы. Ты, можетъ быть, подумаешь, что проводникъ мой преважная особа: нѣтъ, другъ мой, это молодой повѣса, препровождающій всю свою жизнь въ палостяхъ, которыми угѣшаетъ онъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ занмодателей, изпуряетъ себя, отъ чего часто бываетъ болезнь, и тѣмъ хвалится, какъ заслуженный воинъ своими ранами. Ему хотя не болѣе двадцати лѣтъ,

однако онъ успѣлъ уже болѣе тридцати смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь бѣлыми, какъ хлопчатая бумага; надобно тебѣ знать, любезный Маликульмулькъ, что бѣлый цвѣтъ здѣсь въ превеликой модѣ, и что всѣ молодые люди сего города съ великою жадностію его себѣ пріобрѣтаютъ; и въ короткое время надѣяться должно, что сей бѣлый цвѣтъ сдѣлается здѣсь природнымъ или наслѣдственнымъ, ибо болѣе, нежели двѣ трети изъ жителей сего города успѣли уже по сіе время записать себя въ число сихъ бѣлолицыхъ. Но, оставя это, возвратимся къ моему проводнику.

Съ такими то хорошими качествами во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего незначащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то зачинаютъ всѣ хохотать во все горло, ожидая съ терпѣливостію, когда онъ откроетъ причину своей улыбки, еслижъ кто съ подобострастіемъ спроситъ у него о причинѣ оной, и когда господинъ сей отвѣтитъ „такъ!“, тогда начинаютъ удивляться премудрой его молчаливости, а вмѣсто его приходитъ въ замѣшательство и краснѣетъ сдѣлавшій ему вопросъ. Припрыжкинъ (это имя моего знакомца) имѣетъ отмѣнное велерѣчіе; онъ часто разсказываетъ то часа по три, что другой на его мѣстѣ сказалъ бы въ двухъ словахъ, ибо онъ имѣетъ отличное дарованіе убивать свое время: поутру занятъ онъ зеркаломъ, потомъ нѣсколько часовъ занимается столомъ, послѣ чего развозитъ вѣсти по городу, а остающееся отъ сего время играетъ въ карты, предается чувственнымъ забавамъ, ужинаетъ и ложится опять спать, чтобы на другой день по обыкновенію своему встать около полудни и препро-

водить въ такихъ же упражненіяхъ весь день, въ какихъ препроводилъ прошедшей. Вотъ, любезный Маликульмулькъ, важнѣйшія его дѣла, отъ которыхъ однакожъ не остается ему и столько времени, чтобы могъ онъ вспомнить, что онъ живетъ на свѣтѣ.

Я уже напередъ воображаю, что ты или станешь меня бранить за такое худое товарищество, или подумаешь, что въ семъ городѣ нѣтъ ни одной путной головы; напротивъ того, ученый Маликульмулькъ, здѣшняя земля въ произведеніи хорошихъ умовъ есть самая обильная, и я могу тебѣ начесть въ семъ одномъ городѣ человѣкъ десятокъ очень неглупыхъ людей.—Но участь оныхъ почти одинакова во всемъ свѣтѣ. — Мнѣ случалось видать въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ портреты ученыхъ людей, хотя тѣ самые ученые совсѣмъ не имѣли входу и въ ихъ прихожія [1]. Здѣсь въ большомъ свѣтѣ почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній или чтобъ не знать имянъ современныхъ писателей, но чтобъ читать тѣ сочиненія, то считается за потерю времени, а чтобъ имѣть знакомство съ авторами, то почитается подлостію, ибо въ сихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однакожъ несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказалъ тебѣ, любезный Маликульмулькъ, что надобны деньги, чтобъ имѣть хорошее знакомство, а ученые вообще почти всѣ бѣдны; притомъ же тебѣ извѣстно, сколь давно они въ побранкѣ съ фортуною, которая смотритъ на ихъ сатиры и брани точно такъ, какъ рослой драгунъ на лаянье малень-

[1] То же указывалъ Крыловъ въ своемъ „Кашѣ".

кой постельной собачки [1], и для того почти всегда

Фортуна жалуетъ разсудку вопреки,
Чтобъ были счастливѣй разумныхъ дураки.

Вотъ тебѣ и стихи, любезный Маликульмулькъ: ожидалъ ли ты когда отъ меня оныхъ? Извини однакожъ, я теперь въ такомъ городѣ, гдѣ эта язва во всей своей силѣ свирѣпствуетъ, а какимъ образомъ я сдѣлался стихотворцемъ, о томъ я тебѣ разскажу въ свое время, но между тѣмъ я долженъ возвратиться къ своей повѣсти.

Молодой Припрыжкинъ, какъ новопріѣзжему, желая показать рѣдкости сего города, возилъ меня въ лучшіе аглинскіе магазины и во французскія модныя лавки, гдѣ, наряду съ прочими такими же вѣтрениками, каковъ онъ, платилъ за дурачества тяжелыя подати иностранцамъ, покупая двухрублевую вещь за десять и за двадцать рублевъ. Онъ доставлялъ мнѣ рѣдкіе товары и одѣвалъ меня по вкусу искусныхъ торговокъ.

— Любезный другъ,—сказалъ онъ мнѣ:—вчера ты еще ничего лучшаго здѣсь не видалъ, если не видалъ нашихъ маскерадовъ: сегодни я тебѣ покажу подлинно стоящее любопытства зрѣлище, соотвѣтствующее великолѣпію сего обширнаго города.

— Я согласенъ,—сказалъ я,—и теперь же начну для того одѣваться.

— Оставь, пожалуй, это на мое попеченіе,—отвѣчалъ онъ,—ты одѣнешься подъ моимъ смотрѣніемъ, какъ первый щеголь; я теперь ѣду къ себѣ и чрезъ минуту пришлю къ тебѣ француза, перваго парикмахера въ семъ городѣ; но какъ ты еще человѣкъ безъ опытовъ въ большомъ свѣтѣ, то нужно, чтобъ

[1] См. подобное сравненіе въ „Живописцѣ" Новикова.

я сдѣлать тебѣ одно замѣчаніе: пожалуй, обходись съ нимъ какъ можно почтивѣе; правда, хотя онъ ремесломъ и парикмахеръ, но онъ французъ, притомъ же и превеликой богачъ, имѣющій тысячъ до девяти въ годъ доходу, а у насъ не всякой и заслуженной генералъ столько имѣетъ; прибавь къ тому, что многіе знатные люди почитаютъ за удовольствіе быть вписанными въ алфавитную роспись счетной его книги, по которой можно заподлинно видѣть, сколько онъ честенъ; хотя нѣкоторые и говорятъ, что сей парикмахеръ грабитъ, обираетъ и обманываетъ людей, но тѣмъ однакожъ онъ не менѣе славенъ, почему и должно имѣть къ нему нѣкоторое уваженіе, особенно за то, что онъ благодѣтельствуетъ молодымъ людямъ, давая имъ въ долгъ разныя галантерейныя вещи, которыя потомъ промѣниваютъ они, съ уступкою трехъ доль, на наличныя деньги; иногда же ссужаетъ онъ и наличною монетою, разумѣется, что подъ порядочной закладъ и съ полученіемъ умѣренныхъ процентовъ, но лучшее и главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ помогаетъ намъ въ нашихъ любовныхъ интригахъ. Представь же, если столь полезный человѣкъ будетъ раздраженъ гордостію простого пріѣзжаго дворянина и оставитъ сей городъ, то тѣмъ заставишь ты осиротѣть всѣхъ нашихъ молодыхъ щеголей, и наши головы потеряютъ безъ него три четверти своихъ дарованій! —

Я обѣщалъ молодому Припрыжкину всевозможное уваженіе къ его французскому парикмахеру, и изъ почтенія къ оному, конечно, бы не сѣлъ въ его присутствіи, еслибы нескусство его того не требовало. Потомъ онъ вышелъ, и полчаса спустя вошелъ ко мнѣ ожидаемый французъ. Приборъ его соотвѣтствовалъ чистотѣ его ремесла, а его лицо изобра-

жало важность, приличествующую глубокомысленному министру; и сколько наружность доказывала его состояніе, столько поступки опровергали сіи доказательства. Мнѣ казалось, что я видѣлъ въ немъ знатнѣйшаго придворнаго, переодѣтаго въ парикмахерское платье.

— Пожалуйте, сударь, уберите мою голову, — сказалъ я сему почтенному искуснику (примѣть, любезный Маликульмулькъ, хорошо ли я играю лицо нововступающаго въ свѣтъ деревенскаго дворянина), потомъ сѣлъ я безъ всякой заботы и отдалъ на его попеченіе свою голову, ожидая ея перерожденія подъ его гребенкою.

Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной гишпанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ коею должна храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но, напротивъ того . . . Однакожъ оставимъ это, я не хочу никого вооружать противъ себя, и если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно. Что касается до сего парикмахера, то признаюсь, что онъ показался мнѣ знающимъ во всѣхъ частяхъ: едва успѣлъ онъ взять въ руки свои гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія, и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта, и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда сей незастѣнчивой человѣкъ, ни мало не краснѣясь, говорилъ,

что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой то министръ, такой то сенаторъ и такой то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи, и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ; но сколько для меня ни страненъ свѣтъ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ я за грѣхъ почитаю вѣрить, чтобъ здѣшніе министры управлялись французскими парикмахерами. Напослѣдокъ кончилась чоска моей головы, съ коею кончились и политическіе разговоры; а все это стоило мнѣ пяти рублевъ, послѣ чего мы откланялись другъ другу съ великою учтивостію.

Вскорѣ потомъ прибылъ ко мнѣ г. Припрыжкинъ, и я, подъ его руководствомъ одѣвшись, поѣхалъ съ нимъ въ то собраніе, которое онъ превозносилъ столько похвалами. Мы остановились у большого освѣщеннаго дома, гдѣ, вышедъ изъ своей кареты, вошли въ комнаты, которыя наполнены были разнаго званія и состоянія великимъ множествомъ людей, имѣвшихъ на себѣ странныя одежды, составленныя большею частію изъ нѣкотораго рода лоскутковъ, а лица ихъ покрыты были безобразными личинами, въ коихъ многіе казались страшилищами, похожими на тѣхъ злобныхъ жителей тартара, которые адскимъ судомъ опредѣлены для истязанія человѣческихъ тѣней, заслуживающихъ оное. Я не знаю, для того ли они наряжаются такимъ образомъ, чтобъ показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ по расположенію своихъ душъ, сходствующихъ, можетъ быть, съ тою пріемлемою ими безобразностію; или, что они любятъ быть неузнаваемыми и казаться всегда

въ другомъ видѣ, нежели каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Если сіе замѣчаніе справедливо, то можно сказать, что весь свѣтъ наполненъ чудовищами, или что сей свѣтъ есть не что иное, какъ обширное зданіе, въ которомъ собрано великое множество маскерованныхъ людей, изъ коихъ, можетъ быть, большая часть, подъ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носятъ обманъ, злобу и вѣроломство. Но оставимъ такія замѣчанія, для самого меня непріятныя, о истинѣ которыхъ ты самъ по прочтеніи моего письма, можетъ быть, удостовѣришься, и возвратимся къ моей повѣсти.

Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ Припрыжкинъ, сказавъ мнѣ, гдѣ и какъ со мной сойтиться, скрылся отъ меня, какъ молнія; а я, оставшись одинъ, началъ прохаживаться по обширнымъ залламъ, въ коихъ, несмотря на безобразныя личины людей, веселіе и радость повсюду были ощущаемы, и вольность казалася быть душою всего маскерованнаго собранія, такъ что сіе привело меня въ несказанное удивленіе; мнѣ представилось тогда, что люди не иначе умѣютъ пользоваться собственною своею свободою и удовольствіями, какъ прикрывая себя такими личинами. Едва кончилъ я сіе замѣчаніе, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ ближней комнатѣ, бросился узнать тому причину, но уже дѣйствующія лица были уведены, и оттуда возвращалась толпа молодыхъ людей, которые хохотали во все горло.

— Позвольте спросить, — сказалъ я первому встрѣтившемуся мнѣ, — что было причиною сего шума.

— Ничего, сударь, — отвѣчалъ онъ, — это сущая бездѣлица, — это небольшая шутка, которую я сдѣлалъ съ моею теткою: добренькая старушка

была смертельно влюблена въ моего егеря, но, по несчастію, имѣетъ она ревниваго мужа, который не допускаетъ ее до такихъ малозначащихъ вольностей. Примѣтя любовь ея, я выдумалъ способъ получить посредствомъ оной деньги и уговорить своего егеря, чтобы онъ старался имѣть съ нею здѣсь свиданіе. Благосклонная тетушка, согласясь на его предложеніе, свела здѣсь съ мужемъ своимъ свою пріятельницу, одѣтую въ одинаковое съ нею платье, сама между тѣмъ ускользнула съ своимъ Адонисомъ; тогда не медля подослалъ я своего друга, который въ сихъ мѣстахъ надзирателемъ благопристойности, а онъ, схватя нашихъ любовниковъ, отвелъ ихъ подъ арестъ.

— Ахъ!—вскричалъ я,—и вы имѣли удовольствіе такъ безчеловѣчно спутить съ вашею тетушкою!

— Какой вздоръ!—отвѣчала мнѣ маска,—я хочу только имѣть деньги: тетка моя хотя очень скупа, но вѣрно за выкупъ свой и любезнаго егеря заплатитъ хорошія деньги, которыя я, раздѣля съ Надзоромъ, смотрителемъ здѣшней благопристойности, — получу вѣрной способъ блеснуть хорошими нарядами или видѣть въ новомъ экипажѣ мою любезную Англулукрецію [1].

Послѣ сего онъ скрылся, и оставилъ меня удивляться пронырству своего ума и слабости его тетушки.

Позадумавшись нѣсколько, пошелъ я впередъ, какъ вдругъ ударился лобъ объ лобъ съ отчаяннымъ человѣкомъ, который, сорвавъ съ себя маску, бѣгалъ по комнатамъ, какъ бѣшеной.

— Государь мой!—сказалъ я,—мнѣ думается, что

---

[1] Нецѣломудренную женщину.

въ такихъ пространныхъ залахъ можно ходить, не стучась лбами; въ противномъ случаѣ это собраніе можетъ только быть выгодно однимъ рогатымъ лбамъ.

— Ахъ! сударь, — отвѣчалъ мнѣ сей господинъ,—извините мой проступокъ; отчаяніе мое причиною сей неосторожности: я обманутъ самымъ гнуснымъ образомъ.

— Какъ, — сказалъ я, — въ здѣшнемъ благородномъ обществѣ могутъ быть обманщики ...

— Ахъ! я вижу,—вскричалъ онъ,—что и вы человѣкъ новопріѣзжей. Признаюсь, что я самъ былъ лучшаго мнѣнія о сихъ собраніяхъ, пока несчастнымъ опытомъ не узналъ своей ошибки. Отецъ мой былъ богатой дворянинъ, онъ недавно умеръ, а я со всѣми его деньгами пріѣхалъ сюда изъ отдаленнаго города, чтобъ вступить въ службу. Игра, пагубная страсть молодыхъ людей, не умедлила овладѣть мною; я вошелъ въ число бродягъ, которые, гоняясь за счастіемъ, лишаются пропитанія. Нѣсколько разъ испытавъ несчастіе проигрыша, наконецъ, собравъ послѣднія свои деньги и пріѣхавши въ сей проклятой домъ, сдѣлалъ банкъ въ макао [1]; незнакомая маска сѣла подлѣ меня и просила принять ее въ десятую долю; видя деньги, 1000 рублевъ, я согласился сдѣлать это удовольствіе и началъ метать карты; множество незнакомыхъ людей зачали понтировать, но я примѣтилъ, что многія брали у меня деньги, не ставя картъ, а другіе сдергивали свои карты, когда они проигрывали, и скрывались въ толпѣ людей. Раздраженный такимъ гнуснымъ обманомъ [2], бросилъ я карты и хотѣлъ разсчитаться съ моимъ товарищемъ, который записывалъ мой проигрышъ и вы-

[1] Азартная карточная игра.

[2] Въ подлинникѣ „грустнымъ".

игрышъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни денегъ, ни его со мною нѣтъ. Вообразите мое удивленіе и горесть, бывъ не только что обокраденъ, но и лишенъ надежды узнать и наказать этова бездѣльника.

— Я сердечно сожалѣю о вашемъ несчастіи, — отвѣчалъ я,—и дивлюсь, что въ подобныя общества пускаются такіе плуты; я до сихъ поръ думалъ, что ворами опасны только большія дороги.

— Ахъ! государь мой, — вскричалъ сей несчастный игрокъ,—благодаря правительству сіи бездѣльники всѣ согнаны съ большихъ дорогъ, но, по несчастію, они умножились въ городахъ, и города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги.

Послѣ чего пошелъ онъ отъ меня, продолжая свои восклицанія.

„Вотъ сколь прекрасныя сіи собранія“,—думалъ я самъ въ себѣ,—„которыя столь торжественно выхвалялъ мнѣ Припрыжкинъ, и кои способствуютъ только обманывать мужей, грабить ближняго и дѣлать дурачества!“. Скажи мнѣ на сіе, любезный Маликульмулькъ, не справедливы ли давнишнія мои замѣчанія, по коимъ можно видѣть, что люди для того единственно выдумали сіи собранія, чтобъ, ходя подъ гнусными личинами, удобнѣе могли производить безъ зазрѣнія совѣсти безумное свое своеволіе, и что сіи маскерады есть картина свѣта, представленная въ маломъ видѣ? Но если ты захочешь сравнить оную съ ея подлинникомъ, то оная не иначе почесться можетъ, какъ слабымъ спискомъ ... Но закроемъ сіе завѣсою. — Я скажу тебѣ однакожъ, что сколь веселіе, радость и свобода ни кажутся душою таковыхъ собраній, но я твердое положилъ намѣреніе никогда впередъ не заглядывать въ такія мѣста.

Вскорѣ потомъ встрѣтился мнѣ Припрыжкинъ, и мы съ нимъ выѣхали изъ маскерада.

— Сіи то собранія,—сказалъ я ему тогда,—такъ тебѣ нравятся!..

— Ахъ, нѣтъ!—вскричалъ онъ,—я сегодни очень худо награжденъ.

— Какъ, и ты не доволенъ? — перехватилъ я рѣчь его:—но что жъ этому причиною?

— Представь мое несчастіе,—сказалъ онъ, — посредствомъ давишняго парикмахера назначено мнѣ было отъ одной прекрасной дѣвушки здѣсь свиданіе, чему я охотно повѣрилъ, зная, что ничего нѣтъ легче въ здѣшнихъ маскерадахъ, какъ дочкѣ отвязаться отъ матушки, которая часто сама только того и мѣтитъ, чтобъ увернуться отъ дочки; пріѣхавши сюда, увидѣлъ я мою красавицу, ходящую уже одное въ бѣломъ капуцинѣ; я съ нѣжностію схватилъ и пожалъ ея руку, она мнѣ отвѣчала тѣмъ же: это былъ нашъ условной знакъ. При такомъ взаимномъ согласіи, намъ скучными показались всѣ залы, и мы шли въ уединеніе; наконецъ, вошли въ отдаленную комнату, но, опасаясь, чтобъ кто не подслушалъ нашихъ рѣчей, я дѣлалъ ей любовныя изъясненія пантомимами, и мы по тѣхъ поръ оныя продолжали, какъ, наконецъ, вынуждена она была сбросить маску. — Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда, вмѣсто воображаемой красавицы, увидѣлъ старую мумію лѣтъ во сто; съ досадою и страхомъ бросился я отъ нея, какъ отъ мертвеца, и, тысячу разъ проклиная ее, жалѣлъ, что потерялъ съ старою хрычовкою то время, которое назначено было для прелестной молодой особы.—Вотъ чѣмъ только не нравятся мнѣ сіи проклятые маскерады!

— Но неужели женщинамъ они пріятны?—сказалъ я.

– О! это совсѣмъ другое,—отвѣтствовалъ Припрыжкинъ: — женщина можетъ весьма великодушно снести нѣсколько такихъ ошибокъ, но молодой щеголь не всегда съ успѣхомъ можетъ загладить такую погрѣшность.

Вотъ тебѣ, любезный Маликульмулькъ, краткое начертаніе предметовъ, попавшихся мнѣ на глаза, и я надѣюсь вскорѣ еще увѣдомить тебя о новыхъ людскихъ дурачествахъ.

Письмо X.

Отъ Сильфа Свѣтовида.

До сихъ поръ я всегда удивлялся мнѣніямъ тѣхъ философовъ, которые душу человѣческую уподобляли жизненнымъ силамъ скотовъ, но я не знаю, любезный Маликульмулькъ, случалось ли тебѣ видать смѣшные поступки тѣхъ господчиковъ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ *людьми, любви достойными, веселыми и знающими свѣтское обращеніе:* взирая на нихъ, ты самъ могъ бы имѣть справедливую причину почесть ихъ въ равной степени съ обезьянами, и я удивляюсь, что тѣ философы, для лучшаго убѣжденія въ своихъ мнѣніяхъ, не объяснили, что они говорили то, сравнивая петиметра [1] съ обезьяною, ибо надлежитъ признаться, что, взирая на петиметра и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духовна, или душа петиметра вещественна, потому что, по примѣчанію моему, объ сіи души имѣютъ одинакія между собою свойства, одинакія движенія и одинакія страсти, а посему должны имѣть и оди-

[1] Щеголь, фатъ.

накую сущность, и быть равно или вещественны, или духовны. Итакъ, ежели полагать, что душа петиметра есть духовна, то надобно думать, что и душа обезьяны есть такова же.

Послѣ сего перваго предложенія остается теперь доказать сходственность мыслей, чувствъ и склонностей между обезьяною и петиметромъ, и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать сіе доказательство. Я поставляю себя на одну минуту на мѣсто философа, утверждающаго сіе мнѣніе:

— Не правда ли,—вопрошаю я,—что не должно и не можно иначе судить о естествѣ души, какъ по видимымъ въ ней дѣйствіямъ и движеніямъ, ибо существенность ея не можетъ быть видима никакими глазами. Итакъ, посмотримъ, какія суть дѣйствія и движенія души петиметра? — Она, управляя тѣломъ, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе, иногда заставляетъ его свистать, иногда понуждаетъ его танцовать, прыгать, скакать, вертѣться, и все сіе заставляетъ дѣлать безъ всякой побудительной причины, и столь поспѣшно, что всякой можетъ примѣтить, что разумъ и разсудокъ нимало не вмѣшивается въ сіи прыжки и обороты. Подобно сему я вижу и обезьянъ скачущихъ, прыгающихъ и вертящихся, и когда разсматриваю внимательно всѣ сіи ихъ движенія, то нахожу точное подобіе разныхъ кривляній и прыжковъ молодого вертопраха, находящагося среди женщинъ —

Но поступимъ далѣе съ симъ точнымъ и справедливымъ сравненіемъ.

Когда обезьяна смотрится въ зеркало, тогда, прельщаясь собою, удвоиваетъ она смѣшныя свои коверканья, оказываетъ всю свою легкость въ вертѣніи и прыганіи, ворчитъ сквозь зубы нѣчто со-

всѣмъ невразумительное, чего бы и подобная ей другая обезьяна никакъ не могла понять. Петиметръ точно такъ же, взирая на себя въ большое стѣнное зеркало, представляетъ тѣ жъ самые движенія и обороты: онъ всего вокругъ себя осматриваетъ, множество разъ на всѣ стороны повертывается, поднимаетъ и опускаетъ голову, коверкается, кривляется, ломается; говоритъ не имѣющія смысла нѣкоторыя невразумительныя слова, которыя никому другому не могутъ быть понятны, какъ развѣ такому же петиметру, ибо онъ говоритъ о прическѣ своихъ волосъ, о курчавости своего вержета [1], о размѣрѣ своихъ буклей, о лентошномъ бантикѣ и о прочемъ подобномъ сему вздорѣ. Итакъ, въ комъ можно найти столь совершеннѣйшее сходство?

Обезьяна обыкновенно бываетъ непостоянна, измѣнчива и злобна; она кусаетъ и раздираетъ платья на тѣхъ людяхъ, кои, засмотрѣвшись на ея скачки и кривлянья, по неосторожности подходятъ къ ней очень близко. Петиметръ дѣлаетъ точно то же: забавныя и увеселительныя зрѣлища, которыя онъ смѣшными своими кривляньями представляетъ другимъ людямъ, покупаются отъ оныхъ весьма дорогою цѣною, ибо, вышедъ изъ дома, въ которомъ оказывалъ онъ все свое искусство въ модныхъ прыжкахъ и оборотахъ, повреждаетъ онъ честь тѣхъ людей, коихъ онъ видѣлъ, и злословитъ хозяина и хозяйку того дома.—Словомъ, ничто не можетъ укрыться отъ его ядовитаго языка, который, если не больше, то по крайней мѣрѣ столько же можетъ быть опасенъ, сколько и зубы самой злѣйшей обезьяны.

Послѣ столь яснаго сравненія, въ чувствахъ, въ

[1] Часть парика. Въ подлинникѣ — вертежа.

постукахъ и въ склонностяхъ, не можно ли по справедливости заключить, что души обезьяны и петиметра суть одинакой сущности? — Признаться, мудрый и ученый Маликульмулькъ, что я почти убѣжденъ симъ мнѣніемъ. Я знаю, что въ ономъ встрѣчается превеликое затрудненіе, ибо, слѣдуя оному, надлежитъ признать душу петиметра вещественною, потому что душу обезьяны никакъ не можно почесть духовною. Итакъ, взирая на таковые странные и смѣшные постуки петиметровъ, не иначе можно ихъ почитать, какъ совершенными вѣтряными мельницами или часами, заведенными глупостію и вертопрашествомъ. Наконецъ, нѣтъ ничего легче, какъ доказать самыми истинными опытами, что душа разумнаго и постояннаго человѣка совсѣмъ другого свойства, нежели какъ душа петиметра, ибо извѣстно тебѣ, мудрый Маликульмулькъ, что не можно полагать нималаго сходства между душою такого философа, каковъ былъ Эйлеръ [1], и между душою обезьяны, заключенной въ тѣлѣ моднаго вертопраха.

Письмо XI.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

На сихъ дняхъ, любезный Маликульмулькъ, я былъ съ моимъ сотоварищемъ у одного богатаго купца, который праздновалъ свои именины. Ты можетъ быть, удивишься, что столь знатный, въ своемъ родѣ, человѣкъ, каковъ мой пріятель, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ горговца, но это удивленіе уменьшится, когда ты узнаешь, что онъ долженъ именин-

[1] Знаменитый математикъ и философъ XVIII в., членъ Петербургской Академіи Наукъ.

нику по векселямъ шестьдесятъ тысячъ рублевъ, и для того часто пляшетъ по его дудкѣ. Здѣшніе заимодатели, имѣющіе знатныхъ должниковъ, имѣютъ по большей части то одно утѣшеніе, что пользуются вольностію напиваться иногда съ ними допьяна, и вмѣсто платежа денегъ получаютъ отъ нихъ учтивые поклоны и увѣренія о непремѣнномъ ихъ покровительствѣ.

Именинникъ, какъ видно, былъ великой хлѣбосолъ: онъ имѣлъ у себя за столомъ не мало гостей, между коими занимали первое мѣсто одинъ вельможа, человѣка три позолоченныхъ придворныхъ и нѣсколько начальниковъ сего города, да изъ числа извѣстныхъ мнѣ по своимъ именамъ, о которыхъ я нарочно навѣдался, чтобъ могъ тебѣ обстоятельнѣе пересказать о любопытномъ ихъ разговорѣ, были г. Припрыжкинъ, Рубакинъ, драгунской капитанъ, Тихокрадовъ, судья, и художникъ Трудолюбовъ. Я, какъ ты можешь себѣ представить, былъ также не изъ послѣднихъ и сидѣлъ подлѣ хозяйскаго сына, мальчика прелюбезнаго, лѣтъ четырнадцати, который былъ доброю надеждою и утѣшеніемъ въ старости своего отца.

Столъ былъ великолѣпенъ, и Плуторѣзъ (такъ назывался именинникъ) кормилъ всѣхъ очень обильно. Веселіе въ обществѣ нашемъ умножилось съ пріумноженіемъ вина. Разговоры были о разныхъ предметахъ, и поперемѣнно говорили о политикѣ, о коммерціи, о разныхъ родахъ плутовства и о прочемъ. — Вельможа, одѣтый съ ногъ до головы во французской глазетъ и убранный по послѣдней парижской модѣ, защищалъ пользы отечества и выхвалялъ любовь къ оному; судья ставилъ честь выше всего на свѣтѣ; купецъ хвалилъ покорыстолюбіе, но всѣ вообще согласны были въ томъ, что законы очень строго

наказываютъ плутовъ, и что надобно уменьшить ихъ жестокость. Вельможа обѣщалъ подать голосъ, чтобы уничтожить увѣчныя и смертныя наказанія, исполняемыя за грабительства и за плутовства для ихъ искорененія, за что многіе изъ гостей, а болѣе всего судья Тихокрадовъ и нашъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарили, и хотя сей вельможа, какъ я слышалъ, ежедневно дѣлаетъ новыя обѣщанія, однакожъ старыхъ никогда не исполняетъ, но гости не менѣе были и тѣмъ довольны, что остались въ надеждѣ, для которой нерѣдко просители посѣщаютъ прихожія знатныхъ особъ.

Но какъ въ столь большомъ собраніи разговоры не могли быть одного содержанія, то, наконецъ, рѣчь зашла о хозяйскомъ сынѣ. „У тебя прелюбезное дитя“,— сказалъ Рубакинъ Плуторѣзу, — „и онъ можетъ со-временемъ быть тебѣ утѣшеніемъ, но записанъ ли онъ гдѣ и который ему годъ?“ — „Тринадцатой, Ваше Высокоблагородіе“, — отвѣчалъ хозяинъ.

— „Неправда“,—сказалъ Рубакинъ,—„ему точно четырнадцатой, и я очень помню, что онъ родился тогда, когда ты былъ еще у насъ маркитантомъ, въ чемъ и сама покойница твоя жена была бы со мной согласна“.

—„Сомнѣваюсь“, — отвѣчалъ хозяинъ, — „моя жена, не тѣмъ будь помянута, была превеликая спорщица.“ —

„Развѣ съ тобою“,— сказалъ Рубакинъ, „но что касается до меня, то я увѣряю тебя, что ни одинъ нашъ офицеръ не скажетъ, чтобъ она съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ спорила, и мы во всемъ столько были ею довольны, что когда ты отъ насъ поѣхалъ, то вообще всѣ болѣе жалѣли объ ней, нежели о тебѣ. Итакъ, спорщицей назвать ее ты не можешь. Я

думаю, что ты и самъ помнишь, какъ любили ее въ полку, и что она не одною ротою ворочала. Правду сказать, еслибъ ты не сдѣлалъ дурачества и не уѣхалъ тогда отъ насъ, то бы я голову свою далъ тебѣ порукою, что твой Вася (имя хозяйскаго сына) о сю пору былъ бы уже адъютантомъ. Вить ты помнишь, какъ полковникъ нашъ жаловалъ покойницу твою Борисовну, и какъ ты по милости ея былъ имъ покравительствованъ, такъ что ты, безъ всякаго опасенія, мѣсяца по два сряду довольствовалъ весь полкъ протухлою и негодною пищею, а все съ рукъ сходило! И можно сказать, что это не житье тебѣ было, а масляница: ты самъ, думаю, признаешься, что тогда ты густо понабилъ свой карманъ."—

„То правда, Ваше Высокоблагородіе, однакожъ вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власть; иной изъ этого и невѣсть что подумаетъ: вить злыхъ людей въ свѣтѣ много, — мало ли что и въ полку тогда объ ней говорили, а отъ того и полковница и наши офицерши ея терпѣть не могли, но все по истинѣ понапрасну: виновата ли она была, что всегда, когда ни случалось ей хаживать къ нимъ на поклонъ, заставала дома однихъ только ихъ мужей, а онѣ случались или у обѣдни, или гдѣ и въ другомъ мѣстѣ, но какъ, бывало, къ кому ни взойдешь, то хотя жены и дома нѣтъ, такъ мужъ безъ того уже не выпуститъ, чтобъ чѣмъ-нибудь не поподчивать, потому что она, покойница, и сама была гостепріимна. ..."

„Мудрено ли, братецъ," — сказалъ толстой судья,— „что твоя жена была въ такой силѣ: я самъ человѣкъ женатой, и могу не менѣе похвалиться своею женою, которая, несмотря на то, что я былъ еще коннстомъ, но и тогда имѣла уже множество челобитчиковъ и

давала часто рѣшенія на важныя дѣла, которыя едва ввѣряли мнѣ набѣло переписывать; а вся сила состояла въ томъ, что она хорошо стряпала кушанья для нашего судьи и по наслышкѣ знала нѣсколько законовъ, почему казалась весьма знающею; и въ ней столько нашъ судья былъ увѣренъ, что по ея словамъ, какъ по Уложенью, вершилъ челобитчиковы дѣла, въ чемъ, право, не всякой и знатной женщины послушаютъ."

—Morbleu![1] сказала сидѣвшая подлѣ меня кукла, въ золотомъ кафтанѣ,—и эта мелочь хочетъ ровнять своихъ женъ съ знатными госпожами. — J' enrage![2]— Клянусь, что еслибъ захотѣлъ я въ отмщеніе употребить силу моей тетушки, то бы завтра же улетѣли къ чорту этотъ маркитантъ, судья съ своею женою и со всею своею челядью. — Можно ль только имѣть терпѣніе слушать такія импертинансы![3] И какъ смѣть сравнивать силу подлыхъ своихъ женъ съ силами почтенныхъ дамъ, которыхъ могущество доказаться можетъ тысячею счастливцевъ, которые по ихъ милости дѣлаютъ фигуру въ большомъ свѣтѣ, и которые прежде того ничего въ ономъ не значили. — Я, сударь! я самъ,"—сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ,—„есть неоспоримое доказательство силы своей тетушки. Представьте, нѣтъ еще года, какъ я сюда пріѣхалъ изъ деревни. Бывъ благороднымъ и молодымъ человѣкомъ, вы можете угадать, что я за нужное почелъ, чтобъ пользоваться порядочнымъ экипажемъ, достать себѣ чинъ, не вступая въ службу, которая сопряжена со многими трудностями, предоставленными для бѣдныхъ токмо дворянъ. Но какъ вамъ покажется?

[1] Тьфу!
[2] Б ситься, выйти изъ себя.
[3] Нелѣпости, дерзости, грубости.

Не прошло и десяти мѣсяцовъ по моемъ пріѣздѣ, а я началъ уже повелѣвать четверкою лошадей, не имѣя никакого понятія о службѣ, кромѣ того, что она не можетъ быть для меня пріятна, потому что моему дядѣ, служившему капитаномъ, на прошедшемъ сраженіи прострѣлена голова, и онъ лишился жизни, съ которою я нимало не имѣю желанія такъ скоро разстаться."

— „Но скажи мнѣ," —спрашивалъ одинъ изъ придворныхъ хозяина,—„для чего оставляешь ты сына твоего въ праздности? Онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить въ службу или по крайней мѣрѣ считаться въ оной."

— „Милостивый государь!" — отвѣчалъ Плуторѣзъ:—„это правда, что Вася уже на возрастѣ, и я не намѣренъ, всеконечно, оставлять его безъ дѣла, но я еще не избралъ родъ службы, въ которую бы его опредѣлить."

— „Другъ мой," сказалъ придворный: „оставь это на мое попеченіе, ты можешь быть увѣренъ о моей къ тебѣ благосклонности, имѣвъ явное доказательство, что изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ оными, а потому не можешь сомнѣваться о моемъ участіи, какое пріемлю я въ счастіи твоего сына. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу: помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса; сдѣлаю его дворяниномъ, и потомъ пристрою его къ Двору; словомъ, я поставлю его на такой ногѣ, чтобъ онъ современемъ могъ поравняться съ лучшими, дѣлающими фигуру въ большомъ свѣтѣ. Сколь же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть

насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе которого портные, брилліантщики, галантерейщики и многіе другіе художники истощаютъ все знаніе и искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. ... Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса, въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимки, тѣлодвиженія и обороты отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу.— Грамоты предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, протекающая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ своего отечества, а наши ливреи и экипажи неложно доказываютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего? — Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однакожъ то несправедливо, а зато и мы считаемъ ихъ безумцами, пустою тѣнью услаждающими горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ двадцать тысячъ? Не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, чрезъ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ.“

„Какъ, сударь,“—вскричалъ Рубакинъ,—„вы называете блистательнымъ то состояніе, въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ? Но изъ вашего мнѣнія можно дѣйствительно доказать, что тѣ самые искус-

ники несравненно должны быть знатнѣе тѣхъ своихъ куколъ, которыхъ они украшая даютъ цѣну ихъ достоинствамъ и ... но что объ этомъ много говорить!

Нѣтъ, любезный Плуторѣзъ, если ты хочешь, чтобъ сынъ твой былъ полезнѣе своему отечеству, то я совѣтую тебѣ записать его въ военную службу. Вообрази себѣ, какое это прекрасное состояніе, которое, можно по справедливости сказать, есть первѣйшее въ свѣтѣ, потому что неподвержено никакимъ строгостямъ, ниже какимъ опасностямъ, сопряженнымъ съ придворною жизнію. — Военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго: онъ пьетъ для того, чтобъ быть храбрымъ; перемѣняетъ любовницъ, чтобы не быть ничьимъ плѣнникомъ; играетъ для того, чтобы привыкнуть къ непостоянству счастія, толь сродному на войнѣ; обманываетъ, чтобы пріучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ, а притомъ и участь его ему совершенно извѣстна, ибо состоитъ только въ двухъ словахъ: чтобъ убивать своего непріятеля или быть самому отъ онаго убиту; гдѣ онъ бьетъ, то тамъ нѣтъ для него ничего священнаго, потому что онъ долженъ заставлять себя бояться; если же его бьютъ, то ему стоитъ оборотить спину и имѣть хорошую лошадь; словомъ, военному человѣку нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки, и я состарѣлся уже въ службѣ, но всегда былъ того мнѣнія, что солдату не годится умничать. Итакъ, ты ничего умнѣе не сдѣлаешь, какъ если запишешь своего сына въ нашъ полкъ; ты же человѣкъ богатой, почему можешь сдѣлать ему хорошее счастіе: деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и увѣряю тебя, что твой сынъ самъ будетъ тѣмъ доволенъ."

—„Государь мой,“ — сказалъ улыбаясь Тихокрадовъ: „вы съ такимъ жаромъ говорите о своемъ званіи, что слушатели могутъ подумать, будто статское состояніе и въ подметки вашему не годится, хотя, не распложая пустыхъ словъ, я могу коротко сказать, что, служа въ семъ состояніи, обязанъ я оному знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ; вступая же въ оное, не имѣлъ я ни полушки. Итакъ, сіе одно довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе, нежели шпага, но я не люблю жаркихъ, а держусь лучше основательныхъ доказательствъ. Я не отрицаю выгодъ военнаго человѣка, но знаете ли, что статское состояніе есть соборище лучшихъ выгодъ изъ всѣхъ другихъ состояній?“

— „Какъ!“ — вскричалъ Рубакинъ, — „вы подьячихъ сравниваете съ воинами? Но можете ли вы въ томъ успѣть! Одно это, когда мы возьмемъ какую крѣпость, сколько приноситъ намъ славы, и сколько потомъ чувствуемъ удовольствія, обогащая себя всѣмъ, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой можетъ имѣть такую волю, чтобъ безъ малѣйшаго нарушенія права присвоивать себѣ вещи, никогда ему не принадлежавшія?“

—„Постойте, постойте,“—перервалъ съ скоростію Тихокрадовъ,—„дайте мнѣ докончить: вы тогда сами увидите, правду ли я сказалъ. Статской человѣкъ столько же казаться можетъ блистательнымъ, сколько и придворный; онъ такъ же можетъ пріобрѣтать себѣ дарованія пособіями тѣхъ самыхъ искусниковъ, которые своимъ искусствомъ составляютъ достоинства большей части придворныхъ, чему многіе изъ нашихъ судей могутъ быть явнымъ доказательствомъ, а иные столько же въ томъ себя отличили, что лучше знаютъ, какъ одѣться по послѣдней модѣ и сообразно годо-

вому времени, нежели отправлять по надлежащему свою должность и вершить судебныя дѣла. — Статской человѣкъ столько же можетъ имѣть тогда славы, сколько и военной, когда онъ, сообразивъ всѣ послѣдствія и проникнувъ въ существо дѣла, разрушитъ всѣ хитросплетенія гнусныхъ лжей, покрывавшихъ мракомъ цѣлый вѣкъ или и болѣе истину, которой опредѣленіемъ своимъ доставитъ принадлежащую ей справедливость.

— Что жъ принадлежитъ до обогащенія его, то онъ имѣетъ еще то преимущество, что, не отлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить оными, и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ оныя принимаешь.

— Сверхъ того, статской человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою токмо разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь со стеченіемъ обстоятельствъ и случая, смотря притомъ на количество приращенія своего богатства.

— Если вы противъ сего скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мѣрѣ должны въ томъ признаться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы; сказанныя же мною выгоды статскаго человѣка издавна между людьми вошли въ обычай, и нынѣ онѣ столько же употреби-

тельны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своихъ долговъ, а купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрные вѣсы, или сколько сему послѣднему позволительно, обогативъ себя чужими деньгами и надававъ въ пріятельскія руки пустыхъ на себя векселей, избавиться тѣмъ отъ платежа истинныхъ своихъ доходовъ.

Итакъ, видишь ли, другъ мой,—продолжалъ онъ, оборотясь къ хозяину,—что я не солгалъ, и ты весьма несправедливо сдѣлаешь, если предпочтешь какое-нибудь состояніе статскому, въ которомъ онъ можетъ быть столько же знатенъ и блистателенъ, сколько и придворный; столько же обогащаетъ себя всѣмъ, что ни увидитъ, сколько и воинъ, и съ такою же способностію торговать, какъ и купецъ. — Не отлагай же долѣе, отдай его въ мой приказъ, и будь увѣренъ, что я выведу его въ люди. Не думай, чтобъ я это обѣщалъ изъ одной только учтивости: нѣтъ, мнѣ ничего не стоитъ доставить ему чинъ, чему явнымъ доказательствомъ мой дворецкой, котораго за усердную его ко мнѣ службу сдѣлалъ я секретаремъ. Итакъ, когда я дворецкому доставилъ такое счастіе, то будь увѣренъ, что тебѣ, какъ моему другу, могу болѣе услужить; нужно только потерять тебѣ нѣсколько тысячъ при его производствѣ, такъ и дѣло съ концомъ; но повѣрь мнѣ, что сынъ твой современемъ, когда будетъ на судейскомъ стулѣ, издержки сіи возвратитъ тебѣ въ сотеро.“

„Что до меня касается,“—сказалъ Трудолюбовъ,—„то я вмѣсто того, чтобы защищать выгоды своего званія въ моемъ отечествѣ, при первомъ же случаѣ постараюсь изъ онаго удалиться и возвратиться въ Англію, гдѣ знаютъ лучше цѣну моего художества, и гдѣ за оное получалъ я во сто разъ больше, не-

жели здѣсь, хотя я никакой не примѣчаю разности въ моемъ искусствѣ, а сіе меня столько опечалило, что, не размышляя нимало, предался я пьянству; знаю, что разумному человѣку сіе непростительно, но что уже дѣлать, когда, о томъ я скоро думавъ, сдѣлался теперь совершеннымъ пьяницею: извѣстно, что скорость не одному мнѣ, но многимъ причинила пагубу. Итакъ, любезный Плуторѣзъ, если ты хочешь сына своего сдѣлать счастливымъ какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе кран, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря. Я могу сказать, что мое искусство всегда почиталося изъ первыхъ, и въ Англіи отъ онаго многіе обогащаются; я самъ современемъ, можетъ быть, былъ бы изъ первыхъ тамъ богачей, еслибъ не принужденъ былъ сюда выѣхать."

— „Нѣтъ! милостивые государи," — сказалъ хозяинъ, — „я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, хотя я и не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ."

— Я увидѣлъ, любезный Маликульмулькъ, что онъ говоритъ правду, ибо, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ, какъ маленькой царёкъ. Придворные, ученые и художники ежедневно ищутъ въ немъ благопріятства: первые просятъ у него въ прозѣ въ долгъ денегъ, вторые ищутъ награжденія за подносимые стихи, а третьи ожидаютъ, чтобъ онъ употребилъ ихъ къ своимъ услугамъ. Итакъ, придворнымъ даетъ онъ по тщеславію, ученымъ по великодушію, хотя, впрочемъ, никогда не читаетъ ихъ стиховъ, а

третьимъ, льстя пустою надеждою, отказываетъ, сохраняя тѣмъ домашнюю свою экономію.

Письмо XII.

Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

И надежды нѣтъ, любезный Маликульмулькъ, чтобы я могъ скоро возвратиться въ адъ. Сколько здѣсь ни обширны фабрики правосудія, но почти на всѣхъ обработывается оное довольно дурно. Одно только нѣсколько меня утѣшаетъ, что мнѣ есть изъ чего выбрать, ибо на всякія 30000 жителей навѣрное находится 20 тысячъ судей, но если ты меня спросишь, найдется ли въ сихъ 20 тысячахъ хотя 2 десятка мудрецовъ или, лучше сказать, хотя 1 добродѣтельный и знающій судья, то я для рѣшенія сего вопроса покорно попрошу у тебя дать мнѣ 500 лѣтъ сроку. Впрочемъ, ты изъ маленькаго случая, о коемъ я тебя здѣсь увѣдомлю, и которому я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, увидишь, правду ли я думаю.

Послѣдуя предписанію Діогенову, вылетѣвъ на землю, вошелъ я въ одну изъ славнѣйшихъ лавокъ Ѳемисы [1]; увѣнчанныя перьями головы судей, съ которыхъ уже давно сошли волосы, дѣлали ростъ ихъ величественнымъ, и хотя толстыя ихъ туловища не предвѣщали судейской заботливости, но впалые глаза, казалось, были у всѣхъ притуплены на чтеніи законовъ. Судейская зала, правда, хотя не соломою, а шелкомъ и золотомъ была украшена, однакожъ со всѣмъ тѣмъ полъ, забрызганный чернилами, дока-

[1] Ѳемида, богиня правосудія.

зывалъ ихъ трудолюбіе; надъ дверьми, на восковой, по сдѣланной подъ мраморъ доскѣ—Ѳемиса держала слѣдующую надпись:

Хранящій истины уставы,
Законы ты мои внемли:
Не продавай своей расправы,
Не будь здѣсь пьянъ, и не дремли.

Я едва могъ разобрать сію надпись, для того, что судьи очень жарко топятъ залу, и восковая доска сдѣлалась такъ гладка, что почти ни одного слова не было порядочно видно; со всѣмъ тѣмъ мнѣ это подавало очень хорошую надежду, какъ вдругъ вошелъ въ залу толстой купецъ, который тянулъ за собою бѣднаго человѣка.

— Разсудите меня съ этимъ негодяемъ,—кричалъ сей брюханъ:—онъ укралъ у меня изъ кармана платокъ, но ваше правосудіе, конечно, не допуститъ, чтобъ было въ самомъ городѣ такое намъ утѣсненіе[1] отъ сихъ наглецовъ, и я требую,—продолжалъ онъ,—чтобъ его осудили вы по всей строгости законовъ.

Судьи, нимало не медля, приговорили бѣдняка сего повѣсить, и толпа народа нетерпѣливо дожидала уже сего позорища.

— Почтенное собраніе,—сказалъ тогда судьямъ бѣднякъ,—ваша воля ничѣмъ не можетъ быть оспорима, но неужели правосудіе сначала наказываетъ преступника, а потомъ уже разсматриваетъ существо его дѣла? Нѣтъ, ваше званіе обнадеживаетъ меня, что вы, конечно, благоволите, чтобъ я оправдался ...

— Чтобъ ты оправдался, — сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на солнце,—да знаешь ли ты, что уже теперь полдень, и что тебя скорѣе можно повѣсить,

[1] Въ подлинникѣ „утѣшеніе".

нежели выслушать твои оправданія, которыя у всѣхъ преступниковъ безчисленны.

— Постойте, — сказалъ бѣднякъ, — одна минута терпѣнія не принесетъ вреда вашему желудку, и спасетъ несчастнаго отъ строгаго наказанія. Признаюсь, я укралъ платокъ, но скажите, когда вы, не желая вытерпѣть двухъ минутъ голоду, хотите похитить у отечества, можетъ быть, полезнаго ему гражданина, то могъ ли я, три дни бывъ безъ пищи, не украсть, наконецъ, сего платка, потеря котораго ничего не стоитъ сему бочачу. Знайте, что я никогда не имѣлъ сей склонности, родясь съ способностями къ живописи, которыя подкрѣпя наукою и усовершивъ въ чужихъ краяхъ, возвратился я назадъ съ успѣхомъ, надѣясь имѣть безбѣдное пропитаніе въ своемъ отечествѣ.

Мои картины, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но порочили ихъ тѣмъ, что онѣ не были Апеллесовы, Рубенсовы и Рафаэловы или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и для того никто не хотѣлъ ихъ имѣть въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости, предало унынію и повергло въ отчаяніе и нищету, такъ что я, не имѣя никакой надежды поправить свое состояніе, имѣя престарѣлыхъ родителей и малолѣтныхъ сестръ на своемъ содержаніи, на которое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и дороговизнѣ истощивъ все, что имѣлъ, и самъ, наконецъ, умирая съ голоду, принужденъ былъ сдѣлать сіе преступленіе. Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся художествами вашихъ соотечественниковъ,—я ли, который старался въ своемъ отечествѣ поравнять вкусъ живописи со вкусомъ другихъ народовъ, или вы, платящіе мнѣ за то неблагодарностію; наконецъ, я

ли, который собою подкрѣплялъ надежду своихъ художниковъ имѣть современемъ въ нашемъ отечествѣ Мишель-Анжеловъ [1], или вы, которые своимъ нерадѣніемъ и презрѣніемъ погашаете въ нихъ весь жаръ къ трудамъ и усовершенію ихъ дарованій? —

Судьи признавались, что онъ изрядно говорилъ, и могъ бы по краснорѣчію быть хорошимъ стряпчимъ, но какъ они не знали ни Мишель-Анжеловъ, ни Рафаэлевъ и не понимали о живописи, то изъ всѣхъ его словъ замѣтили только то, что онъ признался въ кражѣ, за которую законъ наказывалъ висѣлицею, вслѣдствіе чего и не хотѣли отмѣнить своего приговора; нѣкоторые только изъ сожалѣнія хотѣли, чтобы вмѣсто висѣлицы отрубить ему голову, а другіе, боясь петли и топора, приговаривали засѣчь его до смерти розгами. — Я между тѣмъ удивлялся строгости судей и признавалъ самъ въ себѣ, что, хотя они не совсѣмъ были правы, однакожъ порокъ всегда наказываться долженъ, и ничѣмъ не можетъ быть извиняемъ.

„Вотъ,—думалъ я,—наконецъ, тѣ судьи, изъ которыхъ, можетъ быть, я выберу надобное число Плутону.

Въ сіе время, когда они еще спорили, какую помилостивѣе положить ему казнь, отворилися двери залы, и вошелъ богато убранный господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали, привѣтствовали его своими поклонами и просили его сѣсть. Бѣднякъ, думая, конечно, что это былъ ихъ начальникъ, бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ о своемъ избавленіи.

— Что стоитъ прощеніе сего бѣдняка? — спросилъ съ гордостію богачъ.

---

[1] Микель Анджело, великій итальянскій художникъ.

— Милостивый государь, — сказалъ одинъ изъ нихъ,—еслибы этотъ живописецъ былъ въ состояніи заплатить 200 небольшихъ листовъ здѣшняго золота, то бы не былъ наказанъ, но онъ очень бѣденъ, и для того мы приговорили было его къ висѣлицѣ, однакожъ нѣкоторые изъ насъ, по мягкосердечію своему, присуждаютъ отрубить ему голову, а другіе засѣчь розгами; и вотъ уже полчаса, какъ о томъ у насъ происходитъ споръ, какою смертію его наказать, но еще ни на чемъ не рѣшились.

— Вотъ двѣсти листовъ, — сказалъ богачъ, подавая оные, — отпустите его, и примитесь лучше за мое дѣло. А ты, другъ мой, — сказалъ онъ живописцу, — подожди меня: мнѣ нуженъ человѣкъ твоего искусства размалевать паркетъ въ моей прихожей. —

Живописца выпустили, и сей рѣдкой искусникъ, который бы могъ сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ идти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей, а судьи, чтобы скорѣе приняться за дѣло сего господина, не медля нимало, приговорили къ висѣлицѣ еще десять бѣдняковъ, которыхъ некогда имъ было тогда выслушать. Опредѣленіе о томъ заключили они въ слѣдующихъ словахъ: „хотя сущность ихъ дѣлъ намъ неизвѣстна, но въ предосторожность, чтобы другіе не надѣялись на оправданіе, повелѣваемъ всѣхъ ихъ перевѣшать, а разсмотрѣніе сихъ дѣлъ отлагаемъ до предбудущаго засѣданія“.

— Кто это такой, — спросилъ я у одного изъ стоящихъ близъ меня,—который столь щедро выкупилъ живописца, и передъ которымъ судьи такъ благоговѣютъ?

— Это одинъ преступникъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ

на ухо, — который судится въ нѣкоторомъ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется.

— Какъ,—спросилъ я,—и его по сихъ поръ не повѣсили! Развѣ онъ похитилъ меньше, нежели золотникъ мѣди?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ, — на него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ въ золотѣ и серебрѣ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область.

— Пропащій же онъ человѣкъ, — сказалъ я, — его, конечно, уже замучатъ жесточайшими казнями.

— Напротивъ того, — отвѣчалъ онъ,—онъ уже оправдался предъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона, а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, то онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ немалыя суммы денегъ, и чрезъ то, въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей, почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ; изъ доносчиковъ его большая половина перемерли въ тюрьмѣ, а оставшіе завтра утоплены будутъ въ морѣ, если только не успѣютъ они подкупить своихъ надзирателей и скрыться побѣгомъ. Но я вижу,—продолжалъ онъ,— что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ подолѣ, такъ и увидите всего поболѣ.

— Но и сего для меня довольно,—сказалъ я.— Мнѣ удивительно, какъ можете вы жить въ такой землѣ, гдѣ чуть было не засѣкли розгами бѣдняка, не ѣвшаго трое сутки, за то, что выгацилъ онъ у богатаго купца платокъ; гдѣ прежде вѣшаютъ подобныхъ ему, нежели разсматриваютъ ихъ дѣла, и гдѣ преступникамъ, обворовавшимъ государственную

казну на нѣсколько милліоновъ и разграбившимъ цѣлую область, судьи кланяются чуть не въ землю.

— Другъ мой, — сказалъ мнѣ мой новой знакомецъ:—это не такъ удивительно, какъ ты думаешь. Въ томъ только вся сила состоитъ, что прежде, нежели хвататься за какое ремесло, надобно оное разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Сей живописецъ хватился за воровство, но съ самой безчестной и низкой стороны. Еслибы онъ, напримѣръ, вступилъ съ какимъ-нибудь купцомъ въ товарищество, хотя бы то было со мною, то бы ты увидѣлъ, что, подъ моимъ богатымъ предводительствомъ, мы могли бы обманывать тѣхъ, кого нельзя грабить, и грабить тѣхъ, кого нѣтъ нужды обманывать, а со всѣмъ тѣмъ остались бы у всѣхъ островскихъ жителей въ почтеніи. Но чтобъ было для тебя сіе понятнѣе, то разскажу тебѣ повѣсть сихъ жителей, которую слышалъ я отъ своего дѣда, а ему разсказывала объ ней покойница его бабушка. — Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена, первостатейные сдѣлались старшинами и законниками, другіе купцами, а третьи ремесленниками и поселянами; но, перемѣня званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ по сей перемѣнѣ, такъ что, наконецъ, претворилось оное въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды, одно только старое воровство запрещено, а, впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе; опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность:

украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе.

— Такъ поэтому,—сказалъ я,—никто не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ своихъ выгодъ, потому что вы другъ у друга только что перекрадываете?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—мастеровые имѣютъ нѣкоторые только способы къ плутовству, купцы въ десятеро того больше, а законники и старшины употребляютъ всѣ средства и способы къ своему обогащенію, и для того всѣ купцы и мастеровые стараются у насъ, разбогатѣвъ, купить себѣ между судьями скамейку; отъ чего произошло, что нынѣ у насъ съ лишкомъ во сто разъ больше судей, нежели было прежде —

Представь, любезный Маликульмулькъ, каково было мое удивленіе, услышавъ о столь развращенныхъ нравахъ сихъ островитянъ! Я было не медля хотѣлъ уже отправиться на Сѣверъ, по совѣту Діогенову; но любопытство, а паче нѣкоторый лучъ надежды, что между таковымъ множествомъ судей, можетъ быть, сыщу я трехъ знающихъ и добросовѣстныхъ, удержали меня нѣсколько на семъ островѣ. Разставшись съ моимъ знакомцемъ, лишь только успѣлъ я выити на улицу, какъ встрѣтившійся со мной разсерженной человѣкъ [1], державшій въ рукахъ своихъ бумагу, просилъ меня просмотрѣть, какова его челобитная, которую подавалъ онъ на нововышедшую въ свѣтъ сатиру.

— Государь мой,—отвѣчалъ я ему,—я не знаю ни сатиры, ни вашего дѣла.

---

[1] Сатирическая выходка противъ Княжнина, разсердившагося на Крылова за его „Проказниковъ“. См. письмо къ Княжнину 1788 и „Проказниковъ“.

— О сударь,—сказалъ онъ,—это дѣло требуетъ непремѣннаго отмщенія. Сатира эта написана на рогоносца, а жена моя точно доказываетъ, что это на меня —

Послѣ чего подалъ онъ мнѣ свою челобитную, съ которой копію, какъ любопытную вещь, къ тебѣ посылаю.

Судей собраніе почтенно,
Внемли пінта жалкій гласъ,
И разсуди ты непремѣнно
Съ сатиромъ негодяемъ насъ;
Онъ смѣлъ настроить дерзку лиру
И выпустить во свѣтъ сатиру,
Гдѣ онъ, рогатаго браня,
Назвалъ глупцомъ его безбожно,
Жена жъ моя твердитъ неложно,
Что это пасквиль на меня.
Второе, онъ сказалъ нахально,
Что въ семъ рогатомъ чести нѣтъ,
Хотя, признаться, непохвально,
Но это точно мой портретъ.
А третье, тотъ его рогатой,
Лишь красть чужое тороватой,
Не можетъ самъ писать стиховъ,
А вамъ весь городъ это скажетъ,
И всякой стихъ мой то докажетъ,
Что я и былъ и есть таковъ.
Прошу жъ покорно, накажите
За пасквиль моего врага,
И впредь указомъ запретите
Писать сатиры на рога.

Можетъ быть, любезный Малькульмулькъ, послѣ увѣдомлю я тебя, чѣмъ эта страшная тяжба кончится.

Конецъ первой части.

Часть вторая.

Письмо XIII.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку.

Осматривая многіе города, вздумалось мнѣ въ семъ городѣ прожить нѣсколько времени. Принявъ на себя видъ знатнаго путешественника, познакомился я со многими здѣшними жителями, которые со всѣхъ сторонъ осыпаютъ меня превеликими ласками и приглашаютъ во всѣ лучшія собранія модныхъ своихъ госпожъ и петиметровъ, гдѣ съ великимъ примѣчаніемъ разсматриваю я хитрости женщинъ и вѣроломство мущинъ. Въ одно время случилось, когда я туда вошелъ, то рѣчь шла о нѣкоторой графинѣ, о которой всѣ говорили съ превеликою насмѣшкою, несмотря на то, что въ глаза ей всѣ показывались друзьями.

„Я не знаю,"—говорила одна молодая госпожа,—„откуда графиня беретъ свои пустые разсказы, которыми всегда намъ наводитъ скуку; по чести въ ея лѣта не позволялось бы такое пустое болтанье."

—„Никакъ, сударыня,"—сказалъ одинъ петиметръ съ насмѣшливымъ видомъ,—„ежели только это правда, что лѣта бываютъ причиною охотѣ скучать въ со-

браніяхъ своимъ болтаньемъ, то графиня давно уже имѣетъ сіе право."

— „Куды какой ты насмѣшникъ," — подхватила другая госпожа,—„я знаю графиню, она еще не такъ стара, чтобъ ее считать въ числѣ болтливыхъ старухъ. Она вышла замужъ въ тотъ годъ, какъ я родилась: ей было тогда двадцать четыре года, а мнѣ теперь только тридцать два."

—„Какъ, сударыня,—вскричалъ одинъ вертопрахъ, съ видомъ превеликаго удивленія, — вы кажетесь еще совершеннымъ младенцемъ, а говорите, будто вамъ тридцать два года; это мнѣ кажется столько же удивительнымъ, какъ и то невѣроятнымъ, чтобъ графинѣ было пятьдесятъ шесть лѣтъ, хотя она и сказываетъ всѣмъ, что ей не больше сорока."

Въ ту самую минуту, какъ спорили о лѣтахъ сей графини, вошла она въ собраніе; каждый передъ нею перемѣнилъ свои слова. „Ахъ! Боже мой, любезная графиня,"—говорила ей та самая госпожа, которая за минуту передъ тѣмъ столь щедро награждала ее пятьюдесятью шестью годами,—„какой у тебя сего дня прекрасной цвѣтъ въ лицѣ, какъ ты кажешься прелестна, никто не скажетъ, чтобъ тебѣ было тридцать лѣтъ."

— „Однакожъ, мнѣ больше тридцати,"—сказала графиня въ полголоса, усмѣхаясь, прищуривая глазами и кусая себѣ губы, чтобъ сдѣлать ихъ алѣе. — Я совсѣмъ не спала нынѣшнюю ночь,—продолжала она, и поутру вставши страшилась сама на себя взглянуть въ зеркало. По чести, я не хотѣла никуда сего дня показаться, но имѣя чрезвычайное желаніе быть съ вами вмѣстѣ, рѣшилась, наконецъ, сюда пріѣхать."

— „Мы бы очень много сожалѣли, когда бы лишены были вашего пріятнѣйшаго для насъ при-

существія,"—вскричалъ тотъ нетиметръ, который предъ ея входомъ язвилъ ее жестокими насмѣшками,—„потому что никто не приноситъ столько удовольствія въ собраніяхъ, какъ вы, сударыня! Чортъ меня возьми, если я не гораздо пріятнѣе слушаю тѣ небольшія повѣсти, которыя вы иногда изволите намъ разсказывать, нежели лучшія басни Бокасовы [1] и де ла Фонтеновы." [2]

Я чрезвычайно удивлялся, слушая сіи разговоры, наполненные гнуснаго ласкательства и притворства, и почиталъ оное непростительнымъ вѣроломствомъ. Мнѣ очень казалось страннымъ, что здѣсь, по заочности, столь язвительно насмѣхаются надъ такою особою, съ которою всякой день бываютъ вмѣстѣ, и которую называютъ именемъ друга; а еще того страннѣе, что въ глаза ту же самую особу осыпаютъ чрезвычайными похвалами. Сіи похвалы я почиталъ не иначе, какъ несноснѣйшимъ оскорбленіемъ, потому что онѣ заключали въ себѣ скрытыми тѣ самыя насмѣшки, которыя предъ ея входомъ насчетъ ея были произносимы.

Какъ скоро вышелъ я изъ сего собранія, то не могъ воздержаться, чтобъ не открыть моего удивленія одному коротко мнѣ знакомому графу. „Ежели всѣ люди,"—говорилъ я ему,—„съ которыми вы живете, обходятся съ вами съ такимъ притворствомъ, то вы великаго сожалѣнія достойны, и ни на чьи слова не должны полагаться. Кто можетъ васъ увѣрить, чтобъ не говорили когда и на вашъ счетъ такихъ же язвительныхъ насмѣшекъ, какія говорены были насчетъ графини? Эти люди, имѣющіе столь злоб-

[1] Боккачіо, авторъ „Декамерона" (1313—1375).
[2] Лафонтенъ, французскій баснописецъ (1621—1695).

ныя и коварныя сердца, называютъ себя ея друзьями, равно какъ и васъ увѣряютъ въ своей дружбѣ."

— „Я уже знаю,"—отвѣтствовалъ мнѣ графъ, — „какимъ образомъ я въ такомъ случаѣ поступать долженъ. Мнѣ довольно извѣстенъ свѣтъ, чтобъ не допустить себя обмануть никакими тщетными увѣреніями дружбы и пустыми похвалами, произносимыми безъ мыслей и безъ всякаго основанія. Я самъ, сообразуясь съ обычаемъ и модою, часто хвалю то, что мнѣ кажется смѣшнымъ, и послѣ охотно откажусь отъ тѣхъ похвалъ, ежели потребуютъ отъ меня истиннаго въ томъ доказательства."

— „Но къ чему сіе притворство?"—спрашивалъ я его.—„На что непрестанно измѣнять чувствамъ своего сердца? Ваши уста поэтому никогда не произносятъ того, съ чѣмъ согласуется ваше сердце; и искренность, которая почитается самонужнѣйшею добродѣтелію для общежитія, совсѣмъ вамъ неизвѣстна.

— „Чтожъ дѣлать," говорилъ онъ мнѣ,—такое заведено здѣсь обхожденіе: притворство почитается тѣснѣйшимъ узломъ всѣхъ здѣшнихъ сообществъ. Здѣшніе жители, примѣтя въ себѣ, что они не могутъ быть способными истинно любить тѣхъ людей, съ коими обращаются, начали употреблять притворство вмѣсто истинной любви. Хитрость заступила мѣсто истины, а ласкательство мѣсто чистосердечія; и, наконецъ, нужда сдѣлала сіе притворство извинительнымъ."

Вотъ, почтенный Малькульмулькъ, какія главнѣйшія причины вѣжливости и учтивства, которыя столь много уважаются между здѣшними согражданами, и коими они не иному чему одолжены, какъ искренности и чистосердечію, которыхъ они лишены, и

вмѣсто которыхъ оныя употребляютъ. Всѣ ихъ обязательныя и учтивыя увѣренія, ихъ ласковые пріемы и льстивыя слова суть слѣдствія ихъ притворства. Философъ долженъ похвалы ихъ и вѣжливость почитать ядомъ, положеннымъ въ напитокъ, имѣющій самый пріятный вкусъ.

Въ здѣшней сторонѣ каждый человѣкъ ни о чемъ болѣе не старается, какъ о томъ, чтобъ наружно обласкать всѣхъ, попадающихся ему навстрѣчу: одному онъ учтиво кланяется, другого осыпаетъ льстивыми словами, и потомъ обнимаетъ съ знаками искреннѣйшей дружбы особу, очень мало ему знакомую. Всѣ здѣшніе жители въ искренности и чистосердечіи могутъ почесться Титами,[1] и всякому по наружности ихъ покажется, что они почитаютъ тѣ дни, въ которые не удастся имъ никому оказать благодѣянія, днями въ жизни ихъ потерянными[2]; но если войтить во внутренность ихъ расположенія, то найдешь совсѣмъ тому противное. Они чрезвычайную имѣютъ склонность къ злословію и почитаютъ то для себя великимъ утѣшеніемъ, когда на чей счетъ удается иному изъ нихъ сказать острое слово. Здѣсь очень часто другъ своимъ другомъ жертвуютъ удовольствію вымолвить въ обществѣ вертопраховъ острую и забавную шутку. Здѣсь мало сыщешь такого дружества, которое не было бы при случаѣ подвержено насмѣшкамъ, и также очень рѣдко найдешь такихъ людей, которые были бы столько счастливы, чтобъ имѣли такого, кому бы могли открыться въ своихъ несчастіяхъ и ввѣрить свои тайны. Ежели истинные друзья повсюду рѣдки, то здѣсь они всего рѣже.

---

[1] Римскій императоръ, славившійся своею благотворительностью.
[2] Какъ Титъ.

Критическій и злословящій духъ, обладающій всѣми здѣшними жителями, дѣлаетъ ихъ принужденными во всѣхъ своихъ поступкахъ. Они другъ за другомъ во всемъ рачительно примѣчаютъ; они знаютъ, что всѣ окружающіе ихъ взираютъ на нихъ завистливыми и злобными глазами, что самомалѣйшія ихъ движенія будутъ обращены въ насмѣшку, и для того во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, въ позорищахъ и на гуляньяхъ, во всемъ наблюдаютъ они превеликую осторожность, въ походкѣ, въ смѣхѣ, въ произношеніи голоса, а болѣе всего въ нарядахъ. Женщины употребляютъ на то чрезвычайное искусство, такъ что полководецъ, въ собраніи военнаго совѣта, не столь рачительно располагаетъ и совѣтуетъ о удачномъ успѣхѣ назначаемаго сраженія, какъ здѣшняя щеголиха распоряжаетъ своими горничными дѣвками при надѣваніи на себя своихъ уборовъ, спрашивая у нихъ поминутно, пристало ли ей надѣтое платье, и къ лицу ли чепчикъ, или плянка. Все сему подобное привлекаетъ на себя ея вниманіе. Она двадцать разъ посмотрится въ зеркало прежде, нежели совсѣмъ бываетъ отмалевано ея лицо разными притираньями, помадами, румянцами и прочимъ, и прежде нежели всѣ уборы ея приведены бываютъ въ совершенный порядокъ. Каждой цвѣтокъ, каждая ленточка, и даже каждая булавочка должны быть осмотрѣны, помѣщены ли на своемъ мѣстѣ.

Женщина скорѣе согласится пробыть десять лѣтъ затворною, нежели на одну минуту показаться на гуляньѣ безъ убору. Здѣсь часто въ лѣтнее время собираются въ саду, гдѣ бываетъ обыкновенное сборище петиметровъ и щеголихъ, которыя простираютъ свое злословіе и насмѣшки надъ всѣми попадающимися имъ навстрѣчу. Въ прежнія времена

очень часто случались въ семъ саду любовныя приключенія, повреждающія честь мужей, и тутъ непрестанно происходило сраженіе у Любви съ Гименомъ.[1] Мнѣ нѣкто разсказывалъ весьма забавное случившееся тутъ приключеніе. Одинъ любовникъ, скрывшись нѣкогда въ темной аллеѣ сего сада, дожидался своей любовницы, которая обѣщалась туда пріѣхать къ нему вечеромъ подъ видомъ прогулки. Она сдержала ему свое слово, выпросившись у своего мужа, который тѣмъ охотнѣе на то согласился, что самъ имѣлъ назначенное свиданіе съ своею любовницею въ томъ же саду. Лишь только жена его уѣхала, то онъ не медля самъ отправился къ своей любовницѣ. Мѣсто, избранное имъ для любовнаго собесѣдованія, было неподалеку отъ того мѣста, гдѣ жена его имѣла свиданіе съ своимъ любовникомъ; двое или трое прогуливающихся въ семъ саду, нечаянно подошедъ къ тому мѣсту, гдѣ происходили сіи два любовныя свиданія, воспрепятствовали ихъ забавамъ и принудили ихъ идти искать другого выгоднаго мѣста; но въ какое пришли они удивленіе по выходѣ на большую дорогу, гдѣ при лунномъ сіяніи узнали они другъ друга и увидѣли, что оба мущины были мужья, размѣнявшіеся своими женами. При такой нечаянной встрѣчѣ они не могли вдругъ удержаться, чтобъ не оказать явнымъ образомъ своего прискорбія и удивленія, такъ что другіе, находившіеся тутъ въ саду, слышали взаимные ихъ другъ другу дѣлаемые выговоры и упреки, и на другой же день сіе приключеніе многимъ сдѣлалось извѣстно. Наконецъ, сіи несчастные мужья принуждены были предать совершенному забвенію взаимную свою досаду,

---

[1] Богъ брака.

и внутренно утѣшались только тѣмъ, что одинъ другому заплатилъ одинакою монетою.

Письмо XIV.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Получивъ вновь повелѣніе отъ Прозерпины, чтобъ при исканіи модныхъ искусниковъ постарался я какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ, сколько ни было мнѣ досадно сіе подтвердительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратиться скоро въ адъ, однакожъ долженъ непремѣнно выполнить волю своей богини. Для сего выбору вошелъ я въ лавку къ одной француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чтобъ безъ всякаго обману узнать, которые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество щеголихъ, выбирающихъ для себя разные уборы. Сначала я очень обрадовался такому случаю, надѣясь отъ нихъ узнать цѣну и достоинства сихъ уборовъ, и которые изъ оныхъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣе; однакожъ никакъ не могъ удовольствовать своего любопытства, потому что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила токи, другая чепчики, иная шляпки, иная тюрбаны, а иная каски, такъ что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть было онѣ меня не оглушили. Наконецъ, купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка также ушла въ другую комнату, и я, оставшись одинъ, размышлялъ, какой бы найти способъ, чтобъ, не обманувшись, узнать,

которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самые сіи модные уборы начали между собою разговаривать, а тебѣ извѣстно, почтенный Маликульмулькъ, что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разговоры всѣхъ, даже неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою о ихъ другъ передъ другомъ преимуществѣ. Разговоры сіи показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почитаю за долгъ сообщить тебѣ оные.

Аглинская шляпка.

Можетъ ли какой уборъ быть лучше меня! и есть ли что-нибудь на свѣтѣ прекраснѣе аглинскихъ модъ?

Французской токъ [1].

Куда какъ ты забавна съ твоею Англіею! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хотя агличане и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ французами, однакожъ то, конечно, не съ стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Покоевый чепчикъ.

О чемъ вы, друзья мои, спорите! Повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія, и мы другъ передъ другомъ не можемъ имѣть нималаго преимущества, потому что ежели какой головной уборъ къ лицу одной женщины, то къ другой онъ совсѣмъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ, ибо женщины

[1] Дамскій головной уборъ.

желаютъ только нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Аглинская шляпка.

Въ этомъ то ты больше всего обманываешься: любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; о уборахъ судитъ только публика, нѣжность же модной щеголихи не имѣетъ въ оныхъ нималаго участія, а дѣйствуетъ одно только самолюбіе и тщеславіе: они то больше всего ею обладаютъ и располагаютъ ея вкусомъ. Для нея лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздыхателю, и главная цѣль ея нарядовъ состоитъ въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ, и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія пріятнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человѣкомъ, а, напротивъ того, въ любовномъ свиданіи лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелести, безъ всякаго искусства въ уборахъ: тутъ наряды дѣлаютъ только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевый чепчикъ.

Однакожъ со всѣмъ тѣмъ, госпожа шляпа, ты должна признаться, что нѣкоторыя женщины, надѣвъ на себя или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными, и очень часто тотъ самой ихъ уборъ дѣлаетъ ихъ дурными, и для того то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такіе уборы,

которые были бы ей къ лицу, а не такіе, которые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятельницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговокъ, доставляющихъ имъ сіи уборы.

Аглинская шляпка.

Можно ли положиться на вкусъ модной торговки! Она всегда больше выхваляетъ тѣ уборы, которые хочетъ скорѣе сбыть съ рукъ! Она, безъ всякаго сомнѣнія, каждой женщинѣ будетъ говорить, что этотъ уборъ къ ней ужасть какъ присталъ, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ страшилищемъ.

Покоевый чепчикъ.

Ну, такъ пусть она полагается на вкусъ своего хорошаго друга, т. е. обладателя ея сердца.

Аглинская шляпка.

Вотъ то-то хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавать совѣты, когда всегда судитъ онъ о семъ пристрастно, наблюдая собственную свою пользу! Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуетъ, то, конечно, не присовѣтуетъ ей надѣть такой уборъ, отъ котораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чтобъ она не понравилась многимъ мущинамъ и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевый чепчикъ.

А всего лучше, если она будетъ совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ.

Аглинская шляпка.

Вотъ другая глупость: совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ! Какъ это забавно! совѣтоваться съ зеркаломъ! то-то изрядной совѣтникъ! Есть ли хотя

одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

Покоевый чепчикъ.

О! постой, чтожъ бы ты сказала, когда бы она потребовала совѣтовъ у своихъ горничныхъ дѣвокъ, непрестанно ее окружающихъ, такъ, какъ то дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Аглинская шляпка.

Да! это прекрасная выдумка: слѣдуя такимъ совѣтамъ, можетъ она надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобъ сдѣлаться или совсѣмъ гадкою, или не столь пригожею. Сколько разъ случалось мнѣ слыхать, что женщина говорила другой женщинѣ: „ахъ! какъ это къ тебѣ пристало! ужасть, ужасть, жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ чепчикъ? Ахъ! какъ онъ прекрасенъ“ и проч., а въ самое то время внутренно радовалась, что тотъ уборъ, въ противность ея похваламъ, былъ совсѣмъ не къ лицу.

Покоевый чепчикъ.

Ну, такъ пусть дѣлаетъ она то, что хочетъ.

Французской токъ.

Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости названъ покоевымъ чепчикомъ! Ну, можно ли тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами ровняться? Мы, по крайней мѣрѣ, бываемъ на позорищахъ; являемся при дворѣ и торжествуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣдняжъ, ни къ какому платью не годишься, кромѣ какъ къ утреннему дезабилье. Съ

тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣваютъ безъ всякой осторожности, такъ, какъ накидываютъ на шею платокъ, нимало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣтъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы, совсѣмъ не причесанные, почему никакъ не можешь ровняться съ щегольскими уборами, и не иначе можешь почитаться, какъ спальнымъ чепчикомъ. Итакъ, пожалуй, скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры!

Покоевый чепчикъ.

Я тебѣ прощаю, почтенный токъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ; но ежели, по-твоему, я ни въ чемъ не могу ровняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французской токъ.

Вѣдь надобно же тебя куда-нибудь положить, но, находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты долженъ себя помнить и передъ нами молчать.

Покоевый чепчикъ
(съ лукавой усмѣшкою).

Итакъ, я замолчу, ибо ежели бы я захотѣлъ сдѣлаться нескромнымъ, то могъ бы насказать множество любопытныхъ случаевъ, которымъ очень часто бывалъ я очевиднымъ свидѣтелемъ, и которыми вы никакъ похвалиться не можете: вы, конечно, бы по, завидовали моему счастію. Разумѣешь ли ты меня-гордой токъ? дерзкой токъ? грубой токъ? неловкой токъ? ... Да знаешь ли ты, что покоевой чепчикъ бываетъ свидѣтелемъ многихъ пріятнѣйшихъ приключеній, которыхъ тебѣ никогда видѣть не удастся. Въ любовныхъ уединенныхъ свиданіяхъ не почитаютъ за нужное имѣть на головѣ своей такой щегольской

уборъ, каковъ ты, господинъ токъ! Тогда почитаютъ тебя самымъ неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ, и изъ уваженія къ тебѣ не дерзаютъ предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ восторгамъ, чтобъ не измять твоихъ пышныхъ кружевъ и лентъ, а потому ты присутствуешь только при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благопристойность. Такія тягостныя церемоніи охлаждаютъ чувства и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевой чепчикъ, — ха, ха, ха!— покоевой чепчикъ, любезной мой токъ, нарочно сдѣланъ для любовныхъ утѣхъ, и нимало не препятствуетъ свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ безпокоитъ, то снимаютъ его безопасно и кладутъ на уборной столикъ, а послѣ опять надѣваютъ на себя безъ всякой осторожности.

Блондовая косынка.

(Во время сихъ разговоровъ спитъ и храпитъ) Хрръ, хрръ, хрръ.

Аглинская шляпка.

Вотъ какъ спокойно почиваетъ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшать въ наши разговоры. ... (Будитъ ее.)

Косынка.

Охъ! ... Кто это? ... Кто это мѣшаетъ мнѣ спа ... а ... а. (зѣваетъ) ... а...ать? Я такъ спокойно спала, а эти глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятъ, что ...

Аглинская шляпка.

Ты очень неучтива, что спишь въ такое время, когда мы разговариваемъ о такихъ важныхъ предметахъ!

Косынка.

Ну, что такое, о чемъ вы говорите? посмотримъ!

Аглинская шляпка.

Мы споримъ о нашемъ другъ передъ другомъ преимуществѣ ... И каждой изъ насъ доказываетъ свои права ...

Косынка (сонным голосомъ).

Да, это очень хорошо, напримѣръ, говорить о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь. ... Это было еще ваше счастіе, что я спала!

Аглинская шляпка, токъ и покоевой чепчикъ.

(Всѣ вдругъ вскричали съ сердцемъ.)

Какъ! что такое она хочетъ сказать?

Косынка (съ насмѣшкою).

Да, это не трудно угадать. ... Кто изъ васъ можетъ имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я какія прелести собою охраняю! Развѣ я не бываю покровомъ тѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе тѣхъ мѣсть, которыя вы собою украшаете?

Покоевой чепчикъ.

О! пожалуй, столько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже слишкомъ много.— Что такое прелести, о которыхъ ты намъ съ такимъ восхищеніемъ выражаешь! ... Тебя покупаютъ только на то, чтобъ ты пышностію своею дѣлала пустой обманъ, а не для прикрытія прелестныхъ грудей. ... Повѣрь, что мнѣ все это довольно извѣстно ...

Косынка (захохотавъ).

Я, сударь! О! я вамъ божусь, что никакого

обмана не дѣлаю, а груди, прикрываемыя мною, въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми я ихъ представляю....

Шляпка, покоевой чепчикъ и токъ
(всѣ въ одинъ голосъ).

О, ты совершенная обманщица, госпожа косынка! Тебя по справедливости такъ называть должно!

Косынка
(взявъ на себя важной видъ).

Ну, ну, перестанемъ горячиться: не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться. ... Вы чувствуете сами, что ... когда я говорю, ... что я не дѣлаю никакого обмана, ... то это только такъ говорится; ... а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать, ... что не дѣлаю почти никакого обмана. ... Однакожъ, по крайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ, головные уборы, ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя ... ни отъ вѣтра ... ни отъ холоднаго воздуха. ... Но я охраняю прекрасную грудь отъ простуды, а что еще и того лучше, отъ дерзкихъ взоровъ нескромнаго мущины. ... Итакъ, я бываю защитницею стыда и цѣломудрія, и орудіемъ благопристойности.

Покоевой чепчикъ.

Не вѣрьте ей, не вѣрьте: она лжетъ! Вотъ какою дѣлается она набожною! Вотъ какая притворщица! ... А я со сто разъ видалъ совсѣмъ тому противное, что она изволитъ разсказывать!

Косынка (съ досадою).

Какъ! ты смѣешь сказать! ... Ахъ, какое поношеніе! ... Какъ! я не бываю покровомъ благопристойности?

Покоевой чепчикъ (съ насмѣшкою).

Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ, конечно, надлежало бы это дѣлать, но сколько разъ видалъ я, что ты совсѣмъ не исполняешь сей должности! Вѣдь кто имѣетъ глаза, тотъ ясно видитъ, что ты....

Косынка.

Ну, посмотримъ же, господинъ прозорливецъ, что такое ты видѣлъ?

Покоевой чепчикъ (унизивъ голосъ).

Не видывалъ ли я множество разъ, что ты открывала свободной путь дерзновенной рукѣ ... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла. ... Ты, какъ казалось, безъ всякой упорности допускала откалывать булавку, которою ты была приколота ... и утѣшалась смущеніемъ и стыдливостію той красавицы, на которой ты надѣта, и которую при тебѣ такъ нагло оскорбляли. ... По сему малому твоему сопротивленію можно видѣть, что ты сама соучаствовала въ томъ маломъ почтеніи, которое тогда было ей оказываемо. Итакъ, скажи теперь, хитрая обманщица, когда пригожая женщина надѣваетъ тебя на свою грудь, не говоритъ ли она тебѣ: „я надѣваю тебя для того, чтобъ ты охраняла меня отъ стужи и отъ дерзкихъ покушеній воздыхателя“?

Косынка.

Право, ни одна женщина никогда мнѣ этого не говаривала.

Покоевой чепчикъ.

Однакожъ, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ тебя на себя надѣваетъ.

Косынка.

Пусть такъ, но я за то не берусь, чтобъ я одна могла воспротивиться противъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ нималой помощи, то какъ можно требовать отъ меня, чтобъ я одна устояла противъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердятся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, притворяются, будто досадуютъ, будто хотятъ кричать, и думаютъ, что тѣмъ подаютъ мнѣ великую помощь! А я, какъ вы сами можете посудить, лучше согланаюсь тогда совсѣмъ оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобъ меня разодрали, чтобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои, но еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни, а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ —

Сей разговоръ прервался, наконецъ, пріѣздомъ многихъ щеголихъ, которыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ мѣстѣ. ... Графиня купила токъ, княгиня аглинскую шляпу; безыменная и вертопрашная кокетка подцѣпила покоевой чепчикъ, а актриса взяла косынку, которая, повидимому, пойдетъ вмѣстѣ съ нею на театръ играть ролю. Бѣдные уборы, видя столь близкую разлуку и не имѣя надежды когда-нибудь увидѣться, прощались съ такою нѣжностію и ласкою, какихъ никогда не оказываютъ между собою тѣ, кому они достались. По выходѣ изъ лавки пріѣзжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я, надѣясь впредь найти какой-нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность Прозерпинѣ.

Желалъ бы я, любезный Маликульмулькъ, какъ можно скорѣе исполнить препорученныя мнѣ дѣла и, не занимаясь больше разными пустяками, возвратиться въ адъ, однакожъ видно, что мнѣ здѣсь довольно еще будетъ дѣла.

Письмо XV.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку.

Пробывъ нѣсколько времени въ семъ городѣ, отправился я въ другой, и хочу увѣдомить тебя-почтенный Маликульмулькъ, о нѣкоторыхъ въ до, рогѣ случившихся приключеніяхъ.

Не доѣзжая за нѣсколько верстъ до***, при выходѣ нашемъ въ одинъ постоялой домъ или, лучше сказать, въ одинъ трактиръ, услышали мы вмѣстѣ съ другими дорожными моими сотоварищами превеликой шумъ, и увидѣли множество людей, собравшихся толпою у воротъ сосѣдняго дома. Мы хотѣли узнать о причинѣ сего собранія, и нѣкто изъ числа оныхъ увѣдомилъ насъ о семъ слѣдующими словами:

— „Государи мои“,—говорилъ онъ намъ—„домъ, у котораго собралась сія толпа народа, принадлежитъ г. Людомору, здѣшнему аптекарю, который въ искуствѣ своемъ очень прославился. Онъ сего дня засталъ свою жену въ любовномъ обхожденіи съ своимъ сидѣльцемъ, отъ чего, пришедъ въ превеликое бѣшенство, ухватилъ старое свое ружье и хотѣлъ изъ него застрѣлить своего соперника; но ружье, будучи разумнѣе и снисходительнѣе его, не согласилось выстрѣлить, такъ что раза съ два спускалъ онъ курокъ, однакожъ кремень всегда осѣкался.

— Любовникъ между тѣмъ выскочилъ въ окно

на улицу, а жена крикомъ своимъ созвала всѣхъ своихъ сосѣдей, которые, сбѣжавшись, увидѣли г. Людомора въ изступленіи, съ ружьемъ въ рукахъ, поражающаго любезную свою супругу претолстою дубиною, и съ великимъ трудомъ могли ее освободить отъ его бѣшенства".

— „Какое жъ сдѣлаютъ наказаніе, государь мой, — говорилъ я, — „сей женѣ за измѣну къ своему мужу?"

— „А какое ей дѣлать наказаніе"? — отвѣтствовалъ онъ мнѣ, — „она еще будетъ жаловаться на своего мужа, который, не имѣя никакого свидѣтеля того оскорбленія чести, которое, по его увѣренію, сдѣлано ему отъ его сидѣльца, принужденъ будетъ давать ей ежегодное содержаніе у ея родственниковъ, куда она отъ него удалилась . . ."

— „Помилуйте! что вы говорите?" — вскричалъ я: „какъ можно принуждать мужа платить наличными деньгами женѣ за ея невѣрность?"

— „Такъ повелѣваютъ наши законы", отвѣтствовалъ онъ мнѣ, — „и наши законоискусники, будучи сами снисходительнѣйшими мужьями, не одно уже дѣло рѣшили въ силу сихъ законовъ".

Что подумаешь ты, почтенный Маликульмулькъ, о замѣшательствѣ и безпорядкѣ, царствующихъ во нравахъ и обычаяхъ здѣшнихъ жителей? Они ежедневно твердятъ о благонравіи и похваляются соблюденіемъ правилъ хорошаго поведенія, а невѣрность женъ и мужей почитается у нихъ за ничто. Вѣтреность и непостоянство женщинъ служатъ имъ вмѣсто забавы, и они въ собраніяхъ только для увеселенія о томъ другъ другу разсказываютъ.

Одинъ офицеръ, бывшій въ дорогѣ моимъ сотоварищемъ, смѣялся моему удивленію. Его слова столь глубоко впечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я

сколько могу припомнить, выражу тебѣ точно тѣми словами, какими онъ со мною говорилъ.

— „Видно, — сказалъ онъ мнѣ, — что вы сюда пріѣхали совсѣмъ изъ другова свѣта. Какъ! непостоянная женщина приводитъ васъ въ такое удивленіе? Вы, безъ сомнѣнія, къ сему привыкнете, когда поживете сколько-нибудь у насъ и забудете столь много уважаемую вами строгую добродѣтель". Неужели, — говорилъ я ему, — „здѣсь часто случаются такія происшествія, о какомъ теперь намъ разсказывали?"—„Нѣтъ",—отвѣтствовалъ онъ мнѣ,— „не всѣ мужья бываютъ такъ глупы, какъ г. Людоморъ, а обыкновенно не открываютъ предъ цѣлымъ свѣтомъ домашнихъ своихъ обстоятельствъ". „Поэтому видно, — говорилъ я, — что брачныя обязательства здѣсь очень мало уважаются; по моему мнѣнію, они должны бы были составлять блаженство въ человѣческой жизни, а не несчастія".

— „О, какъ вы ошибаетесь!" — сказалъ онъ мнѣ: „мы уже привыкли къ таковымъ несчастіямъ. Участь нашихъ сосѣдей, нашихъ сродниковъ и нашихъ друзей пріуготовляютъ насъ съ самой юности къ сношенію собственной нашей судьбы и лишаютъ всякаго огорченія. Знайте, что бракъ у насъ почитается нѣкоторымъ родомъ торга. Здѣсь берутъ жену, равно какъ бы покупали кусокъ матеріи: одну покупаютъ мѣрою на аршины, а другую цѣнятъ безъ мѣры полновѣсными червонцами". — „Изъ сего я заключаю", — отвѣтствовалъ я ему, „что здѣсь жена должна очень мало любить такого мужа, который, женясь на ней, ничего въ ней не искалъ любви достойнаго, кромѣ ея богатства, и она не должна нимало сожалѣть о потерѣ такого супруга".

„О, конечно!" — сказалъ онъ мнѣ, захохотавъ.

„здѣсь очень мало вдовъ умираетъ отъ печали, лишившись мужей своихъ; однакожъ при похоронахъ соблюдаютъ онѣ превеликія церемоніи. У насъ, какъ скоро какая женщина лишится своего мужа, то вы сначала, увидя ея огорченіе, подумаете, что все несчастіе ея совершилось, потому что она тогда запирается въ своемъ домѣ, изъ котораго выносятъ всѣ обыкновенныя украшенія, и въ коемъ всѣ стѣны обвѣшиваются чернымъ сукномъ: тогда всякой бы подумалъ, что она заключилась въ гробницу. При малѣйшемъ воспоминаніи о покойникѣ глаза ея дѣлаются двумя источниками, изъ которыхъ истекаетъ вода въ превеликомъ изобиліи. Ея вопли и отчаяніе оказываются явно предъ всѣми, но ежели кто увидитъ ее наединѣ, то примѣтитъ, что съ самаго перваго дни она внимаетъ утѣшенія отъ искреннихъ друзей своихъ. Другъ или пріятельница прилежно стараются ей представить, что она еще въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ не должна быть вживѣ погребенною. Они ей говорятъ: — „Ты еще молода, прекрасна и любви достойна; неужели ты хочешь скрыть отъ свѣта всѣ твои прелести: очень мало сыщется мущинъ, которые не почли бы себя счастливыми, чтобъ заступить мѣсто умершаго твоего супруга; повѣрь мнѣ, сударыня, что я тебѣ подаю совѣтъ отъ искренняго сердца; тебѣ извѣстно, какія имѣетъ о тебѣ мысли такой то графъ или князь; онъ чувство, валъ къ тебѣ любовь еще при жизни твоего мужа-такъ неужели нынѣ не пожелаетъ съ великимъ удовольствіемъ занять его мѣсто?“ Вдова при сихъ словахъ потупляетъ глаза и жеманится. Послѣ того любовникъ дѣлаетъ ей благопристойное посѣщеніе, и его присутствіе совершенно ее увѣряетъ такъ, что, наконецъ, прежде еще, нежели погребеніе умершаго

совѣмъ кончится, вдова избираетъ уже себѣ другова мужа".

Слышанное мною отъ сего офицера о ихъ женщинахъ возбудило во мнѣ превеликое желаніе узнать о свойствахъ ихъ обстоятельнѣе. „Государь мой", — говорилъ я ему, — сказанное вами раждаетъ во мнѣ любопытство. Не прогнѣвайтесь, что я, будучи здѣсь иностранцемъ, осмѣливаюсь васъ просить о увѣдомленіи меня подробнѣе о здѣшнихъ женщинахъ, и я буду вами очень одолженъ, когда вы, подавъ мнѣ лучшее свѣдѣніе, чрезъ то доставите способъ судить о нихъ по ихъ достоинству".

— „Наши женщины", — отвѣтствовалъ онъ мнѣ, „могутъ быть раздѣлены на два рода: первой заключаетъ въ себѣ всѣхъ вообще свѣтскихъ женщинъ, а во второмъ считаются набожныя. Ихъ образъ жизни въ двухъ столь различныхъ состояніяхъ стремится однакожъ къ одной цѣли, и хотя разными путями, но всегда кончится вѣтреностію и непостоянствомъ. Къ сей то цѣли достигаютъ онѣ всѣ по различію своихъ свойствъ, но, чтобъ дать вамъ яснѣе о семъ понятіе, то я увѣдомляю васъ о каждомъ изъ сихъ свойствъ особенно.

Свѣтская женщина не прежде должна вставать съ постели, какъ въ три часа по полудни, а какъ у насъ почитается за неблагопристойное, чтобъ жена жила съ мужемъ своимъ въ однихъ покояхъ, то для того живетъ она на другой половинѣ дома, и иногда по нѣскольку недѣль мужъ и жена другъ съ другомъ совсѣмъ не видятся и не промолвятъ между собою ни одного слова, развѣ только въ публичныхъ собраніяхъ или на балѣ и въ комедіи. Итакъ, свѣтская женщина не успѣетъ еще порядочно одѣться, какъ уже посылаетъ служителя къ знакомымъ сво-

имъ: или къ графинѣ, или къ княгинѣ, спросить о ихъ здоровьѣ и условиться куда-нибудь вмѣстѣ ѣхать. Послѣобѣденное время проходитъ въ церемоніяхъ, комплиментахъ и въ принятіи посѣщеній. По пробитіи пяти часовъ она еще не совсѣмъ рѣшится, куда ей ѣхать, въ комедію ли, или на балъ; и если когда случится, что она приглашена куда-нибудь къ ужину, то для того даетъ преимущество театральному зрѣлищу, откуда выходитъ, занявшись тѣми любовными хитростями, которыя тамъ видѣла представляемыя, и потомъ вино, хорошее кушанье и вольность, между всѣми за ужиномъ употребляемая, воспаляютъ мысли ея пущимъ жаромъ, и она по выходѣ изъ-за стола, прежде возвращенія домой, прохлаждаетъ оный съ своимъ любовникомъ до пяти часовъ утра, и тогда то уже показавшійся день, противъ воли ея, принуждаетъ ее отправиться домой.

Набожная, напротивъ того, съ великимъ стараніемъ удаляется отъ сихъ шумныхъ бесѣдъ и отъ такой безпорядочной жизни, но удовлетворяетъ страстямъ своимъ въ пріятномъ уединеніи. Вертопрахъ и модный щеголь приводитъ ее въ соблазнъ; его вѣтреные поступки чрезмѣрно ее оскорбляютъ; онъ можетъ въ одну минуту лишить ее тої славы, которую она въ три года пріобрѣла уединенною и воздержною своею жизнью, а она избираетъ своимъ любовникомъ учителя дѣтей своихъ, и они оба почитаютъ для себя необходимостію быть скромными, ибо самомалѣйшая нескромность лишила бы госпожу пріобрѣтенной ею славы, а учителя выгоднаго мѣста и того уваженія, которое онъ лицемѣріемъ своимъ получить отъ всѣхъ надѣется.

Есть еще здѣсь нѣкоторой родъ набожныхъ мущинъ, которыхъ онѣ иногда въ нужныхъ случаяхъ

употребляютъ, и кои болѣе всѣхъ уважаются по своей скромности: они втираются въ лучшіе домы въ званіи душевныхъ наставниковъ и путеводителей на стезю спасенія и обѣщаютъ руководствовать къ небесному жилищу всѣхъ въ домѣ безъ изъятія. Мужъ первый бываетъ имъ обманутъ и каждый день самъ ублажаетъ счастливое знакомство того, который наноситъ ему безчестіе и украшаетъ голову его великолѣпнымъ головнымъ уборомъ".

Какое распутство, почтеннѣйшій Маликульмулькъ, какой безпорядокъ! Признаюсь, что съ трудомъ могъ я повѣрить тому, что мнѣ сей офицеръ разсказывалъ, но, поживши здѣсь нѣсколько времени, можетъ быть, самъ узнаю о всемъ собственнымъ своимъ опытомъ, и ежели все сказанное мнѣ справедливо, то посуди, можно ли жить между такими людьми! По крайней мѣрѣ, я благодарю судьбу, что я не человѣкъ, а духъ, и что на нѣсколько только времени по собственному моему желанію сдѣлался человѣкомъ. Прощай, почтенный Маликульмулькъ, не премину тебя впредь увѣдомить, что примѣчу здѣсь еще любопытнаго!

Письмо XVI.

Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Недавно, прогуливаясь по городу, увидѣлъ я домъ, у котораго тѣснилась толпа народа. Я вошелъ въ сѣни, чтобъ спросить, что это значитъ, какъ взялъ меня за руку молодой человѣкъ.

— „Государь мой!" сказалъ онъ, „еще очень рано, не угодно ли вмѣстѣ со мною прогуляться, и

я вамъ послѣ въ семъ домѣ покажу вещи, подлинно достойныя удивленія". Радуясь товариществу, вышелъ я съ нимъ изъ сѣней и пошелъ по вымощенной краснымъ мраморомъ улицѣ. Какъ былъ я въ самомъ простомъ платьѣ, и не столько долженъ былъ отвѣчать на поклоны, то потому безъ всякаго помѣшательства могъ имѣть съ товарищемъ моимъ слѣдующій разговоръ.

— „Признаться, что въ большомъ свѣтѣ очень тѣсно жить безъ денегъ", сказалъ я, „соблюдая имя бѣдняка, а еще несноснѣе видѣть, что люди недостойные пользуются богатствомъ, а мы, которые чувствуемъ, что могли бы принести пользу государству, совсѣмъ позабыты, что существуемъ на свѣтѣ" ...

— „Это правда, сударь", отвѣчалъ онъ, „что хотя куча бѣдняковъ больше, нежели богатыхъ, однакожъ совсѣмъ тѣмъ ихъ не примѣчаютъ. По крайней мѣрѣ, намъ служитъ одно то утѣшеніемъ, что мы не первые на это жалуемся. Впрочемъ, видя по лицу вашему въ васъ честность и имѣя способы вамъ помочь, я за долгъ почитаю этимъ вамъ служить". — „Послушай, другъ мой", сказалъ онъ, вдругъ перемѣня голосъ, „ты кажешься мнѣ такъ бѣденъ, что съ трудомъ можешь себя поправить; правда, хотя на нашемъ островѣ можно надѣяться на хитрость, но состояніе твое такъ мало, что тебѣ нельзя сдѣлать никакого плутовства, не бывъ за то повѣшену или высѣчену розгами. — Хочешь ли ты, чтобъ я далъ тебѣ хлѣбъ? Вступи въ нашу шайку, я въ ней старшиною и обѣщаю тебѣ мое покровительство".

Я. А какая это шайка? не одна ли изъ тѣхъ, которыя, какъ сказывали мнѣ, состоятъ изъ ярмоночныхъ врачей, бродящихъ безъ всякаго знанія съ

своими пузырьками, порошками и пластырями, коими, какъ язвой, переводятъ они большую половину ваших добродушныхъ земляковъ?

Онъ. Нѣтъ, они нынѣ не бродятъ шайками, а живутъ на нашемъ коштѣ на одномъ мѣстѣ и дожидаются въ своихъ домахъ охотниковъ отправиться на тотъ свѣтъ.

Я. Такъ не изъ тѣхъ ли она состоитъ Евнопаловъ, [1] которые, ходя по селамъ и по городамъ, сказываютъ сказки, бравъ за то дорогую цѣну, которые одни имѣютъ хитрость вдругъ и брать милостыню, и налагать подати, и продавать какія то моральныя лѣкарства отъ физическихъ болѣзней, за которыя имъ платятъ очень много, хотя никто отъ нихъ не вылѣчивается.

Онъ. Нѣтъ, и они уже нынѣ не ходятъ шайками, а на нашъ счетъ построили школы, и всякой городъ ставитъ себѣ за честь содержать по нѣскольку сотъ такихъ Евнопаловъ. Правда, имъ скучно было привыкнуть къ такой жизни, но зато пріумноженіе ихъ доходовъ ихъ утѣшаетъ. Они и нынѣ продаютъ неизлѣчающія лѣкарства, налагаютъ подати, берутъ милостыню, получаютъ отъ насъ жалованье, и торгуютъ очень прибыльно жизненными каплями, обнадеживая, что кто ихъ принимаетъ, будетъ жить 3000 лѣтъ. Но оставимъ ихъ. Я предлагаю тебѣ вступить въ нашу шайку, которая сего дня будетъ играть въ этомъ домѣ, — т. е. чтобъ ты сдѣлался комедіантомъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, до какой степени простирается самолюбіе самыхъ послѣднихъ званій

---

[1] Еоунопалы, на семъ островѣ живущіе подъ самымъ экваторомъ народы; они такъ же черны, какъ арапы, съ тою разностію, что у нихъ отъ обжорства гнилые зубы и толстыя брюха. *Прим. автора.*

а для того хотѣлъ я нѣсколько унизить званіе комедіантовъ и послушать, каково оно будетъ защищаемо своимъ членомъ.

— „Какъ, сударь“! сказалъ я, „вы совѣтуете, чтобъ я вступилъ въ столь презрѣнный и подлый промыселъ?“

Онъ. Потише, государь моій! вы живете въ обществѣ, а не знаете учтивости, которая употребляется на нашемъ островѣ, и при мнѣ называете подлымъ ремесло, въ которомъ я нахожусь, но я не сержусь никогда на вспыльчивость молодова человѣка и увѣряю васъ, что мое ремесло ничѣмъ не хуже другихъ. Скажите, что вы въ немъ находите дурного?

Я. Во-первыхъ, то, что это ремесло всѣми почитается подлымъ.

Онъ. Это одно только предразсужденіе. Приказной человѣкъ нимало не уважаетъ военнаго состоянія; воинъ бранитъ приказныхъ; купецъ хвалитъ свое званіе, а лѣкарю нравится свое. Негодный промыселъ есть только тотъ, который приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, а нашъ приноситъ больше пользы, нежели вреда. И самая низость сего званія полезна для того, что поведеніе комедіанта не берется въ примѣръ, и онъ своею худою жизнію не заражаетъ цѣлаго народа, а добродѣтельною не дѣлаетъ лицемѣровъ, старающихся ему подражать и подъ видомъ благочестія производящихъ тысячу разореній. Комедіантъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда; угнетать какимъ-нибудь откупомъ цѣлый городъ; проманивать по двадцати лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Вся власть его ограничивается только тѣмъ, что изображаетъ на театрѣ пороки. Онъ можетъ по-

править тѣ части злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя болѣе вреда и разоренія приносятъ государству, нежели самые хищные откупщики.

Я. Это правда, но надобно быть очень тверду, чтобъ сносить презрѣніе.

Онъ. Презрѣніе! его достойны только низкія души, а не низкія знанія. Я знаю человѣка и въ моемъ промыслѣ, съ которымъ многіе честные и разумные вельможи ищутъ знакомства [1]; знаю также нѣкоторыхъ знатныхъ, которыми, несмотря на ихъ великолѣпіе, гнушаются и низкіе люди; но если ты охотникъ до знатности, то я позволю тебѣ на театрѣ играть роли самыхъ знатныхъ людей.

Я. Вы очень унижаете истинную знатность, сравнивая ее съ театральною.

Онъ. Это сравненіе справедливо. Какъ скоро ты на театрѣ играешь знатную ролю, тогда всѣ другія лица стараются оказывать тебѣ почтеніе. Правда, что за театромъ оно исчезаетъ, но не то ли же самое дѣлается и съ вельможею? Какъ скоро онъ входитъ въ знатность, тогда всякой старается предъ нимъ казаться униженнымъ, всякой оказываетъ ему обожаніе, всѣ его хвалятъ, всѣ ему льстятъ, но лишь только сила его исчезаетъ, тогда всѣ его приближенные снимаютъ передъ нимъ свои маски; имъ кажется онъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и они, оставляя его, идутъ къ другому читать ту же самую ролю, которую читали передъ нимъ.

Я. Это правда, что тутъ есть нѣкоторое сходство, но быть народнымъ шутомъ — это очень тягостно!

---

[1] Вѣроятно, намекъ на Дмитревскаго.

Онъ. Напротивъ того, это очень весело! Лучше заставлять народъ смѣяться или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ, а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежности, а не происками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести: мы и передъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожъ истину; между тѣмъ какъ ихъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки о ихъ побѣдахъ.

Я. Я отдаю, наконецъ, на вашу волю, но только съ тѣмъ, чтобъ играть мнѣ иногда короля, иногда разнощика, иногда судью, а иногда ветошника: меня очень будутъ забавлять такія перемѣны.

Онъ. Пойдемъ, я согласенъ, и это одна изъ наилучшихъ выгодъ комедіанта. Въ семъ онъ подражаетъ величайшимъ философамъ, ибо онъ послѣ царя съ такимъ же веселіемъ бываетъ разнощикомъ, съ какимъ равнодушіемъ послѣ разнощика бываетъ царемъ, чего лишены актеры большого театра, называемаго свѣтомъ.

Новой мой покровитель ввелъ меня въ залу. „Вотъ, друзья мои, вамъ новой товарищъ,“ сказалъ онъ нѣсколькимъ стоящимъ въ кругу царямъ, царицамъ, скороходамъ и крестьянамъ, которые всѣ вмѣстѣ разсуждали о какомъ то политическомъ предпріятіи ихъ острова; „его осанка“, продолжалъ онъ, „его ростъ и хорошій станъ подаютъ намъ немалую надежду, что онъ будетъ исправной царь“.

Послѣ сего короли и лакеи очень пристально зачали на меня смотрѣть и что то шептали между собою, а королевы говорили въ слухъ, что онѣ ни на какомъ театрѣ лучше меня царя не видывали. Такая похвала заставляла иногда на меня коситься новыхъ моихъ товарищей, но я, мало о томъ заботясь, пошелъ въ амфитеатръ, чтобъ посмотрѣть новую трагедію, которую тогда дали. Множество зрителей ожидали съ нетерпѣливостію открытія занавѣсы, и, наконецъ, минута эта настала. Трагедія была сочинена по вкусу островитянъ въ 8 дѣйствіяхъ 12 стопными стихами. Дѣйствующія лица были очень порядочно связаны, и какъ я еще нѣсколько помню ея содержаніе, то разскажу тебѣ, почтенный Малькульмулькъ, подробнѣе.

Главный герой сей трагедіи былъ нѣкоторой островской Донъ-Кишотъ. (Это одинъ романъ гишпанской, стоящій любопытства; я тебѣ его пришлю. Впрочемъ, ты, путѐшествуя по разнымъ странамъ, можетъ быть, видалъ многихъ и знатныхъ Донъ-Кишотовъ.) Онъ былъ вдругъ: философъ, гордецъ и плакса; актеръ по смыслу словъ очень изрядно поддерживалъ свой характеръ; онъ храбрился въ тюрьмѣ, читалъ на театрѣ разсужденія тогда, когда надобно ему было что-нибудь дѣлать; будучи просголюдимомъ, гордился предъ государемъ и плакалъ предъ своею любовницею, какъ дитя отъ лозы, когда она дѣлала ему ласки, а чтобъ ему чаще хлопали, то онъ, оборотясь къ зрителямъ, почти при всякомъ стихѣ твердилъ имъ, что онъ ихъ одноземецъ. Островитяне иногда краснѣлись, что такой чудакъ родился между ними, однакожъ нерѣдко хлопали ему, чтобъ не заснуть отъ праздности.

Другая, т. е. его любовница, была царская дочь;

она была нѣсколько его поумнѣе, но столько хвалила своего любовника, какъ будто бы желала выти за него безъ приданова, хотя и не видно было, подлинно ли имѣла она это намѣреніе, будучи богатѣе своего жениха. Третіе лицо изобразить хотѣло какого то злодѣя. — Писатель характеръ его заключалъ въ словахъ, а не въ дѣйствіи. Онъ ничего не дѣлалъ, но иногда кричалъ, что онъ всѣхъ перерѣжетъ и передавитъ, а между тѣмъ, когда онъ спалъ на театрѣ, то самого его удавили въ седьмомъ дѣйствіи, и осьмое доигрывается уже безъ него.

Наконецъ, четвертый, какъ говорятъ, былъ прекрасный характеръ; на немъ основывалась вся трагедія; сказываютъ, что это былъ предобродѣтельный человѣкъ, и имъ окончалось зрѣлище, но жаль только того, что авторъ не выводилъ его на театръ. Можетъ быть, добродѣтельный характеръ былъ для него слишкомъ труденъ [1].

Письмо XVII.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Извини меня, любезный Маликульмулькъ, что я давно къ тебѣ не писалъ: это не отъ того, чтобъ мнѣ было нечего писать; но я столько занятъ дѣлами и окруженъ столь многими предметами, что, не зная, за что приняться, впалъ въ перѣшимость, и долго бы въ ней пробылъ, еслибы мой молодой Припрыжкинъ не подалъ мнѣ причины къ размышленію, которое выбило у меня на время изъ головы всѣ другіе предметы.

[1] Карикатурное изложеніе содержанія „Росслава" Княжнина, съ которымъ въ 1789 г. Крыловъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ.

„Поздравь меня, любезный другъ“, — сказалъ мнѣ Припрыжкинъ, — съ исполненіемъ трехъ главнѣйшихъ моихъ желаній. — „Какъ!“ — вскричалъ я; — „неужели ты оставилъ свѣтъ, собралъ хорошую библіотеку и нажилъ себѣ искреннихъ друзей?“ — „Вотъ какой вздоръ!“ — отвѣчалъ онъ, — „я никогда этого не желалъ, какъ только одинъ разъ въ жизни, когда недавно проигрался и былъ безъ денегъ: о, тогда я былъ великой философъ! Но, любезный другъ, ты знаешь нынѣшній свѣтъ и нашу мягкую философію, которую и у лучшаго нашего философа одинъ рубль испортить въ состояніи. Нѣтъ, у меня есть другія гораздо основательнѣйшія желанія, которыя Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный другъ,“ — продолжалъ онъ, меня обнимая, — „съ тѣмъ, что я сыскалъ цугъ лучшихъ англинскихъ лошадей, прекрасную танцовщицу и невѣсту; а что еще болѣе, такъ мнѣ обѣщали прислать чрезъ нѣсколько дней маленькаго прекраснаго мопса: вотъ желанія, которыя давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человѣкъ, когда буду видѣть вокругъ себя столько любезныхъ вещей! Я умру отъ восхищенія! — Прекрасной мопсъ! — Невѣста! — Цугъ лошадей! — Танцовщица! — О! я только между ими стану раздѣлять свое сердце! Я принужу ихъ, чтобъ они всѣ равно меня любили... и если не за другихъ, то, конечно, за собачку парирую[1] тебя всѣмъ, что она будетъ меня любить, какъ родного своего брата“.

Такое прекрасное начало въ первый разъ заставило меня узнать, какимъ образомъ здѣсь женятся,

[1] Отвѣчаю, бьюсь объ закладъ.

и я захотѣлъ получше развѣдать, что значитъ эта-нняя женидьба. „Поздравляю тебя, любезный другъ," сказалъ я ему, „съ исполненіемъ твоего желанія, а болѣе всего съ невѣстою. Я увѣренъ, что ты не ошибся въ твоемъ выборѣ." — „Конечно," сказалъ онъ, „лошади самыя лучшія аглинскія!" — „Я о твоей невѣстѣ говорю," — продолжалъ я, — „не правда ли, что она разумна?" — „Ужъ, конечно; говорятъ, что лучше ея со вкусомъ никто не одѣвается." — „Безъ сомнѣнія, она добродѣтельна?" — „Въ томъ я вѣрю ея матери, которая говоритъ, что дочка ни въ чемъ отъ нея не отстала: а эта барыня можетъ служить примѣромъ добродѣтели... Она вѣчно или перебираетъ свои чотки на молитвѣ, или бьетъ ими своихъ дѣвокъ; а достальное время проводитъ въ набожныхъ разговорахъ наединѣ съ своимъ учителемъ богословіи." — „Я думаю, что она прекрасна?" — „О! что до этого, то я никому, кромѣ своихъ глазъ, не повѣрю; но я еще не успѣлъ ея видѣть." — „Какъ!" — сказалъ я, — „ты женишься, и не знаешь своей невѣсты?... Да чѣмъ же она тебѣ такъ нравится? — „Тридцатью тысячами дохода", отвѣчалъ онъ мнѣ съ восхищеніемъ: „неужели ты думаешь, что это шутка? Если мнѣ танцовщица будетъ стоить и двадцать тысячъ, то все еще у жены останется десять, къ которымъ приложа мой доходъ мы можемъ съ нею жить, дѣлая честь нашему роду. Что же ты смотришь на меня, вытаращя глаза? О! какъ можно въ тебѣ узнать уѣзднаго дворянина! Я вижу, что тебѣ въ диковинку такія свадьбы, а это отъ того, что ты еще не знаешь моднаго общежитія. Будь же свидѣтелемъ моей женидьбы, и приучайся къ правиламъ свѣта."

Послѣ сего подхватилъ онъ меня въ свою ка-

ретy, и мы поѣхали съ нимъ въ ряды для закупки къ свадьбѣ ему уборовъ.

Купцы на-перекоръ просили насъ въ свои лавки и кричали, что у нихъ есть самые дорогіе товары; нѣкоторые, правда, говорили, что у нихъ есть лучшіе, но у такихъ простяковъ, какъ я примѣтилъ, покупали очень мало. „Другъ мой," сказалъ я одному изъ сихъ купцовъ, „скажи мнѣ, неужели здѣсь товары не по тому выбираются, что они лучше, а по тому, что дороже? То правда, что лучшіе должны быть дороже; но я примѣчаю, что это у васъ рѣдко вмѣстѣ встрѣчается." — „Государь мой!" отвѣчалъ мнѣ купецъ, „будьте увѣрены, что я имѣю все должное почтеніе къ такимъ господамъ, какъ вы и его сіятельство г. Припрыжкинъ, и я бы думалъ обидѣть его милость, еслибы показывалъ ему лучшіе товары а не тѣ, которые дороже; да и онъ, конечно, сочтя меня за невѣжу, пошелъ бы искать товаровъ въ другія лавки. Были, правда, здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго, но просвѣщеніе перемѣнило такіе грубые нравы, и мы нынѣ нерѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп. и менѣе за золотникъ; а за такой же золотникъ стали платятъ намъ по 120 рубл. За шелкъ беремъ мы самую умѣренную цѣну, а за связку соломы недавно брали по 400 и по 500 рублей [1]: но, по несчастію, наши барыни не долго пользовались пріятною вольностію платить за солому дорогую цѣну, и мы принуждены были поровнять ее цѣною, не болѣе, какъ съ лучшею золотою парчею. Мы были бы въ отчаяніи, еслибы дорогая цѣна стали не утѣшила насъ въ

[1] Французскія соломенныя шляпки и накладки.

умѣренной прибыли отъ соломы. Вотъ, сударь", продолжалъ онъ, показывая мнѣ, „стальной аглинской ефесъ, которой стоитъ 110 рублей". — „Я тебѣ сію минуту плачу за него деньги," — сказалъ я; — „но скажи мнѣ, чего онъ въ самой вещи стоитъ." — „Я божусь, — говорилъ купецъ, — что онъ изъ самой лучшей аглинской стали. Желѣза тутъ не болѣе, какъ на 9 коп. Работа агличанамъ, можетъ быть, стоитъ не больше полфунта стерлинговъ или два крона, что на здѣшнія деньги сдѣлаетъ 2 рубл. 20 коп. [1]. 52 рубл. 80 коп. мы даемъ имъ прибыли; а достальные 55 рубл. я имѣю честь брать съ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ." — „Этого безчеловѣчнѣе ничего быть не можетъ!" вскричалъ я. — „Не угодно ли, сударь," — говорилъ купецъ, — „посмотрѣть еще аглинскихъ стальныхъ цѣпочекъ, женскихъ поясныхъ и шляпныхъ пряжекъ и шляпныхъ петель: будьте увѣрены, что я уступлю вамъ за самую сходную цѣну". — „Что стоитъ эта цѣпочка?" — спрашивалъ я, указывая на одну подлинно изрядно сдѣланную. — „Послѣднее слово 230 рублей," — отвѣтствовалъ купецъ. — „Я не говорю о настоящей ея цѣнѣ," — продолжалъ онъ, — „она вамъ извѣстна; но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ вамъ купить такъ хорошо выработанную вещь". — Чтобы сдержать мое слово, я заплатилъ ему за три золотника стали 230 рубл. „Но скажи мнѣ," говорилъ я купцу, „неужели это не дѣлаетъ вреда государству,

[1] Деньги той земли привелъ я въ здѣшнія Россійскія, чтобы ихъ названіемъ не открыть такой странной земли; а я за долгъ почитаю умалчивать о народѣ, которого имя Зоръ въ письмѣ своемъ описываетъ, да и не вѣрю, чтобы могъ гдѣ быть такой безразсудной, которой бы за сталь платилъ въ 60 разъ дороже золота. Впрочемъ, увѣряю читателя, что въ сравненіи денегъ ни одною полушкою не ошибся. Примѣчаніе издателя (вѣроятно, Крылова).

и какую можетъ приносить ему пользу?" „Польза очень не мала, сударь", — отвѣчалъ купецъ: — „во-первыхъ, насъ почитаютъ богатыми потому, что мы за бездѣлицы платимъ дорого: вкусъ нашъ въ великой славѣ потому, что такія прекрасныя вещи нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣты съ ногъ до головы въ такія драгоцѣнности, подаютъ великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости ... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ ... Правда, есть также и вредъ, но онъ почти непримѣтенъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умираютъ съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна". — „Ты шутишь", сказалъ я, „неужели такія бездѣлицы, каковы англинскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, петли, или такія мелочи, каковы французскія соломенныя шляпки, блаженной памяти соломенныя накладки и прочіе подобные симъ вздоры могутъ принести такой вредъ государству? Пожалуй, мнѣ это растолкуй". — „А вотъ, сударь", — продолжалъ купецъ, — „между тѣмъ, какъ вашъ пріятель покупаетъ у моего сидѣльца нужные для него товары, я вамъ въ короткихъ словахъ объ этомъ разскажу. Напримѣръ, его сіятельство г. Припрыжкинъ вздумалъ жениться: ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество такихъ мелочей: деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4,000 душъ крестьянъ: въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ, собрать съ нихъ къ будущему году 80,000 рубл. Мужики, получа такое строгое повелѣніе и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ обы-

кновенно болѣе можно выработать денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками или разнощиками; днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ [1]. Городъ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ бываетъ самъ ихъ кормить, и, сверхъ того, еще платить имъ деньги. Отъ такихъ то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80,000 рубл. господину, а на досгальные 10,000 рублей посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго имъ становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству".

Между тѣмъ г. Прирѣжкинъ кончилъ торгъ съ сидѣльцомъ моего краснобая и, отсчитавъ ему 6,000 рубл. за такіе прекрасные товары, радовался, что заплатилъ дороже всѣхъ за свою покупку. Надобно думать, что и невѣста не менѣе дѣлала пріуготовленій.

На другой день послѣ сего у невѣсты въ домѣ былъ балъ, гдѣ было такое же собраніе, о которомъ я тебя разъ увѣдомлялъ, съ тою только раз-

[1] Намекъ на очень распространенные въ то время грабежи.

постію, что тутъ были безъ масокъ и не платили денегъ. Невѣста и женихъ, въ первый разъ увидѣвшись, чрезъ десять минутъ сдѣлались такъ коротки, какъ будто были уже десять лѣтъ обвѣнчаны. Ему позволяли нѣкоторыя вольности жениха, но я примѣтилъ, что не одинъ онъ пользовался такимъ правомъ. Неотказа (такъ называлась молодая невѣста) была такъ благосклонна ко всѣмъ мущинамъ, что, казалось, будто она за всѣхъ за нихъ выходитъ замужъ. Съ своей стороны и Припрыжкинъ ей не уступалъ: онъ всякую женщину почиталъ своею невѣстою, и всякая женщина была такъ къ нему снисходительна, что почитала его своимъ женихомъ или еще и болѣе. Я примѣтилъ между прочимъ, что мать невѣстина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна съ будущимъ своимъ зятемъ, съ весьма важнымъ видомъ. „Вотъ женщина умная", — сказалъ я самъ въ себѣ: она, конечно, даетъ ему наставленіе въ добродѣтели и въ будущемъ хозяйствѣ". Но ты узнаешь скоро, любезный Малькульмулькъ, что я имѣлъ причину пенять себѣ въ безвременно сдѣланной похвалѣ сей старушкѣ.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мнѣ хорошенько разспросить про здѣшнюю женидьбу, и для того зачалъ я разговоръ съ однимъ, повидимому, постояннымъ и скромнымъ гостемъ. Слова наши были напередъ о мелочныхъ вещахъ, какъ то о погодѣ (здѣсь очень часто начинаются преважные разговоры вопросомъ: какая на дворѣ погода? или, которой бы, вы думали, часъ?); наконецъ, я довелъ разговоръ до женидьбы. „Признаюсь, сударь",—говорилъ я ему, „что я очень радуюсь счастію моего пріятеля Припрыжкина: женидьба есть такое утѣшеніе въ жизни,

что она отъемлетъ у человѣка половину горестей въ оной. Какъ весело раздѣлять время съ прекрасною и добродѣтельною женою, которой нравы во всемъ согласны съ мужинными! Хорошая женщина — любезной товарищъ въ уединеніи, и наставленія разумной красавицы скорѣе исправить могутъ, нежели десять скучныхъ поученій какого-нибудь грубаго старика, а основательному, но не гибкому разуму мущины не худо имѣть себѣ въ общежитіи совѣтникомъ проницательный женскій разумъ, и самые упреки изъ устъ любимой женщины кажутся пріятны".

— „Изъ Америки или изъ Сибири изволили вы сюда прибыть?" — спросилъ меня незнакомой — ... „Я очень любопытно желалъ бы услышать отъ васъ о гамошнихъ дикихъ народахъ. По вашему вопросу мнѣ кажется, что они еще не лишились своей невинности. Видно, что письма о развращеніи ихъ нравовъ, полученныя мною, несправедливы".

— „Государь мой", отвѣчалъ я, „очень бы я радъ удовольствовать ваше любопытство, но признаюсь, что я не былъ столь далеко отсюда, а пріѣхалъ прямо изъ одной здѣшней провинціи, для покупки модныхъ уборовъ моимъ родственницамъ; однакожъ, чтобы впредь не быть мнѣ смѣшнымъ такими вопросами, прошу васъ, пожалуйте, разскажите мнѣ, какимъ образомъ здѣсь почитается женидьба".

— „Очень просто", отвѣчалъ онъ мнѣ, „и это въ короткихъ словахъ разсказать вамъ можно. У насъ съ женою такъ же поступаютъ, какъ съ платьемъ.... Приходятъ въ ветошной рядъ, выбираютъ то, которое побогатѣе, платятъ за него деньги и относятъ домой. Тогда то уже увидятъ, что платье или не въ пору, или дурно сшито, и, усмотря свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто

его выбираютъ другое, и на него никогда уже не взглядываютъ, а только пишутъ его въ реестрѣ своимъ, хотя нерѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются.... Вотъ исторія женидьбы, съ малою однакожъ разницею: тотъ, кто хочетъ жениться, провѣдываетъ о невѣстахъ; къ нему приходятъ и сказываютъ, что такая то дѣвушка приноситъ за собою въ приданое 10000 рубл. доходу; часто, не любопытствуя далѣе, онъ посылаетъ къ ея отцу сказать, что онъ такого то чина и столькихъ то душъ владѣтель, хочетъ на ней жениться. Съ обѣихъ сторонъ справляются съ великимъ прилежаніемъ въ истинѣ сихъ увѣдомленій, и потомъ начинаютъ свадьбу. Если же послѣ, какъ то часто случается, ни жена, ни мужъ другъ другу не понравятся, то всякой утѣшаетъ себя, какъ можетъ, и дѣлаютъ добровольно уговоры, чтобъ не вступаться въ нѣкоторыя бездѣлицы, которыя прежде сего мужей и женъ красѣться заставляли. И такимъ образомъ мужъ, не сходясь съ своею женою нѣсколько лѣтъ, можетъ надѣяться быть не послѣднимъ въ своей фамиліи, а жена имѣетъ удовольствіе приписывать своему мужу всѣ домашнія дѣла, которыми часто вертятъ комнатной служитель и человѣка четыре постороннихъ.

Дѣти, которыя приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ равною съ обѣихъ сторонъ прилежностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя, а жена, видя, какъ мало думаетъ о нихъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перецеголять его въ нерадѣніи, и такіе то прекрасныя отрасли готовятся современемъ занимать какія-нибудь важныя мѣста въ государствѣ!“

Лишь только окончилъ онъ свою рѣчь, какъ Припрыжкинъ подошедши отвелъ меня къ сторонѣ .... „Доволенъ ли ты, любезный другъ, своею будущею тещею?“ — спросилъ я его.

„Можно ли спрашивать меня объ этомъ!“—сказалъ онъ: —„когда ты видишь, въ какомъ я смущеніи. Представь, что эта старая хрычовка въ меня влюблена! И какъ видно, что старушка жалуетъ скорыя рѣшенія, то, по ея словамъ, я очень ясно заключаю, что мнѣ не видать ея дочери за собою до того времени, покуда“ ..... „О чемъ же ты думаешь?“ — вскричалъ я: — „оставь эту старую фурію! Неужели ты хочешь быть до такой степени развращенъ?“

— „Вотъ какое дурачество!“ — сказалъ Припрыжкинъ, — „чтобъ я пожертвовалъ тридцатью тысячами доходу для такой м елочи! Будь увѣренъ что я не столь своенравенъ, и если я теперь въ досадѣ, то это не отъ того, чтобъ я старался презирать мою дорогую тещу“.

„Что жъ, развѣ ты страшишься, чтобъ не узнали люди о такомъ преступленіи?“

— „Вздоръ! что кому за нужда до чужихъ дѣлъ!“

— „Или не хочешь, чтобъ твоя невѣста свѣдала о сей измѣнѣ?“

— „Совсѣмъ не то: хотя невѣсту свою вижу я и въ первый разъ, но какъ у многихъ моихъ пріятелей видалъ я ея портреты, которые безъ всякаго прекословія переходили изъ рукъ въ руки и доставались многимъ, то изъ того заключаю, что и подлинникъ не упрямѣе своихъ списковъ. Итакъ, поэтому не думаю, чтобъ она на меня слишкомъ осердилась за непостоянство“.

„Что же тебя такъ безпокоитъ?“ - „То“, —

отвѣчалъ съ досадою молодой Припрыжкинъ, „что я сего вечера далъ слово быть у моей прекрасной танцовщицы, а если эта старая хрычовка не отвяжется отъ меня съ своими любовными изъясненіями, то я лишусь пріятнаго удовольствія увидѣться съ театральною нимфою, а принужденъ буду проводить скучные часы съ гадкою старухою“. По счастію господина Припрыжкина сей день кончился безъ дальнихъ для него хлопотъ съ будущею его тещею, потому что къ вечеру нашелъ онъ отговорку, чтобъ уѣхать для свиданія съ своею танцовщицею, и мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали. Меня завезъ онъ въ тотъ домъ, гдѣ я живу, а самъ поскакалъ къ своей сиренѣ.

Прости, любезный Маликульмулькъ, я скоро тебя увѣдомлю, чѣмъ кончится такая знатная свадьба, которую Припрыжкинъ торжествуетъ на счетъ своихъ 4000 душъ.

Письмо XVIII.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку.

Въ послѣднемъ моемъ къ тебѣ письмѣ, мудрый Маликульмулькъ, упоминалъ я о нѣкоторомъ молодомъ человѣкѣ, который, имѣя намѣреніе опредѣлиться въ какой-нибудь приказъ секретаремъ, требовалъ въ томъ моего совѣта. Онъ столь же былъ бѣденъ и такъ же умиралъ съ голоду, какъ и пріятель его стихотворецъ. „Наставь меня“, — говорилъ онъ мнѣ, — „долженъ ли я вступить въ сію должность, и могу ли надѣяться, что посредствомъ оной поправлю бѣдное свое состояніе“.

„Будущее“, отвѣтствовалъ я ему, „столь же сокрыто отъ бѣсовъ, какъ и отъ людей, однакожъ, разсматривая подробно настоящія обстоятельства, мо-

жемъ мы нѣсколько предузнавать, что впредь съ кѣмъ случится. Итакъ, скажи мнѣ, какія главнѣйшія причины побуждаютъ тебя вступить въ сію должность. Если жадность къ прибытку составляетъ предметъ твоихъ желаній, то надѣешься ли ты на свою совѣсть, что не тронется она воплемъ бѣдныхъ сиротъ, у которыхъ алчный корыстолюбецъ, посредствомъ твоего старанія, отниметъ послѣднее ихъ имущество?

Чувствуешь ли ты въ себѣ столько ябедническої твердости, чтобъ грабить своихъ ближнихъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти? И, наконецъ, надѣешься ли столько на знаніе свое въ крючкотворствѣ, чтобъ нагую истину въ глазахъ безграмотныхъ судей переодѣвать въ различные наряды, по своему благоразсужденію? Ежели есть въ тебѣ сіи необходимо нужныя для корыстолюбиваго секретаря качества, то, не мѣшкая нимало, исполняй свое намѣреніе, и я предсказываю тебѣ, что, наполняя свои сундуки имуществомъ ограбленныхъ тобою людей, будешь ты очень богатъ".

„Я никогда такъ подробно не разсуждалъ", — отвѣтствовалъ онъ мнѣ; — однакожъ признаюсь, что, желая вступить въ сію должность, смотрю болѣе всего на прибыль, и увѣренъ, что большая часть будущихъ моихъ собратій такъ же о томъ думаютъ, какъ и я. Сыщется ли изъ нихъ хотя одинъ, который бы пожертвовалъ неусыпными своими трудами для пріобрѣтенія тої пустої и ничего незначащей славы, которая послѣдователей своихъ нерѣдко препровождаетъ въ богадѣльню? Собственная польза должна быть гораздо драгоцѣннѣе, нежели польза вдовъ и сиротъ. Виноватъ ли секретарь, что нѣтъ у нихъ денегъ? Въ нынѣшнія просвѣщенныя времена даромъ ничего не дѣлаютъ".

„Ого!“ — вскричалъ я съ восхищеніемъ: — „я предвижу, что, имѣя такія мысли, ты будешь современемъ очень счастливъ; ты достоинъ быть не только секретаремъ, но и судьею. По словамъ твоимъ всякой подумаетъ, что ты состарѣлся въ приказѣ, и что уже лѣтъ сорокъ упражняешься въ крючкотворствѣ. Принимайся, другъ мой, поскорѣе за сей промыселъ; увѣряю тебя, что ты ничего лучше сего не сдѣлаешь“.

„Мнѣ кажется“, — отвѣтствовалъ мнѣ нововыпечатанной секретарь, — „что ты очень хорошаго мнѣнія какъ обо мнѣ, такъ и о будущихъ моихъ сотоварищахъ, однакожъ я многими примѣрами могу тебѣ доказать, что и между ими есть множество честныхъ людей, достойныхъ всякаго почтенія“.

„Въ этомъ я не сумнѣваюсь“, — отвѣтствовалъ я ему, — „однакожъ сихъ, упоминаемыхъ тобою, добросовѣстныхъ секретарей столь мало, что, въ сравненіи со множествомъ пристрастныхъ къ акциденціи [1], можно ихъ почесть за совершенную рѣдкость. Когда приходятъ мнѣ на мысль всѣ тѣ плутни, которыя они, для уловленія бѣдныхъ челобитчиковъ въ ябедническія свои сѣти, употребляютъ, то не могу удержаться, чтобъ не похвалить благоразумныхъ въ судопроизводствѣ обрядовъ нѣкоторыхъ азійскихъ народовъ, кои для отправленія правосудія не имѣютъ нужды ни въ выпискахъ, которыя болѣе затмеваютъ тѣла, ни въ справкахъ, которыя въ конецъ разоряютъ бѣдныхъ челобитчиковъ: всѣ сіи запутывающіе и самыя справедливѣйшія дѣла ябедническіе крючки у сихъ народовъ, коихъ просвѣщенные европейскіе жители называютъ варварами, совершенно неизвѣстны.

[1] Взятка.

Тамъ жадный стряпчій, безсовѣстный судья и бездушный секретарь не имѣютъ способовъ обогащаться имуществомъ ограбленныхъ ими просителей, и еслибъ, къ твоему несчастію, родился ты въ какомъ азійскомъ городѣ, то сколько бы ни употреблялъ старанія, чтобъ одному дѣлу дать два различные вида, или чтобъ яснѣйшую истину обратить въ сомнительную, однакожъ все то нимало бы не послужило къ твоей пользѣ. Тамъ умеръ бы ты съ голоду, или, можетъ быть, въ награду за твои плутни отвѣсили бы тебѣ нѣсколько сотенъ ударовъ палкою по пятамъ".

„Итакъ, еслибъ въ европейскихъ присутственныхъ мѣстахъ поступали съ приказными служителями по азійскому обыкновенію, то всѣ твои товарищи сдѣлались бы столько же честными, сколько теперь корыстолюбивы. Принимаясь за какое дѣло, не преминули бы они прежде сами себѣ сказать: „Понеже де плутни наши вознаграждаются здѣсь нападающимъ на насъ палочнымъ дождемъ, того ради, надлежитъ пещись елико возможно, дабы честностію и безкорыстіемъ предохранить спины наши отъ вышереченнаго за беззаконія наши истязанія". Но, къ несчастію европейцевъ, судьи и начальники у сихъ просвѣщенныхъ народовъ не такъ думаютъ, какъ азійскіе паши и кади [1]. Всякое судебное дѣло, какъ бы худо ни было, находитъ своихъ защитниковъ, и чѣмъ которое несправедливѣе, тѣмъ болѣе искусный секретарь надѣется получить отъ него прибыли, и сіи то ябедническія и запутанныя дѣла составляютъ главнѣйшіе его доходы".

„Я вижу", отвѣтствовалъ мнѣ молодой человѣкъ, „что ты не весьма уважаешь тѣмъ промысломъ, въ

[1] Губернаторы и судьи.

которой я вступить намѣреваюсь; однакожъ всѣмъ довольно извѣстно, сколько нуженъ онъ въ государствѣ. Конечно, въ адѣ совсѣмъ иначе о томъ думаютъ".

„А это происходитъ отъ того", отвѣтствовалъ я, „что у насъ вашу братью лучше знаютъ, нежели здѣсь. Однакожъ я долженъ тебѣ признаться, что ничего не можетъ быть почтеннѣе, какъ искусный и безпристрастный секретарь: нѣтъ такого достоинства, въ которое бы онъ, по заслугамъ своимъ, не могъ быть возведенъ. Множество, какъ прежде было, такъ и нынѣ есть такихъ людей, которые честностію и безкорыстіемъ изъ простыхъ писцовъ произошли въ первѣйшіе чины въ государствѣ. Но сіе до тебя не касается; ты больше привязанъ къ корыстолюбію, нежели къ добродѣтели, итакъ продолжай, какъ началъ; я тебѣ отвѣчаю, что въ скоромъ времени ты чрезмѣрно обогатишься. Паче всего помни, чтобъ за деньги никому ни въ какой просьбѣ не отказывать, и если случится, что, не взирая на всѣ твои плутни, рѣшится какое дѣло не такъ, какъ бы тебѣ хотѣлось, то сіе нимало не помрачитъ твоей славы, а всѣ скажутъ, что дѣло, о которомъ ты старался, было черезчуръ ужъ гадко; ежели же плутовство твое получитъ успѣхъ, и тебѣ удастся переворотить по-своему, праваго обвинить, а виноватаго оправить, тогда будешь очень щедро награжденъ, и тебя всѣ будутъ почитать самымъ хитрымъ крючкотворцемъ. Совѣтъ, который я тебѣ даю, можетъ тебѣ служить вмѣсто философическаго камня; пользуйся имъ до тѣхъ поръ, какъ увижу я тебя преселившагося въ адъ и сидящаго въ объятіяхъ адскихъ демоновъ."

Письмо XIX.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку.

Ты очень бы удивился, почтенный Маликульмулькъ, когда бы увидѣлъ меня въ новомъ моемъ нарядѣ. Я непремѣнно долженъ былъ одѣться по вкусу здѣшнихъ жителей. Фракъ на мнѣ полосатой съ длинными полами и съ короткимъ лифомъ; жилетъ такъ же полосатой и чулки полосатые. Я думалъ, что надобно было заказать сдѣлать исподнее платье и башмаки полосатые; но мнѣ сказали, что это еще не вошло въ моду, а, можетъ быть, скоро войдетъ; что исподнее платье хотя и носятъ полосатое, но полосы одинакаго цвѣта; однихъ только башмаковъ цвѣтъ никогда еще не перемѣнялся, пряжки же башмашныя множество разъ видъ свой перемѣняли: за нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ сказывали мнѣ, употреблялись маленькія, круглыя, но потомъ, часъ отъ часу увеличиваясь, бывали иногда круглыя, а иногда четыреугольныя, самыя большія; нынѣ же носятъ овальныя, вдоль по башмаку лежащія. Карета у меня самаго послѣдняго вкуса, полосатая-жъ; жаль, что здѣшніе господа, модные петиметры, не успѣли еще выдумать выкрашивать и лошадей разноцвѣтными полосами: тогда все бы уже одно другому соотвѣтствовало.

Голова моя убрана преогромнымъ вержетомъ [1] и превеликими буклями, умазана душистою помадою, усыпана самою лучшею французскою пудрою, и я весь съ ногъ до головы опрысканъ благовонными духами; подъ мышкою же ношу я огромную шляпу,

[1] Часть парика.

однакожъ не полосатую, а чорную. Не смѣшно ли тебѣ покажется, почтенный Маликульмулькъ, что я вошелъ въ такое дурачество? Но тебѣ извѣстно, что я это дѣлаю единственно изъ любопытства, чтобъ посредствомъ своего дурачества удобнѣе узнать людскія глупости, и для того нарядами своими стараюсь подражать лучшимъ здѣшнимъ петиметрамъ, чтобъ чрезъ нихъ имѣть входъ во всѣ публичныя собранія, и примѣчать нравы и обычаи здѣшнихъ жителей. Портной мой увѣрялъ меня, что платье мое самой послѣдней моды. Одинъ петиметръ, съ которымъ недавно я познакомился, и который живетъ въ одномъ со мною трактирѣ, все закупалъ для моего наряду и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я одѣтъ былъ по его вкусу, а онъ здѣсь почитается первѣйшимъ знатокомъ въ модныхъ уборахъ и самъ многіе изъ нихъ выдумываетъ. Онъ божился мнѣ, что больше мѣсяца выдумывалъ онъ новый образецъ обшлагамъ и клапанамъ на кафтанѣ, и что потомъ вымышленіе новаго покроя въ платьѣ занимало его почти во все прошедшее лѣто.

— „Конечно, у васъ очень мало дѣлъ“, спрашивалъ я у него, „что вы тратите столько времени на такія бездѣлки?“

— „Какъ!“ отвѣтствовалъ онъ: „вы называете бездѣлкою вымышленіе новой моды! Видно, что вы сюда пріѣхали изъ самой дикой стороны, гдѣ хорошій вкусъ въ нарядахъ совсѣмъ не извѣстенъ. Знайте, что потребно гораздо болѣе дарованія, разума и науки для расположенія новаго покроя въ платьѣ, нежели для построенія огромнаго дома. Не думаете ли вы, что ничего не стоитъ знать искусство у горбатаго скрыть горбъ, у долгошеяго высокимъ воротникомъ закрыть долгую шею; нестрой-

наго станомъ сдѣлать статнымъ, или велѣть расположить со вкусомъ на кафтанѣ фалды? До сего только можно достигнуть хитрыми вымыслами и долговременнымъ упражненіемъ, однакожъ при всемъ томъ надлежитъ, чтобъ сама природа намъ вспомоществовала, а безъ того и самое великое знаніе казалось бы посредственнымъ. Искуество въ нарядахъ должно почитать особеннымъ дарованіемъ; хотя многіе стараются его имѣть, но немногіе счастливо до того достигаютъ."

Я внутренно смѣялся, почтенный Маликульмулькъ, слушая такіе вздоры: сколько ни почиталъ я людей во многихъ случаяхъ заблуждающимися, однакожъ никогда не воображалъ, чтобъ могли они доходить до такого безумія, чтобъ почитали важнѣйшими дѣлами заниматься фалдами и покроемъ своего платья. Я спрашивалъ у нѣкотораго знакомаго мнѣ господина, называющагося Старомысломъ, который упражняется въ разныхъ полезныхъ наукахъ и почитаетъ ихъ гораздо нужнѣе новыхъ модъ, много ли въ семъ городѣ людей, зараженныхъ такими глупостями.

— „Больше, нежели вы вообразить себѣ можете", отвѣтствовалъ онъ мнѣ: „мода есть первѣйшая страсть здѣшнихъ жителей, что жъ принадлежитъ до женскаго пола, то онъ доходитъ въ томъ до безумія. Женщина, окончивъ поутру свой туалетъ, провождаетъ цѣлое утро въ обертываніи и укалываніи около себя разныхъ лоскутковъ, купленныхъ ею наканунѣ. Послѣ обѣда ѣдетъ она въ театръ, и тогда съ удивленіемъ видитъ, что та мода уже перемѣнилась, и что многія модныя щеголихи одѣты въ другое платье по послѣднему вкусу. Она съ досадою примѣчаетъ, что всѣ онѣ пристально на нее смотрятъ и насмѣхаются ея старомодному убору, отъ чего

приходитъ она въ отчаяніе, и, не дождавшись окончанія піесы, поспѣшно выходитъ изъ театра, запирается въ своемъ домѣ, заставляетъ комнатныхъ своихъ дѣвокъ шить новые наряды, и просиживаетъ съ ними во всю ночь, покуда на другой день въ состояніи будетъ опять показаться въ свѣтѣ, одѣтая по новой уже модѣ.“

Знакомецъ мой, петиметръ, обѣщался представить меня многимъ здѣшнимъ модницамъ и познакомить со всѣми извѣстными ему вертопрахами. Вчерась хотѣлъ онъ меня везти въ оперу. Сіе зрѣлище, какъ сказывалъ онъ мнѣ, чрезвычайно ему нравилось; однакожъ не сдержалъ своего слова, потому что ѣздилъ съ пріятелями своими за городъ въ одинъ трактиръ, гдѣ пропили они во всю ночь, и его поутру уже привезли домой совсѣмъ безчувственнаго. Итакъ на мѣсто его ѣздилъ со мною въ театръ г. Старомыслъ.

Театръ здѣшній показался мнѣ довольно великъ, ложи въ немъ въ пять ярусовъ, но, осматривая вокругъ, представилась мнѣ ужасная пестрота, потому что каждая ложа обита особливаго цвѣта обоями, и у каждой такого же цвѣта занавѣски, такъ что было тутъ смѣшеніе всѣхъ разныхъ цвѣтовъ. Многія изъ сихъ ложъ были наполнены обоего пола людьми, а нѣкоторыя закрыты были занавѣсками, однакожъ примѣтилъ я, что и тамъ въ потемкахъ сидѣли и тихонько оттуда выглядывали, а какъ изъ любопытства спрашивалъ я, для чего сидящіе въ тѣхъ ложахъ не показываются и скрываются въ темнотѣ, то мнѣ сказали, что часто случаются тутъ любовникъ съ любовницею, которые пріѣзжаютъ не для смотрѣнія піесы, но для любовнаго свиданія. Между театромъ и партерами на довольно пространной пло-

щадкѣ стояла толпа мущинъ, изъ которыхъ очень немногіе, подвинувшись ближе къ театру, занимались зрѣніемъ піесы, а большая часть, расхаживая взадъ и впередъ, заглядывали въ глаза женщинамъ, сидящимъ въ партерахъ, и разговаривали между собою такъ крѣпко, что отъ ихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно было рѣчей актеровъ, представляющихъ на театрѣ. Нѣкоторые изъ сихъ расхаживающихъ были съ растрепанными волосами, въ розовыхъ на шеѣ платкахъ и подпоясанные кушаками: они во все горло кричали и спорили о скорости въ бѣгѣ своихъ лошадей, и между тѣмъ похлопывали по полу бичами, которые въ рукахъ у нихъ были, а нѣкоторые, поднявъ кверху головы и приложа къ глазу лорнетъ, смотрѣли на сидящихъ въ ложахъ женщинъ, и какъ скоро сей лорнетъ устремлялся на какую женщину, то она тихонько отворачивалась, пріятно усмѣхалась и потрогивала искусно или ленточкою на шеѣ, или опахаломъ; такое жеманство продолжалось непрестанно до самаго того времени, какъ смотритель въ лорнетъ оборачивался къ другой женщинѣ, которая въ ту же минуту принималась за такія же ужимки.

— „Пожалуйте, государь мой, скажите мнѣ“, спрашивалъ я у г. Старомысла, „кто такіе сіи господа, которые съ такимъ любопытствомъ смотрятъ на женщинъ, и для чего женщины передъ ними такъ коверкаются и ломаются?“

— „Эти господа“, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, „почитаются здѣсь знатнѣйшими въ своемъ родѣ петиметрами; они замѣчаютъ и пересмѣхаютъ женскіе уборы и судятъ о красотѣ и о достоинствѣ всѣхъ женщинъ: напримѣръ, осмотря прилежно которую-нибудь изъ нихъ, въ одну минуту навѣрное будутъ

они увѣрять, что у неї новоїї любовникъ, что она бросила уже того студента, который долго былъ на ея содержаніи, а на мѣсто его взяла новопріѣзжаго офицера, который повсюду вмѣстѣ съ нею ѣздитъ; а о другоїї скажутъ, что она гадко одѣта, что она неловка, что усмѣшка ея непривлекательна, что не умѣетъ она дѣлать пріятныхъ ужимокъ, и не такъ смотритъ, какъ было бы должно въ нынѣшнемъ модномъ свѣтѣ. И такимъ образомъ непремѣнно сыщутъ что-нибудь сказать о всякоїї женщинѣ, на которую смотрятъ; а для сего то самаго всякая женщина старается передъ ними дѣлать разныя тѣлодвиженія и ужимки, желая, чтобъ они нашли въ неї что-нибудь прелестное и похвалили бы ея красоту и вкусъ въ уборахъ, или, по крайнеї мѣрѣ, не показалась бы она имъ совсѣмъ гадкою и безобразною."

— „А это, конечно, чьи-нибудь кучера," спрашивалъ я у г. Старомысла, „которые похлопываютъ бичами и кричатъ о добротѣ лошадеї своихъ?" ...

— „Нѣтъ", отвѣтствовалъ онъ, „это другого рода вертопрахи, которые во весь день скачутъ по улицамъ и другъ друга перегоняютъ, не для того, чтобъ они были охотники до лошадеї и имѣли бы хорошихъ бѣговъ, но только, чтобъ нѣсколько разъ проскакать мимо оконъ тѣхъ дѣвушекъ, за которыми они волочатся, и показать имъ великолѣпные на лошадяхъ своихъ приборы, купленные ими на послѣднія деньги, остающіяся у нихъ отъ промотаннаго ихъ имѣнія. Они пріѣзжаютъ сюда не для смотрѣнія театральнаго зрѣлища, но для разсказыванія другимъ, такимъ же шалунамъ, о тѣхъ чудесахъ, которыя будто надѣлали мнимые ихъ бѣгуны".

Я ничего не могу тебѣ сказать, почтенный Ма-

ликульмулькъ, о піесѣ, которую тогда играли, потому что хотя я сидѣлъ въ ложѣ, но отъ шуму разговаривающихъ здѣшнихъ петиметровъ ничего не могъ слышать, что на театрѣ пѣли и говорили.

Поѣхавши изъ театра, дорогою спрашивалъ я у своего товарища о достоинствѣ видѣнныхъ мною на театрѣ пѣвицъ и танцовщицъ, и какой ведутъ онѣ родъ жизни.

— „О! онѣ чрезвычайно хитры“, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, „въ привлеканіи къ себѣ мущинъ, которыхъ очень искусно обираютъ, и тѣмъ обогащаются. Многіе богатые купцы дѣлаются отъ нихъ банкрутами; знатные господа накапливаютъ на себя превеликіе долги, а молодые господчики часто совсѣмъ раззоряются. Хитрость и притворство — наилучшія дарованія театральныхъ дѣвокъ; онѣ притворною наружностію очень искусно умѣютъ прикрывать жадность свою къ корыстолюбію. Тѣ, которые многими опытами знаютъ ихъ хитрость, не даются имъ въ обманъ и не вѣрятъ притворному ихъ постоянству; но многіе неопытные молодые люди и легковѣрные, ослѣпленные ими старики часто попадаются въ ихъ сѣти, которыхъ избѣгнуть очень трудно, потому что эти хитрыя женщины умѣютъ принимать на себя всякой видъ, какой только захотятъ.

Ежели театральная дѣвка захочетъ обманывать старика, то притворяется передъ нимъ, что она ко всѣмъ молодымъ людямъ чувствуетъ особливое презрѣніе; осуждаетъ безуміе тѣхъ женщинъ, которыя предаются нескромнымъ вертопрахамъ; выхваляетъ благоразуміе почтеннаго мужа, пожилыхъ уже лѣтъ, и клятвенно увѣряетъ, что она никогда не можетъ чувствовать истинной любви, кромѣ какъ къ такому

только человѣку, который по совершеннымъ своимъ лѣтамъ одаренъ здравымъ разсудкомъ.

Ежели, напротивъ того, захочется ей понравиться петиметру, то увѣряетъ его, что всякой мущина свыше тридцати лѣтъ кажется ей очень смѣшнымъ, и что ее прельщаютъ одни только молодые люди. „Какъ можно“, говоритъ она, „любить старика, и какой вкусъ наши сестры находятъ въ шестидесятилѣтнемъ любовникѣ?“ Послѣ сего она передъ нимъ танцуетъ, поетъ, прыгаетъ и скачетъ, такъ что, кажется, всѣ забавы и веселости ее окружаютъ.

Ежели обратитъ она взоры свои на богатаго откупщика, то тутъ употребляетъ уже совсѣмъ другія уловки. Тогда презираетъ она всякаго, кто небогатъ: „Къ чему нужна для нашей сестры любовь молодыхъ господчиковъ?“ говоритъ она своему любовнику, котораго обираетъ: „они повреждаютъ только нашу славу, и вмѣсто того, чтобъ намъ что-нибудь давать на наши нужды, насъ еще разоряютъ. Разумная женщина можетъ ли страстно любить придворнаго за то только, что онъ часто бываетъ при дворѣ и умѣетъ искусно шаркать по полу ногами, или за то, что онъ имѣетъ знатной чинъ? Клянусь тебѣ, — продолжаетъ она, — что гораздо больше можно чувствовать любви къ такому человѣку, который щедростію своею можетъ доставить намъ счастливую жизнь.“

И такимъ образомъ очень трудно избѣгнуть хитрыхъ обмановъ сихъ опасныхъ сиренъ, и ежели кто, по несчастію, попадетъ въ ихъ сѣти, тотъ совсѣмъ погибаетъ и запутывается въ такой лабиринтъ, изъ котораго почти никогда выти не можетъ, потому что хитрое притворство, обманъ, ложныя клятвы, притворное отчаяніе и обманчивыя увѣренія въ вѣчной

любви столько его обольстятъ, что онъ самъ себя не будетъ помнить.

Театральныя дѣвки имѣютъ отмѣнное дарованіе и искусство содержать сердца въ своихъ оковахъ. Ежели примѣтятъ онѣ, что спокойное услажденіе въ любви сдѣлаетъ любовниковъ ихъ не столь чувствительными, то онѣ очень кстати умѣютъ возбудить въ нихъ ревность, но дѣлаютъ то съ такою хитростію, что нимало не страшатся, чтобъ любовники отъ досады ихъ оставили, потому что послѣ опять очень искусно увѣрятъ ихъ совершенно въ своемъ постоянствѣ. Ежели онѣ усмотрятъ, что любовники подозрѣваютъ ихъ въ вѣрности [1], то въ одну минуту станутъ передъ ними проливать слезы, и величайшія клятвы будутъ служить доказательствомъ въ страстной любви ихъ; если же слезы ихъ не произведутъ ожидаемаго дѣйствія, то предаются онѣ совершенному отчаянію, и покажется, будто бы въ состояніи сами себя лишить жизни. Тогда никакой любовникъ не можетъ устоять противъ столь ясныхъ доказательствъ жестокой ихъ страсти: въ одну минуту оставляетъ онъ всѣ свои подозрѣнія, самъ признаетъ себя виновнымъ, что напрасно ее подозрѣвалъ, и послѣ сего налагаетъ на себя новыя, жесточайшія прежнихъ оковы [2].

Сверхъ того, театральныя дѣвки очень хитро умѣютъ раззорять своихъ любовниковъ требуемыми отъ нихъ подарками, и эту науку знаютъ онѣ во всемъ совершенствѣ. Ихъ грабительное искусство имѣетъ особливыя свои правила: напримѣръ, ежели которой-нибудь изъ нихъ захочется бриллiантоваго перстня, или платья, или головного какого убора,

[1] Подозрѣваютъ ихъ вѣрность.
[2] См. письмо 46 (Зора).

тогда начнетъ она искусно выхвалять видѣнныя ею у другихъ своихъ знакомыхъ такія вещи, и потомъ говоритъ своему любовнику: — „Такой то графъ подарилъ Парашѣ перстень; такой то князь сдѣлалъ Дашѣ богатое платье. По чести этѣ дѣвки очень счастливы, что онѣ ласками своими умѣли любовниковъ своихъ довести до того, что они во всемъ ихъ утѣшаютъ".

Итакъ, если любовникъ ее очень любитъ и боится, чтобъ не упустить ее изъ рукъ, то легко понимаетъ, къ чему клонятся сіи хитрыя ея слова, и на другой же день присылаетъ къ ней въ подарокъ такое же богатое платье, какое у Даши, и такой же перстень, какой у Параши; а сіи подарки подаютъ случай другимъ ея пріятельницамъ вытянуть такіе же у своихъ любовниковъ. Каждая изъ нихъ очень искусно умѣетъ налагать на своего любовника такіе поборы; однакожъ при всемъ томъ, сколько бы кто для нихъ ни расточалъ денегъ, никакъ не можетъ быть совершенно увѣренъ въ искренней любви этихъ гварей. Онѣ не откажутся изъ всякихъ рукъ принимать подарки, лишь только бы былъ къ тому удобный случай; добродѣтель ихъ нимало отъ того не пострадаетъ. Однакожъ берутъ онѣ чрезвычайную осторожность, чтобъ обожатели ихъ не узнали о таковыхъ ихъ поступкахъ, потому что не хотятъ для малаго прибытка лишиться того великолѣпнаго содержанія, которое отъ нихъ получаютъ; если же бываютъ онѣ увѣрены, что таина ихъ никакъ не можетъ быть открыта, то безъ дальнаго размышленія заключаютъ торгъ съ другимъ, принимаютъ отъ него тайно опредѣленную цѣну, за которую условились продать свои прелести, и назначаютъ ему мѣсто свиданія.

Пріѣздомъ нашимъ домой кончились наши разговоры, и я, простясь съ моимъ товарищемъ, удалился въ мою комнату, гдѣ довольно размышлялъ о всемъ томъ, что видѣлъ и что слышалъ.

Вотъ, почтенный Маликульмулькъ, въ короткое время, сколько могъ я примѣтить глупостей въ здѣшнихъ жителяхъ. Надѣюсь, что скоро откроются передо мною новые предметы, о которыхъ при первомъ случаѣ не премину тебя увѣдомить.

Письмо XX. [1]

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Весьма часто, мудрый Маликульмулькъ, оплакиваю я злополучіе смертныхъ, поработившихъ себя власти и своенравію такихъ людей, кои родились для ихъ погибели. Львы и тигры менѣе причиняли вреда людямъ, нежели нѣкоторые государи и ихъ министры. Скажи, премудрый Маликульмулькъ, бросался ли когда левъ, возбужденный величайшимъ гладомъ, на подобнаго себѣ льва, и раздиралъ ли его на части для утоленія своего голода? Напротивъ того, ежегодно почти видимъ мы людей, которые для удовлетворенія своего тщеславія, гордости или корыстолюбія жертвуютъ подобными себѣ людьми безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Не подъ владѣніемъ однихъ только тирановъ видимы были цѣлыя государства, поверженныя въ бездну злополучія: много было такихъ государей, коимъ хотя потомство приписываетъ великія похвалы,

[1] По стилю и содержанію это письмо очень напоминаетъ сочиненія Радищева.

однакожъ они не менѣе другихъ вреда людямъ причинили. Неронъ выжегъ Римъ для удовлетворенія своего безчеловѣчія; Юлій Кесарь наполнилъ кровью и грабительствомъ всю Римскую Имперію, дабы черезъ то показать свое могущество. Не все ли равно для людей, отъ какой бы причины они ни погибали? Все то, что ихъ истребляетъ, не можетъ быть имъ пріятно.

Область, опустошенная тщеславнымъ побѣдителемъ, не должна ли почитать его чудовищемъ, рожденнымъ для погибели рода человѣческаго? Кто далъ право человѣку убивать милліонъ подобныхъ себѣ людей для удовлетворенія своихъ пристрастій? Въ какомъ установленіи естественнаго закона можно найти, что множество людей должны принесены быть въ жертву тщеславію или, лучше сказать, бѣшенству одного человѣка? Всѣ сіи мнимые герои, которымъ ослѣпленные смертные придаютъ пышное названіе Великихъ и Побѣдителей, въ глазахъ истиннаго философа суть не что иное, какъ Нероны и Калигулы; разность между ими только та, что сіи римскіе императоры истребляли людей въ своихъ владѣніяхъ, а тѣ погубляютъ какъ своихъ, такъ и подданныхъ сосѣдственныхъ государей.

Монархъ, предпріемлющій войну для защищенія своихъ областей и для поддержанія правъ и преимуществъ своего народа, есть мудрый отецъ, обремененный великою семьею дѣтей, коихъ хранитъ и оберегаетъ онъ отъ ненависти ихъ непріятелей; напротивъ того, государь, пекущійся единственно о удовлетвореніи своего тщеславія и убѣгающій мира для пагубнаго только удовольствія, чтобъ вести безпрестанно войну, наноситъ болѣе вреда людямъ, нежели язва и голодъ. Можно предохранить себя отъ недостатка

въ пропитаніи, выписавъ хлѣбъ изъ другихъ земель, отъ заразительной болѣзни есть также средство избавиться, удаляясь въ тѣ мѣста, гдѣ оная еще не свирѣпствуетъ, но тщеславнаго государя никакъ избѣгнуть не возможно. Подобясь нападающему съ крутизны горъ источнику, поглощаетъ онъ все, что въ пути своемъ ни встрѣчаетъ. Александръ [1] гналъ людей и на концѣ вселенной; Карлъ XII, подражая его примѣру, столько же бы, можетъ быть, причинилъ вреда людямъ, сколько и сей македонскій государь, еслибъ Небо, для спасенія рода человѣческаго, не ниспослало въ свѣтъ мудраго и человѣколюбиваго государя, который, преобразя души своихъ подданныхъ, обуздалъ чрезъ то пагубное стремленіе сего надменнаго врага человѣчества [2].

Кажется, что люди тѣхъ только монарховъ называютъ Великими, которые во время своего царствованія истребили изъ нихъ нѣсколько милліоновъ; напротивъ, тѣмъ, кои не погубляли рода человѣческаго, приписываютъ они только названіе кроткихъ и справедливыхъ. Бѣдственное и странное обыкновеніе! ... Государи истинно Великіе, слѣдуя ихъ предразсудкамъ, должны уступать въ славѣ тѣмъ, коихъ мщеніе правосудныхъ Небесъ употребляетъ для наказанія развращенныхъ человѣковъ, вмѣсто язвы и голода.

Не одно только тщеславіе побѣдителей причиняетъ гибель роду человѣческому: корыстолюбіе столько же иногда бываетъ пагубно, какъ и наикровопролитнѣйшая война. Гораздо бы было лучше для нѣкоторыхъ государей, чтобъ потеряли они половину своихъ подданныхъ на сраженіи или при осадѣ ка-

[1] Великій, Македонскій.

[2] Петръ Великій. Срв. „Письмо къ другу“ Радищева (идеализація Петра).

кого города, нежели, собравъ ихъ имущество къ себѣ въ сундуки, поморить послѣ съ голоду. Смерть воина, сраженнаго во время битвы скоропостижнымъ ударомъ, не столь мучительна, какъ смерть бѣднаго земледѣльца, который истаеваетъ подъ бременемъ тяжкой работы, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе, и который, истощивъ всѣ свои силы для удобренія земель, видитъ поля, обѣщающія вознаградить его обильною жатвою, расхищаемыя корыстолюбивымъ государемъ; смерть, говорю я, сего бѣднаго земледѣльца во сто разъ жесточе смерти воина, оканчиваюшаго въ одно мгновеніе жизнь свою на сраженіи. Тщетно бѣдные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжанія отъ жадности корыстолюбиваго государя; опредѣляемые отъ него надзиратели, сборщики и поставщики пробѣгаютъ безпрестанно города и селенія, и сіи ненасытныя піявицы высасываютъ кровь у бѣднаго народа даже до послѣдней капли.

Ревность государей къ распространенію своего закона не менѣе причиняла вреда людямъ, какъ и другія ихъ пристрастія. Сколько во Франціи несчастныхъ принесено было въ жертву злости и ненависти безчеловѣчныхъ пустосвятовъ! Государи, предувѣренные сими лицемѣрами, думали, что, убивая людей, не только что истребляли въ нихъ своихъ непріятелей, но и угождали тѣмъ самому Богу.

Защитники нетерпимости другихъ вѣръ въ государствѣ, для извиненія своихъ безчеловѣчій, говорятъ: „покоритесь намъ; мы, воздвигая на васъ временное гоненіе, устрояемъ чрезъ то вѣчное ваше спасеніе. Вы — заблуждшія овцы, коихъ противъ воли желаемъ возвратить на пажить Господню“. Жестокіе пастыри! можно бы было имъ сказать — въ тысячу разъ

свирѣпѣйшіе, нежели пагубнѣйшіе звѣри. Неужели думаете вы свирѣпствомъ и безчеловѣчіемъ преклонить къ себѣ сердца человѣческія? Почто гоните вы несчастныхъ, которые какъ вамъ, такъ и обществу ни малѣйшаго зла не причинили? Безжалостные вѣропроповѣдники! между вами и Нерономъ нѣтъ никакого различія: тотъ посредствомъ огня и меча хотѣлъ, чтобъ всѣ люди были язычники, а вы тѣ же самыя средства употребляете, чтобъ преобратить всѣхъ въ католиковъ. Христіане, отегушившіе отъ вѣры, отнюдь не были увѣрены въ тѣхъ нелѣпыхъ идолопоклонническихъ догматахъ, которымъ для избѣжанія смерти они послѣдовали; равнымъ образомъ протестанты, жиды и лютеране, принужденные для избѣжанія вашихъ гоненій перемѣнить свой законъ, гнушаются во внутренности своихъ душъ тѣмъ, который наружно они исповѣдуютъ. Такимъ образомъ темницы, пытки и висѣлицы принуждаютъ только людей притворно вѣрить тому, чему они не вѣрятъ. Смѣете ли вы, несмысленные и безчеловѣчные богословы, утверждать, чтобъ мучить людей повелѣно было вамъ милосердымъ Богомъ? Вы не только не ужасаетесь своихъ злодѣяній, но и Всевышнее Существо представляете столь же кровожаждущимъ, каковы вы сами.

Я чувствую, премудрый Маликульмулькъ, что, воспоминая пагубныя дѣла нѣкоторыхъ безчеловѣчныхъ законопроповѣдниковъ, не могу удержаться, чтобъ не ощутить къ нимъ величайшаго омерзѣнія. Противъ воли лишаюсь я философической моей твердости; ибо бѣдствія, причиненныя людямъ суевѣріемъ, такъ велики, что, разсуждая объ оныхъ, нельзя быть равнодушну; и для того, прекращая сіе письмо, я всячески буду впредь стараться, чтобъ удалять отъ себя столь печальныя мысли.

Письмо XXI.

Отъ гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку.

У насъ, любезный Маликульмулькъ, часъ отъ часу тѣлается больше перемѣнъ. Прозерпинины поѣздки, думаю, со-временемъ во всемъ адѣ не оставятъ ни одной головни на своемъ мѣстѣ.

Тебѣ уже извѣстенъ несчастный случай съ нашими судьями, что двое изъ нихъ оглохли, а третій сошелъ съ ума: Плутонъ, видя, что они неспособны болѣе отправлять прежнюю должность, вздумалъ на-время самъ сѣсть на ихъ мѣсто; но, не привыкши къ судебнымъ дѣламъ, онъ часто запутывался въ своихъ резолюціяхъ, и начиналъ бѣлымъ, а оканчивалъ чернымъ, такъ что адскіе приставы, которые отводятъ души въ назначенныя мѣста, могли переворачивать его слова, какъ хотѣли, отъ чего у насъ завелись превеликія взятки, и тѣни очень на это жалуются; и адскіе крючкотворцы, когда захотятъ, то въ силу начала резолюціи отвести ихъ въ Рай, а въ силу окончанія бросить въ вѣчную муку. Я увѣренъ, что въ нынѣшнее время Сократъ и Діогенъ не такъ скоро попали бы въ Елисейскія поля, какъ Крезъ и Дарій.

Непорядки въ дѣлахъ еще умножаетъ то, что Плутонъ сдѣлался нѣсколько лѣнивъ и вдался въ разныя забавы. Между прочимъ онъ сталъ великимъ охотникомъ до живописи. Прозерпина, не знаю, съ какимъ намѣреніемъ, старается какъ можно больше отводить его отъ дѣлъ и возбудить въ немъ разныя склонности, которыя представляли бы его первымъ нерадивцемъ во всемъ адѣ. Нерѣдко, когда сказываютъ ему, что многія тѣни прибыли съ того свѣта и ждутъ его рѣшенія, и когда уже принимается онъ

разбирать ихъ дѣла, тогда Прозерпина приказываетъ принести дюжины двѣ бутылокъ лучшихъ винъ, присланныхъ къ ней съ того свѣта. „Вотъ, душа моя!“ говоритъ она ему, „напитки, которые въ открытомъ свѣтѣ употребляются всѣми судьями; тамъ часто многіе блюстители правосудія того мнѣнія, что лучшій способъ рѣшить премудро самое запутанное дѣло есть тотъ, чтобъ прежде опорожнить съ полдюжины такихъ бутылокъ; это не вино, а премудрость, заключенная въ бутылкахъ, и мнѣ нерѣдко случалось видать секретарей, идущихъ въ приказы съ такимъ тяжелымъ грузомъ сей премудрости, что они, не донесши его до приказа, съ ногъ сваливались; но ты, любезной Плутонъ, богъ: тебѣ не можетъ быть вредна премудрость такъ, какъ человѣку, а изъ нихъ многіе думаютъ, что для человѣка разумъ вреденъ; итакъ, ты не откажешь для меня выпить хотя нѣсколько рюмокъ“. Наконецъ, она принуждаетъ его пить за здоровье своихъ братьевъ, а потомъ за здоровье ея, и такимъ образомъ перебираетъ всю свою родню по очереди Бѣдный Плутонъ сколько ни отговаривается, но она говоритъ ему, что въ большомъ свѣтѣ почитается неучтивостью, если кто за здоровье знакомыхъ откажетъ напиться до-пьяна, вслѣдствіе сего очень часто нашъ богъ, не успѣвая пересчитать рюмками всѣ здоровья, спокойно засыпаетъ, ничего не сдѣлавъ, и весь дворъ ставитъ за честь въ томъ ему подражать. Я думаю, любезный Маликульмулькъ, что ты этому не такъ станешь дивиться, потому что свойство придворныхъ тебѣ, какъ жителю свѣта, болѣе извѣстно; но что принадлежитъ до здѣшнихъ философовъ, которые видятъ это въ первый разъ, то имъ показался нашъ дворъ бѣшенымъ домомъ [1].

[1] Домомъ сумасшедшихъ.

Между тѣмъ множество приходящихъ тѣней толпятся у двора и жгутъ рѣшеній своей судьбы, но Плутонъ откладываетъ оныя, не зная, какъ ихъ дѣлать. Марсъ, думая подслужиться дядюшкѣ своей любовницы [1], ежечасно присылаетъ къ намъ новыхъ жителей, однакожъ онъ не знаетъ, что тѣмъ только мѣшаетъ бѣдному Плутону въ его забавахъ, который то и дѣло посылаетъ провѣдывать о здоровьѣ больныхъ судей; но Галенъ, Эскуланій и Гиппократъ [2] доносятъ, что никакихъ еще нѣтъ признаковъ къ ихъ выздоровленію. Къ Буристону также посланы были приказы, чтобъ онъ старался поскорѣй отыскать трехъ честныхъ и умныхъ судей, но и тотъ покорнѣйше увѣдомляетъ, что всѣ его поиски напрасны, и что онъ скорѣе возьмется сыскать трехъ фениксовъ, шесть василисковъ и десять единороговъ [3], нежели одного такого судью, каковы были Миносъ [4] съ его товарищами; а, сверхъ того, онъ доноситъ, что со времени ихъ прибытія въ адъ сдѣлалась на землѣ великая перемѣна, и разумъ съ честностію въ превеликой ссорѣ, такъ что нынѣ въ свѣтѣ много можно сыскать добродушныхъ дураковъ и умныхъ бездѣльниковъ, но добродѣтельные мудрецы очень рѣдки, а особливо на судейскихъ стульяхъ. И самому Плутону не хочется, чтобъ въ Елисейскія поля былъ впущенъ всякой безъ разбору, и чтобъ награжденія разлавались по прихотямъ.

Такимъ то образомъ, желая сего избѣжать, самъ Плутонъ занимался разсматриваніемъ дѣлъ, какъ вдругъ вошла къ нему Прозерпина. „Любезный су-

[1] Венеры.
[2] Медицинскія знаменитости древности.
[3] Фантастическіе птицы, гадъ и животное древнихъ преданій.
[4] Адскій судья греческой миѳологіи.

другъ", сказала она ему, „ты уже довольно потрудился и попотѣлъ: оставь, пожалуй, этотъ скучный стулъ и пойдемъ лучше на мою половину; я даю сегодня столъ, превеликолѣпной концертъ, балъ, и послѣ театральное зрѣлище". — „Душа моя", отвѣчалъ, нахмуривъ брови, важный Плутонъ, „дай мнѣ окончать хотя нѣсколько дѣлъ: ты уже и такъ причиною тому, что я остался безъ помощи, и долженъ самъ разсматривать дѣла и самыхъ послѣднихъ негодяевъ. „Сказывай", говорилъ онъ потомъ одному италіянцу, „что ты въ свой вѣкъ дѣлалъ?" — „Я, ваше адское величество", отвѣчалъ римлянинъ, „сорокъ восемь лѣтъ прыгалъ выше всѣхъ въ Европѣ. Имя мое славно на всѣхъ театрахъ, но дарованія нигдѣ не остаются безъ гоненія: изъ нѣкоторыхъ мѣстъ я былъ вытѣсненъ знатными за то, что получалъ доходу болѣе ихъ; одинъ полководецъ, охотникъ великой до скачковъ, чуть было не уморилъ меня за то, что я вспрыгнулъ выше его, а нѣкоторой знатной господинъ, коего сынъ занималъ важное мѣсто въ государствѣ посредствомъ проворства своихъ ногъ и былъ первымъ танцовщикомъ, не могъ терпѣть меня за то, что я, показавшись на придворномъ театрѣ, уничтожилъ все вниманіе двора къ ногамъ сего молодого вельможи, послѣ чего и голова его потеряла всю довѣренность" ... „Но дѣлалъ ли ты какія-нибудь добрыя дѣла?" спросилъ у него Плутонъ. — „Множество", отвѣчалъ тонконогій Фурбинній: „я, выуча одного бѣднаго дворянина танцовать, сдѣлалъ тѣмъ его счастіе, и онъ посредствомъ танцованія дошелъ, наконецъ, до великихъ чиновъ. Нѣкоторой молодой женщины мужъ былъ за взятки посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ наказанію, которое бы, конечно, надъ нимъ исполнилось, но я

научилъ ее, какимъ образомъ должна она была притти предъ вельможу; я расписалъ ей всѣ шаги и всѣ поклоны; научилъ, какъ ей надобно было плакать и какія пріятности употреблять въ движеніи рукъ, такъ, какъ то часто дѣлаютъ балетныя героини, отъ чего была она счастлива, половину моимъ, а половину, можетъ быть, и своимъ искусствомъ, и мужа ея оставили попрежнему на судейскомъ стулѣ, гдѣ онъ подъ покровительствомъ женинихъ балетныхъ ухватокъ пользовался, какъ могъ, своимъ мѣстомъ. Одна знатная дама выгнала изъ своего дома молодого любимца; онъ бросился ко мнѣ, я показалъ ему всѣ тонкости моего знанія, и онъ, провѣдавъ, что бывшая его благодѣтельница будетъ на балѣ у одной госпожи, танцовалъ на оном съ такою пріятностію, что она его съ балу отвезла опять къ себѣ въ своей каретъ. Я множество дѣлалъ еще добрыхъ дѣлъ: я распространилъ мое искусство и исполнялъ свое званіе съ величайшимъ раченіемъ, въ чемъ свидѣтельствовать можетъ то, что нынѣ многіе судьи знаютъ лучше танцовать, нежели судить, и многіе молодые воины болѣе имѣютъ духу пропрыгать контранецъ [1], или сдѣлать хорошій англеза, нежели, оставя балы, идти въ поле шагать подъ военную музыку, которая всегда деретъ нѣжный слухъ хорошаго танцовщика, привыкшаго къ пріятной гармоніи минуетовъ [2], польскихъ и кадрилей".

„Бросьте сего развратителя благопристойности и нравовъ", вскричалъ Плутонъ, „танцовать подъ музыку Эвменидъ [3]; самыя его благодѣянія унижаютъ какъ его самого, такъ и тѣхъ, кому они оказаны,

[1] Контрдансъ.
[2] Любимый танецъ XVIII в.
[3] Богини мщенія.

а пользы свѣту его скачки очень мало сдѣлали". — „Помилуй, жизнь моя", сказала Прозерпина Плутону, схватя за руку италіянца: „помилуй, ты заставляешь меня краснѣться за себя: ты богъ, а, право, менѣе смышляешь, нежели послѣдній деревенской мужикъ. Возможно ли такъ мало уважать рѣдкія дарованія этого любезнаго человѣка! Право, ты очень гадокъ съ твоими глупыми сантансами [1]. Знай, сударь", продолжала она, „что нынѣ весь большой свѣтъ танцуетъ, и что никакое искусство не почитается столь почтеннымъ, какъ танцовальное: оно приноситъ уваженіе и доставляетъ богатство и чины. Нерѣдко о томъ, кто хорошо прыгаетъ контртанцы, заключаютъ, что онъ можетъ быть искусной воинъ, и даютъ ему полкъ, а самой искусной полководецъ, которой не знаетъ танцовать, почитается невѣжею. Какой ты сыщешь дворъ, гдѣ бъ не было уважено танцованье? а ты, сударь, хочешь подвергнуть наказанію человѣка, рѣдкаго въ своемъ родѣ, котораго одна нога стоитъ десяти такихъ головъ, какова твоя! Итакъ, я сказываю тебѣ, что я беру его подъ свое покровительство, дѣлаю его первымъ балетмейстеромъ своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него танцовать". — „Развѣ ты хочешь сдѣлать изъ меня мальчика, богиня?" вскричалъ Плутонъ: „какъ! мнѣ учиться танцовать! мнѣ быть прыгуномъ! или ты хочешь меня выгнать отсюда своими попрыгушками?" — „Не выгнать", отвѣчала Прозерпина, „а заставить тебя почувствовать, что танцованье всего почтеннѣе. Я сама, бывши въ свѣтѣ, повседневною была свидѣтельницею, что хорошаго танцмейстера лучше принимаютъ, нежели заслуженнаго офицера,

[1] Мнѣніями.

и что въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ, вообще, хорошія ноги въ большемъ уваженіи, нежели хорошія головы".

Послѣ такого изрядnаго объявленія бѣдный Плутонъ не зналъ, что дѣлать, и лишился удовольствія наказать тонконогаго тунеядца, которому препоручила богиня составить свой дворъ. Едва окончился ихъ споръ, какъ предстали предъ Плутона доктора, и донесли его безсмертію, что адскіе судьи совершенно здоровы: смѣются, ходятъ, поютъ и ѣдятъ, но что двое изъ нихъ навсегда оглохли, а третій невозвратно лишился ума: итакъ, куда приказано будетъ ихъ помѣстить? Плутона не мало обезпокоилъ сей вопросъ, и онъ не успѣлъ еще сдѣлать рѣшенія, какъ предсталъ предъ него одинъ духъ, который просилъ его именемъ судей, чтобы позволилъ онъ имъ судить по-прежнему тѣни, что еще въ большее привело замѣшательство бѣднаго Плутона, и онъ совсѣмъ не зналъ, что дѣлать.

Прозерпина совѣтовала ему, чтобъ изъ уваженія къ ихъ службѣ, несмотря на то, что они повредились, оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, и что лучше имѣть какихъ-нибудь помощниковъ, нежели самому за всѣ дѣла приниматься. Плутонъ, можетъ быть, и самъ бы на это покусился для своей живописи, но онъ боялся Юпитера, которому не преминулъ бы Меркурій наушничать по своей склонности. Танцмейстеръ, подъ покровительствомъ Прозерпины, подалъ слѣдующій голосъ: „Ваше адское величество", сказалъ онъ: „хотя я, живши на свѣтѣ, болѣе прыгалъ, нежели вмѣшивался въ политическія дѣла, но слухъ о многихъ изъ нихъ доходилъ до моихъ ушей, и я нѣсколько успѣлъ узнать политическіе поступки въ такихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что хотя Ми-

носъ, Родомантъ и Эакъ [1] танцовать не умѣютъ, однако я признаюсь, что долговременная ихъ служба уваженія достойна, а всего важнѣе, что между ими есть сынъ Юпитеровъ [2], то вамъ, не обидя батюшки, нельзя сынка отставить отъ мѣста; также по слабости ихъ нельзя имъ поручить и отправленіе важныхъ дѣлъ, не подвергнувъ ихъ тѣмъ замѣшательству, почему остается вамъ одинъ способъ, чтобы, оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства, не давать имъ власти, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ приставить къ нимъ умнаго секретаря [3], которой бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ". Всѣ присутствующіе похвалили его предложеніе, за что отвѣсилъ онъ многимъ по пренизкому поклону а ла минуетъ, которые сдѣлали его въ глазахъ женщинъ совершеннымъ умницею.

„Ахъ! какое это сокровище!" вскричала Прозернина: „еслибъ онъ вѣчно рта не отворялъ, то всякой бы его шагъ доказывалъ, что его умѣе никого нѣтъ на свѣтѣ". Самъ Плутонъ долженъ былъ признаться, что Фурбиній превеликой политикъ, и обѣщалъ приказать списать съ него углемъ портретъ для своей галлереи.

Но чтобъ довести свое предложеніе до совершенства, Фурбиній обѣщался судей выучить танцовать. „Это очень нужно", говорилъ онъ, „чтобъ секретари знали бумаги, а судьи бы хорошо танцовали". „Въ нашемъ свѣтѣ", продолжалъ онъ, „такой судья получаетъ покровительство женщинъ, и дѣлаетъ изъ себя важную особу при дворѣ. Онъ виденъ на всѣхъ

[1] Адскіе судьи.
[2] Родомантъ и Миносъ.
[3] Срв. „Вельможа", басня Крылова.

балахъ, во всѣхъ маскарадахъ, и во всѣхъ гуляньяхъ, а между тѣмъ гремитъ скорыми рѣшеніями своихъ дѣлъ. Публика дивится его проворству и расторопности; всѣ вычитаютъ время его упражненія и находятъ, что онъ въ сутки не болѣе долженъ спать двухъ часовъ. При дворѣ дѣлаютъ о немъ заключеніе, что это существо произведено цѣлыми вѣками съ тѣмъ, чтобы служить украшеніемъ двору, тѣлать честь отечеству своими сочиненіями, и быть славнѣйшимъ министромъ. Всѣ кричатъ: „ахъ, какъ онъ хорошо танцуетъ! какой онъ умница! какой исправной судья! и какой рѣдкой сочинитель!“ но оглими у сего чуда природы его секретаря и человѣка три ученыхъ, которыхъ труды издаетъ онъ подъ своимъ именемъ, то останется при немъ одно танцованье, коимъ пріобрѣлъ онъ такую довѣренность“.

„Чувствуешь ли ты теперь драгоцѣнность сего искусства“, сказала Прозерпина своему мужу: „и не согласишься ли самъ, что непремѣнно надобно изъ Елисейскихъ полей выголкать всѣхъ древнихъ мудрецовъ и героевъ, не умѣющихъ танцовать, а на мѣсто ихъ помѣстить туда одинхъ танцмейстеровъ“ ... Она бы еще далѣе продолжала, еслибъ не вбѣжали къ ниль опрометью наши три судьи.

„Ваше адское величество“, сказалъ Эакъ, подошедши къ Плутону, „древность моихъ лѣтъ и долговременность нашей службы не такого достойны награжденія, чтобъ отдать насъ на мученіе тремъ палачамъ, которые едва насъ вновь не уморили своими дьявольскими лѣкарствами, тогда когда мы не чувствуемъ никакой болѣзни; развѣ смѣются надъ нами, что въ то время, когда болѣе обыкновеннаго приходитъ сюда тѣней и кучами тѣснятся на нашей площади, а что всего достойнѣе уваженія, когда

сильнѣйшая охота напала на насъ судить, тогда мы заперты въ какой го негодной карантинъ и содержимся, какъ бѣшеные. Или выпустите насъ вонъ изъ ада, или посадите попрежнему на наши стулья". — „Я тысячу разъ виноватъ предъ вами, любезные друзья", отвѣчалъ Плутонъ, „но мнѣ донесено, что двое изъ васъ оглохли, а ты, Миносъ, сошелъ съ ума". — „Какъ! я сошелъ съ ума!" вскричалъ Миносъ, который тогда пускалъ на воздухъ водяные пузырьки. „Какая ябеда! ... О боги! сдѣлайте, чтобъ всѣ мои пузырьки поскли на носъ тому, кто называетъ меня безумнымъ. Если хотите знать, ваше адское величество", продолжалъ онъ, „такъ я никогда такъ умно не былъ, какъ нынѣ, въ чемъ свидѣтельствуюсь тѣмъ, что я выбрилъ бороду, ношу французскіе кафтаны и сдѣлался любимъ многими женщинами, которыя прежде терпѣть меня не могли за мою угрюмость ... Пустите, пустите меня на мой стулъ; вы увидите, какой новой видъ я дамъ моему суду: всѣ красавицы, которыя прежде подвергались здѣсь штрафу за свои непорядки, и всѣ славнѣйшія Ланеты [1] нынѣшняго свѣта будутъ видѣть здѣсь во мнѣ покровителя, и всякая хорошая женщина впредь можетъ откупаться у меня отъ наказанія тѣмъ, чѣмъ въ открытомъ свѣтѣ у судей часто находятъ онѣ себѣ покровительство; одинъ только упрямцы будутъ мною жестоко наказаны".

„Я хочу быть сама сумасшедшая", сказала Прозерпина, „если онъ сошелъ съ ума. Ты самъ согласишься, жизнь моя, что онъ никогда такъ умно не суживалъ; я до сихъ поръ всегда взирала съ оскор-

[1] Продажныя прелестницы.

бленіемъ, что здѣсь хорошимъ женщинамъ предъ дурными никакого не дѣлается отличія, и что наши судьи имѣли жестокость равнодушно съ ними обращаться; напротивъ того, въ просвѣщенномъ открытомъ свѣтѣ совсѣмъ не то. Тамъ прекрасныя женщины избавлены отъ всякой опасности и часто выигрываютъ самыя трудныя дѣла. Красота послѣ золота для многихъ судей есть второй камень соблазна" ... „А особливо", перехватилъ италіянецъ, „тѣ, которыя знаютъ хорошо танцовать, очень сильны въ большомъ свѣтѣ: онѣ нерѣдко судами ворочаютъ для того, что ихъ не только простолюдины, но и чиновные боятся".

Плутонъ со всѣми ихъ доказательствами видѣлъ, что доносъ на судей справедливъ: но, уважая жену и ихъ службу, сказалъ, что чрезъ шесть часовъ сдѣлаетъ онъ рѣшительное опредѣленіе. Прозершина и италіянецъ не мало старались помочь ему своими совѣтами, но, примѣтя, что онъ не на шутку занятъ, ушли всѣ на половину богини, чтобы тамъ открыть балъ, къ которому и трое судьи приглашены были: и такъ оставили спокойно разсуждать одного бога тѣней.

Онъ не долго ломалъ голову, какимъ образомъ поступить въ семъ обстоятельствѣ, и сдѣлалъ такое дѣло, которое много произвело шуму въ адѣ. Въ шесть минутъ повелѣніемъ его поставлены были преогромныя палаты съ надписью: Чиновная богадѣльня, въ которыхъ приказалъ онъ поставить стулья для судей, одѣть ихъ, какъ куколъ, и накласть передъ нихъ множество игрушекъ. Многія тѣни уставлены по всѣмъ лѣстницамъ, чтобы судьямъ кланяться, когда они проходить будутъ къ своимъ стульямъ, гдѣ попрежнему должны они будутъ су-

дить тѣней: но съ тою разницею, чтобы по ихъ приговорамъ не дѣлать ни одного рѣшенія, а чтобъ не надѣлали они какихъ-нималостей, то къ сей богадѣльнѣ приставленъ надзиратель съ предлинною палкою, у которой на концѣ навязанъ пучокъ крапивы: ею долженъ онъ ихъ бить по рукамъ, если примутся они не за свое дѣло, а чтобы ихъ болѣе занять, то велѣно имъ наблюдать прибыль и убыль въ Стиксѣ, Ахеронѣ и Коцитѣ [1], сочинять о томъ ежедневную записку, дѣлать свои разсужденія и подавать голоса, чтобъ удерживать въ берегахъ ихъ воды, которыя и безъ того изъ береговъ никогда не выходили. Имъ растолковано, что отъ нихъ зависитъ спасеніе всего ада, и наши бѣдные судьи безпрестанно ломаютъ голову, чтобъ уменьшивать прибыль здѣшнихъ рѣкъ, хотя онѣ никогда не грозятъ наводненіемъ. Сіи то важныя дѣла занимаютъ нынѣ нашихъ судей, и они наперерывъ стараются подавать голоса и дѣлать примѣчанія. Надзиратель береть оныя всегда съ уваженіемъ и относитъ къ Плутону, который отдаетъ ихъ Прозерпинѣ на завивныя бумажки.

Письмо XXII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Разсуждая, премудрый Маликульмулькъ, о многоразличныхъ бѣдствіяхъ, удручающихъ родъ человѣческій, нахожу я, что люди во время только сна, сопровождаемаго пріятными мечтаніями, избавляются на нѣсколько времени отъ тягостнаго бремени сво-

[1] Адскія рѣки.

ихъ злополучій. Я признаюсь однакожъ, что сонъ есть подобіе смерти, но сіе случается только тогда, когда духъ и тѣло погружены бываютъ въ совершенную безчувственность, если же человѣкъ видитъ во снѣ пріятныя сновидѣнія, тогда столь же онъ бываетъ благополученъ, какъ и тотъ, который не спитъ.

Положимъ, чтобъ человѣкъ спалъ двадцать лѣтъ сряду, и чтобъ безпрестанно снилось ему, что онъ, будучи сильнымъ государемъ, беретъ множество городовъ, опустошаетъ области, и торжествуетъ надъ всѣми своими непріятелями: тогда не столько ли же бы сей сновидящій герой былъ счастливъ, какъ и наивеличайшіе въ свѣтѣ государи? Наслаждаясь мечтательными своими побѣдами, ощущалъ бы онъ такое же точно удовольствіе, какое чувствовали нѣкогда Юлій Кесарь, Сципіонъ и Генрихъ IV, съ тою при томъ разностію, что спокойствіе его не возмущалось бы никогда такими злополучіями, какія случились съ Помпеемъ, Францискомъ I и Карломъ XII [1]. Сей спящій и грезящій побѣдитель гораздо бы былъ благополучнѣе многихъ настоящихъ завоевателей.

Бѣдный спящій сочинитель великія имѣлъ бы преимущества предъ тѣмъ, который не спитъ. Ему снилось бы, что публика превозноситъ до небесъ похвалами глупыя его сочиненія, и что Расинъ, Корнелій [2] и Депро [3] въ ученики къ нему не годятся. Будучи преисполненъ свойственнымъ всѣмъ авторамъ самолюбіемъ, помѣщаетъ онъ себя въ число славнѣйшихъ въ древности мудрецовъ, удивляется обширнымъ своимъ познаніямъ и восхищается скучными

[1] Пораженія.

[2] Французскіе трагики: Расинъ (1639 — 1699), Корнель (1606—1684

[3] Искаженіе Депрео-Буало, по-французски Despréaux-Boileau

и ничего незначащими произведеніями своего пера, но, проснувшись, вся его слава и достоинство мгновенно исчезаютъ. „Счастливый сонъ!“ — вскричалъ бы онъ тогда, — „почто ты не во всю мою жизнь продолжался? Лестное мечтаніе! для чего ты столь скоро исчезаешь? Не гораздо ли бы было для меня лучше, чтобы я вѣчно спалъ, и чтобы снились мнѣ безпрестанно такія хорошія сновидѣнія“?

Разсматривая различныя состоянія человѣческой жизни, мудрый Маликульмулькъ, легко можно примѣтить, что нѣтъ ни одного, въ которомъ бы сонъ, для составленія блаженства оной, былъ не нуженъ. Жребій Сатурновъ, коего, какъ тебѣ извѣстно, Юпитеръ усыпилъ посредствомъ нѣкотораго порошка, кажется мнѣ гораздо счастливѣе, нежели самого Юпитера. Обладатель Олимпа очень ошибся, что не принялъ самъ сего опіума: тогда не былъ бы онъ принужденъ, для убѣжденія свирѣпыхъ красавицъ, превращаться въ различные виды, какъ сіе съ нимъ неоднократно случалось, и не страшился бы ревности жены своей Юноны. Не должно ли почитать безумцемъ того мужа, который, имѣя злую и безпутную жену, не захотѣлъ бы перемѣнить настоящее свое мученіе на пріятныя сновидѣнія?

Какое счастіе послѣдовало бы для всѣхъ людей, мудрый Маликульмулькъ, еслибъ Юпитеръ открылъ имъ тайну, какъ составлять сей усыпляющій порошокъ! Какое бы собралъ богатство тотъ лѣкарь, которой бы нынѣ оный изобрѣлъ, и сколько бъ было тогда спящихъ во всемъ свѣтѣ! Рогоносецъ наслаждался бы сладкимъ покоемъ, не помышляя о новомодномъ своемъ головномъ уборѣ; промотавшійся петиметръ позабылъ бы тогда о своихъ заимодавцахъ; устарѣлыя дѣвицы, которымъ незамужество

чрезвычайно наскучило, выходили бы во снѣ замужъ за молодыхъ и пригожихъ женишковъ: бѣдный аббатъ превращался бы въ богатаго прелата, прелатъ въ кардинала, кардиналъ пользовался бы мечтательнымъ достоинствомъ папы, а папа мыслилъ бы о себѣ, что онъ побѣдитель и законодатель всего свѣта.

Всѣ европейцы или, лучше сказать, всѣ жители земного шара спали бы безъ просыпу, ибо что можетъ быть блаженнѣе для людей, какъ, избѣгая тѣхъ печалей, которыя неразлучно сопряжены съ человѣчествомъ, наслаждаться хотя мечтательнымъ благополучіемъ?

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни былъ, безпрестанно рождающіяся въ немъ новыя желанія лишаютъ его спокойствія, и онъ никогда не можетъ быть благополученъ. И такъ во время только сна человѣкъ наслаждается совершеннымъ блаженствомъ. Такова есть участь смертныхъ: они тогда только могутъ почитать себя счастливыми, когда наслаждаются мечтательными воображеніями. Всѣ ихъ забавы сопряжены съ печалями; даже и въ то самое мгновеніе, когда исполняются напріятнѣйшія ихъ желанія, съ удивленіемъ ощущаютъ они въ себѣ безпокойство, страхъ, надежду и всѣ другія страсти, проистекающія отъ тѣхъ же увеселеній, которыя почитали они чуждыми всякихъ печалей.

Возьмемъ въ примѣръ любовника, который, по претерпѣніи множества злоключеній, соединяется, наконецъ, съ обожаемымъ имъ предметомъ неразрывными узами. Онъ клянется, что не промѣняетъ своего благополучія на обладаніе престоломъ всего свѣта, и что счастіе, которымъ онъ наслаждается, превосходитъ всѣ его желанія; но лишь только произноситъ онъ сіи великолѣпныя восклицанія, какъ ощущаетъ

въ себѣ страхъ, дабы не лишиться какимъ случаемъ того, что составляетъ все его блаженство. Слабые смертные! когда всѣ ваши забавы сопровождаются печалями, и когда несчастіе повсюду за вами слѣдуетъ, то, чтобъ быть вамъ совершенно благополучными, спите лучше и никогда не пробуждайтесь!

Придворной, пользующійся милостями своего государя, какими неисчетными трудами и огорченіями долженъ снискивать оныя? Воинъ счастливѣе ли придворнаго? Можно ли почесть таковымъ человѣка, которой, для пріобрѣтенія ничего не значащихъ почестей, согланается добровольно быть изуроловань? Купецъ, который не спитъ ни днемъ, ни ночью, который для барыша готовъ удавиться, и которой при одномъ названіи банкрута отъ ужаса трепещетъ, можетъ ли когда быть спокоенъ? Земледѣлецъ, угнетенный тяжкимъ бременемъ несносной работы, доволенъ ли своимъ состояніемъ? Заставимъ лучше всѣхъ сихъ несчастныхъ спать, мудрый Маликульмулькъ, и дадимъ имъ способность грезить безпрестанно хорошіе сны: тогда то развѣ будутъ они благополучны. Придворный сбросить съ себя, угнетающія вольность его, золотыя оковы; воинъ не захочетъ быть изъ пустяковъ изувѣченъ; купецъ перестанетъ мыслить о прибыткѣ; земледѣлецъ избавится отъ тяжкой работы. Всѣ они будутъ спокойны, и всѣ ихъ труды, печали и безпокойства совершенно уничтожатся. Сіи люди, которые въ жизни своей столь были несчастливы, займутся во время сна пріятными сновидѣніями, которыя въ грезящемъ ихъ воображеніи безпрестанно будутъ перемѣняться.

Наконецъ, премудрый Маликульмулькъ, ты долженъ былъ примѣтить при началѣ моего письма, что, говоря о выгодахъ сна, упоминалъ я о такомъ,

который сопряжень бываетъ съ пріятными мечтаніями, и который подаетъ людямъ нѣкоторое понятіе о томъ спокойствіи, коимъ будутъ они наслаждаться, переселясь въ жилище сильфовъ[1]; если же сонъ повергаетъ ихъ въ совершенную безчувственность или представляетъ имъ страшныя и непріятныя сновидѣнія, тогда ничѣмъ онъ не разнится отъ настоящей, бѣдствіями наполненной человѣческой жизни. Я утверждаю только то, что гораздо выгоднѣе для людей спать и видѣть всегда хорошіе сны, нежели наслаждаться всѣми увеселеніями, сопряженными съ состояніемъ несящихъ людей, для того, что сіи ихъ увеселенія смущаемы бываютъ множествомъ злоключеній и страхомъ, чтобъ по какому-либо случаю не лишиться оныхъ.

Письмо XXIII.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Свадьба моего дорогого Припрыжкина кончилась; онъ отдѣлился отъ своего отца, сдѣлался самовластнымъ господиномъ шестидесяти тысячъ рублей дохода, и носитъ имя мужа первой во всемъ городѣ красавицы. „Счастливое состояніе!“ скажетъ кто-нибудь, „имѣть богатство и прекрасную жену!“ Я и самъ признаюсь, что трудно удержаться, чтобъ этого не подумать, видя сію молодую чету; но ты увидишь, любезный Маликульмулькъ, можно ли это сказать, зная ихъ жизнь.

Свадьба сія продолжалась съ такимъ же великолѣпіемъ, съ какимъ началась. Какъ имя невѣсты и

[1] Духи воздуха.

жениха всегда имѣетъ нѣчто привлекательное, и они болѣе другихъ обращаютъ на себя взоры людей, то молодая Неотказа ничего не упустила въ нарядахъ и ужимкахъ, что бъ могло плѣнить свидѣтелей ея свадьбы; равнымъ образомъ и Припрыжкинъ не менѣе старался о женщинахъ, и они оба столь были заняты наукою нравиться, что имъ едва оставалось время взглянуть другъ на друга. Со всѣмъ тѣмъ казалось, что они чрезмѣрно восхищены своимъ счастіемъ, и ничего болѣе не желаютъ, какъ той минуты, которая кончитъ ихъ свадьбу. Минута подлинно блаженная, если невѣста и женихъ въ первый еще разъ оную чувствуютъ, и ею начинается новый человѣческій вѣкъ; но въ нынѣшнемъ свѣтѣ и въ здѣшней землѣ, любезный Маликульмулькъ, рѣдкимъ дѣвушкамъ бракъ кажется новостію: онѣ по большей части такія философки, что во всемъ находятъ скучное повтореніе; и если бываетъ нѣкоторымъ изъ нихъ мило супружество, то, конечно, не новостію, а развѣ свободою, которую оно съ собою приноситъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ гости утопали въ веселостяхъ, музыка гремѣла, вины заставляли многихъ шататься около буфетовъ; а другіе помогали своею непорядочною скачкою разстроивать веселые танцы молодыхъ госпожъ и господчиковъ; и между тѣмъ, когда казалось, что всякой принималъ участіе въ благополучіи новобрачныхъ, хотя у многихъ карты и вино выбили изъ памяти и жениха и невѣсту, я примѣтилъ, что она ушла въ свою комнату съ одною изъ молодыхъ своихъ знакомокъ.

Желая узнать неизвѣстно мнѣніе о семъ супружествѣ и заключая, что въ такихъ уединенныхъ разговорахъ не можетъ быть ничего пустого, скрылся я изъ гостиной комнаты и, сдѣлавшись невидимымъ,

вошелъ въ уборную молодой Неотказы. Я засталъ ее съ тою же незнакомкою, съ коею она ушла отъ гостей, и онѣ обѣ хохотали, какъ безумныя. „Признайся, любезная Безстыда“, говорила своей подругѣ Неотказа, „что изо всѣхъ мущинъ трудно сыскать глупѣе моего жениха! вообрази себѣ, какое счастіе имѣть мужемъ такого фалю[1], котораго въ день можно по сту разъ обманывать“. „Признаюсь“, отвѣчала Безстыда, „что я завидую твоему счастію, а мнѣ такъ сватаютъ какого то урода, котораго я терпѣть не могу; одно только то, что онъ уменъ, дѣлаетъ мнѣ его несноснымъ. Подумай, жизнь моя, сносенъ ли такой мужъ женщинѣ нынѣшняго свѣта: я умру съ досады, если батюшка и матушка не перемѣнятъ своего слова.“ — „Да, я совѣтую тебѣ, какъ можно, отвязаться отъ такого женишка“, сказала Неотказа, „я не одинъ разъ слыхала мнѣніе о замужствѣ моей матушки (ты вѣдь знаешь, что старушка моя не дура): она говоритъ, что если мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не бывать доброму согласію, для того, что никто изъ нихъ слѣпымъ быть не захочетъ; а когда оба они глупы, то должно ожидать скораго разоренія ихъ дому; но чтобы составлять счастливыя семейства, надобно неотмѣнно или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда то одна половина можетъ веселиться, а другая, разиня рогъ, будетъ ожидать повелѣній или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ, какъ ее за носъ водятъ... Итакъ, по сему правилу, любезная Безстыда, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ тобою умные мужья не подъ пару“. „Сему то правилу и я бы желала слѣдовать“, ска-

[1] Простякъ.

зала Безстыда," но, къ несчастію, мои старики совсѣмъ не такого мнѣнія о супружествѣ, какъ твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостію, еслибъ добрая моя мадамъ не помогала мнѣ ихъ обманывать столько, сколько мнѣ угодно, и я признаюсь," продолжала она, „что съ тѣхъ поръ, какъ французы взяли подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подъ присмотромъ искусной француженки въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, съ тою притомъ разницею, что, насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама, будучи поставлена на такой ногѣ моею надзирательницею, съ терпѣливостію сносила скучные годы моего дѣвичества; но съ того времени, какъ она отъ насъ отошла, почувствовала я всю строгость родительскаго присмотра, и съ великою нетерпѣливостію жду какого бы то ни было жениха, надѣясь, что супружество, по крайней мѣрѣ, облегчитъ мою неволю". „Не думаешь ли ты", перехватила Неотказа, „что мнѣ болѣе твоего оказываютъ потворства? О, какъ же ты мало знаешь мою матушку! Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ строже этой хрычовки; вообрази себѣ, что она въ день не отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа, и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ Лицемѣровымъ читать молитвы. Признаться надобно, что я не теряла изъ сихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но со всѣмъ тѣмъ тайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя, какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери: дочери гораздо

легче обмануть самаго строгаго отца, нежели мать, которая сама прохотила всю школу свѣта и, помня старину, знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Если жъ она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это, конечно, не отъ того, чтобъ не знала къ тому способовъ, но или лѣнится, или не имѣетъ времени, протверживая очень часто сама веселые зады любовной азбуки". „Ха, ха, ха! какъ ты злорѣчива", говорила со смѣхомъ Безстыда, „ты не щадишь и своей матушки!". — „Вотъ какое дурачество! щадить мать!" отвѣчала Неотказа, „эти старушки думаютъ, что онѣ только одни могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихъ рождены сидѣть въ конуркахъ, поститься вмѣсто ихъ и молить за ихъ грѣхи. О! нѣтъ, я всегда вела себя на такой ногѣ, что мнѣ не только за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени; да и впередъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущій мужъ, не натѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупой мужъ, любезная Безстыда, въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной женщины служитъ не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно быть слѣпою, если не разсмотрѣть, что мой Припрыжкинъ глупѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ; что жъ касается до его лица, то каковъ бы хорошъ женихъ невѣстѣ ни казался, но недѣлю спустя послѣ свадьбы навѣрное всякой мущина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа. Трудно не видѣть, что всѣ мущины не для чего иного ищутъ дружества мужа, какъ желая покороче свести знакомство съ женою; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя принимаетъ онъ за знакъ уваженія къ нему; они за нею машутъ,[1]

[1] Ухаживаютъ.

а онъ тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ, почитая ее второю Лукреціею, восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію. Надѣясь на ея сердце, онъ спокойно ее оставляетъ и дѣлаетъ ей многія измѣны, почитая однѣхъ только женщинъ обязанными къ постоянству; однимъ словомъ, онъ во всемъ ей вѣритъ, почитаетъ ее слѣпою въ разсужденіи своихъ поступокъ и допускаетъ своихъ друзей стараться развращать ее въ ея мнимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя, не имѣть глазъ, чтобъ не видать всего этого, и надобно имѣть каменное сердце, чтобы симъ не пользоваться. Да полно, я на себя не буду пенять въ семъ случаѣ: я уже давно расположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ только такой простячокъ, которой бы назывался моимъ мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезной мой Припрыжкинъ, право, кажется, можетъ быть мужемъ всякой умной женщинѣ. Изо всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго человѣка. Кажется, онъ болѣе занятъ своими пряжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мнѣ подастъ добрую надежду, что онъ чаще будетъ смотрѣть за своею каретою, нежели за своею женою". — Послѣ сего продолжали онѣ съ язвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать всякую черту бѣднаго Припрыжкина. Молодая Неотказа выдумывала планы своему хозяйству; назначала изъ мужчина гусара, малаго росслаго и довольно пригожаго, сдѣлать главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному Припрыжкину не только не удастся съ танцовщицею подѣлиться

женинными доходами, но едва ль и своими собственными вѣми пользоваться ему дозволятъ.

Онѣ бы еще долѣе продолжали свои разсужденія, еслибы не вскочилъ въ комнату молодой господчикъ, одного покроя съ Припрыжкинымъ: тупей [1] его наполнилъ новымъ благоуханіемъ всю комнату, блестящія пуговицы умножили въ ней свѣтъ, и казалось, что сама Арахна [2] трудилась надъ его манжетами.

— Жестокая! сказалъ онъ Неотказѣ, такъ ты мнѣ измѣняешь, и мой ривалъ [3] предпочтенъ мнѣ, въ то время, когда я уже совсѣмъ разорился на щегольство, единственно для того, чтобы тебѣ нравиться!

— Перестань дурачиться, любезный Промотъ!— сказала Неотказа: ты подымешь въ моей головѣ вапоры [4] своими восклицаніями . . . — Ты право самъ не знаешь своихъ выгодъ, когда жалѣешь о томъ, что я выхожу за Припрыжкина.

— Нѣтъ, невѣрная, отвѣчалъ съ досадою ея любовникъ: мнѣ уже не жаль тебя; но жаль своихъ грехъ тысячъ душъ крестьянъ, которыя проденаписировалъ [5] я на то, чтобъ тебѣ угождать, надѣясь загладить нѣкогда сей убытокъ твоимъ приданымъ. Познай, безчеловѣчная,—продолжалъ онъ съ трагическимъ восклицаніемъ, показывая ей правую руку, усѣянную перстнями: познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село Остатково; на ногахъ ношу я двѣ деревни, Безжитову и Грабленную; въ

[1] Часть парика (накладка спереди или на макушкѣ).

[2] Слишкомъ возгордившаяся толкостью своего тканья Арахна была обращена въ паука.

[3] Соперникъ.

[4] Ипохондрію.

[5] Израсходовалъ, прожилъ.

этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое мое село Частодавано; карета моя и четверня лошадей напоминаютъ мнѣ прекрасную мою мызу Пустынку; словомъ, я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекруты, дворовыхъ. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь платишь мнѣ невѣрностію; но какою еще невѣрностію, жестокая! Я бы тебѣ позволилъ тысячу разъ мнѣ измѣнить, но только бы не выходить за другого.

— Ахъ! какъ же ты скученъ,—отвѣчала Неотказа,—ты пришелъ меня уморить своими выговорами. Замѣть, любезный Маликульмулькъ, что подруга ея давно уже вышла). Скажи, пожалуй, какія находишь ты выгоды въ нашемъ супружествѣ? Подумай, можно ли мнѣ однимъ моимъ приданымъ содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, если я награжу твой убытокъ изъ Припрыжкинаго имѣнія. Ты дурачишься, жизнь моя, если не хочешь пользоваться его доходами, имѣя столько разума, что можешь не съ однимъ мужемъ дѣлиться. Оставь, пожалуй, свой томной видъ, и подумай лучше, какъ бы поскорѣй послѣ нашей свадьбы познакомиться съ моимъ мужемъ: онъ, право, человѣкъ неопасной, и мы можемъ съ тобою такъ же быть счастливы, какъ были прежде; бѣда только вся въ томъ, что я не буду твоею женою, но это не такъ то жалко: вѣдь жена не всякая приноситъ съ собою чины мужу, а мнѣ мой мужъ приноситъ вѣрную выгоду называться графинею.

— Итакъ, ты мнѣ не измѣнишь! вскричалъ съ радостію Промотъ: — ты меня любишь! Когда такъ,

то, пожалуй, выходи за Прилыкина; послѣ этого объявленія никакой мужъ мнѣ не страшенъ ... Любезная Неотказа! теперь я познаю, что ты рѣдкая женщина въ постоянствѣ.

— Конечно,— отвѣчала Неотказа,—будь увѣренъ, жизнь моя, что мужа я всегда имѣть намѣрена; но тотъ, кто мнѣ милъ, никогда не будетъ моимъ мужемъ. Если-бъ я и овдовѣла, то ты не прежде можешь назвать меня невѣрною, какъ развѣ тогда, когда предложу я тебѣ мою руку: это будетъ ясный знакъ, что мнѣ уже не ты, но одно твое имя нужно". Послѣ сего увѣренія она доказывала всѣми способами къ нему свою любовь, и старалась, какъ могла, его утѣшить.

„Бѣдные мущины!" думалъ я самъ себѣ: „вотъ та власть, которая, по вашему мнѣнію, дана вамъ природою надъ женщинами, и вотъ вѣрность, которую вы имѣете право отъ нихъ требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего иного выходятъ за васъ замужъ, какъ для того, что вами страстны и желаютъ спокойствія подъ вашими законами. Продолжайте думать, что имъ необходимы подобные мужья, чтобъ предводительствовать ихъ слабымъ умомъ и утушать въ нихъ худыя склонности; и что онѣ въ васъ ищутъ пріятныхъ друзей, нѣжныхъ отцовъ и вѣрныхъ любовниковъ. Продолжайте наслаждаться столь лестною мечтою, а между тѣмъ рабствуйте имъ, нимало не примѣчая своихъ оковъ. Думайте, что вы ихъ господа, и будьте ихъ игрушкою. Говорите, что ихъ жизнь и счастіе отъ васъ зависитъ, но въ то же самое время просите отъ нихъ робкимъ взоромъ своего счастія, а иногда и самой жизни. Не показываетъ ли вамъ сей примѣръ, что онѣ не для чего иного ищутъ носить ваши имена,

какъ желая употреблять оное во зло, чтобъ избавиться отъ строгости родителей, которые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святостію свой долгъ, если дочь ихъ до замужства была честною дѣвушкою, и никогда не заботятся о томъ, чтобъ была она честною женою; а молодыя женщины, сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бываютъ развратителями ихъ добродѣтели. и я не знаю, почему мущины не почитаютъ себя столько же обязанными въ вѣрности, сколько требуютъ того отъ женщинъ. Кажется, всякой мужъ своими поступками говоритъ своей женѣ: „Ты не столь пылкаго сложенія, какъ я; твой разумъ основательнѣе моего; ты не такъ легковѣрна и скора; сердце твое не такъ нѣжно, и чувства твои не столь склонны къ утѣхамъ; а для того то ты должна подавать мнѣ примѣръ въ вѣрности и извинять тысячу измѣнъ, которыя я тебѣ дѣлаю, слабостію и легкомыслiемъ моего пола, и приписывать то свойственной всякому мущинѣ вѣтрености“. Вотъ что думаютъ и говорятъ мущины; но едва ль не женщины имѣютъ право это сказать.

Я еще продолжалъ мои разсужденія, какъ вдругъ вошла въ комнату мать Неотказы, и очень была не довольна гостемъ, котораго застала у своей дочери. Онъ не замедлилъ выйти и оставилъ бѣдную Неотказу съ своею матерью. Я опасался, чтобъ не послѣдовало какого жалостнаго явленія; но дѣло все прошло очень тихо. Горбура [1] только побранила свою дочь и дала ей свои материнскіе совѣты въ разсужденіи ея поведенія.

---

[1] Срв. комедію Крылова „Бѣшеная семья“.

„Не стыдно ли тебѣ“, говорила она ей, „что въ твои лѣта ты такъ глупа, какъ ребенокъ, и наканунѣ своей свадьбы дѣлаешь такія дурачества, которыя могутъ и тебя и мать твою ввести въ великія хлопоты? Такое ли давала я тебѣ наставленіе? Не говаривала ли я тебѣ, что ты до замужства должна быть ангеломъ, а послѣ того будь хоть дьяволомъ, если захочешь: тогда уже ничто тебѣ не грозитъ вѣкъ засидѣться въ дѣвкахъ; къ счастію, что твой женихъ теперь, танцуя, давно позабылъ о тебѣ, что ты ушла изъ комнаты: ну, еслибы онъ, примѣтя это, вздумалъ подозрѣвать, пошелъ бы сюда за тобою и нашелъ бы тебя съ товарищемъ, которой и лучшему мужу можетъ подать подозрѣніе: посуди, что бъ изъ этого вышло? Ты была бы оставлена; свадьба бы ваша разорвалась, и намъ всѣмъ нанесло бы это стыдъ и безчестіе. Любезная Неотказушка, я люблю тебя; но, воля твоя, до замужства не дамъ тебѣ шалить. Покуда ты въ дѣвкахъ, то я за тебя отвѣчаю; вышедши замужъ, дѣлай себѣ, что хочешь, тогда уже никто меня не можетъ упрекнуть въ твоемъ поведеніи, и каково бы оно ни было, мущины всѣ тебя извинятъ, а изъ женщинъ однѣ только твои соперницы поносить тебя станутъ. Мы сами бывали молоды; но въ старину всегда болѣе разсчету держались: тогда дѣвушку до ея замужства рѣдкіе видали, и всякая изъ нихъ не выѣзжала изъ двора иначе, какъ развѣ показать свою набожность. Впрочемъ, мы сиживали дома по десяти мѣсяцовъ, въ которые и Богъ знаетъ, что съ нами дѣлывалось; однакожъ со всѣмъ тѣмъ ко всякой изъ насъ сватывалось множество женіховъ: столько то мы казались добродѣтельными; а въ нынѣшнемъ свѣтѣ такъ, право, и самая честная женщина кажется подозрительною.

Я было тебя совѣмъ по старинѣ воспитывала и радовалась, что слышала о тебѣ многія похвалы, которыя не давала тебѣ опровергать твоею вѣтреностію, и хотя ты, можетъ быть, не всегда была ихъ достойна, но самолюбіе мое, извиняя слабость нашего пола, довольствовалось и тѣмъ, что публика была о тебѣ хорошаго мнѣнія, которое чуть было ты ньнѣ не истребила своею неосторожностію. Воздержись, любезная Неотказа! тебѣ еще восьмнадцать лѣтъ; подумай хорошенько, что ты завтра будешь самовластною госпожею, и можешь наградить тѣ скучныя семь лѣтъ, въ которые, можетъ быть, чувствительно тебѣ было мое надзираніе, тридцатью годами и болѣе веселой жизни". Неотказа, поблагодаря свою добренькую матушку за такіе спасительные совѣты, обѣщала ей вѣчно быть добродѣтельною, и обѣщала то съ такимъ жаромъ, который и меня увѣрилъ, что она двадцать восемь часовъ не перемѣнитъ своего слова. Послѣ сего онѣ вышли изъ комнаты къ гостямъ, которые едва примѣтили ихъ приходъ, равно какъ и выходъ.

Лишь только окончились свадебные обряды, какъ Неотказа, воспитанная въ экономіи, вздумала принять въ свое правленіе домъ. Припрыжкинъ, почитая въ ней простую женщину, которая займетъ у него мѣсто клюшницы, былъ ей радъ, какъ кладу; но она такъ, какъ исправный казначей, умѣла пользоваться своимъ мѣстомъ, и я увидѣлъ, что онъ очень ошибся въ двадцати тысячахъ, которыя обѣщалъ танцовщицѣ. Изъ экономіи, всякая истраченная имъ полушка исправно ставится на счетъ, и бѣдный Припрыжкинъ очень дурно получаетъ свои доходы: Неотказа ласковыми своими съ нимъ поступками и своимъ противъ его приворотомъ довела его до того, что онъ ей

не смѣетъ и заикнуться о большихъ деньгахъ, и не рѣдко очень негодуетъ на ея экономію, между тѣмъ какъ она не только свои, но и его доходы дѣлитъ по полямъ съ Промотомъ, которой вкрался къ Прирыжкину въ совершенную дружбу.

„Ну, любезный другъ!“ сказалъ [1] я ему недавно, „доволенъ ли ты теперь своею женитьбою?“— „Нѣтъ, чортъ меня возьми“, — отвѣчалъ Прирыжкинъ: „я нимало ею не доволенъ; я думалъ получить въ женѣ молодую женщину нынѣшняго свѣта, которая бы съ удовольствіемъ мнѣ помогала проживать имѣніе, но судьба наказала меня самою скучною половиною. Моя жена воспитана въ предразсужденіи женщинъ; она за грѣхъ ставитъ издержать лишнюю копѣйку; по ея мнѣнію, самое святое дѣло есть то, чтобъ избѣгать роскоши, быть вѣрною и усердною къ своему мужу, и беречь, чтобы и онъ ей былъ вѣренъ; а это заставляетъ ее часто удерживать меня дома, ибо съ красотою моею, какъ она говоритъ, въ нынѣшнее время очень опасно показываться въ обществахъ, когда женщины ищутъ всѣхъ способовъ соблазнять мущинъ: итакъ, въ ея угодность я нерѣдко просиживаю по цѣлому дню дома, между тѣмъ какъ она объѣзжаетъ богатѣлыхъ и больныхъ своихъ знакомыхъ; часто усердіе доводитъ ее до такого восторга, что она пріѣзжаетъ домой вся въ поту и съ помутившимися глазами; я, право, боюсь, чтобъ подлѣ ея и я не сдѣлался набожнымъ. Впрочемъ, я ею доволенъ, и по крайней мѣрѣ надѣюсь, что мой лобъ избавленъ отъ общей участи почти всѣхъ мужей нынѣшняго вѣка“

Вотъ что говоритъ Прирыжкинъ о своей женѣ, лю-

[1] Въ подлинникѣ „сказала“—конечно, опечатка.

безный Маликульмулькъ, но ты можешь отгадать, вѣрю ли я его словамъ и набожности его любезной супруги.

Письмо XXIV.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку. [1]

Примѣчено мною, почтенный Маликульмулькъ, что въ гражданскомъ обществѣ всего легче дается людямъ такое названіе, которое очень немногіе изъ нихъ заслуживаютъ, и которое должно бы быть больше уважаемо, ежели бы люди поприлежнѣе размышляли о потребныхъ для сего названія достоинствахъ. Люди всего чаще говорятъ: вотъ честной человѣкъ, а всего рѣже можно найти въ нынѣшнемъ свѣтѣ такого, который бы соотвѣтствовалъ сему названію.

Великая разность между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ. Первый есть человѣкъ мудрый, который всегда старается быть добродѣтельнымъ, и честными своими поступками отъ всѣхъ заслуживаетъ почтеніе; а другой не что иное, какъ хитрый обманщикъ, который подъ притворною наружностію скрываетъ въ себѣ множество пороковъ, или человѣкъ совсѣмъ нечувствительный и безпечный, который хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія. Я въ томъ согласенъ, почтенный Маликульмулькъ, что приличнѣе называть честнымъ человѣкомъ того, который содержитъ себя въ равновѣсіи между добромъ и зломъ, нежели того, который явно предается всѣмъ порокамъ; но онаго еще не довольно для полученія сего названія, чтобъ не дѣ-

[1] По тону и содержанію очень напоминаетъ сочиненія Радищева.

лать никому зла и не обезславить себя безчестными поступками, а истинно честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе.

Ежели разсмотрѣть прилежнѣе, мудрый Маликульмулькъ, различныя состоянія людей и войти въ подробное изслѣдованіе всѣхъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, которымъ люди нынѣшняго вѣка часто себя порабощаютъ, и кои причиняютъ великій вредъ общественной ихъ пользѣ, то можно увидѣть очень многихъ, которымъ щедро дается названіе честнаго человѣка, а они нимало того не заслуживаютъ.

Придворный, который гнуснымъ своимъ ласкательствомъ угождаетъ страстямъ своего государя, который, не внемля стенанію народа, безъ всякой жалости оставляетъ его претерпѣвать жесточайшую бѣдность, и который не дерзаетъ представить государю о ихъ жалостномъ состояніи, страшась притти за то въ немилость, можетъ ли назваться честнымъ человѣкомъ? Хотя бы не имѣлъ онъ нималаго участія въ слабостяхъ своего государя, хотя бы не подавалъ ему никакихъ злыхъ совѣтовъ, и хотя бы по наружности былъ тихъ, скроменъ и ко всѣмъ учтивъ и снисходителенъ, но по таковымъ хорошимъ качествамъ онъ представляетъ въ себѣ честнаго человѣка только въ обществѣ, а не въ глазахъ мудрыхъ философовъ, ибо, по ихъ мнѣнію, не довольно того, чтобъ не участвовать въ порокахъ государя, но надлежитъ къ благосостоянію народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вредъ отечеству, хотя бы чрезъ то долженъ онъ былъ лишиться милостей своего государя и быть навсегда отъ лица его отверженнымъ.

Богачъ, который неусыпными стараніями, съ изнуреніемъ своего здоровья, собралъ неисчетное богатство и наполнилъ сундуки свои деньгами, не подавая бѣднымъ нималой помощи, хотя всѣ сіи сокровища пріобрѣлъ позволенными способами однакожъ честнымъ человѣкомъ назваться можетъ только въ обществѣ, въ глазахъ же философа почитается онъ скупцомъ и скрягою, нималаго почтенія честныхъ людей недостойнымъ.

Мотъ, который расточаетъ свое имѣніе съ такою же прилежностію, съ какою скупой старается его сохранять; который то употребляетъ на роскошь, что долженъ бы былъ употреблять на вспоможеніе несчастнымъ; который живетъ въ изобиліи, не чувствуя нималаго сострадація къ бѣдности многихъ отъ голода страждущихъ, коимъ могъ бы онъ сдѣлать не малую помощь, -такой безумный расточитель ежели на роскошь свою употребляетъ только свои доходы и не имѣетъ на себѣ долговъ, въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ, но философы такимъ его не почитаютъ, а онъ въ глазахъ ихъ хуже дикихъ варваровъ, которые и о скотахъ болѣе имѣютъ сообользованія, нежели онъ о подобныхъ себѣ человѣкахъ. Надменный вельможа, думающій о себѣ, что знатное его рожденіе дало ему право презирать всѣхъ людей, и что, будучи сіятельнымъ и превосходительнымъ, не обязанъ онъ оказывать никому нималаго уваженія и благосклонности, если платитъ хорошо своимъ заимодавцамъ, если не поступаетъ мучительски съ своими подчиненными, а только ихъ презираетъ, и если при исполненіи возложенной на него должности не притѣсняетъ народъ, правленію его вѣренный, то въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ, но философы почитаютъ его такимъ, который

поступками своими оскорбляетъ человѣчество; который, будучи надутъ гордостію, позабываетъ и самомалѣйшія добродѣтели; не познаетъ самого себя, и его безумное тщеславіе столь же порочно и предосудительно, какъ звѣрская лютость дикаго американца. Многіе разумные люди утверждаютъ, что гораздо сноснѣе быть умерщвлену, нежели презираему, ибо смерть оканчиваетъ всѣ мученія, а къ презрѣнію никогда привыкнуть не возможно, и чувствуемое отъ онаго мучительное оскорбленіе часъ отъ часу непрестанно умножается. Чѣмъ болѣе кто питаетъ въ себѣ благородныхъ чувствъ, тѣмъ сносимое отъ другихъ презрѣніе бываетъ для него мучительнѣе. Итакъ, сего высокомѣрнаго и гордаго вельможу должно почитать чудовищемъ, котораго Небо произвело на свѣтъ для испытанія добродѣтели и кроткой терпѣливости простыхъ людей, ему подчиненныхъ.

Въ обществѣ также называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя нимало въ подробное ихъ разсмотрѣніе; но философы не думаютъ, чтобъ единаго токмо старанія о скорѣйшемъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ было довольно для названія судьи честнымъ человѣкомъ; а, по ихъ мнѣнію, надлежитъ, чтобъ онъ имѣлъ званіе и способность, нужныя для исполненія его должности. Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ не знающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ почесться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ его почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться

отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! и еслибы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди, совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось.

Чтобъ быть совершенно достойнымъ названія честнаго человѣка, и чтобъ заслужить истинныя похвалы, потребно сохранять всѣ добродѣтели. И самый низкій хлѣбопашецъ, исполняющій рачительно должности своего состоянія, болѣе заслуживаетъ быть названъ честнымъ человѣкомъ, нежели гордый вельможа и несмысленный судья. Тотъ, кого называютъ честнымъ человѣкомъ, долженъ не только стараться дѣлать добро, но и при дѣланіи онаго пріемлетъ надежнѣйшія мѣры: онъ прилежно себя испытываетъ, перемѣняетъ свои поступки, ежели хотя немного что примѣтитъ въ нихъ предосудительнаго, и слагаетъ съ себя всѣ знатныя и важныя должности, сколько бъ ни были онѣ для него драгоцѣнны, какъ скоро примѣтитъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ потребныхъ къ тому способностей и не можетъ возложенныхъ на него должностей исполнять съ пользою.

Итакъ, видя, сколь немногіе люди заслуживаютъ истинное названіе честнаго человѣка, надлежитъ не только удивляться, но и соболѣзновать о всемъ родѣ человѣческомъ, который по природѣ порабощенъ столь великимъ слабостямъ. Люди должны бы стыдиться бѣдственнаго своего состоянія, что въ свѣтѣ между ними столь мало находится истинно добродѣтельныхъ и достойныхъ заслуживать отъ философовъ названіе честныхъ людей. По справедливости надлежитъ сказать, почтенный Маликульмулькъ, что гораздо болѣе таковыхъ можно найти въ простыхъ

людяхъ, не прилѣпленныхъ ни къ придворной, ни къ статской, ни къ военной службамъ, ибо, будучи обременены немногими должностями, гораздо менѣе имѣютъ они затрудненія учиниться истинно честными людьми. Сколько благополученъ тотъ, кто, подобно тебѣ, почтенный Маликульмулькъ, затворясь въ своемъ кабинетѣ, бесѣдуетъ съ искренними своими друзьями, коихъ у него весьма мало; живетъ доволенъ своею участію и не завидуетъ знатнымъ чинамъ, кои рѣдко бываютъ сопряжены съ истиннымъ достоинствомъ, и въ коихъ почти невозможно совершенно исполнять всѣхъ нужныхъ добродѣтелей, потому что въ знатныхъ чинахъ требуется оныхъ великое множество.

Конецъ второй части.

Лит 5742

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
37	16 сн.	ma chere	ma chère
37	1 „	ma chere	ma chère
75	14 „	какій	какой
75	14 „	робкой	робкій
75	14 „	какій	какой
92	8 св.	проситъ	проститъ
95	1—2 сн.	упоинаетъ	упоминаетъ
132	13 св.	которой	который
319	16 „	любой	любской
459	4 „	женидьбы	женитьбы

W21627

Л30 Б-1/12-2